

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ОЛЬГА ШВЕЦОВА
НИЧЕЙ



FUTURE CORP.

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

2035



СКОРО

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ОЛЬГА ШВЕЦОВА

**МЕТРО 2033:
НИЧЕЙ**



**АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш35

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский

Оформление обложки — Яна Половцева

Карта — Леонид Добкач, Илья Волков

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Швецова, Ольга Сергеевна.
Ш35 Метро 2033: Ничей / Ольга Швецова. — Москва : АСТ, 2015. —
352 с. — (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-087917-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Бывает так, что пуля, которой предназначено оборвать твою жизнь, уходит в небо. Но для всех на свете — и даже для себя самого — ты мертвец. Тебя вычеркнули из всех ведомостей, планов и схем, тебя никто не берет в расчет. Ты — ничей: ни имущества, ни дома, ни имени, ни любви, ни ненависти, ни цели. Да и страха тоже давно уже нет. Ведь ты знаешь: смерть вовсе не передумала. Она просто взяла отсрочку..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д.А. Глуховский, 2014
© О.С. Швецова, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-087917-5

О ЧЕМ МОЛЧАТ ЖЕНЩИНЫ

Объяснительная записка

Вячеслава Бакулина

Однажды в нежном шестнадцатилетнем возрасте в плацкартном купе поезда «Москва–Санкт-Петербург» из уст подвыпившего попутчика я услышал аксиому, которая здорово изменила мою картину мира. Как и положено истине, не требующей доказательств, аксиома звучала кратко, ёмко и обладала сокрушительностью неожиданного удара ногой в живот.

«Женщины любят негодяев».

«Какая чушь! Быть такого не может!» – с юношеским максимализмом приличного молодого человека, хорошиста и пионера, не ставшего комсомольцем лишь по воле произошедших в стране перемен, подумал тогда я. Сам себя негодяем я, разумеется, не считал, из чего следовал немудреный логический вывод совершенно в духе Аристотеля: меня женщины любить не будут. А в шестнадцать лет даже допустить такое смерти подобно.

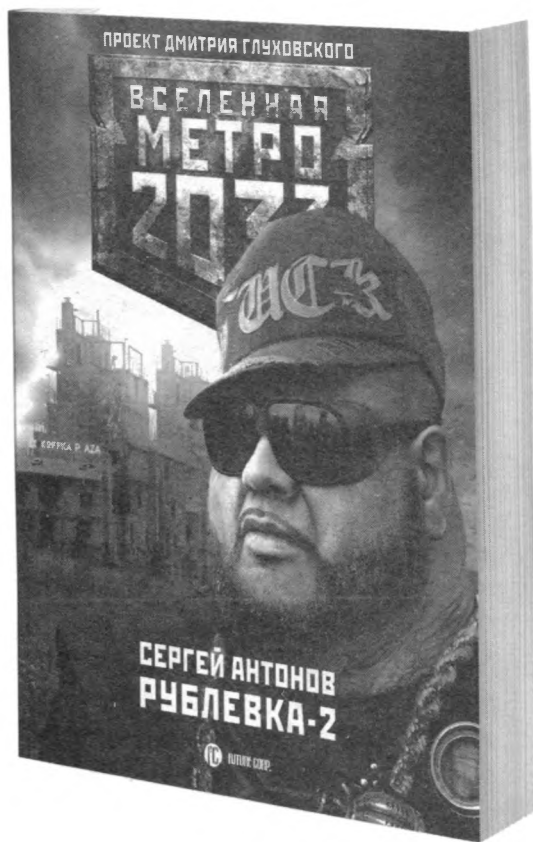
Со временем я понял, что заблуждался. Во-первых, потому, что в то время ошибочно определял свой элаймент как *lawful good*. Во-вторых, тот дядька был прав. И то, что многие женщины его слова с возмущением опровергнут, будучи неспособными признаться в очевидном даже самим себе, решительно ничего не решает.

Впрочем, тут есть нюансы.

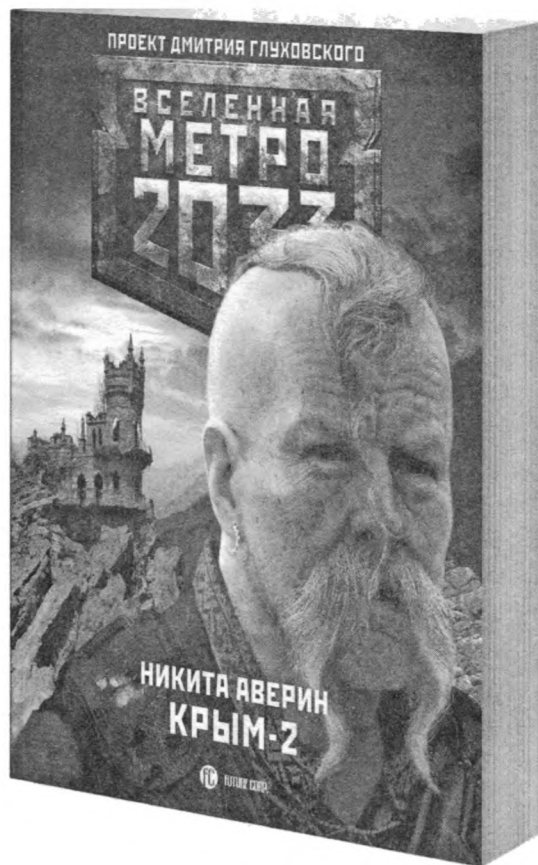
В своих рассуждениях я предпочитаю исходить от противного и уточнить: как раз тех самых «абсолютно законопослушных добрых» (в переводе для тех наших читателей, кто не увлекался AD&D и прочими RPG) женщины в массе своей НЕ любят. Ибо на практике это частенько означает правдоруба и зануду, обладающего гибкостью телеграфного столба, со скверным чувством юмора, достающего всех «экспертной» позицией решительно по всем вопросам и

высокоморальными нравоучениями, граничащими с ханжеством. Неустроенного в жизни и неспособного не то что карьеру сделать, но и просто добиться поставленных целей или хотя бы сказать твердое «нет» любителям таскать каштаны из огня чужими руками. В результате у него вечные проблемы с деньгами, а порой – и с тем самым законом, который он же сам столь ярко отстаивает (поскольку отстаивает его букву в ущерб духу и просто здравому смыслу). Наконец, пользуясь определением моей супруги, вокруг таких людей редко бывает «движуха». Девы же страсть как не любят скучать. Да и потом, несмотря на весь накрученный вокруг них романтически-легкомысленный флер, они существа гораздо более рациональные и по-хорошему прагматичные, чем мужчины. Должно быть, все дело в пресловутом материнском инстинкте, заблаговременной заботе о благополучии пусть даже гипотетического потомства.

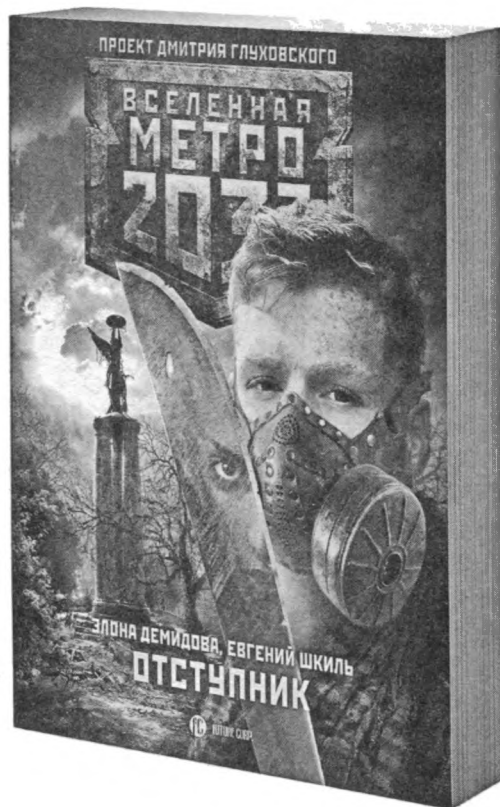
Не думаю, что наша «Вице-мисс Вселенной» Ольга Швецова задумывалась об этом всем, когда писала свою дебютную книгу и чертила любовный треугольник, состоящий из Дениса Пищухина, Елены Нестеровой и Алексея Колмогорова. Вот Денис-то как раз вышел почти гипертрофированным «хорошим мальчиком», в результате все симпатии читателей (уж читательниц – точно) достались «плохишу» Алексею. «Главгаду» – как именует его сама создательница. И кто слышал, с какой мечтательно-нежной интонацией Ольга произносит это слово, тот меня поймет. Значит ли это, что она оправдывает поступки своего героя, многие из которых ужасны, как ни крути? Не думаю. Значит ли, что Алексей не имеет право на сочувствие или недостоин быть героем? Также сомневаюсь. По крайней мере, ничуть не в меньшей степени, чем премного любимые женщинами негодяи Энекин Сайуокер, капитан Джек Воробей и Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей...



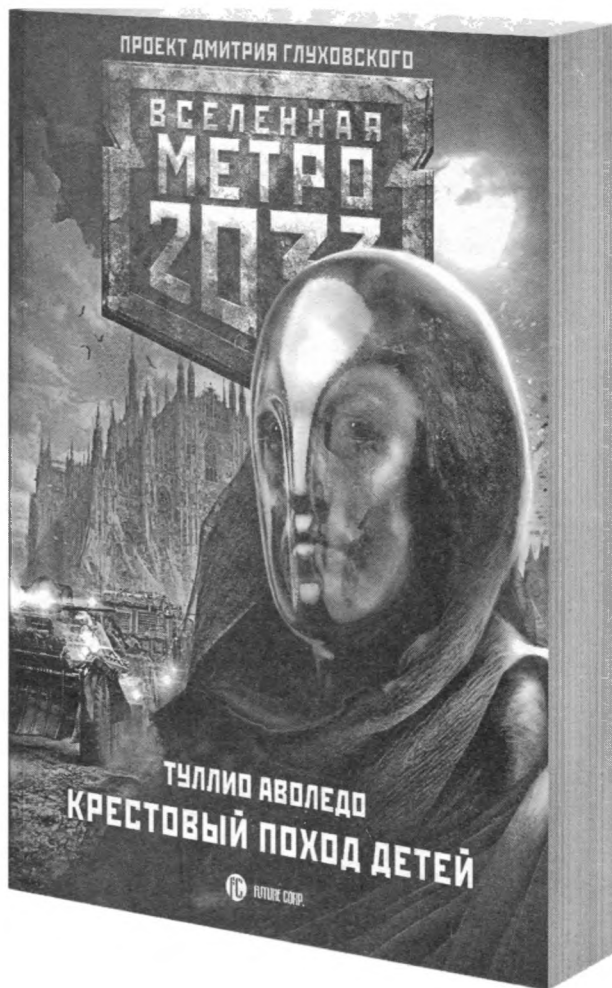
Захватить власть — куда легче, чем удержать ее. С этим очень скоро сталкиваются все без исключения революционеры. Не стали исключением и Юрий Корнилов сотоварищи, возглавившие переворот в Рублевской Империи. Разумеется, бывшие «хозяева жизни» не собираются мириться с властью военных и гостей, и на Рублевке зреет заговор. А тут еще всеведущий и таинственный Конструктор, и старые враги из Метро, да и дьявольский генератор Сфумато по-прежнему представляют нешуточную опасность для всех носителей разума. Но, как говаривал классик, «вослед врагам всегда найдутся и друзья»...



Казацкие разъезды бесследно исчезают в Степи. Во дворец крымского хана в Бахче-Сарае прокрались диверсанты. Питьевые колодцы Союза Вольных Городов отравлены. Все чаще на улицах Симферополя мелькают рясы приверженцев Серого Света. Все жители острова сходятся в одном — в своих несчастьях они винят клан листонош. Бывшие враги стали друзьями, а верные друзья совершают предательства. Крым превратился в остров головорезов. Вот и думай, что важнее: очистить доброе имя клана или попытаться найти секретные бункеры возрождения? В любом случае, одним листоношам против всего Крыма не выстоять...



Когда огонь Последней Войны опалил землю, умерло многое: прежний мир и прежние ценности, прежние боги и прежние люди. А немногие выжившие, как это часто бывает, с радостью отринули старое во имя нового. Но история человечества — змея, кусающая себя за хвост. Слишком уж часто новое — это хорошо забытое старое, и ничуть не реже это старое действительно стоило забыть. И вот уже на берегах Азовского моря возрождаются традиции древней Спарты, а в городе, чуть было не ставшем столицей Российской империи вместо Санкт-Петербурга, встает заря нового человечества. Только вот нового ли?..



История движется по спирали — и Милану грозит новый атомный апокалипсис, а дети опять собираются в безнадежный крестовый поход. Есть ли у них шанс или, как прежде, религиозные фанатики ведут их на бессмысленную бойню? Кто истинные монстры — мутанты, захватившие разрушенный Милан, или люди, укрывшиеся под ним? Есть ли место богу там, где вера сгорела в ядерном пламени, и на чьей он стороне?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЫЖИВАНИЕ

ГЛАВА 1

ЦЕНА СВОБОДЫ

Выстрел за спиной заставил вздрогнуть и остановиться. За ним не последовало ничего... Ничего, кроме удаляющихся шагов конвоиров. Алексей продолжил идти вперед, лишь за деревьями оглянувшись – поляна опустела. Второй шанс? На что же? И для кого? Нет, его снова используют, Совет не проявляет милосердия, он действует только во благо самому себе. Или это было решение не Совета? Прощитать нового Главного труднее – старик замкнут, словно могильный склеп! Еще не всю пользу выжали из бывшего Привратника, еще чего-то требуют... «Значит, Колмогоров годится не только на удобрение», – усмехнулся Алексей. Но тогда могли бы позаботиться о нем получше. Он выживет, сомневаться нечего. Самостоятельность и подвела, слишком хорошо об этом знают там внутри, за гермоворотами. Где же тогда командировочное предписание? Только туман и тишина после выстрела, да еще скрежет закрытой створки. Но ведь можно открыть другую... Второй бункер находился совсем рядом, там можно отсидеться и осознать, что не умер. Менять смерть на тюрьму Алексей не стремился: запертый под землей, он потеряет свободу, защита и кормежка не прельщали настолько, чтобы броситься к ним, не раздумывая.

Подарок сегодня выдали только один – жизнь. Нет, кажется, их все-таки два... Не распознать эту фигурку в ОЗК Алексей не мог. Значит, всё напрасно! Девочка не останется в бункере, и он не сможет по-

мочь ей, как пытался это сделать, совершенствуя системы защиты. Она сделала выбор. Бесстрашно, но так глупо!

Лена... Девушка огляделась, как и положено сталкеру по инструкции, оружие на боевом взводе. Ближе к ней не подойти – автомат приготовлен и по его душу. Если ей не пришлось выстрелить в оружейном хранилище, то теперь Леночка может и не задуматься, уже отобрала жизнь Алексея вместо своей. Поняла ли она? Если эта жертва никому не понадобилась, то точно не по его вине, все же надеялся хоть на какую-то благодарность.

Туман накрывал просеку, девушка долго вглядывалась в деревья на противоположной стороне. Бесполезно, столь желаемого трупа там все равно нет. Алексей смотрел на нее. Она уходит и больше не вернется сюда. Уходит с... этим! Денис остался единственным, кому она небезразлична, единственным живым, потому что сам Алексей уже формально умер, и только один из Привратников знает, почему еще можно дышать, двигаться... Нет, двигаться нельзя. Елена смотрит прямо на него. И хочется отогнать рукой эти белые слои тумана – ее плохо видно! Она сделала шаг в сторону, осторожно, держа автомат наготове. Еще шаг. Алексей шел вслед за ней, невидимый за кустами. Нельзя отпустить ее одну. А не одну – тем более! Да, он сам просил Дениса позаботиться о Леночке, но когда это было-то?! Обстоятельства изменились, и договор потерял силу. К тому же, именно Лена сейчас бежит за ним, боясь снова оставить в одиночестве.

Алексей проводил Елену до места встречи с Денисом. Не самой дружеской выглядела эта встреча, но дорога примирит их. На что теперь может рассчитывать он сам? Нет непреодолимых препятствий. Непоправимо лишь то, что он причинил ей боль. Об этом Алексей действительно сожалел: жесткие мужские игры не для девушек. И ничто не сможет вернуть ему Леночку, кроме нее самой. Ее прощение... Сложная задача, но тем интереснее попытаться ее решить. А для этого нужно быть рядом, как раньше, как всегда. Но не сейчас. Он пока не готов... Не готов оставить в живых соперника, а еще одна смерть от его рук – смерть Дениса – сделает пропасть между ним и Леной совершенно непреодолимой! Поэтому Алексей остался на месте, когда два силуэта окончательно скрылись в тумане. Казалось, это навсегда... Мозг лихорадочно искал решение: что сделать, что изменить, как действовать?! Тело сохраняло неподвижность, инстинктивно определившись с выбо-

ром, – трупам девушки не нужны. И мстить московскому сталкеру за собственные ошибки было глупо. Разве что просто стереть его с лица земли, как большую ошибку!

Алексей чувствовал, как каждый вдох отравляет его, каждый шаг по зараженной местности отбирает жизнь. Нет дозиметра. Зато есть память, места исхожены вдоль и поперек, он изучил радиационный фон на километры вокруг. Нужна защита. Нужно оружие. В городе у него есть схрон, но добраться туда... Немыслимо без комбинезона! Верная гибель. Он слышал каждый звук в ночи, каждый шорох... Предсмертный вопль раздался неподалеку – кажется, вспугнутый свинопод попался кому-то в когти. Алексей, в последний раз оглянувшись на гермоворота, направился на юг. Давно пора действовать самому, а не искать приюта в клетке бункера.

Туман, облепивший сначала со всех сторон, потихоньку рассеивался, ветерок с реки уносил его в сторону леса, Алексей теперь кожей чувствовал эти слабые дуновения, шел им навстречу, осторожно ступая по траве и иногда шарахаясь в сторону от вдруг появившихся перед глазами, как из-под земли выросших, обломков бетонных плит, сплошь устилавших аэродром. Чутье обязательно выведет к цели, если прислушаться и следовать его советам. Настоящий воздух, не отфильтрованный душным противогоазом, имел не только запах, но и вкус: сейчас хвойная терпкость почти исчезла, а до речной тины было еще далеко. Невидимый в тумане, в котором совершенно пропали все звуки, он шел на ощупь, чувствуя, что сможет идти еще очень долго... Кислород прибавил сил, хоть и иллюзорно, – на самом деле его содержание в атмосфере не повысилось. Алексей постарался хотя бы на время забыть об отсутствующем комбезе и получал удовольствие от неспешной прогулки в темноте. Не меньше трех часов прошло, прежде чем он смог различить впереди свет, яркий, белый, движущийся четкой полосой сквозь взвесь водяных капель. Алексей без труда обошел прожекторы, свет не коснулся его, да и остановись он хоть в центре круга, охрана на вышках ничего бы не заметила. Теперь в воздухе пахло речной водой, дымом и топливом, где-то рядом находились запасы солянки. Это уже не столь приятно, но на некоторое время придется задержаться у человеческого жилья. Только людям в этом мире нужна защита. Только у людей ее можно найти.

Свет прожекторов отражался в воде, из прибрежных кустов удобно было наблюдать, но с реки к крепости соседей не подобраться. Нужно ждать утра, когда кто-то выйдет за периметр. Кому не повезет сегодня? Ему или сталкерам? А может быть, именно сегодня ни один из них не покинет границы поселения, и придется ждать еще день. Еще ночь... Лучше не думать об этом.

Безоружный Алексей полагался только на силу своих рук. Самое трудное – заставить врасплох только одного и не дать ему выстрелить первым. А пока можно было наслаждаться летней ночью. Первой и последней, которую он проведет как настоящий житель поверхности. На несколько часов почувствовать себя хозяином здесь, а не тараканом, опасно бегущим из одного угла в другой. Увидеть мир собственными глазами, не сквозь стекла противогаза! Хотелось встать во весь рост и громко заявить о себе, какое-то первобытное чувство всколыхнулось в глубине души... И было подавлено разумом: теперь сторожа на вышках заметят его. Звериным инстинктам придется подождать утра, они пригодятся, потому что убивать голыми руками Алексей еще не пробовал, для этого нужно что-то большее, чем холодный расчет и ровный пульс. Наоборот! Стать хищником, необузданным и жестоким, потому что только такой и окажется сильнее человека. Хищник, не знающий пощады. Люди отреклись от него, значит, придется и ему навсегда отказаться от них. Он не такой, как они... Чужой и неуправляемый. Алексей чувствовал, как стремительно меняется что-то внутри, осыпается тонкий налет цивилизации. Выжить любой ценой – осталось только одно желание. Ему очень нужна эта человеческая шкура! Нужна химза. И он вытряхнет из нее первого же, кто попадетс под руку.

Люди вышли за ограду на рассвете; Алексей ждал их неподалеку и уже выбирал для себя комбинезон по росту. Сталкеры шли друг за другом на небольшом расстоянии, но среди невысокого кустарника теряли друг друга из виду. По мягкой траве можно было следовать за ними, не опасаясь, что услышат. Теперь главное размером ОЗК не ошибиться...

Ствол автомата сталкера плавно перемещался из стороны в сторону, сам он крутил головой, не забывая оглядываться, а Алексей чувствовал себя вовсе не зверем, играющим с беспомощной полуглухой

добычей. Не шурша теперь комбезом, вовремя отступая и угадывая немудреные предосторожности, заученные им самим будто в одной школе с этим бойцом, сейчас он почему-то вспомнил, как наблюдал за бывшим проводником Сергеем Мухиным, когда тот пил из кружки чай с почти безвкусным лекарством, добавленным туда в лошадиной дозе, ни о чем не подозревая, растрачивая на пустой приятельский разговор последние минуты жизни. Слишком легко и просто, человек так уязвим, когда полагается на крутой «ствол» или доверяет собеседнику! Алексей прогонял ненужные сейчас мысли, дело потребует не самообладания и хитрости, а силы. Да и медлить не нужно, пока отряд не собрался вместе и подкравшийся совсем близко, повторяющий за сталкером каждое движение убийца не попался кому-нибудь на глаза.

Обтянутый резиной затылок хрустнул под камнем, и человек упал вперед. Точнее, упал бы, но Алексей успел его подхватить и оттащить за куст. Сталкер еще слабо шевелился, пришлось одним движением сломать ему шею и затаиться. Двое прошли мимо, не заметив ничего: обостренное чутье на опасность заставило разглядить примятую траву. Когда шорох отдалился, он уложил на плечи человеческое тело и, стараясь не волочить его ногами по земле, с трудом понес через подлесок в сторону разбомбленной взлетной полосы. Уже слышались голоса, потерянного бойца звали по имени, его начали искать. Напрасно...

За обломками бетонных плит скрывались глубокие воронки от взрывов. Алексей бросил труп на землю и снял противогаз, заляпанный изнутри кровью. Пришлось долго оттирать красную, уже загустевшую жижу, прежде чем можно было надеть его на собственную голову, вдохнув напоследок сладкие ароматы леса... Отвратительное ощущение! Безвкусный и стерильный воздух с примесью крови. В бешенстве он ударил камнем по мертвому лицу. Не хотел даже видеть, чей противогаз сейчас на нем, бил еще и еще, уродуя лицо до неузнаваемости, покойнику-то уже все равно. Алексей спустился в яму, наполовину заполненную водой, стащив за собой раздетый до белья труп. Никто не будет искать тело здесь, да и не найдет, если обрушить край. Песок посыпался лавиной, погребая под собой и жертву, и палача. Тяжесть давила на спину, но рванувшийся изо всех сил Алексей все же успел выбраться, пока хватало воздуха. Мокрый песок укрыл все следы. Оставалось только замести свои собственные до границы травы. Глубоко закопано, даже мутанты не разроют могилу. И сам чуть не

остался там же; интересно, сколько раз ему еще удастся опередить смерть на секунду?

Не хватало настоящего воздуха и звуков. Теперь ему всегда будет не хватать этого! Все-таки он отравлен... Даже если остался относительно здоров. Огонь адреналина больше не бушевал внутри, но и не угас окончательно – какая-то искорка мерцала, не давая покоя, рассеивая тьму. Ведь даже хищнику нужна самка, правда?

Попастся на пути пятнистому кошаку в одиночку вовсе не хотелось. Алексей уважал этого зверя, но встреча с ним в очередной раз могла закончиться полной победой когтистой твари. О ее присутствии здесь говорила содранная кора и клочки меха, кто-то чесался тут изо всех сил о шершавые стволы, пометив территорию. Но в город кошка почти не заглядывает, поэтому среди пустых бетонных зданий Алексей несколько успокоился, до схрона оставалось пройти еще километр. Чтоб ему поближе место найти! Но разве угадаешь наперед? И не было в личных запасах самого необходимого – дозиметра. Не нашлось его у сталкера, нет и у Алексея... Теперь на километры вокруг никого. Ни украсть, ни позаимствовать столь нужный предмет! Зато патроны в запарке сохранились в целости. Запас консервов был невелик, но Алексей не чувствовал настоящего голода, хоть ничего не ел больше суток. Не зная, сколько времени предстоит еще путешествовать, он решил терпеть, сколько сможет. От жажды он погибнет раньше. Фляга сталкера, только что вышедшего за границу поселения, была полна, но ее не хватит на несколько дней.

Алексей вспомнил о лесных людях... Можно попытаться найти их по следам, они где-то недалеко, ни разу их пути не пересекались с людьми из бункера. Случайность? Нет, так не бывает... Просто они не открывались никому, много лет жили рядом и сохраняли тайну. Откроются ли ему сейчас? Уж точно водой не поделятся. Что же делать?!

Город лежал в руинах, более или менее сохранившиеся постройки чередовались с растертыми в пыль. Хорошо хоть ядерными мегатоннами не накрыло... Но все равно следовало торопиться, даже знакомые участки с фоном в пять рентген не радовали путника, а за границей старого города, за самолетом на постаменте, Алексей не бывал, фон там неизвестен. Ходить дальше просто не было смысла. Принадлежавшие МЧС хранилища, найденные и раскопанные, как угольная

шахта, давали сталкерам все необходимое – герметично упакованные пайки для пострадавших в природных катаклизмах и гуманитарная помощь очень пригодилась выжившим. Резерв использовался точно по назначению, снабжая два небольших поселения людей продовольствием и медикаментами. Только средств защиты от радиации там больше не было, они находились под замком и оберегались, как великая ценность, их не оставили и в пустом бункере, в который так легко проникнуть.

Ему не давала покоя мысль: во всем Жуковском должен найтись хоть один счетчик Гейгера. Ну, хоть один! Навязчивая идея преследовала, он не мог сосредоточиться на ходу, пришлось остановиться. Чувство голода становилось более мучительным, жажда давно была нестерпимой. Усталость валила с ног, но нельзя же садиться отдыхать посреди улицы, тем более днем. Поиск подвала с закрытой, но не запертой дверью занял еще полчаса, за это время он не раз готов был уже сорвать противогаз и сделать глоток из фляжки. Остановил себя: пыль на развалинах города не шла ни в какое сравнение с относительно чистой, укрытой травой, землей вокруг бункера. Да, Алексей не рассчитывал прожить сто лет, но и умирать через месяц мучительной смертью не хотел. Поэтому, найдя подходящий подвал, он заглянул внутрь, не заметив ничего подозрительного, зашел и закрыл за собой дверь. Она звякнула, обрубив даже малейший лучик света. Осторожно пройдя несколько шагов, он позволил себе сделать один глоток воды. Колени подогнулись, он сел на пол, нащупал за спиной что-то вроде картонной коробки и, прислонившись к ней, провалился в сон, больше похожий на потерю сознания.

Снаружи был день. И Алексей усомнился, следующий ли это день, подозревал, что спал он вовсе не несколько часов... Не прошло ли двое суток, потому что организм даже не требовал еды, а от обезвоживания накатывала страшная слабость. Сон его мог быть кратковременной комой, защитной реакцией. Часов у него не оказалось. Кто же надевает часы, когда на расстрел выводят? Он не рассчитывал, что впереди ждет еще какое-то время, поддающееся измерению. В вечности хронометр ни к чему.

Казалось, весь город был пуст, только полуметровые серые ящерики неподвижно грелись на камнях на солнечной стороне улицы. Алексей

вернулся в подвал – пришлось открыть консервную банку, потому что без пищи он не смог бы даже нести ее дальше. Оставалось еще достаточно, если путь займет неделю. И слишком мало, если больше. Воды почти не было. Идти при ярком солнце в таком состоянии невозможно, но спать больше не хотелось. Чтобы отогнать навязчивые мысли о воде и дозиметре, он начал думать о Елене. Ненавидел ее! За то, что идет к ней и путь так мучителен, за то, что она никогда не простит его. За то, что не посмел поднять на нее руку. Сейчас убил бы, не задумываясь! Мысли о ней помогали отвлечься, и это немного примирило с действительностью. Стоило потерпеть немного. Вот терпения у него хватит надолго. Он продержится. Не сдохнет. Просто назло не сдохнет! Только потому, что столько людей желают ему смерти, разочаровать их всех – вот это было бы несомненным удовольствием. Он еще не скатился на самое дно, смог удержаться и теперь упорно карабкается наверх. На самый верх! Бункер – это мелочь. Метрополитен – более достойное поле деятельности. А сейчас нужны только вода, еда и сон. Силы для долгого пути. Оружие для защиты. Потребности хищника не так уж велики.

Мечтать о новых достижениях, находясь на краю могилы... Но бесцельное существование – это для неразумных существ. Алексей цеплялся за последние рациональные мысли, пытаясь выбраться из затягивающей сознание воронки болезненных галлюцинаций. Вода... Такая мелочь. Никогда не задумывался, что она так важна. Он всегда хотел получить какую-то ерунду, обладать ненужным: власть, признание, девушки... А теперь думает об одном: не трогать последние остатки воды на дне фляжки. Иначе... Нет, не сейчас, лишь когда останется только желание выжить, когда совсем угаснет сила воли. На что он надеялся, чего ждал? Но Алексей почему-то не сомневался в том, что его путь закончится не здесь. Он не загнется в этом темном подвале. Или эти картины будущего тоже порождения бреда обезвоженного организма? Силы ушли на последний рывок, подальше от клетки, к свободе. Теперь никто не вернет его назад, но и вперед пути не было, Алексей пока не видел его. Да и что увидишь в крошечной тьме подвала?

Он проснулся и почувствовал, что ноги не двигаются. Вроде не отлежал их, просто почти не ощущал, а при попытке встать голени сводило судорогой. Вода давно закончилась. Сверху из-за двери доносил-

ся какой-то шум, потянуло прохладным воздухом. Сейчас бы только и идти! Но нет сил. Что же шумит там на улице?

Алексей пополз к выходу, преодолевая слабость и боль, ноги постепенно начали слушаться его, он сделал несколько неверных шагов. Дождь! Обычный дождь стучал по асфальту и жестяной крыше гаража. Алексей упал в лужу, стянул противогаз и подставил лицо под холодные струи. Пусть вода отравлена! Без нее он умрет еще быстрее. Живая вода... Или мертвая? Может, ему повезет не схватить смертельную дозу радиации? Алексею было уже все равно, он сидел неподвижно, едва дышащее тело наполнялось силой, а фляга – дождевой водой. Пусть недолго... Но жить будет. Волосы липли к лицу, он срезал перепутавшиеся пряди ножом. Не для кого украшать себя, здесь это никому не нужно. Останется только необходимое.

ГЛАВА 2

ОЖИДАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Отряд сталкеров, вышедший со станции, если охране не изменяла память, состоял из восьми человек, а по возвращении обнаружился лишний – девятый.

– На дороге подобрали, – оправдывались они перед блокпостом. – Не бросать же?

Незнакомец так и продолжал сидеть на полу, сжимая в руках незаряженный автомат. В его мешке нашлись пистолетные патроны, но самого пистолета не было, как не было ни дозиметра, ни запасного фильтра, ни документов. Разодранный противогаз с него сняли с трудом, воспалившиеся раны на лбу и виске выглядели устрашающе, неровно обрезанные светлые волосы напоминали паклю. Не похоже, чтобы этот сталкер вернулся из короткой «ходки», его не меньше недели где-то черти носили.

– Вы его на Николо-Архангельском кладбище выкопали, что ли? Хоть узнали, откуда он?

– Повторял все время: Конфедерация Печатников. Далековато...

– Да уж, до Новокузнецко ему идти не близко было! Эй! Ты кто? Почему документов нет?

Взгляд был мутным от боли, но осмысленным, человек горел в лихорадке, не стоял на ногах и все же ответил:

- Василий... Филиппов.
- Ведите его в медпункт, потом разберемся, чего он сюда забрел.

Неразговорчивый сталкер оставался на станции. Несмотря на то, что экономный врач не тратил на чужака антибиотики, загноившиеся раны все-таки зажили. Человек почти все время молчал, уставившись в потолок, ел немного. Когда больной пошел на поправку, его начали кормить получше. В сталкерах, тем более чужих и больных, не было надобности, но оказалось, что у Василия руки растут из нужного места, и скоро он, тихо матерясь на закрывавшую один глаз повязку, уже чинил водяной насос, а местный техник, посмотрев на работу, отдал инструменты в его распоряжение. Паяк этот чужак получал не зря. Но начальник станции не мог не отнестись с подозрением к человеку без документов. Он расспрашивал караванщиков, которые бывали на «салатовой» ветке, не помнят ли они этого Филиппова. Те не припоминали, впрочем, не могли же они знать в лицо всё население Конфедерации.

И все же чем-то сталкер не нравился начальнику. Если он так разбирается в технике, какой черт погнал его наверх? И если он сталкер, то почему тогда... И бабы к нему липнут, как привороженные! Но Василий им лишь дружелюбно улыбался, не более. И улыбка его не нравилась, и волосы, заблестевшие после помывки... Только чернота под глазами еще выдавала в нем недавнего больного, почти с того света выбравшегося. Не жрал мужик крысятину полжизни, как некоторые в метро, хоть и похудел теперь сильно, но видно – не прост.

И работал он как-то вяло, без огонька, просто отрабатывал свое содержание на станции. Уходить не торопился. Начстанции Карягин рад был бы выпереть его восвояси, да не мог: не разбрасываются такими спецами. Нехозяйственно.

- Ты, Василий, прям как ударник коммунистического труда!
- Социалистического... – негромко и как всегда без эмоций процедил Василий. Провел рукой по лбу и отдернул ее. Повязку с него сняли совсем недавно, и он продолжал иногда нащупывать несуществующий предмет.

- Один хрен, но вроде у Москвина все коммунизм строят.

Чужак кивнул. Его молчание раздражало не меньше, чем та девчонка, стоявшая в отдалении с мисочкой еды и сверлившая взглядом ненаглядного.

– Васенька...

Хренасенька... Карягин сплюнул. Его почему-то никто Сашенькой не называл. И в платок обед не заворачивал, чтобы не остыло. Так и лопал вечно холодное, потому что так занят – до столовой дойти некогда. Васенька. Тьфу!

Из имущества у этого оборванца только химза потрепанная осталась да ботинки крепкие. Пришлось еще и переодеть за счет станции. Хорошего не дали: вылинявшие до цвета детской неожиданности бывшие камуфляжные штаны и черную куртку-толстовку с капюшоном, чтобы шрамы в половину лба закрывать. Сталкер молчал, при каких обстоятельствах получил такие раны, хотя обычно эту братву хлебом не корми, дай только про мутантов рассказать. Ясно только, что не человеком он ранен. Поэтому и держали до сих пор на станции, уличить пока было не в чем, кроме того, что документы потерял. Так ведь и разгрузки при нем не оказалось.

Начальник станции неподдельно обрадовался, когда с блокпоста привели человека, интересующегося Василием Филипповым. Впрочем, гость выглядел еще подозрительнее «Васеньки»: глазки бегают, рожа уголовная, хоть и документы в полном порядке. Почему-то Александру Карягину очень хотелось, чтоб этот неблагонадежный Вадим Першуков не подтвердил личность чужака... Не верил он сталкерам ниоткуда, даже раненым.

– Пойдем, покажу тебе твоего товарища.

Даже со спины тот не напоминал коренастого Тимофея.

– Смотри, Вась, тут вроде приятель твой нашелся!

Человек неторопливо поворачивался, откинув капюшон. Золотистый густой ежик волос, справа прорезанный тремя чуть поджившими рубцами, не имел ничего общего с Васькиными залысинами. Холодный взгляд голубых глаз приковал к месту, будто на станции вдруг повеяло морозным ветром из подмосковного леса.

– Здравствуй, Вадим, – произнес знакомый низкий голос. Глаза заledenели еще больше, а губы изобразили улыбку.

– Привет... Вася, – хрипло отозвался Глюк.

– Ну, пойдем побазарим, – Алексей даже не был удивлен. Не удивляться сейчас нужно, а строить планы с учетом изменившихся, наконец, обстоятельств.

Карягин успокоился немного, личность установлена. Теперь можно будет выписать этому-Василию временный документ. И пусть валит подальше! Обратно на свою станцию или еще куда. Подлечили сталкера в порядке взаимопомощи, и хватит.

Не подчиниться этому... педерасту из бункера, как называл его Глюк, не найдя в памяти имени, было просто невозможно – страх отбил все желание протестовать. Вроде пока его убивать не собирались, да и не за что. Наоборот, это он может контролировать обстановку, в любой момент открыв истинное положение дел! С такими противоречивыми мыслями Глюк отправился за мнимым Василием в конец платформы, где их никто не мог бы услышать. Все же они были на виду, кругом люди, это внушало хоть какое-то ощущение безопасности. И даже дало силы начать наступление:

– Ты зачем сюда явился? А Васька... Что с ним случилось?!

– Притормози с вопросами, – Алексею и самому хотелось о многом спросить бывшего сталкера.

– Я с самого Треугольника пёрся не для того, чтобы нарваться на тебя! Ты мне еще должен, между прочим, и немало...

– За что?

– А мне Василий обещал процент от сделки за посредничество.

– Сделка не состоялась. Так что процента не будет.

Чем больше оказался расстроен Глюк – отсутствием перспективы получить долг или тем, что вместо Василия Филиппова он встретил под этим именем совершенно другого человека, Алексей так и не понял. Но прекратить этот словесный понос нужно было обязательно. Крики становились все громче, их могли услышать окружающие.

– Василия можешь не искать. Он мертв.

– Как это? – Глюк не ожидал такого известия. Опечалился или нет, но говорить стал потише. – А что с ним случилось?

– Ты действительно хочешь это знать? Или догадаешься?

Догадаться было нетрудно, и желание задавать вопросы тут же пропало.

– Вот как...

Алексей не боялся разоблачения: трудно будет Глюку объяснить людям, что он требует справедливого суда за убийство киллера при выполнении задания. К тому же, не доказуемо. Он рисковал только по-

терей потенциального союзника, очень нужного сейчас союзника, с которым можно будет покинуть станцию и идти дальше. Теперь все зависело от того, кем для Глюка был Василий: близким другом или просто деловым партнером, которого можно и сменить. И почему-то трудно поверить, что у этого жулика вообще могли быть близкие друзья.

Но все же Глюк оказался не полностью бесчувственным, расстроился и предложил пойти помянуть Ваську. Алексей согласился, но поставил условие: только после того, как под свидетельство Глюка получит от начстанции справку. Пока еще тот не передумал.

– Василий Александрович Филиппов... Год рождения? – начальник станции смотрел на Алексея в ожидании, в справку нужно было вписывать полную информацию. Интересно, всё ли он помнит или начнет финтить и говорить, что забыл?

– Год рождения девяносто шестой, семнадцатое октября. Паспорт выдан третьего февраля двадцать пятого года на станции Дубровка. За подписью Климова К.С.

Глюк не переставал удивляться. Сам Васька не знал так подробно, что у него было в паспорте написано! А уж его номера точно не помнил. Теперь могут даже проверять – не найдут, к чему придраться, кроме портрета личности.

– А чего так поздно выдан-то?

– Потому что затопило полстанции, пришлось многим выдавать новые документы, – Алексей не стал сочинять слишком длинную и подробную легенду, ограничился отговоркой. Карягина это устроило, он с чувством затаенного облегчения подписал справку. Срок действия сильно ограничен, Алексей должен за это время вернуться туда, где старый паспорт был выдан, и восстановить... А ведь это же невозможно!

От поминок отвертеться не удалось, но Глюк меру знал. Казалось, он хочет рассказать о чем-то или спросить и не решается. Алексей давно забыл, как наемник Тимофей-Василий выглядел, выпил, не чокаясь, за какой-то смутный образ, в котором самой запоминающейся деталью было пулевое отверстие над глазом.

– Лёха, ты чего, во всем такой... законопослушный?

– Во-первых, Алексей Аркадьевич, а не Лёха. Во-вторых, на данном этапе просто не хочу привлекать к себе лишнего внимания. И так не понимаю тут ни хрена!

– Понятно. И куда ты теперь?

– Мне нужно некоторое время где-то отсидеться, пока я не разберусь, куда вообще попал. После бункера тут, знаешь ли, много нового и интересного. Из-за этого пришлось на станции все это время жить, не говоря почти ни слова. Боялся себя выдать. Но ни с кем не общаясь и информации не получишь. Так что можно сказать, что я рад твоему приходу, Вадим. Ждал, что, возможно, кто-то придет по Тимофееву душу, но не ждал тебя.

– А мне чего радоваться? Патронов-то теперь не будет. И Васьки нет.

– Почему не будет патронов? Будут...

Думал Алексей недолго, из рассказа Глюка он выяснил, что наемника-Тимофея почти никто не знал в лицо, лишь несколько человек принимали для него заказы. Одним из них и являлся Вадим Першуков, вот только он представлял самый грязный участок работы: так называемый бандитский Треугольник и Китай-город. С благополучной Ганзой наемника связывал другой посредник, о котором Глюк слышал, но ничего в точности не знал.

Алексей теперь понял, что от пули киллера его спасли только точность стрельбы и неслыханное нахальство: сунуться в комнату Привратника сразу после выполнения задания – такого даже Тимофей не ожидал. И самому приходилось стрелять не только из «калаша», Борис Владленович не жалел патронов на тренировки племянницы в умении обращаться с пистолетом, чем и пользовался сопровождавший ее повсюду Алексей. Ведь он когда-то держал ее за руку, пальцы сжимали рукоятку поверх Ленкиных... И ничего не ощущал. Вспоминать больно. Зато сам стрелять научился, с двадцати шагов обычно не промахивался, дальше – уже хуже.

– Вадим, у меня к тебе есть вопрос: ты пришел просто провести Василия? Или на имя Тимофея поступил новый заказ?

* * *

Глюк злился на медлительность Алексея – тот шел по туннелтуннелю впервые и чувствовал себя неуверенно, все время оглядывался назад и держался около стены. Это как раз было разумно, потому что ходить по шпалам без привычки трудно.

– Быстрее! Это вообще туннели труднопроходимые, намучаемся еще перед Шоссе Энтузиастов и Авиамоторной. А ты уже тут торозишь!

– Отвяжись! Посмотрел бы я на тебя в лесу... Небось сразу нырнул за спину вашего доблестного командира – и хрен выгонишь оттуда.

Примерно так оно и было. Поэтому упрекать Алексея в трусости Глюк не спешил, но подгонять не переставал.

Заказ действительно был... Да такой, от которого не отказываются, – королевский. В смысле, от Короля – смотрящего с Китай-города. Но и «объект» непростой, окруженный телохранителями, и подобраться к нему задача не из легких. У смотрящего всегда под рукой десяток своих бойцов, а светить их лишний раз в чисто деловых разборках Король не пожелал, предпочел отсыпать бабла наемнику. Тем более, наемнику с репутацией, каковым и являлся для многих Тимофей. Глюк снова оглянулся. Нервно скачущий луч фонаря позади и тихий мат часто спотыкавшегося в темноте Алексея не производили серьезного впечатления. И этот парень Ваську замочил! Позорище... Ваське, а не ему.

Патронов пообещали очень много! А Король слово держит, пла-теж зажимать не будет. Лишь бы выполнено было чисто и без шума. Алексей в одном прав: начинать в этом бизнесе с нуля – только зря стараться. На имя будешь работать дольше, чем сможешь прожить. Если использовать уже раскрученный бренд (слышал он и такое слово) с Тимофеем, то прибыль будет больше. К тому же Васька платил посреднику пять процентов, а вот Алексей согласился на пятьдесят. С ходу согласился, Глюк чуть по стенке не сполз от изумления. Ведь он даже цифры еще не успел назвать. Теперь за эти будущие невероятные барыши приходилось терпеть за спиной еле бредущее недоразумение. Киллер, называется! Но, немного отсидевшись на Новогиреево, следующий туннель напарник прошел уже пошустрее. Напарник... А как еще сказать, если прибыль пополам?

Не только туннели для Алексея были невиданным явлением, станции тоже сильно удивили. Первая, Новокосино, казалась довольно просторной, людей на самой окраине, на отшибе, поселилось немного. Он знал, что жизнь поддерживается откуда-то извне, думал об этом, но не представлял, что увидит за границами. Снова попавший в подземе-

лье, Алексей сначала даже ощутил себя как дома, вот только изолированный бункер казался безопаснее. Обнаружить за пределами станции еще одну и еще... Непривычно, странно и вовсе не похоже на тот метрополитен, который он видел когда-то. Мир вообще стал намного больше, когда пришлось передвигаться по нему пешком. И от такого количества людей он успел отвыкнуть, много лет видя одни и те же лица изо дня в день. Алексея радовало это разнообразие, приспособиться к нему оказалось легче, нужно просто вспомнить... И не выдавать своих чувств по этому поводу, чтобы не выглядеть внушающим подозрения чужаком. А удивляло многое. Ведь даже торговля в бункере отсутствовала как явление, только с соседями, да еще сталкеры иногда обменивали принесенные из города вещи на что-то недостающее в собственном хозяйстве. Деревня Гадюкино, не иначе, по сравнению с тем, что Алексей увидел в городе. От восторгов по этому поводу уберег жизненный опыт: рожденный задолго до войны, он мог только отметить про себя налаженную систему сбыта товара и более-менее устоявшиеся цены на них.

– Ты еще Ганзу не видал! – угадал его мысли Глюк. – Вот где жить-то можно!

– Жить можно везде, смотря чего ты от этой жизни хочешь.

– Да тьфу на тебя. Ты вообще какой-то...

– Не затрудняйся подбирать эвфемизм! Я понял.

– Что подбирать? – переспросил Глюк, не разобрав поначалу.

– Слово, заменяющее «чокнутый», или как ты там хотел сказать, Вадим?

– Неважно. А патроны у тебя вообще есть?

– Немного, но есть. Кроме пайка, в Новокосино мне еще кое-что полагалось. Так что первое время у тебя просить не буду. Автомат есть, тоже ценность какую-то представляет.

– Автомат?! И ты молчишь?

– Думаю, что нигде не следует вопить на каждом углу, что у тебя оружие. Или здесь все-таки так принято?

– Хватит прикалываться... Мне-то мог сказать! – недовольный Глюк разглядывал рюкзак Алексея, пытаясь угадать модель автомата. Но предмет был надежно упакован. – Что у тебя там? АКСУ? И где взял?

– Ты опять хочешь всё знать? – Алексей так посмотрел на Глюка, что тот даже перестал прощупывать взглядом мешок. – Не со склада, к сожалению...

– Нет, ты точно... Эвфемизм какой-то. Есть автомат с патронами и руки не из жопы – с голоду не помрешь. Не у нас в Треугольнике.

– Вот и я так думаю, Вадим. Но в Новокузнецко мои руки для другогогодились, я знал, что не пропаду.

– Работа твоя – запахло для делового. Васька такой хреню никогда не занимался.

– Да я уж понял, что мне придется вместо этого Васьки... – Алексей задумался. Глюк, не полностью уверенный в напарнике, решил переспросить:

– Ты точно справишься?

– Вадим, нужно на твоём примере наглядно продемонстрировать, что человеческая жизнь для меня не священна? Или как тебя убедить?

Глюк предпочел промолчать. А пятьдесят процентов уже не казались такой громадной суммой, если над тобой при этом издеваются на каждом шагу.

К Площади Ильича Алексей едва дошел. Давящие низкие своды сами по себе были ему неприятны, ограничивая пространство, а опасность, еще и преувеличенная фантазией впечатлительного Глюка, не имела ничего общего с хищниками и ядовитыми растениями окрестностей бункера. Если этот страх еще можно было подавить в себе, напав на цель, и что вообще-то мужики не ссутся в темноте... То он ничего не мог поделать с тем, что подсознательно всё это время искал выход! А за одним туннелем следовал другой, станция сменялась блокпостом, и снова впереди появлялась зловонная бетонная труба.

Дело было не в клаустрофобии – жителю маленького убежища привычны ограниченные пространства, но Привратник, уже ощутивший власть это пространство открывать... Теперь он лишь обреченно плелся за своим проводником все глубже под землю, понимая, что выхода не будет. И эта безвыходность оседала на дне души безысходностью, радовало даже тихое бормотание идущего впереди Глюка.

– Всё, Лёха, дальше пути нет.

Глюк, неожиданно остановившись в какой-то одному ему известной точке, повернулся и осветил фонарем лицо напарника. Вместо вопросительного – а лучше бы и просительного в этой полной неизвестности – взгляда он наткнулся, как на стенку, на устало-раздраженный вид Алексея. Не склонный к мистификациям и эффектным выступле-

ниям, тот просто стоял посреди туннеля, безмолвно и очень выразительно разглядывая сжатую в кулак правую руку. Луч фонаря мгновенно переместился в самый низ стены под тубингом, тут же провалившись в черную дыру.

– Теперь туда свернем, а то в этом туннеле помереть – раз плюнуть.

– Как скажешь, тебе виднее, – поскольку Глюк выглядел живым и здоровым, Алексей решил, что путь этот действительно безопасен. Придется довериться местному жителю, хоть нырять головой вперед в неизвестность вовсе не хотелось. Края дыры были обожжены и будто оплавлены, и невозможно теперь понять, что за огонь сделал этот незаметный лаз столь похожим на черный ход в ад. И судя по обрывочным рассказам бывшего уголовника о порядках на станции Новокузнецкая, раем пункт назначения точно не покажется.

ГЛАВА 3

ДОБРЫЕ ВЕСТИ

В бандитском Треугольнике можно было купить документы с любой пропиской, вот только своей собственной эти станции не давали никому. Но зато и не требовали – заплатив пошлину, можно о документах вообще не беспокоиться. Глюк предупредил, что Васькой тут представляться не следует, а прозвища Алексей не имел. Только этого не хватало... И так ничего не называлось своим именем. Некоторые слова, произносимые аборигенами на местном жаргоне, были ему знакомы, но многие звучали совершенно непривычно. Просить Глюка о переводе их на человеческий оказалось бесполезно, тут же сыпались новые незнакомые термины. Алексей понимал кое-что, основываясь на старом кино, книгах и разговорах с Грицких, который частенько вставлял в разговор ёмкие приклатненные выражения. Атмосфера давила агрессивностью, даже не настоящей, а какой-то показной, слишком много значения здесь придавали мелочам, не стоящим внимания. Началось с того, что Глюк в безмерном удивлении воззрился на братка, уступившего дорогу Алексею.

– Лёха, а как это получилось? Что-то не припомню, чтобы Кривой к кому-то уважуху проявлял.

– Вадим, уступает дорогу не тот, кто слабее, а тот, кто получил лучшее воспитание, это элементарная вежливость. А я, честно говоря, Кривого твоего вообще не заметил. Наверное, я просто своим видом ему напомнил, что когда-то и его учили хорошим манерам.

– Ну да! Помнит тут кто-то о манерах, как же! Ты, Лёха, все-таки по сторонам смотри, это тебе не бункер.

– И что случится? Ну, встану с пола и отряхнусь в случае чего... Не велика проблема. Ты лучше побыстрее мне объясни про заказ и на местности сориентируй, а то я по станциям и переходам до скончания века буду плутать.

Неизвестность, которая сильно действовала на нервы в Новокосино, здесь только усилилась, Алексей не понимал, как себя вести. Бункер в этом отношении не отличался от довоенного общества. А тут стоило забыть про этикет. На время или навсегда? Вынужденный симбиоз с Глюком тоже не прибавил хорошего настроения. Поэтому и уступил дорогу тот Кривой? Хищник снова слишком явственно обозначился изнутри сквозь оболочку цивилизованного человека. Здесь этого никого не смущало, можно не прятаться среди единомышленников. А легкое ощущение страха исходило не от грозной братвы, опасность была иного рода, такая же смутная, как в только что пройденных туннелях. Из-за нее Алексея не покидало беспокойство, но люди вокруг давно привыкли, не чувствуя, как к постоянному запаху дыма и гнили. И только увидев собственными глазами надежно отгороженную Третьяковскую, он немного успокоился.

– Ты говорил – Треугольник... Тут не три станции, а две.

– Я же как все говорю! – Глюк обиделся за свою малую родину. – А там морлоки живут, Учитель следит, чтоб охраняли как следует.

– Чтобы дураки не лазили?

Напарник только сплюнул и поспешил сменить тему.

– Вот как я объясню про Ваську... Даже не знаю, что сказать.

– А кому ты что собрался говорить? – раздраженно спросил Алексей; инициативы Глюка могли быть опасны.

– Братва спросит, куда он подевался. Слышали, что у него дело наклеывалось, но не на станции. Василий никогда много не болтал, не раскрывал, чем занимается. И после таких дел, бывает, надолго уходят на дно.

– Вот он и ушел.

– Не знаю... Все равно стремно, если спросят.

– Вадим, тебя надо учить? Вообще не ври, скажи правду: не состоялось дело, не сошлись в цене.

– А это правда? – с сомнением поинтересовался Глюк.

– Абсолютная! Я тебе как заказчик говорю...

Глюк нервно хихикнул. Черный юмор нового напарника иногда доводил до мурашек, хотя опасения за свою жизнь со временем совсем исчезли. Все-таки не мешало держать ушки на макушке, мало ли что придет тому в голову, его сдержанная вежливость хуже Васькиного мата – тот был хотя бы предсказуем!

Настрой у напарника деловой – это хорошо. Но не так быстро дела делаются, «объект» по кличке Утюг и по фамилии Азаров теперь обитал на Китай-городе. И нужно было присмотреться для начала и к нему, и к телохранителям. Не платят столько за простые заказы. Глюк задницей чуял сложности, Король зря к наемнику обращаться не будет.

– Значит, так... Был тут у Утюга бизнес – торговля спиртным. И он решил на Китай-город расширяться. Со смотрящим перетер, как положено, процент отдает. И так у него бизнес этот хорошо пошел – Королю завидно стало. Конкурент образовался. Уж не знаю, в чем там дело: то ли Азаров цены сбивает, то ли выпивку бодяжит чем... Или контрабанду беспрошленную ему проносит кто. Королю не с руки связываться с подсчетами и разборками. Бизнес надо закрывать любым способом, он сам прибыль теряет. Поэтому к делу подключили Тимофея.

– А проблема-то в чем?

– А Утюг уже понял, что дело тухлое... Бросить всё не получится, не так быстро. Теперь без охраны не ходит. Король сказал, чтобы станцию не пачкали. И в Треугольнике его не завалить. Надо в перегоне останавливать. Вот и будем думать.

– Будем? А ты и думать умеешь?

Глюк обиделся.

– Ты уж меня совсем за идиота держишь!

– Нет, не совсем. Но за подобный заказ возьмется только самый непредусмотрительный.

– Да понял я уже! Отступать поздно, – вздохнул Глюк.

– Что, задаток взял? – Алексей еще помнил те давние препирательства в бункере по поводу оплаты доставки письма.

– Нет... Что вообще засветились мы с тобой. Теперь или сделанная работа и патроны, или...

– Дальше можешь не объяснять, – не стоило и думать, что всё будет просто, но самой большой проблемой Алексею виделся не «объект», а

высокое положение заказчика. Нужно ли опасаться? Ведь он сам в любой момент может раствориться в толпе, как бы ни пытался Глюк обозначить позицию «мы с тобой». С кем-то другим могло и прокатить, но Алексей в эти игры играл давно, практика в Совете бункера даром не прошла, развитое чутье обязательно подаст знак к своевременному отступлению. – Чем дальше от власть предержащих, тем безопаснее, это же аксиома, Вадим! Но от дела я не отказываюсь, – успокоил он озадаченного Глюка.

Кроме одежды на теле, защитного комбинезона и автомата у Алексея не было ничего. Поэтому разместиться в углу, широким жестом предоставленном напарнику хозяином палатки, оказалось нетрудно. Хотя и доносился снаружи неумолкающий шум никогда не спящей Третьяковской, но появилась какая-то иллюзия покоя и уединения. Терпеть одного легче, чем толпу народа. Впрочем, и один мог надоесть не меньше, чем большая компания. Любопытный барыга спрашивал обо всем, не обижаясь, если не получал ответа. И все равно продолжал интересоваться:

– Лёх... А что у тебя с лицом? Вроде таких шрамов у тебя не было. Кто это тебе устроил?

– Птер.

Глюк долго не задавал вопросов. В одно слово уместилось слишком многое. Слишком...

* * *

Алексей помнил ветер, вдавивший в траву, – с первой попытки мутант не смог подцепить понравившуюся увертливую добычу, но он очень старался. Пока безуспешно, но сопротивляться этой крылатой твари было трудно, перезарядить автомат не удавалось, приходилось то бежать, то кататься по земле. Стоило сделать несколько шагов, и птер пронёсся над головой со свистом, заставляя снова сливаться с пожухлой травой на поле. Лес уже остался позади, город виднелся вдалеке. Только человек на открытом пространстве и ящер, атакующий сверху, затеявший игру с жертвой, – видимо, голодный, потому что не оставлял в покое, несмотря на несколько жалящих пуль из автомата, все же попавших в цель. Когда появлялась возможность поднять голо-

ву, стрелять из пистолета уже было не в кого: мутант быстро удалялся, чтобы тут же налететь снова. Алексею нигде было укрыться, пришлось положиться на скорость реакции, в какой-то момент то ли сил уже не хватило, то ли птеродактиль слишком удачно цапнул лапой по земле...

Сначала не было ослепляющей боли, показалось, что противогаз сорван с лица, но он остался на месте. Острые когти лишь разорвали его вместе с кожей, не задев даже стекло и ободок окуляра. Горячая кровь тут же залила глаз, заставила паниковать. Но страх и злость помогли собраться и точно прицелиться, выпустив семь пуль из «ПМ» по крыльям птера и туловищу, последние силы, остатки сосредоточенности перед тем, как нахлынет боль и... Раздался противный визг, ящер развернулся у самой земли и полетел прочь, оставив попытки сожрать именно этого сталкера. А тот лежал в траве, ощупывая правую половину лица. Есть ли там под рукой еще что-то? Или на когтях остались не только клочья кожи и резины?

Глаз на месте, и лицо, кажется, тоже, а обзор сократился наполовину, потому что стеклышко замазано изнутри и снаружи густо-красным. Под рукой расплзалась кожа, но раны были не так уж глубоки. Боль добралась, наконец, до сознания, стала нестерпимой. Почти. Алексей смог придавить рану тряпками, нечем оказалось даже промыть ее. Именно тогда он и потерял пистолет, оставив посреди поля, как ненужную вещь. Боль и шок отключили всё, кроме желания убраться поскорей отсюда и сделать что-нибудь с этой разлившейся под ОЗК липкой кровью, привлекающей других хищников.

– Ты ведь пришел сюда зачем-то... – Глюк хотел убедиться, что напарник не исчезнет слишком быстро и заказ не сорвется. В причинах поступков Алексея он еще не разобрался, понимал: в бункер тому уже нет обратного пути, но ведь метрополитен состоит не из одного Треугольника. И лучше узнать по мере возможности обо всех планах.

– Мне нужно найти девушку. Ты должен ее помнить.

– А ты думаешь, тут тебе как в бункере – все на одном месте и найти девушку проще простого?

– Я знаю, где ее искать. Но не уверен, что она там...

Глюк смотрел на него, как на полного идиота. Алексей ничуть этому не удивился, потому что от объяснения понятнее не стало, самому бы разобраться.

- Я знаю, куда она отправилась. Но не знаю, добралась ли.
- И чего ты ждешь?! Почему ее не ищешь?
- Потому что если ее там до сих пор нет – искать практически бессмысленно, она погибла. А если она там... То вряд ли захочет меня увидеть.
- Ты абсолютно ненормальный! – чтобы проиллюстрировать, насколько далеко зашло сумасшествие напарника, Глюк постучал пальцем по лбу.

Алексей не был склонен к опрометчивым решениям, но при мысли о Лене терял всю способность рассуждать. Поэтому и не сунулся на Бауманскую – он умер для нее, умер еще раньше, чем конвоир символически выстрелил в воздух по личному приказу Грицких. Новые впечатления и заботы помогут ей забыть. Если она жива. Потому что если ее больше нет, тогда... Тем более спешить некуда. Второй Лены в его жизни уже не будет, влюбиться с первого взгляда ему никогда не удавалось. В юности пробовал не раз. Но он хотел только увидеть... Нестерпимое желание, и нужно остановиться, чтобы не совершить новой ошибки. «Лена! Ты ведь где-то здесь? Я не могу с уверенностью сказать, что чувствую тебя... Мне нужно знать наверняка. Если ты не дошла до города, я все равно буду искать, потому что...» Безрассудный порыв прошел, но он дал силы на то, чтобы добраться до метрополитена и не сдохнуть по пути. Дальше действовать как всегда – не спешить, всё обдумать. Если Лена... Лены... И говорить не о чем. Тогда ничто уже не имеет значения. Но если она здесь... Совсем недалеко, а он должен сдерживать себя изо всех сил, чтобы не идти к ней, это же невыносимо!

– Вадим, мы с ней... Произошло такое, что мы никогда не сможем помириться, мне и близко к ней не подойти. Но я должен, несмотря ни на что. Ваш Пищухин, хоть и был готов за нее умереть, мог и не довести девушку до города. Я хочу убедиться, что он с задачей справился.

– Тогда тем более, чего ждать? – Глюк не понимал, о чем тут можно еще раздумывать. Сам он или плюнул бы на девчонку, найдя себе другую, или в случае, если она уж очень сильно нравилась, попытался бы вернуть, наплевав уже на все ее возражения. – Забирай ее оттуда, и спрашивать ее нечего! Давно бы уже сам пользовался, а он другому мужику отдал и радуется.

– Ты думаешь, мне это не приходило в голову? – конечно же приходило... Еще тогда, у ворот бункера! Да так накрыло на миг сознание темной пеленой, что чуть было не пошел на поводу у инстинктивных желаний. Но много ли радости в том, что Лена будет еще больше ненавидеть его? Станет ли ему легче, если он добьется желаемого любыми средствами... Нет, не станет. Хотелось совсем не того. Сам запутался. И, похоже, напарника запутал еще больше.

– Я ничего не понял!

– Да, Вадим, ты меня действительно не понял...

Как рассказать, что произошло между ними тогда в арсенале? Никакими словами не описать Леночкину искрящуюся ненависть и его безумное желание выжить, задавленное чем-то. Прошло слишком мало времени... Время играет на его стороне, но и работает против него – парадокс! Чем дальше, тем больше девушка забывает, пусть даже и хорошее вместе с плохим, лишь бы успокоилась. Но тем больше времени у соперника, хоть и ему не один день понадобится, чтобы снова завоевать доверие... Как привести это в равновесие, Алексей пока не мог просчитать.

– А ты не боишься, что успеешь как раз поздравить ее с рождением второго ребенка? – Глюк не мог по-другому выразить, что думает.

– Ты думаешь, меня это сильно волнует?

– Что, совсем нет?!

– Ну, я нормальный собственник, если ты в этом смысле, но изменить ситуацию не могу. А если бы я боялся сравнения с кем-то другим... Комплексами не страдаю.

Он высказал сейчас Глюку самые поверхностные ощущения, в глубине души скрывалось нечто совершенно другое, темное, сильное и причинявшее боль ежеминутно. Что толку в ревности, если даже прав на это не имеешь? Быть хотелось, потому что девушка потеряна для него самого, а не оттого, что ее обрел кто-то другой. Сложно. Глюку не объяснить. Да и нужно ли?

* * *

Китай-город вначале показался копией Третьяковской, но порядка здесь было больше. Эту станцию «братва» делила с кавказской диаспорой, а при наличии постоянной угрозы сильно не расслабишься. Здесь

уже наблюдались какие-то признаки дисциплины и организации обороны. Но не более, чем в бункере, как отметил для себя Алексей, и только от угрозы извне. Арки напротив перехода были закрыты досками, и он ничуть не удивился бы, обнаружив там пару пулеметов, запыливающих от долгого мирного времени. И здесь нет спокойствия, нет стабильности. Да и черт с ними, надоели! Но веселый хаос хорош понемногу и дозированно, с непривычки в глазах рябит. От толпы Алексей быстро устал и, понадеявшись на Глюка как на проводника, уже не смотрел по сторонам. А когда огляделся... Невозможно забыть подобного амбала, который и здесь выделялся ростом и габаритами, – этого человека он уже когда-то видел.

– Вадим, что-то ваш отряд мне попадаете слишком часто.

– Лысый! – обрадовался Глюк. – Это ж Китай-город, контрабандисты мимо не проходят.

– Пойдешь поприветствовать?

– А как же! Новости узнаю.

Алексею тоже были любопытны некоторые новости. Не торговля, и не былые воспоминания бойцов-соратников, конечно. Но вдруг проскользнет что-то и для него? Поэтому он договорился с Глюком, что ждет в баре у стойки. И не нужно затягивать приветственные объятия. Посидеть с приятелем за стаканчиком: что может быть проще? Он ждал. И спокойно подвинулся, предоставив место Лысому. Алексей пытался выглядеть естественно, спокойно, но прислушивался к каждому слову. Почему-то казалось, что этот добродушный сталкер принес важное известие. Интуиция? Или снова выдавал желаемое за действительное?

– ...А ты знаешь, что Пищухин вернулся?

Едва сдержавшись, чтобы не сказать тут же «и не один, наверное, вернулся», Глюк оглянулся в растерянности. Неподвижная фигура в куртке с капюшоном за стойкой неподалеку напомнила, что стоит промолчать и послушать. Поэтому ответ был кратким:

– Да иди ты?!

– Я всего не знаю, так, кое-что...

Послушать историю, возможно, было интересно, если бы Алексей вообще мог сейчас что-то слышать сквозь шум в ушах. На словах «а помнишь, там еще девчонка была – я ее тут видел...» окружающую дей-

ствительность будто выключили. Этот Лысый обознаться не мог, такому свидетельству можно верить на сто процентов.

Алексей думал, что сейчас должно бы прийти чувство облегчения, спокойствия, ведь Лена жива! Он видел свое отражение в стекле, Лысому его так не опознать, безопасно. А вот для Лены эта ободранная птером морда станет сюрпризом. Куда он собрался?! Она ненавидит его, да еще и лицо... претерпело некоторые изменения. Ничего особенного для тех, кто не видел прежнего, но самому ясно видно, что... Что пока рубцы не заживут окончательно, и думать нечего девушкам на глаза показываться. Натуральный зомби. Оживший покойник со всеми типичными признаками Франкенштейна. Алексей едва слышал разговор – Лысый рассказывал Глюку новости об общих знакомых. Зря толкаться у стойки не позволил бармен, поэтому на вопрос: «Чего налить?» – он уже просто кивнул. И снова уставился в мутное стекло, изображающее зеркало. Оно больше скрывало, чем показывало, то есть реальный вид окажется еще хуже.

Привязанность не сделала слабее или мягче, только в правилах теперь появилось исключение, вот и всё. Или очень захотелось нового, чего он боялся на протяжении многих лет, но так интересно попробовать... Нет, решение было правильным: не спешить, это успокоит и придаст уверенности. Заодно и чувства остынут немного, это полезно. Полезно им обоим... Глюк вытаращенными глазами смотрел, как напарник задумчиво допивает второй стакан какой-то местной дешевой дряни, как воду, и разыскивает в карманах патроны на третий.

ГЛАВА 4

СМЕРТЬ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

– Лёха, вставай, пора уже и о делах думать.

– Не Лёха, а Алексей Аркадьевич... Твою ж мать! – даже глаза открывать было больно, вчера он явно превысил все мыслимые нормы выпитого. От счастья, что ли? Что Лена нашлась? Тогда ничего, переживет это ради нее. Но с непривычки голова отказывалась не только соображать, но даже управлять движениями тела.

– Какой ты, к хренам, Алексей Аркадьевич, видал бы себя сейчас! Зато теперь от остальных не отличаешься! – Глюк уже и кружку воды предусмотрительно держал в руках, протянул ее напарнику. – Пей быстрее, и пошли Утюга ловить. Думал, мне одному придется его по станции выпасать...

Алексей, не способный слишком быстро шевелиться, занял позицию у входа в бар, в котором они вчера и заседали. Оказалось, заведение как раз принадлежит Азарову. Глюк ненавязчиво расспрашивал прохожих где-то неподалеку, не появится ли сегодня Утюг. Какого рода информация о передвижениях объекта была им нужна, Алексей еще не понял, но решил собрать всю возможную. Постепенно мысли прояснились. К обеду его успели два раза оттащить от дверей за слишком выразительный вид «после вчерашнего», чтобы клиентов заведения не отпугивал. И за то же самое был вознагражден четырьмя патронами от сочувствующих... Мысль начала формироваться, неопреде-

ленная, зыбкая, но какие-то образы и элементы плана появились в голове.

– Ну, как? Узнал чего? – на лице Глюка не осталось и следа оживления, похоже, его беготня по станции плодов не принесла.

– Информации ноль. Зато я понял, как обставить дело в туннеле.

– Его там еще поймать нужно!

– Когда-нибудь нарисуетя. Надеется на охрану, поэтому пока боится умеренно. Он ждет братву на разборки. Поэтому нужно показать ему того, кого Утюг заведомо не испугается. Кого-то, на бойцов Короля совсем не похожего.

Глюк отступил на полшага и слегка побледнел – решил, что останавливать Азарова с телохранителями будет он сам.

– Вадим, ты только дорогу покажешь. Или объяснишь... – судя по виду Глюка, в туннели его ничем не заманить. – Лучше, чтобы их там было только двое: клиент и водила-охранник

– Ну, ты ж нормальный мужик – справишься.

– Вот именно, что я нормальный... А телохранители у него, похоже, выведены по методу спецмутации. Короче, если дело завершится удачно и мы разделим патроны поровну... На тебе подготовительный этап, и оружие достать надо. Автомат не предназначен для скрытого ношения. Или ты думал, что я доблестно пойду под пули, поджидая его в засаде за тюбингом?

– Я пока вообще не знаю, что ты хочешь сделать, – Глюк еще не мог сообразить, каков замысел Алексея. Пока только понял, что к стрельбе по живым мишеням его не привлекут, и на этом почти успокоился. – Пистолет какой нужен?

– Небольшой. Надежный, чтоб без осечек. Я понимаю, что Василия не ты снабжал оружием, но теперь, кроме нас двоих, никто в операции не задействован.

Начинать с нуля, пробовать себя в новой роли... Алексею было любопытно, но не сильно увлекало. Всего лишь промежуточный этап: ему нужны средства, чтобы жить, чтобы закрепиться здесь. Нужно легализовать свое положение, а этого не даст ему ни Китай-город, ни Треугольник. Единственное достоинство станций – сюда стекаются люди, они приносят с собой свой опыт и деловые контакты. Сюда пришел

Лысый... Если бы не он, кто знает, мог бы Алексей сейчас спокойно размышлять и планировать выполнение заказа? Или сбивался бы ежеминутно на ненужные и посторонние эмоции?

Глюк достанет оружие, оно очень скоро понадобится. Не потому, что Утюг часто проверяет свои заведения, неизбежно проезжая по туннелю, а потому что Алексей не хочет ждать. Собственные планы не терпят промедления.

Наблюдение продолжалось, третьесортная выпивка уже осточертела, но лучшего не позволял скромный стартовый капитал. «Объект» оставался для Алексея пока безликим. За спиной телохранителя угадывался лишь крупный мужчина с уверенной походкой, неплохо одетый по местным меркам. Даже по такой обрывочной информации перепутать его с другим теперь было бы трудно: характерные повадки хозяина выделяли Утюга среди остальных. Неизбежный риск, в мире хищников всегда так, они делят территорию, если им становится тесно. Ничего нового. Хоть Алексей и не имел своих интересов на этой «поляне», но почему бы тоже не поучаствовать?

– Нужно отделить телохранителя от «объекта». К тому же Утюг тоже может быть вооружен.

– Не может, а точно! Это сейчас у него бизнес, в прошлом-то покруче Васьки был. Так что он не будет пугаться и ручки кверху поднимать, сразу стрелять начнет. Времени у тебя немного, Утюг соображает быстро.

– Я уже понял. Стрельба – дело техническое. Труднее обмануть инстинкт. Хищник очень хорошо знает, кто перед ним.

– В каком смысле?

– Жертва, которую можно пинать, или такой же, как он сам. Он пугает, жертва боится. Это рефлексивно происходит, человек даже перестает себя контролировать. Страх есть у всех, просто у каждого свой. И мне надо будет как следует испугаться этого Утюга... Он не должен чувствовать угрозу, потому что сейчас сам сильно напуган.

– А попроще?

– В общих чертах: нужно перегородить путь его дрезине, это должен сделать один человек, которого Азаров не сочтет опасным. И когда Утюг остановится, действовать.

– Отличный план, – Глюк всё понял и представил себе наглядно: Алексей замочит всех в туннеле, Король доволен, а он сам только морально поддерживает и пистолет подходящий где-то достает. Хорошее дело!

«Мне нужно стать на время тобой, действовать, как ты... Нет, Вадим, конечно, ты не типичная жертва, но никогда не станешь хозяином положения. Хороший представитель большинства. В меру защищенный, в меру уязвимый – в такого поверит Азаров. Ты слишком осторожен для хищника – такой умер бы от голода. Нужно не бояться нападать, отбирать при случае чужую добычу и не отдавать свою. Здесь у вас такие порядки, я должен тебе их объяснять? Пришлось опуститься от заказчика до исполнителя... Но в таком положении не до капризов! Есть способ решить свои проблемы в пять минут, кто же будет отказываться? Или... Или проблем вовсе не будет. Исчезнут вместе со мной». Алексей чувствовал, что теряет нить разговора, мысли путались. Даже Глюк поглядывал на него с беспокойством.

– Ты чего?

Алексей провел рукой по лицу, ладонь была влажной. Противная слабость опять сковывала движения, раньше он списывал это на последствия воспаления ран, на лечение без антибиотиков. Теперь через столь долгое время уже придется придумать другую причину плохого самочувствия.

– Похоже, температура... Резко как-то. Бывает.

– И часто бывает?

– Тебе-то что? – только вот сочувствия Глюка ему сейчас не хватало!

– Если ты в туннеле так свалишься, нам обоим ничего не светит.

И надеюсь, не заразно.

– Нет. Не беспокойся. А в туннеле – мои проблемы, – Алексей попытался устроиться удобнее, отвернулся. Неприятные ощущения быстро проходили, нужно только полежать, температура упадет сама без лишнего вмешательства. Но это повторялось всё чаще.

– Слышь... Тут на Китай-городе лепила хороший есть.

– Кто?

– Врач. Сходи, когда с Утюгом уже что-то решим.

Алексей кивнул: говорить было трудно, да и сказать нечего. Похоже, надо поторопиться не только с выполнением заказа. Жизнь несправедлива, но не настолько же! Иначе зачем он шел сюда?!

– Вадим, придется отложить немного. До завтра хотя бы.

– Чего уж там... – Глюку ничего не оставалось, как смириться с перерывом в работе. – Подожду. Ты, Лёха, не думай, что я ждать не умею. Работа снайпера – она по большей части из этого и состоит. Я ж еще помню... Просто хочется успеть побольше. И побольше хапнуть – тут такая возможность! Лёх, спишь, что ли?

Алексей не спал – пытался не думать о том, что жизнь не только несправедлива, но и окажется существенно короче, чем предполагалось. «Успеть побольше» хотел не один Глюк.

* * *

Громкий властный голос Азарова был слышен издалека. И его распоряжение, прозвучавшее где-то в недрах заведения, найти дрезину к трем часам дня Алексей запомнил. Дальше тянуть не имело смысла, а то терпение смотрящего закончится, и цена упадет. Выждав еще немного за стойкой бара, он отправился делиться информацией с Глюком. Поиски шустрого напарника оказались более сложной проблемой.

– Вадим, дело есть, – окликнул его Алексей, простояв несколько минут за спиной: увлеченный игрой в «наперсток» барыга ничего не замечал вокруг. Но и участия в игре не принял – похвальная осторожность.

– Что-то выяснил? – трудно слушать внимательно, скосив один глаз на напарника, одновременно продолжая наблюдать. Пришлось выдернуть его из рядов болельщиков. – Ну?

– Сегодня. Ты оружие достал?

– Да, как раз этим и занимался. Значит, до Треугольника Утюг сегодня не доберется...

– И я не доберусь, если ты мне не расскажешь, как расположены эти запутанные туннели, – Алексею необходимо было хорошо ориентироваться на местности, а он ничего не запомнил, проходя этот путь в обществе Глюка. Тот не давал сосредоточиться, в темноте его болтливость лишь обострялась.

Лабиринты подземных путей невозможно описать никакими словами, пришлось руководствоваться рисунком. А слова «вот там, где не нарисовано, – не ходи, хрен знает, что там и кто там» оказались весьма

справедливы. Из отверстий в потолке доносился шум, иногда в темноте сквозь полуразрушенную стену виднелся отсвет костра. Туннели на разных уровнях, канализация и водостоки давно соединены с метро, да и транспортные пути представляли собой перепутанный и несуразный для непосвященного хаос. Узкие технические проходы шли параллельно рельсам, внезапно возникающие перед глазами дыры межлинейников заставляли сверяться с планом и вспоминать, сколько таких перекрестков уже пройдено. Алексей еще раздумывал: как бы незаметно проскочить блокпост, а то ведь алиби не будет... Какое алиби?! Отсюда могло появиться что угодно или наоборот исчезнуть тут вообще без следа! К тому же, никто и не заглянул под капюшон, не пытался отследить его и запомнить. Вот на обратном пути придется отдать на нужды станции три патрона, иначе охрана вспомнит слово «бдительность». Многие гости из Треугольника, включая Утюга, за проход не платили, но подобный статус нужно было заслужить.

Алексей, впервые оказавшись в туннеле в одиночестве, снова почувствовал дискомфорт. Не мешала темнота, ее легко разогнать фонарем, а вот с ощущением пространства было похуже. Раньше приходилось лазить по еще более узким коммуникациям, техобслуживание бункера иногда требовало и не такого. Почему-то тут очень хотелось оглянуться... А оглянувшись, он уже не мог двигаться вперед. Вроде места полно, потолок высокий, но все равно отвратительно! Единственное желание – прижаться к стене и замереть, не двигаясь, зато полный обзор в обе стороны. Фонарь не может светить и туда и обратно, а лампочек туннельного освещения вокруг Китай-города не предусмотрено. Преодолев беспокойство, Алексей пошел дальше, все же осмелившись повернуться спиной к неизвестности, к бесконечной бетонной трубе позади... Старался не думать об этом, но отвлечься пока не получалось.

Место действия предполагалось организовать где-то в середине. В середине неопишуемого «непонятно где»! При стремлении Алексея к точности и определенности – самое то! Чего еще он ожидал, если напарником является Вадим-Глюк? Неожиданно за спиной раздались шаги, пришлось нырнуть в ближайшую темную дыру. Он ждал, когда человек пройдет мимо, чтобы приступить к делу, но не дождался – видно, неизвестный тоже беззвучно пропал в подземном ходе по сосед-

ству. Махнув рукой на всех, кто может наблюдать из темноты, Алексей проверил оружие, убедился, что легко и быстро достанет его из кармана куртки. Пусть смотрят. Если захотят помешать, зрителей поубавится, патронов хватит и на «объект», и на любопытных.

Отодрать от стены несколько кабелей оказалось непросто, а может, ломик был коротковат для такого дела – Алексей быстро устал. Но чтобы перегородить рельсы поперек всего туннеля, нужно разломать еще одно крепление. Он снова принялся за работу, останавливаясь и прислушиваясь, но предупредил его не шум, а свет фары дрезины. Охотничий азарт тут же прогнал усталость. Нужно только убедиться, что дрезиной не ошибся, иначе придется сматываться отсюда побыстрее, рискуя получить пулю в спину.

– Стой!

Кто кому кричал, в темноте не было видно, а петли кабелей поперек рельсов заметны издали, транспортное средство остановилось в метре от них, оглушив скрипом тормозов и отборным матом на три голоса. Трех Алексей не ждал... Это «объект» или вообще кто-то другой? Может, пора уже всё бросить и бежать, пока адреналин еще не выдохся в организме за время ненужных сомнений? И тут послышался голос Азарова:

– Убрать немедленно это дерьмо! И это, и вон то – тоже!

Алексей мысленно поблагодарил за комплимент, таковым он и показался сейчас двум здоровым охранникам. Но проблем прибавилось: сойти вниз должны были оба. Самый быстрый стрелок не успеет завалить троих противников, рассредоточенных в разных местах, а уж Алексею таких маневров выполнять никогда не приходилось. И начинать прямо сейчас без репетиций не очень-то хотелось!

– Слышь, ты... Тебе кто тут разрешил кабели снимать? Да еще, козел, по путям разложил, как у себя дома! Иди-ка сюда.

– А чё не так? – Алексей заслонил ладонью лицо от бьющего в глаза света.

– Иди сюда, я сказал!

Хозяйские интонации могли бы напугать настоящего «шестерку» с Китай-города до мокрых штанов, поэтому пришлось изобразить хоть видимость страха. Но наглого страха, свойственного коренным обитателям станции. Что сказал бы Глюк?

– А чё сразу орать-то? Ну, уберу, если проехать мешает, – и Алексей потащил на себя один из кабелей, запутывая остальные еще больше.

– Иди сюда, я сказал! Твою мать! Ребята, разберитесь с этим...

«Ребята» у Утюга были здоровее некуда, теперь Алексей понял, почему так мало народу на дрезине, – больше не вмещалось. Вооруженные амбалы приближались, и он отступил на пару шагов. Понимал, что не стреляют они лишь потому, что еще не определились с вероятной принадлежностью встретившегося на пути наглеца к более сильной группировке.

– Ваши кабели, что ли, блин?! Какие проблемы-то?

И голос сбавил на полтона тише, «шестерка» борзеть не должен. А то ведь перед другой группировкой можно и попросту извиниться, что трупом в туннеле намусорили... Неуклюже зажатый в руке ломик «быков» только насмешил. Зато, громко изощряясь в остроумии, они уже шли рядом. Что и требовалось... Охрана не заслоняла собой хозяйина, похоже, их нанимали не защищать, а только убивать по приказу, Утюг пока не расчихал опасности и отдать команду не успел. Бойцы шагнули вперед, чтобы убрать с дороги предприимчивого воришку кабеля. Алексей отступал, стараясь не споткнуться, изображая сильный испуг, ждал, когда они подойдут поближе и встанут рядом. Далеко! Свет в глаза! Еще шаг – и результат не гарантирован.

– Стой, шпана! От нас не убежишь.

Под ногу все-таки подвернулся провисший кабель, он потерял равновесие и уронил ломик, но руки теперь были свободны. Амбалы заржали. Нет, непрофессионально так удаляться от хозяина... Выстрел оказался для них полной неожиданностью. Светлая вылинявшая джинсовая рубашка одного из них даже не успела пропитаться кровью, как прозвучали еще два: второму охраннику Алексей целился в голову – черная одежда скрывала очертания тела, но слегка промахнулся, снесенная пулей часть лица его не устраивала как результат. Зато оставшаяся часть от удара развернулась, под прицелом оказался висок, теперь попадание было точным.

Утюг скрывался за слепящей фарой. Алексей видел промелькнувшую тень – человек инстинктивно присел, но не застыл на месте в испуге, а попытался достать пистолет из-за пояса. Мешало изрядно округлившееся от сытой и спокойной жизни пузо. Судорожные движения локтя, едва видимые за этим бьющим в глаза светом, четко обо-

значили для стрелка мишень – Алексею этой секундной задержки хватило, чтобы, тщательно прицелившись, нажать на спуск. Тело «объекта» скатилось вниз на рельсы. Работа сделана, теперь не заблудиться бы снова в этом лабиринте межлинейников и параллельных путей. Он запрыгнул на дрезину и, быстро разобравшись с приборной панелью, выключил фару. Туннель погрузился во тьму, Алексей ждал, когда перестанут мельтешить под закрытыми веками пятна от ослепительного света, прислушиваясь, но не доносилось ни звука. Ни шороха, ни стона раненого – чисто. Только под дрезиной уже пищали крысы, вероятно подбираясь к самому упитанному и аппетитному Азарову. Выстрелы скорее привлекут сюда подземных жителей, чем отпугнут, Алексею казалось, что он уже начал проникаться местным менталитетом. А вот самому желательно оказаться подальше, когда тела кто-то обнаружит. Нужно лишь убедиться, что добивать контрольным не понадобится... Пистолет убрать, прикрыть его, обвязавшись курткой, три патрона в правую руку – и быстрым шагом обратно на станцию.

Блокпост закрывает глаза на всё, Король хоть за этим проследит: единственное достоинство заказа «сверху». Но только до тех пор, пока это ему выгодно. Поэтому подстраховаться на всякий случай не мешало бы. Глюк стоял неподалеку, нетерпеливо ожидая, Алексей кивнул ему, подтвердил – беги зарплату получать! – и задал охране вопрос о станционном медпункте. Слова напарника не выходили из головы. И пусть запомнят, что человек с приметными шрамами разыскивал, как это по-местному, «лепилу».

* * *

Больной пока выглядел небезнадежно, на тошноту не жаловался. Не было язв на коже, да и волосы вроде все на месте, картина лучевой болезни не вырисовывалась. Нормальный тридцатилетний сталкер в хорошей форме. Только на первый взгляд. Сейчас температура у него не повышалась, но он утверждал, что в последнее время это стало частым явлением.

– Рукав закатай. Анализ крови нужен. Не боишься уколов-то?

На внутренней стороне локтя, которую больной с иронической усмешкой предъявил врачу, виднелся кровоподтек, совсем не похожий на след травмы.

– Само появилось? – Врач сразу посерьезнел, разглядывая уже желтеющий по краям синяк.

– Да, – коротко ответил Алексей. – А исследований дозиметром в заднице, надеюсь, не предвидится?

– Шутник... Пальцы сжимай в кулак. Точно тошноты нет? – кожа чистая, но слишком белая. Впрочем, для светловолосых это не симптом, а норма.

– Точно нет. Хотя, если проведу тут еще неделю – начнется. – Китай-город вызывал стойкое отвращение, но приходилось терпеть.

– Хочешь общаться с интеллигентами, иди в Полис! – чистых пробирок не было, простерилизованный старый стеклянный шприц наполнился, врач осторожно вытащил иглу, зажав обрывком чистой тряпки вену. – Так и держи. Извини, спирт закончился.

– Да уж конечно, откуда тут такая роскошь? – без прижигания кровь не останавливалась, тряпка быстро промокла. Алексей поднял руку вверх, опираясь локтем на шкафчик рядом со стулом.

– Лучевую болезнь сразу исключим, потому что за полтора месяца от тебя уже осталась бы жуткая развалина или вообще ничего – крысы бы сожрали и отравились насмерть.

– А что тогда? – Алексей не ощущал паники, но спокойствием такое состояние не назовешь. Снова приговор... И снова он к нему готов. – Вы мне скажите одно: сколько у меня времени.

– Анализы надо проводить... Я не гадалка, но подозрения уже сейчас есть. Зайдешь через пару дней – скажу точно.

– Давайте подозрения. Мне и это сгодится, – он хотел знать. «Когда?! Успею ли я...» Но как бы ни кипели внутри нетерпение и страх, что он не сможет достичь своей цели, не нужно выплескивать это здесь и немедленно.

– Непрофессионально ставить диагноз без должного обследования! Не думай, что раз тут не Таганские лаборатории, то и медицина на уровне каменного века.

– Я подожду пару дней. Но ведь за ошибку претензий не будет – хочу знать сейчас.

– Что за спешка? Где ж ты тогда шлялся до сих пор?! – врач быстро остыл. Больной ему не знаком, чужой на станции, а так орать можно было бы на своего... Он снова покрутил в руках стеклянную колбочку

шприца. Красное содержимое выглядело не таким уж красным под ярким светом лампы. Вряд ли микроскоп покажет что-то иное, не первый день практики-то уже. Синяки и лимфатические узлы ему тоже совсем не нравились. – Ладно... Раньше я бы дал тебе лет пять. Теперь и года можешь не прожить.

Врач с удивлением смотрел на посетителя, который даже и не сдерживал вздоха облегчения. Похоже, тот готовился умирать прямо сегодня ночью. До чего же некоторые мужики мнительны по поводу болячек! Но ведь сталкер знал, чем рискует. Они все это знают. Толку-то?! Как дети, надеются, что пронесет. Почти нет сомнений в диагнозе, а раз уж этот Алексей так спокойно принял информацию...

– Ты подожди помирать... Послушай, только без смешков и недоверия! Средств лечения рака крови больше нет, может быть, где-то и сохранилось медицинское оборудование, кто-то производит лекарства. Но не здесь. И не для нас, простых смертных. Как ни странно, лучше тебе сейчас не прятаться на станции и тихо погибаться, а наоборот – не отменяй выходов на поверхность. Радиация губительна и для раковых клеток, она замедлит процесс. Ты понимаешь?

– Мне знакомо слово «радиотерапия». Если это даст мне дополнительное время, хорошо.

– Но вот только не надо защитой пренебрегать! Попадание внутрь организма пыли убьет тебя намного быстрее, если уж повезло избежать лучевой болезни один раз – во второй не нарывайся.

Понятливый больной не мог не радоваться. А сказать ему что-то хорошее никак не получится. Острый лейкоз, почти стопроцентная вероятность. Кровь еще не похожа на воду, не та стадия, но уже видно – что-то не так. Болезнь очень быстро развивалась, онкология непредсказуема. Может убить в считанные недели, а может не беспокоить годами, и с каким именно случаем столкнулся сейчас, врач не знал. Крепкий организм еще не гарантия долгой ремиссии, а без лечения – это вообще только на усмотрение высших сил. Как они распорядятся, никому не дано знать.

– Короче, так, Алексей... Если много долгов – не отдавай. А вот с неотложными делами поторопись. И обязательно зайди. Завтра. Тогда я тебе скажу точно, без всяких предположений.

ГЛАВА 5

ТРУДНЫЙ ВЫБОР

– Что сказал лепила? – участливо поинтересовался Глюк, надеясь, что в ближайшее время не потеряет напарника снова.

– Сказал, чтобы срочные дела я решал побыстрее.

– Во как...

– Да никак. С этим и раньше завешание писать начинали, а уж теперь... – Алексей усмехнулся, заметив оживление Глюка при слове «завешание». – Но до конца года я, возможно, еще доживу, поэтому ты не очень-то рассчитывай на наследство и к автомату не приглядывайся!

– Ну вот еще! Больно нужен мне твой старый автомат! Давно бы сам поменял уже на что-то толковое. А то пистолет в аренду брать беспонтово совсем.

– Не до понтов мне сейчас, Вадим.

Вообще, это мысль, ведь из автомата застрелиться – это ж постараться надо, пистолет удобнее. Но попозже, когда придет боль, симптомы станут непереносимыми. А там, может, и с оружием вопрос решится. В чем причина? Ночь без химзы? Вода? Или открытая рана и грязные тряпки?

Алексей давно не строил планов, спонтанные решения и без того давали неплохой результат, интуиция срабатывала безотказно. Удалось добраться до города, без проблем отсидеться в Новокосино. Да еще и Глюк удачно начал разыскивать Тимофея. Плыть по течению тоже можно, оказывается, не управляя ходом событий. Хватит! Пора

снова взять инициативу в свои руки и решить, что делать дальше, хотя бы до конца года. Алексей ощупал шрамы – слишком пугающе выглядят, следы швов даже не исчезли. Врач сказал, что через месяц станет получше, такой срок Алексея вполне устраивал. Пусть Лена еще немного подождет.

Следовало определиться: остается ли он на Третьяковской, временно замещая убитого наемника, или ищет новое место обитания. Долго находиться в этой «криминальной столице» он не сможет, а другие станции требуют легального положения и документов. Что же делать?!

Сейчас совсем не было сил даже на то, чтобы думать, – мысли путались, из этого беспорядка невозможно выхватить ни одной зацепки. Алексею казалось, что он уже полностью принял и осознал слова врача, но это не так. Иначе не отказывал бы сейчас мозг и не стремилось бы к покою и неподвижности всегда активное тело.

– Слышь, тебе плохо совсем?

– Нет... Хорошо мне.

Так хорошо, что впору сдохнуть от тоски: угробил четверых и себя самого заодно уже во второй раз! Алексей ни о чем не жалел, только хотел знать: за что? Наверное, внешний вид полностью отразил его внутреннее состояние, потому что Глюк, посомневавшись немного, протянул ему какой-то пакетик.

– Держи. Для себя купил, но... Тебе, похоже, хреново.

– Что это?

Можно и не спрашивать – наркотик какой-то. Что еще мог предложить по доброте душевной этот бывший барыга? У него один способ решения всех проблем: уйти в приятные иллюзии. Искушение сильнейшее, ради единственного вполне определенного видения Алексей готов был душу продать. А Глюк искренне хотел помочь, просто не знал другого способа.

– Это... Грибочки местные. Качество отличное, уж я в этом разбираюсь! Не фуфло, даже голова болеть не будет.

– Спасибо, не хочу.

Очень хотелось! Невыносимо трудно отказаться! Но как же ему будет плохо завтра... И не от головной боли – оттого, что это всё нереально. Алексей предпочитал воплощать в жизнь фантазии, пусть это требовало затрат сил и времени, а не наоборот. Но Глюк подал неплохую

идею: нужно чем-то себя отвлечь. Срочно, немедленно и более привычным способом.

– Вадим, если хочешь чем-то помочь, оставь меня сегодня одного. Уйди куда-нибудь и раньше утра не возвращайся.

– Договорились, – Глюк зажал в кулаке не принятый напарником порошок, обдумывая, где бы потихоньку употребить его вечером само-
му. – Может, тебе выпивку достать? Или еще чего?

– Еще чего – это я сам найду. Спасибо за помощь.

– И не думай! Ты сейчас сам такое найдешь – замучаешься лечить! Я тебе покажу, где искать, только там девчонки не дешевые.

* * *

– Твой друг извращенец? – «мамочка» не тратила время на церемонии, задала Глюку прямой вопрос, требуя такого же конкретного ответа.

Глюк растерялся.

– Почему? Он нормальный, вроде... Не к мальчикам же пришел!

– Да я не про это. Садист или еще что подобное? Чего он в бордель приперся, когда с такой-то мордашкой ему и бесплатно любая по гроб жизни благодарна будет за внимание!

– А, это... Вроде, нет. Он... – пришлось Глюку пропустить матерное слово, обидное для «мамочки». – Профессионалок не видал еще.

– Где ж ты такого нашел? Ну, теперь хотя бы понятно стало. А ты пошел вон отсюда! Нечего на товар глаза пялить, от тебя никогда патронов не дождешься, – уставшая женщина махнула рукой на Глюка, выпроваживая мелкую шушеру из «приличного заведения». – А вы куда собрались?! Как вас там... Алексей. Этот экономный засранец предупредил, что тут с пустым кошельком делать нечего?

– Он предупредил.

Даже если не существует определенной цены на услуги, дорогие подарки намного ускоряют путь к сердцу женщины. И не только к сердцу, в бункере Алексей такое уже видел. И все же какая-то неуместная растерянность ощущалась в глубине души: где же те самые сложности, которые позже приносят ощущение победы? Слишком просто. Да нет, еще выбрать нужно! А вот это оказалось уже совсем не так просто...

Второпях от расстройства, что его посчитали неплатежеспособным, Глюк даже забыл про свои грибочки. Да жалко патроны тратить на такую ерунду! А если Лёха шибко правильный и ему ни наркотики, ни алкоголь не подходят – это уже его проблемы, пусть платит за развлечения подороже. Придется вернуться. Зато хоть посмотрит, на сколько примерно разорился напарник. Палатка уже оказалась занята, быстро же он освоился. Глюк замер в нерешительности, внутри находилось как-то многовато народу, если полагаться на слух. Две штуки! И похоже, это до утра. Глюк подсчитал и ужаснулся – пистолет купить можно было! Ну, не самый лучший... Запросы напарника явно повыше, чем у Василия. Может, ему скидку сделали за красивые глаза? Уж слишком весело и живо звучал смех из-за тонкой тряпочной стенки. Пропал вечер. Можно, конечно, взять потихоньку свою заначку, они ничего и не заметят. А если утром Лёха ему за это снова устроит выговор в своей неповторимой издевательской манере или вообще по морде врежет, как Васька? Не стоило рисковать.

Так он и продолжал топтаться на пороге. Ощущение неудобства и страх в сознании Глюка сливались примерно в одно понятие, причем понятие довольно позорное, ведь и напарник что-то говорил ему об этом. А вместо того, чтобы пойти и выпить по-человечески – этот Лёха все-таки извращенец! – вдруг напала задумчивость. Алексею легче, терять уже нечего после того, что «лепила» сказал. Вот и не боится ничего, теперь хоть в Мертвый перегон... Припомнить бы, что тот говорил по своей привычке всё подкреплять теорией. Заняться-то нечем, и в палатку до утра не вернешься. В бар он еще успеет, на Китай-городе они не закрываются никогда, кто ж будет клиентов терять? Хозяина-то уже нет, а заведения работают.

Страх прижился внутри уже давно, еще с тех пор, как Вадима Першукова не допустили вплотную к серьезным боевым операциям, вручив снайперскую винтовку. Он не был трусом, но и смелостью особенной не обладал. В рукопашной схватке или в бою с мутантом только путался под ногами и отлетал в сторонку с первого же крепкого удара – щуплое тело просто не позволяло оказать серьезного сопротивления. Боевой дух постепенно угас, и, понимая, что победа не светит никогда просто по физическим кондициям, Вадим с головой ушел в изучение возможностей СВД. Постигать науку пришлось почти самостоятельно, некому было объяснить, как правильно использо-

вать случайно подобранное группой сталкеров оружие. В темных и изогнутых туннелях стрелять было некуда и не в кого, хотя и легче, поправки на ветер не требовалось. Зато теперь надежно удаленный от опасных перестрелок и поединков Вадим мог присоединиться к остальным на равных. Пока... Пока не остался без казенного оружия и не превратился со временем в Глюка.

Противника нельзя бояться. Даже если есть страх, нужно сдержать его, закрыть внутри себя сейфовой дверью прочнее гермоворот, чтоб никто не заметил! А мощь собрать всю, сколько есть. Только тогда противник поверит. Только тогда отступит перед силой взгляда. Глюк отбросил страх, а вот с внутренней силой были проблемы. Неужели в прошлом нет ничего, за что можно зацепиться? И сильным он себя чувствовал только с СВД в руках? Тогда нужно представить себе ее, свою напарницу, или ту, другую, из которой удалось подбить птера на лету. С ней он был неуязвим... Вот оно! И Глюк храбро посмотрел противнику прямо в глаза, мысленно уже видя его поверженным. Давно гипнотизируемая им большая крыса испуганно пискнула и спряталась под шпалой. Теперь можно и на людях опробовать. Правильно, а начать с «мамочки» из борделя!

Алексей выглядел бледным, уставшим. «Лучше бы он на лечение патроны расходовал», – подумал Глюк. Некоторые мечты утомительны в исполнении. Сильная зависть уже делала чужие фантазии слишком заманчивыми, заставляла сомневаться: может, и не так это было дорого?

– Видок у тебя... Только в гроб положить! Что ты с ними делал-то? – Глюк все-таки кипел от негодования, хотя распоряжаться своей долей платежа каждый из них мог по своему выбору.

– Таких вопросов мужчины не задают. Это личное дело... в данном случае троих, – Алексея слегка развеселила необычная формулировка. – А в гроб рановато, у меня еще одна задача есть.

– И опять баба!

– Так, Вадим... – если напарник понижал голос, стоило помалкивать, Глюк обладал нечеловеческим инстинктом самосохранения, когда дело касалось опасных людей. Да, это не Васька... Тот тоже был не ангел. Теперь Глюка возили мордой по грязи уже не буквально, и еще неизвестно, что противнее. – Я не возражал, когда мне, исполнителю,

достались всего пятьдесят процентов, но я хоть понимаю, за что я практически подарил тебе патроны. А они свалились тебе дуриком, это точно, только за твои консультации. Вот терзать свои уши твоими вопросами я не обязан.

– И что теперь? Мне молчать?

– Просто слова выбирай получше. Ты свел с заказчиком и дал много необходимой информации. Пока я еще не чувствую себя в метро, как дома. Поэтому напарник мне не помешал бы.

Ненужные сложности в отношениях с Алексеем то и дело давали о себе знать, вот Васька бы уже рассказывал во всех подробностях, стоило ли отдавать кучу патронов. Алексей не расскажет. Но спросить-то можно?

– А все-таки как? Ну, мне ж интересно, может, тоже соберусь... – Глюк кивнул в сторону станции, куда удалились девчонки.

– Познавательное, – ответил напарник. – И поскольку с вопросом про передозировку девиц ты все равно не отвяжешься: просто с неприщипки не мог быстро определиться с выбором.

– Будет ли еще работа для Тимофея? – Глюк мечтательно смотрел в потолок, ощупывая сумку с патронами. – Не спеши, Лёха, задержись пока. Ты ж на Бауманскую хочешь добраться, я знаю... – он решил не называть конкретно целей Алексея, потому что кроме «баба» все равно ничего в голову не пришло.

– Я, по-твоему, похож на Пищухина? – приподнятые брови и безглаголиво дрогнувшие губы подсказывали отрицательный ответ. – Только... Скажем так: только молодой и влюбленный до полной потери сознания пойдет прямо к девушке без определенных планов и намерений.

– А я понял, тебя вообще кроме этой девушки ничего не интересует! – не считая тех двух вот только что... Но планов Глюк пока не уловил. Понятно, что новый напарник не ищет прямых путей, нужно было внимательно слушать, чтобы понять до конца. Находиться рядом с ним довольно прибыльное дело, может, и еще что-нибудь перепадет. Ведь сам он в своем неудержимом стремлении к цели о прибыли не думает, но кто-то же должен?

– Первое: я хочу вернуть себе свое имя. Как уж это сделать... Придется думать совместно. Потому что, если я только покажусь в поле зрения Елены, она первым же воплем выдаст, что никакого Василия Филиппова на свете больше не существует.

– Теперь понял. А дальше?

– Медицина мне уже не поможет. Просто хотел знать, каким временем я располагаю, сколько еще осталось. И мне нужен официальный повод для визита на Бауманскую. Совершенно законный, без малейшей двусмысленности. Торговля, охрана – что угодно, но я должен оставаться рядом с ней настолько долго, сколько мне необходимо.

Алексей задумался; Глюк ему не мешал, но начал скучать.

– Пойду посмотрю, что там про наше дело слышно.

– Давай, зацени общественный резонанс.

Сам Алексей будто наяву снова видел перед глазами слепящую фару дрезины, вспоминал это краткое и одновременно бесконечное ожидание ответного выстрела Азарова. Так вот он какой, свет в конце туннеля...

– Слушай, такой шум поднялся из-за Утюга! – Глюк довольно улыбался. – Натворил ты дел.

Напарник начал собирать разбросанную одежду, открыл рюкзак, уложил на дно оставшиеся патроны.

– Беги, Глюк. Да побыстрее.

Прозвище вместо уже привычного обращения по имени настояжилось.

– А чего мне бежать-то? Да и тебя никто не найдет.

– Мне просто задерживаться тут ни к чему. Про тебя – другой вопрос. Я сам сейчас первым делом посредника убрал бы, чтоб не всплыло имя заказчика. Потому что никому не интересно, кто стрелял... Тут таких стрелков половина станции. А вот откуда заказ пришел – информация поинтереснее. И на ее пути стоишь ты, Вадим. Дошло?

Вторая сумка оказалась на полу рядом с рюкзаком Алексея уже через пару секунд.

– Не суетись! И, Вадим, мне тут нужно... Еще кое-куда.

Алексей не знал слова «надежда». Не знал до сих пор, да и сейчас ощущал лишь слабое ее подобие: открывая дверь, он уже предполагал, что именно услышит. Врач кипятил инструменты в кастрюльке, перекладывая их на дне длинным стальным пинцетом, обернулся на скрип

дверных петель, похоже собираясь рывкнуть на чересчур раннего визитера. Но при виде Алексея лицо помрачнело, он только молча покачал головой.

Чудеса случаются лишь с теми, кто их заслуживает, да и то исключительно редко. Для него обратный отсчет включен. Алексей понял, что теперь придется добиваться от каждого шага максимального эффекта. Это фигурально выражаясь... Потому что реально приходилось прилагать немалые усилия, чтобы просто идти: практически бессонная ночь и усталость давали о себе знать. Но ведь повторить подобный подвиг с девушками уже, наверное, не придется. Пора включить в работу и верхнюю половину тела, заставить мозг функционировать на полную мощность. Глюк обнаружился на месте, пока еще живой и готовый стартовать с Китай-города на космической скорости. Неплохо бы ему сейчас вспомнить всё, что он знает о местных лабиринтах, это может пригодиться.

* * *

– Лёха, я тут подумал... – он обернулся назад, тут же споткнувшись о шпалу. – А как мы с твоей липовой справкой из Новокосино в Ганзу попадем?

Выговаривать каждый раз «Алексея Аркадьевича» Глюк отказался категорически. Но на Лёху не откликался напарник. Принципиальный, сволочь! Называть его Тимофеем язык не поворачивался, хоть он и подтвердил делом право на это имя... Но оно принадлежало Ваське, поэтому никак не увязывалось с тем, кто его убил. Придумать ему собственное прозвище? Придумать можно, да вот только вслух не произнесешь, тут же в глаз схлопочешь.

– Слышь... Надо что-то с пропуском думать.

– Сколько? – донеслось из-за спины.

– Правильно мыслишь. У тебя после девочек осталось чего?

– Осталось. И ни за что не поверю, что у вас тут не налажены пути прохода на Кольцо. Должны быть свои люди.

– Есть... А то сидеть в бомжатнике на Тургеневской будем вечно.

– Ну, положим, справка у меня есть и даже подлинная. Но вот срок ее действия скоро закончится. Да и Василием быть надоело.

– А кем хочешь?

– Самим собой! – раздраженно буркнул Алексей; этот туннель ему тоже не нравился. – А что мы будем делать на Кольцевой линии?

– Может, все-таки купишь паспорт? Настоящий, только он от покойника.

– Не буду.

– Боишься, в приметы веришь?

– Ни во что я не верю, и если ты забыл – сам-то уже наполовину... Клиент ваших оборотистых ребят с ксивами. Не хочу. Здесь проверки серьезные, а я сторонник только разумного риска.

– Ну-ну... Кстати, рискуем мы сейчас даже больше, чем если бы на станции оставались.

Алексей остановился и достал автомат, от звука взведенного затвора Глюк подскочил и хлопнул его по руке.

– Тише! Тут дыши через раз. И уж точно не стреляй...

– А кто трепался всю дорогу?! – зло прошипел Алексей, все же понизив голос. – Что опять не так?

– На станции могли и не убить... И здесь тоже есть вероятность не содохнуть. Только если вести себя правильно.

И показывая правильный пример, напарник отошел к стене, чтобы не топтать по шпалам, ступал так тихо, как мог. Алексей последовал за ним. Трусоватый Глюк владел не в пример большим количеством информации, чем абсолютно непосвященный подмосковный сталкер.

Туннель на первый взгляд ничем не отличался от других, более или менее опасных: так же тянуло затхлостью, сверху изредка капала вода, и раздавались странные звуки. Эхо искажало слабые потрескивания и шорохи, разнося по трубе туннеля в неузнаваемые звуки. Здесь Алексей везде чувствовал угрозу. Ее нельзя было увидеть и услышать, но она ощущалась постоянно – если, конечно, он опять не поддался своему страху, что рухнет потолок. Однако здесь присутствовало что-то еще, что заставляло хвататься за оружие. Вот только Глюк был прав: убить этот страх никакой пуле не под силу. Разве что пустить эту пулю в голову, чтобы уж точно ничего не бояться.

Обладая развитой интуицией, Алексей поверил ей безоговорочно, а тело сделало все само, повторяя движения впереди идущего напарника, осторожно, не нарушая тишины, двигаясь и оглядываясь. Фонарь не выхватил из темноты ничего подозрительного ни на полу, ни на полукруглом потолке. Что-то было здесь... Сейчас или некото-

рое время назад? Алексей не боялся ментального воздействия, ему и раньше случалось ощущать, будто разума касается кто-то посторонний, ощупывает его, пытается проникнуть внутрь... Но быстро оставляет в покое, то ли обжегшись о душу в криогенной заморозке, то ли перепугавшись того, что увидел внутри. А может, опасаясь, что ему зададут встречный вопрос: и чего ты тут забыл? Реалист, начисто лишенный чувств и впечатлений, неинтересен даже туннельным мозгоедам.

ГЛАВА 6

СИЛА ОГНЯ

Раздался какой-то скрежет, Глюк, сильно прижавшись со страху к стене, задел металлический короб. И тут инстинкт сработал в полную силу: показалось, что уплотнился воздух, он изменил свой запах, вместо сырой земли вперемешку с дерьмом теперь отдавал озоном, будто электрический ток вдруг снова побежал по давно мертвым проводам. Алексей хотел оглянуться, но Глюк, подхватив поудобнее свой неуклюжий рюкзак, хриплым шепотом выдохнул:

– Беги, не оборачивайся!

Лучи фонарей заматались по стенам, привычный к таким кроссам Алексей скоро оставил напарника далеко позади. Замедлив бег, подождал, пока задыхающийся Глюк поравняется с ним, и, крепко ухватив за предплечье, потащил его дальше. Бросить всегда успеет. А обойтись без проводника трудно, раз тут такие дела творятся. Всего один взгляд назад... И ему показалось, что мрак стал еще гуще, если, конечно, от двойной нагрузки не темнело в глазах. Глюк бежал, как бегут от самой смерти, но ускориться уже не мог. Алексей, не поддавшийся панике, тянул за собой этого полезного знатока подземелий, с горечью осознавая, что от собственной участи не убежать... А чувство опасности гнало вперед, тело, сохранившее силу, намечалось сохранить ее как можно дольше.

Слабый отсвет вдали придал сил и Глюку, он чуть прибавил ходу и даже самостоятельно вскарабкался на платформу, где и рухнул на

грязный мрамор, держась за бок, отбитый рюкзаком. Алексей, оттолкнувшись от контактного рельса, одним прыжком оказался наверху и тут же уставился в черную дыру туннеля. Никто их не преследовал. Что бы это ни было, оно осталось внутри, не преступив границ темноты.

– И чего это такое?

Глюк пробормотал что-то неразборчивое и отмахнулся. Ужас так и остался для Алексея безымянным. Зато с обитателями станции следовало познакомиться, раз уж занесло в общество людей. Ведь не мутанты же разожгли редкие костры в этих низких и тесных арках? Самый большой костер горел в центре платформы, освещая наглухо заложенный бетонными блоками переход, совершенно черный закопченный потолок и группу людей, сидящих вокруг. Беглый осмотр не выявил опасности. Бомжатник, одним словом. Впрочем, сейчас они сами были точно такими же бродягами. Алексей, бросив у колонны мешок, сел на него и ждал, пока из арки появится напарник. Хотя бы ползком... Вскоре Глюк немного отдышался, и его голова осторожно высунулась из-за угла, обшаривая взглядом платформу.

– Вылезай, не бойся. Тут нет никого, кодла одна.

Один из местных жителей оглянулся на них и, поразмыслив немного, решил отойти от ярко освещенного круга в полутьму платформы к новоприбывшим.

– Эй, вас только двое?

– Вроде пока да, – ответил Алексей, пытаясь рассмотреть аборигена, не зажигая фонарь: лучше не показывать здесь дорогих вещей. Впрочем, и сам оборванец мог скрывать в заначке что угодно...

– А пожарть чего есть?

– Слушай, мне за просто так никто ничего не дает! Ничем не делится. Почему я должен отдавать что-то тебе?!

Глюк остановил его:

– Лёха, угомонись. Ты пришел на их территорию.

– И за что я должен платить? – уже вполголоса сказал он Глюку. – За тепло и крышу? Или за безопасность, которая весьма сомнительна?

– За гостеприимство, типа. Да просто тут так принято.

Все равно большой запас еды скоро протухнет, решил он, поэтому развернул засаленную тряпку с провизией на дощечке у костра. Тот,

кто подходил к ним, явно не был здесь самым старшим по званию. Глюк оглядывался, пытаясь угадать «пахана», Алексей ждал, пока тот сам обратится к ним. Хотя местные обычаи требовали сначала представиться, но на этот раз решать организационные вопросы будет более опытный и осторожный напарник. Пусть отрабатывает спасенную жизнь, не зря же его волокли через половину туннеля!

Кто-то сразу схватил кусок, а кто-то не спеша протянул руку к заветренной свинине и поблагодарил за угощение. Алексей больше не осматривался; чутье не дремало, но пока не подавало явных угрожающих сигналов. Можно было устроиться поудобнее на каком-то подобии скамьи, прислушиваясь к шуму голосов, не вникая в смысл разговора. Глюк, уже немного оклемавшийся после живой тьмы, несущейся вслед, ржал вместе с аборигенами над самой страшной аномалией метро, которая заставляет путников наложить полные штаны, да так и бросает. Казалось, что они забрели в тупик, из которого нет выхода. Возвращаться назад по тому же туннелю было бессмысленно и опасно, а в дальнейшем Глюк пообещал нечто совершенно невероятное и ужасающее. Между местными Сциллой и Харибдой и приютилась заброшенная Тургеневская, населенная лишь теми, кого тоже нигде больше не ждали.

– Пошли!

Вдруг прорезавшийся командный голос Глюка стал для Алексея полной неожиданностью, но, внутренне посмеиваясь, он направился вслед за напарником в предоставленную им на время пустующую арку. Куча полусгнившего тряпья в качестве подстилки вряд ли годилась, если только не захочется кормить еще и несметные полчища голодных вшей. Из туннеля ползла сырость, но странного тревожного запаха, явно ощущаемого в его темной глубине, тут не было вовсе. Алексей присел возле стены и протянул руку к углям. Они пока оставались еще теплыми, значит, когда остынут, станет еще холоднее. Он уже и не знал, настоящий ли холод ощущает, или снова начинается озноб и подступает слабость.

– Вадим, дров у них попроси. Должны же они за кормежку хоть немного отсыпать.

Глюк, уже позабывший, что решил играть тут главную роль, полпелся за дровами и принес кучу каких-то щепок, годных больше на освещение, чем на обогрев. Сидеть на полу было не слишком удобно, но Алексей предпочел его сопревшей куче, на нее он рискнул бы при-

землиться разве что в ОЗК, да и то ему всегда казалось, что проникающая способность у вшей побольше, чем у радиации.

– Что делать будем? – наедине с напарником Вадим быстро «выключил» командира и решил создать видимость обсуждения дальнейших планов.

– А я тебя хотел о том же спросить. Назад опасно, вперед – еще хуже, а станция замурована со всех сторон, как чумная... Только наверх. И то если гермы не заело.

– А кто их тут открывать пробовал? Я о таком ни разу не слышал. Нам бы дальше двинуть на Проспект Мира, на Кольцо. Но боюсь теперь...

Алексей хотел уточнить, что Глюк и раньше особенной смелости не проявлял, но промолчал. Люди на станции появились не сами по себе, откуда-то они приходили. Осталось узнать, какие неведомые дорожки привели сюда эту небольшую разношерстную компанию.

– В Ганзе хорошо! – продолжал Глюк. – Пропустят, если знать, кому давать на лапу и сколько. Нам хватит, вот только дальше придется что-то сообразить.

Судя по загадочной паузе, «соображать» он предоставил именно Алексею.

– Хрен тебе. Ты меня сюда завел, ты и выведешь.

– Ну, Лёха! – заныл напарник, который собирался, видно, переменить свое мнение «западно работать», – конечно, не делать этого самому, а лишь не препятствовать Алексею. – Так хорошо вместе дело обделали! Попробуем еще разок. У тебя здорово получается.

– Вадим, я о карьере наемного киллера никогда не мечтал. Один раз удалось... А дальше? Я ведь не Бэтмен. И не Нео – летать не умею, от пуля не уворачиваюсь. Всё, чем располагаю, – средненькие навыки бойца и неплохая соображалка.

– Это ты, Лёха, слабо сказал... У тебя цель есть, – с легкой завистью вздохнул Глюк. – А у меня нет.

– Так найди ее себе и успокойся.

– Уже нашел. Я хочу, как раньше, – снайпером на зачистках местности работать. Но казенный инструмент мне никто больше не даст. А своего не купить, хоть всю жизнь на него копи...

«Ничего не скажешь, мечта возвышенная и достаточно недостижимая, чтобы идти к ней годами, находя себе оправдания в ее невыполни-

мости. Если этот бесконечный путь вперевалочку с перекурами и есть твоя жизнь, то лучше сдохнуть сразу». Размышляя о пути, Алексей снова вспомнил, что нужно двигаться дальше. Глюк упорно хотел попасть на Кольцевую линию, пока у них еще оставались патроны, чтобы перекантоваться там некоторое время, и, не рискуя сунуться больше ни в один туннель, снова предлагал идти поверху. Путь к Проспекту Мира и поверху был опасен, а более удобной станцией ему казалась Комсомольская, хоть до нее на самом деле очень неблизко. Алексей собирался напомнить ему, что на поверхности патроны расходуются еще быстрее, но недалёковидность напарника даже перестала удивлять. В тактических решениях Вадим был незаменимым, а стратегию он привычно взял на себя.

– Сиди тут.

– А ты? – Глюк тревожно озирался по сторонам. Эта полутемная заброшенная станция пугала его не меньше, чем туннели – Алексея, он чувствовал себя будто в мышеловке.

– Попробую узнать что-нибудь интересное. Хоть о чем-нибудь.

Вернувшись в круг бомжей, так и продолжавших неторопливо переговариваться, Алексей хоть немного согрелся, воздух в центре платформы был неподвижен. И это настораживало, наводя на мысли о сломанной вентиляции. Но дым куда-то исправно вытягивало, поэтому Алексей успокоился, присматриваясь к людям. С неразрешимыми проблемами он еще не сталкивался и понемногу включился в разговор, задавая вопросы располагающему к себе старику. Тот указал на замурованный переход, наглухо отделивший станцию от красной линии.

– Отсюда можно только пройти на другие станции оранжевой линии, если не страшно. Или наверх, если есть снаряжение.

– Снаряжение есть. Только мы не знаем, что увидим наверху.

Он этого действительно не знал... Воспоминания о довоенной Москве оказались очень обрывочными, и узнать он мог бы разве что Пушкинскую площадь, рядом с которой много театров, в которые его возили, Цветной бульвар с цирком и зоопарк. Окрестности Тургеневской были сплошным белым пятном, в отличие от Комсомольской, куда он приезжал на электричке, если хотелось добавить адреналина в скучную жизнь дисциплинированного отличника. Тогдашний Лёша даже

покупал для конспирации два билета, бдительная кассирша не догадывалась, что мальчик собрался в Москву один. Уже пытался просчитать ходы наперед... От воспоминаний пришлось отвлечься.

– За то, чтобы посмотреть карту, тут просят тридцать патронов.

Вот в чем Алексей совершенно не разобрался до сих пор, так это в расценках: тридцать патронов много или мало?

– Я подумаю... – осторожно ответил он. Но собеседник его понял.

– Если вы считаете, что цена слишком большая, я могу просто рассказать. И предупреждаю сразу: бесплатный совет не слишком полезен.

– А у меня большой выбор? – бомж хотя бы был москвичом и, похоже, еще не страдал сильным склерозом. Только виделось ему отсюда из-под земли всё не так, как есть на самом деле. Поэтому и польза невелика. – Но на Комсомольскую очень надо попасть.

– Наверху расположена Тургеневская площадь. И широкий Чистопрудный бульвар. Вам нужно выйти на улицу Мясницкая, она пересекает площадь, по ней идти на север, никуда не сворачивая.

– А она начинается от площади? Или мне глядеть, с какой стороны фонарных столбов мох гуще растет?

Старик задумчиво посмотрел на него.

– Молодой человек, вы из какой лесной чащи вышли? Нумерация домов, конечно!

– Понял, она идет от центра, – Алексею стало смешно, ведь не сообразил раньше. Туннели заставят позабыть, что наверху существует целый город, ну, пусть и не совсем целый.

– Ну вот, всё вы сами знаете... На пути будет еще одна станция, Красные ворота, она расположена около высотки, вы ее увидите.

– Какой высотки? – Алексей не понял его сразу. Память сначала выдала какие-то здания из стекла и стали, которые вряд ли уцелели и могли служить ориентиром.

– Которых в Москве всего семь... Сколько осталось теперь, не знаю. Но, наверное, ее до сих пор видно над домами. Там заканчивается Мясницкая, за Садовым кольцом слева от высотки начнется другая улица, нужно идти дальше, в одном и том же направлении, и вы придете к площади трех вокзалов. Но вот что ждет вас там... Я сам не видел, но рассказы сталкеров пугают. Слышал, что там водятся веселые мутанты.

– Это что за звери такие? – слово «веселый» по отношению к тварям могло означать только нечто совершенно противоположное, поэтому лучше отнестись к предупреждению всерьез.

– Говорят, бывшие бомжи вокзальные.

Бывшие вокзальные, вероятно, еще хуже настоящих метрошных, решил Алексей. А старик больше ничего о них не рассказал, просто не знал.

– Выход наружу тут где? Есть на этой станции хоть что-нибудь незакрытое?

– Вентиляционная шахта. Вход в нее из туннеля, но недалеко, не пугайтесь. Вглубь забираться не придется.

Это как раз и пугало, не зря воздух тут казался каким-то нехорошим. Понятно, раз шахта давно служит не тем целям.

– А в какой туннель-то? – раздался знакомый голос над ухом. Алексей поднял голову. Не усидевший на месте любопытный Глюк стоял за спиной и внимательно слушал. Давно ли? Давно ли он самовольно покинул арку, бросив вещи без присмотра?! Алексей быстро шагнул во тьму станции, ему казалось, что непрошенный посетитель не заставит себя ждать, и не ошибся. Бесшумно приблизившись, он заметил вора, увлеченно копавшегося в бесхозном рюкзаке. Его рюкзаке, потому что собственный Глюк не оставил, прихватив с собой.

Вор уже вытряхнул на пол комбез, разворошил остальное и дорылся до автомата. Только созерцание такого ценного предмета и помешало ему увидеть еще одну тень, появившуюся по соседству. От этой грязной лапы на ухоженном АКСУ Алексей почувствовал омерзение, хотелось натянуть на голову ворюге тот пакет, в который было завернуто оружие, и держать, пока не сдохнет! Бомж оттолкнул уже ненужный рюкзак, выпавший из него сложенный лист бумаги попал на край очага. Справка, кое-как удостоверяющая личность... Красные угли едва тлели в середине, но казавшийся остывшим костер оживился, бумага потемнела и ярко вспыхнула, заставив незнакомца вздрогнуть от неожиданности. И тут же замереть при виде возвратившегося раньше времени хозяина. Быстро прогоревший листок обратился в черный пепел, нескольких секунд было достаточно, чтобы разглядеть искаженное неровным светом и шрамами лицо, не обещавшее ничего хорошего.

Алексей не сильно сожалел о справке: уничтоженная бумага все равно скоро теряла свою ценность, и эта мысль успела промелькнуть

в сознании, прежде чем его затопило неудержимое пламя. Черный комок, еще вспыхивающий по краям красными искрами, показался вдруг собственной жизнью, в один миг превратившейся в ничто. Только что вот так же сгорели надежды, обратившись в пыль, рассыпавшись, оставляя издевательский обгорелый след! Окончательный медицинский приговор, который уже никто не в силах отменить, не оставляющий будущего, перечеркнувший всё... Будто на этом листке стояло не чужое имя, а собственное, и кто-то вдруг безжалостно вычеркнул его из списков. Алексей с трудом отвел взгляд от темных углей, ведь они были для него сейчас как зеркало: остывающие, но еще способные сжигать любого, неосторожно приблизившегося к ним... И сосредоточился на скрючившемся силуэте, напрасно пытавшемся скрыться в тени. «По какому праву ты, тварь, жив, а я сегодня утром умер?!»

Удар сверху вниз опрокинул вора на спину, он закрыл лицо руками, и кулак снова впечатался уже в растопыренные пальцы, ломая хрупкие суставы и кость под ними. Следующий удар пришелся во что-то более мягкое и соскользнул, Алексей брезгливо обтер чужую кровь. Бомж пробовал уползти, спасаясь от разъяренного чужака, чувствуя, что никто не собирается его отпускать просто так. Быстро переступив через тело, Алексей резко наклонился всем корпусом, изо всех сил вмазал чуть повыше шевелящихся лопаток, придавив жертву к полу. Тот попытался закрыться, подтянув к лицу колени, уже тихо подвывая от ужаса и боли, но удар ребристой подошвы в голову отбросил его в другую сторону. Мысок ботинка врезался в живот, выбив из легких воздух, судорожно сжавшийся в комок вор кашлял и дергался, Алексей следующим пинком сломал локоть, защитивший ребра, и уже беспрепятственно добивал, куда придется, не слыша ни стонов, ни хруста костей, только ощущая, как тело под ногой становится бесформенным и безвольным, жизнь уходила из него. Всё заглушил бешеный стук собственного пульса – пока он еще может его слышать!

Голова вора, ударившись о мраморный пол, должно быть, произвела какой-то звук и даже громкий. Неудивительно, если врезать по ней с такой силой, окончательно превратив белое пятно лица в темно-красное, с отпечатком подошвы ботинка на остатках кожи лба... Он ощутил чужое присутствие и обернулся, едва не зашибив вовремя отскочившего Глюка.

Кровь стучала в голове с грохотом проносающегося поезда, и только по жестикуляции и движению губ напарника Алексей понял: ты убил его! Будто он нуждался в таких напоминаниях! Констатировать факт любой идиот сможет, а вот убить голыми руками... Да и убил ли? Шум в ушах постепенно умолкал, и было слышно, как в наступившей тишине икает от страха Глюк, застывший на месте, оглядывающийся то на платформу, то на Алексея, то на темное жерло туннеля... Этой черной дыры он боялся больше, чем всего остального, только поэтому до сих пор и не сбежал. Человек лежал на полу в каком-то странном, совершенно не свойственном живым положении, Алексей сбросил его ногу с рюкзака.

– Собери барахло. Быстрее.

Глюка не нужно было просить дважды, он нашел себе дело по силам, обшаривая заодно и карманы избитого оборванца. Неподвижная рука с изломанными пальцами повисла над белой золой прогоревшего костра. И Алексей, поддавшись новому странному порыву, вдавил ее в еще дымящиеся угли. Эксперимент удался: «мертвое» тело немедленно ожило, конечность судорожно дергалась под ногой, и пахло уже не жженой бумагой... Глюк шарахнулся назад, когда мнимый покойник вдруг булькнул кровью из разбитого рта и хрипло заорал от нестерпимой боли.

– Ну всё! Бежать надо, – затащив шнурок рюкзака, напарник рванул было к туннелю, потом, вспомнив, что их там ожидает, остановился, сел на пол и только смотрел на Алексея пустым безнадежным взглядом.

– Зря ты завязал... – тот наклонился, запустил в мешок руку и вытащил АКСУ, окончательно стряхнув с него измятый пакет, тускло блеснувшая темная сталь слегка придала Глюку бодрости. – Рано еще... завязывать.

Алексей сунул в карман оба запасных рожка и оглянулся. Около входа в полутемную арку стояли несколько человек, явно жаждущих возмездия за побитого товарища, один из них уже снял с предохранителя пистолет, взяв на прицел чужаков. Во мраке не видно, куда направлен ствол, но по той решительности, с которой абориген держал оружие, Алексей мог догадаться: медлить он не будет. Смерть снова подошла совсем близко, и сдаваться ей, на сей раз принявшей облик бомжа с пистолетом, вовсе не хотелось. Не успевая поднять

автомат, Алексей просто надавил на спуск, короткая очередь по ногам швырнула двоих на пол, остальные сразу же пропали из поля зрения.

Глюк, подбирая упавший пистолет, не сводил взгляда со стонущего раненого человека.

– Лёха, уходим! Они тебе ничего не сделают.

– Они ничего... Уже ничего. А я?

И автомат снова выплюнул три пули, бесцельно. Алексей не мог простить той секунды страха за себя, теперь он хотел отплатить тем же. Мраморный пол брызнул осколками под ноги собиравшейся небольшой толпе. Если они и хотели напасть или защитить себя и своего товарища, то предоставлять им эту возможность никто не собирался.

– Отойдите назад, – еще одна очередь в потолок заставила их пригнуться. И он не давал обещания, что никто не пострадает... Торжество превосходства захватило целиком и придало сил. Почему же раньше не давалась стрельба из короткоствольного автомата?! Сильная отдача очередей сбивала прицел, он никогда не любил это оружие. А теперь, казалось, видел каждое движение, чувствовал намерения каждого человека, еще один выстрел опрокинул едва шелохнувшегося.

Похоже, раньше просто не хватало азарта, мутанты не вызывали ни сильного страха, ни ненависти, ни этой их гремучей смеси, готовой взорваться в любой момент, бушующей внутри в поисках выхода. И сдерживать ее вовсе не хотелось... Но пришлось, сопоставив количество патронов с числом людей и с расстоянием, отделявшим это стадо от Алексея. Если они набросятся все разом, их не остановить огнем всего лишь одного «калаша». А пока пули, ударившие в костер, огненным фонтаном разбросали угли, разлетевшийся вдруг край колонны заставил людей инстинктивно шарахнуться в сторону. Их, сбившихся в кучу, пытавшихся укрыться за телами своих же, ничто не могло защитить от незнакомца, будто в каком-то безумии поливавшего станцию автоматным огнем. Дым разворошенного очага смешивался с цементной пылью, заволакивая эту неподвижную фигуру у колонны, только ствол перемещался из стороны в сторону, угрожая смертью любому, кто пошевелится... Теперь их тоже охватил страх. Но не придал сил, а полностью сковал любое движение. Алексей позволил себе еще несколько секунд удовольствия: прият-

но ощутить себя хозяином положения. Каждый из них втайне надеется на соседа, напуганная толпа не множит свою силу – сила только убывает! А он сам готов ко всему... Жаль, ничто не может длиться вечно, пришлось дать еще пару очередей, раненые своими криками и беспорядочными движениями окончательно сбили боевой настрой, те, кто уцелел, волной отшатнулись назад. Это и дало время отступить в туннель. Глюк, будто превратившийся на это время в невидимку, шмыгнул следом.

ГЛАВА 7

ШИЛОКЛЮВ И ДРУГИЕ

– Лёха, у тебя с головой всё в порядке?! – орал Глюк, отойдя от станции на приличное расстояние и убедившись, что никого нет сзади.

– В полном! Иначе я стоял бы там, как овца, и позволил себя пристрелить. Ты внимательно слушал про вентиляционную шахту? Что-то я опять потерял ощущение пространства...

– Ты вообще всё уже потерял и попутал! – он помолчал немного, прислушиваясь, нет ли преследования, и начал разворачивать ОЗК. – Пришли уже. Сейчас наверх полезем.

Алексей тоже достал свою старую химзу и поймал брошенный напарником респиратор.

– А получше «хомяка» ничего не было? Фильграм-то хоть не сто лет, надеюсь?

– Вроде новые, – Глюк хотел сказать, что Алексею уже и терять-то особо нечего, но промолчал. Кто знает, чем бы сейчас закончилось дело на станции, если бы не эта смелость на грани безрассудства? Отчаяние того, кто уже стоит на самом краю.

В узких кишках вентиляции оказалось тесновато, откуда-то из неведомого лабиринта этих труб изредка доносились голоса – они не были голосами призраков, просто напарники приближались к станции Чистые пруды. Наверное, ее надежно отделили не только бетоном, но и решетками, чтобы непрошеные гости не сваливались с потолка, как

тараканы в тарелку супа. И все-таки услышать этих людей неподалеку было можно, только Алексей не мог различить слов. Теплый воздух становился холоднее, снаружи давно уже не лето. А он слишком долго оставался под землей, чтобы заметить смену сезонов.

Сверху проникал свет, разделенный уцелевшими полосами решетки вентиляционной надстройки. Глюк предусмотрительно оставался внизу. Не зная точного времени, он заслал вперед более светоустойчивого напарника.

– Лёха, ну, что там?

Алексей молчал, осторожно поглядывая на проломанную предшественниками дыру в решетке. Очень хотелось наконец покинуть эти норы туннелей! Но и вылезать в неизвестность без разведки тоже было опасно. Подтянувшись поближе к краю, он увидел темно-серое небо, низкие облака с просветами, холодный и промозглый осенний ветер ударил в лицо. Листья еще держались на деревьях, но не яркие и цветные, а жухлые и коричневые.

– Нормально, Вадим. Дождя нет.

– Едрен батон! Там светло или как?!

– Да вечер сейчас, вылезай спокойно. Сам прикинь, сколько времени языком чесал... – Алексей перебрался через бортик огороженной шахты и уже стоял на земле. Ветер сорвал с дерева несколько листьев и кружил их по сухому асфальту. Ветер... Воздух есть, а дышать нельзя. Алексей преодолел искушение снять респиратор хоть на несколько секунд, хватило и того, что слегка задувало под капюшон.

– Тургеневская площадь! – констатировал Глюк, оглядывая окрестности. Сбоку почти вплотную к шахте возвышалась стена наземного вестибюля станции. Обойдя ее, Алексей убедился, что голоса ему не слышались. Чистые пруды.

– А вот, похоже, сам Тургенев, – напарник выглянул с другой стороны не такого уж большого строения.

– Это Грибоедов, чучело... – уточнил Алексей, осветив фонарем зеленую бронзу памятника. Как раз Тургенева спутать хоть с Толстым он мог не хуже Глюка, особенно в сумерках, но это лицо чем-то врезалось в память, и было очень похоже на портрет в энциклопедии. – Вот неуч.

– Фамилия какая-то знакомая. Да и вообще... – похоже, он подумал что-то о грибах, но озвучить догадки при Алексее уже постеснялся. –

И я не неуч! Я ходил в школу! Целый год ходил. Только не дошел еще до таких книжек-то.

Хотелось спросить, а что позже помешало до них дойти, но Алексею было уже неважно, что там читал когда-то напарник... Темные развалины, поросшие кустарником на остатках балконов, теснились по сторонам. Ни одного ориентира для себя Алексей не нашел. Судя по всему, деревьев больше на бульваре. Значит, табличку с надписью «Мясницкая ул.» следует искать где-то за поворотом. И он решил начать с ближайшего.

– Пошли отсюда, – напарник оглядывался на заросли позади памятника. – Двигаться надо, а не стоять, тут вообще лучше там, где нас нету.

Алексей не смог сдержать смех.

– А говоришь, Грибоедова не знаешь! Цитирует, будто грамотный.

– Тише ты! Ржать на Комсомольской будешь. Внизу уже. Наверное...

Улица за поворотом действительно оказалась искомой Мясницкой, только вот номера на ближайших домах не уцелели, требовалось пройти еще дальше по улице. Одно из строений привлекло взгляд своей необычной расцветкой: в луче фонаря здание определенно выглядело более цветным, чем его серые собратья. И спросить, почему так, а не иначе, теперь было не у кого... Обнаруженная все же нумерация показала, что напарники ошиблись направлением, и пришлось вернуться к площади.

Глюк сунулся вперед, но Алексей остановил его.

– Ты никогда не был снаружи один, без группы ты не боец.

– А ты?! – Возмущенный Глюк даже пистолет опустил. – А ты города не знаешь!

– Можно подумать, его знаешь ты... Тебе сколько лет, Вадик? – со смешком спросил Алексей. – Что ты можешь помнить?

– Да побольше тебя! Ты вообще... Понаехали тут, блин, замкадыши!

– Ты если и ходил когда-то по этим улицам без химзы, то только с мамой за руку. И то вряд ли.

– А сам?!

– Сам...

Сам Алексей помнил большие дома, много людей, безразлично проходящих мимо. Показалось, что малоэтажный центр Москвы не

сильно отличался от центральных кварталов Жуковского. Впрочем, лишь на первый взгляд – бессистемная древняя застройка сразу сбивала с толку.

– Проводника по этим бетонным джунглям не будет, Вадим. Самим придется разобраться.

Домик с орнаментом все-таки притягивал взгляд, краски на стенах запылились, но не поблекли, Алексей из любопытства посветил фонарем внутрь. Луч остановился на осколке стекла витрины со словом «Чай» и двинулся дальше по россыпи мусора, битых банок и многочисленных крышек от них.

– Действительно, чай.

– А ты чего ожидал? – напарник тоже заглянул через подоконник. – Похоже, сталкеры похозяйничали.

Следы посреди торгового зала вели в подсобные помещения, но даже Глюк не захотел соваться внутрь.

– Вынесли всё, наверное. Да и вряд ли у них тут чаем с ВДНХ торговали, было бы еще за чем лазить...

И, презрительно отвернувшись от магазина с недостаточным для взыскательного покупателя ассортиментом, он двинулся дальше.

Мясницкая улица продолжалась и с другой стороны площади, но какие-то постройки, явно поновее девятнадцатого века, не рассчитанные ни на ядерный удар, ни даже на пушечные ядра, будто сошли лавиной в этом направлении, оставив над площадью один перекосившийся черный скелет из металлоконструкций. Наверху кучи шевелилось нечто живое, раскапывая ее задними лапами, как курица, отбрасывая мусор назад. Алексей отступил в тень; ночная тьма еще не опустилась на город окончательно, и видно было довольно далеко, особенно если объект двигался. Мутант на месте не стоял, ничуть не опасаясь того, что за ним подсматривают два сталкера, и, к счастью, не подозревал об их довольно слабом вооружении. Лезть напрямик под самым носом твари порядочных размеров никто не решился. Выйти на площадь – тоже. Поэтому, снова обойдя вестибюль Чистых прудов, напарники осторожно нырнули под ветви пожухлой растительности бульвара. Между домами и деревьями по-прежнему оставалось небольшое расстояние, идти по этой полосе асфальта было бы легче. Глюк предостерегающе помотал головой.

– Подальше отойдем сначала.

Он был прав, если тот неведомый копатель выглянет из-за угла, то первым делом увидит их незащищенные тылы. Пробираясь сквозь заросли, сталкеры громко шуршали сухой листвой, пока только устроившийся на ночлег маленький ящер недовольно шипел, вспорхнув с ветки и удаляясь к более спокойным выступам ближайшей крыши дома. Двигаясь параллельно, напарники то и дело пугались друг друга, принимая чужую спину в ОЗК за монстра, Алексей остановился и окликнул Глюка.

– Нам нужен переулок или улица, чтобы идти в обход, если не вернемся на Мясницкую, потеряем направление. И вообще до утра никуда не выберемся.

– Такими темпами мы тут будем долго бродить, – согласился тот.

– Вадим, думай быстрее, потому что из нас двоих дневного света не выносишь именно ты. Я никуда не тороплюсь.

– Издеваешься опять? – Глюк неосторожно хрупнул веткой и присел от резкого звука.

– Да. Хочу поглядеть, как с первыми лучами солнца ты начнешь дымиться и превратишься в вонючую лужу. Или побежишь с воплями прятаться в свой саркофаг!

– Черт! Лёха, не смешно уже! – но мысль о неотвратимом наступлении утра придала Вадиму сил. – Давай еще метров пятьдесят – и сворачиваем. Будем искать переулок.

Через два шага Глюк нашел только корень под ногами, зацепившись за него, рухнул фильтром в куст, и даже противогаз не заглушил трехэтажной ругани, доносившейся из этой барахтающейся резиново-лиственной массы. Ему ответил чей-то трубный рев с другой стороны бульвара. Алексей выдернул напарника из цепких веток и замер, прислушиваясь.

Заметное шевеление растительности указало на перемещения мутанта. Поскольку качались кусты, а не стволы деревьев, Алексей слегка опустил «калашников», Глюк так и замер, крепко удерживая пистолет обеими руками, когда среди ветвей вдруг появилось что-то темное, выпустил несколько пуль, но безуспешно. Тварь мчалась навстречу с такой скоростью, что, казалось, могла и пулю обогнать, если бы двигалась с ней в одном направлении. Впрочем, и встречное движение результата тоже не дало: голова существа была покрыта крепким костя-

ным наростом, переходившим в острый длинный клюв, пуля скользнула по нему, не причинив вреда. Алексей опробовал на прочность ноги монстра короткой очередью, и больше времени на эксперименты у них не осталось, пришлось отскакивать в разные стороны с пути этого крупнокалиберного бешено несущегося снаряда с увенчанной острием боеголовкой. Несколько выстрелов вслед его тоже не остановили: то ли зад оказался бронированным, то ли и вправду пулей не догонишь (а скорее всего, промахнулись с перепугу в темноте).

– Тикаем отсюда! – Алексей в подобных советах не нуждался, быстро пробираясь за Глюком через кусты к домам подальше от вырубленной мутантом просеки. Лучше отгородиться от этой твари чем-то понадежнее, похоже, она способна прошибить всё, что чуть тоньше бетонной стенки!

Мутанту потребовалось мало времени на разворот, а тормоза у этой системы отсутствовали вовсе, судя по прочности передней части тела и головы. Глюк, убедившись в никчемности ПМ, на ходу отцепил от рюкзака что-то неуклюжее и короткоствольное, но воспользоваться не успел. Тварь снова неслась прямо на них по асфальту, как самолет по взлетной полосе. Добраться до домов со столь удобно низкими и гостеприимно разбитыми окнами сталкеры никак не успевали, Алексей решил хотя бы исчезнуть из поля зрения, падая на землю и перекатившись под днище легкового автомобиля.

– П... писец непобедимый! – вопил Глюк, ныряя под ту же машину.

– Вадим, это его название или тактико-технические характеристики? – уточнил Алексей, защелкивая патроны в магазин «калаша».

– Шилоклюв это, еще и здоровенный какой-то. Лёха! Я тебя прошу – дай нормальный «ствол»! Махнемся? – И протянул свое оружие, которым так и не воспользовался.

Подобный обрез Алексей видел только в кино, в руках не держал никогда. Хорошо бы еще разобраться в этой системе курков и узнать заранее силу отдачи. Укороченные стволы рассеивали заряд уже в нескольких шагах, но в упор можно было разнести мишень на мелкие клочья и красный туман.

– Махнемся. Только если объяснишь, на хрена обзавелся такой фиговиной. Ты же ближнего боя боишься, как импотент – брачной ночи...

– Слёр, – честно признался Глюк. – Патроны возьми.

Слава богу, хоть заряжался этот раритет без помощи шомпола и пороховницы, да и два выстрела на раз – маловато. Шилоклюв топотал по земле уже совсем неподалеку, Алексей взвел оба курка, надеясь, что теперь толку будет больше, чем от отданного напарнику АКСУ. В случае осечки придется очень быстро смываться, а бегать он уже устал.

Над головой раздался оглушительный треск, днище автомобиля дрогнуло и ушло вверх. Звездное небо хорошо просматривалось где-то между выгнутыми назад коленками разъяренного шилоклюва. Лежавший на животе Глюк стремительно уползал, как гусеница, которую с аппетитом разглядывает медведь, поднявший камень в поисках вкуснятины. У Алексея такой возможности для маневра не было, поэтому он, не раздумывая, надавил на оба спусковых крючка, направив стволы вверх. Эффект превзошел все ожидания! Оружие оказалось в самом прямом смысле огнестрельным: вспышка осветила каждую чешуйку брюха твари, его длинную шею и клюв, погруженный в ржавый корпус легковушки. А не защищенная снизу голова красиво разлетелась по сторонам, начиненная дробью и рубленым свинцом. Лишенный опоры автомобиль упал обратно, грохнув колесами по асфальту, едва не придавив Алексея и подняв тучу пыли, в которую внесло свою лепту безжизненно шмякнувшееся рядом тело шилоклюва... Звездное небо не пострадало, не шаталось и ясно виделось над домами, из чего Алексей сделал вывод, что и с ним самим все в порядке. Как ни странно.

– Лёха? – раздался из темноты осторожный вопрос.

– Нет, я тебе не Лёха... – в ушах сильно звенело от двойного залпа из этой пушки. – Только вот забыл, как звали того героя, которого Шварц в «Коммандосе» играл.

– Тьфу на тебя! Живой, значит...

– Верни автомат, скотина! – Алексей, вытащив ноги из-под заметно просевшей машины, рванул за убегающим Глюком, скользя на крови и ошметках.

Переулки были узкими и темными, заглядывать ни в один из них не хотелось, слишком угрожающе нависали над асфальтом ветви разросшихся деревьев, скрывая от глаз даже то, что находилось в двух шагах. К тому же они уходили вправо, а возвращаться на единственно известный путь до Комсомольской нужно было, свернув налево. Глюк вертел головой и обшаривал фонарем все лазейки.

– Смотри, улица Жуковского! Лёха, тебе, должно быть, знакомая фамилия.

Радость напарника, разглядевшего на торце дома знакомые буквы, пришлось слегка приглушить:

– Вадим... Даже не знаю, как тебе и сказать, но это не тот Жуковский.

– В смысле? – тот задумчиво поскреб капюшон ОЗК в области затылка.

– Мой город назван в честь ученого, который аэродинамику придумал. И эта улица к нему никакого отношения не имеет. Был еще такой поэт.

– Блин, расплодили классиков, всех не упомнишь. Там Грибоедов стоит, понимаешь, и этот, оказывается, стихи писал... А тебе всё знать надо, да?!

Глюк не мог стерпеть, что его уели еще и Жуковским, обиженно что-то бормотал, вероятно цитируя сейчас уже полковника Скалозуба, предлагавшего собрать все книги и сжечь. Дабы никто не смог попрекнуть шантрапу недостаточной эрудицией.

– Читатель! Делать тебе, Лёха, не хрен было!

– Не поверишь, но действительно не хрен. Для троих подростков никто занятий организовывать не собирался, поэтому нам свалили все книжки, которые оказались в бункере, не особо заботясь, по возрасту они нам или нет. Позже, конечно, в городе нашлись и учебники, малышей уже учили, как положено.

Алексей помнил, как с радостью выкинул из головы нелюбимую английскую грамматику, поскольку считал все англоговорящие страны стертыми с лица земли. Русская грамматика отправилась туда же, ведь для того, чтобы увлеченно читать книги, которые попадали в руки, вовсе не нужно знать падежи и спряжения глаголов. Напарник рад был бы продолжить возмущаться начитанностью и излишней культурностью, да только, видно, вспомнил отступившую перед Алексеем в страхе толпу и убитого шилоклюва. Такие боевые подвиги вполне оправдали другие недостатки.

– Вперед, Вадим. Нас ждут веселые мутанты...

Но вместо ожидаемых человекообразных творений природы впереди показались почти нормальные четвероногие. Глюк тут же попытался влезть на железную решетку позади, но неудачно. Отступать

снова к бульвару не хотелось – перекресток и улица, ведущая в нужном направлении, находились совсем близко, в двух шагах. Алексей поднял «калаш», для обреза было далековато. Твари осторожничают. Если они прибежали на шум выстрелов, то знали: просто так людей с оружием не возьмешь. Из тени доносилось глухое собачье ворчание, и светились зеленым светом глаза. Решетчатое ограждение из прутьев с заостренными наконечниками продолжалось и за поворотом, выглядело таким же неприступным, только через пару десятков метров виднелось низенькое строение ярко-зеленого цвета без окон на первом этаже. И лучше бы с открытой дверью! Рычание становилось громче, из темноты выскочил один пес и хрипло гавкнул, припадая к земле. Алексей поднял автомат и выстрелил, тварь отступила. Тут же вернулась вся нелюбовь к этому трясучему короткоствольному недомерку, вполне годному для разгона толпы, но крайне неудобному для прицельной стрельбы. Из трех пуль ни одна не попала в мутанта, зато фасад здания напротив украсился двумя свежими выбоинами – ствол вверх задрало. Чтобы не тратить боеприпасы, Алексей пытался уже одиночными выстрелами достать из темноты хоть пару ближайших тварей, но безуспешно.

Когда до зеленого строения оставалась пара шагов, псы перешли в наступление сами, чувствуя, что упускают добычу. Темная рычащая масса распалась на несколько особей. Одну Алексей все же зацепил пулей АКСУ, и она с визгом укатилась под автомобиль на другой стороне узкого переулка. Еще несколько отпрянули, когда Глюк разрядил в них ствол обреза, оглушив выстрелом и напугав вспышкой. Получив неглубокие раны, твари держались на безопасном расстоянии, но не уходили. Алексей бегом преодолел оставшиеся метры до входа и дернул за скобу изо всех сил; дверь оказалась незапертой и очень тяжелой. Тем лучше. Ближайший к нему пес рванулся вперед, посчитав стalkerа более слабой добычей. Второй выстрел из обреза не дал ему завершить прыжок и опрокинул набок, превратив в неподвижную окровавленную кучу.

– Сдурел?! – Алексей сам едва не попал под заряд картечи, которую насыпали в патрон, не жалея. Только дверь и спасла, приняв на себя разлетевшиеся куски свинца. – Заходи.

Напарник скрылся внутри здания, где еще неизвестно, что ожидало, а явную опасность в виде наступающей стаи пришлось разгонять

очередями «калаша». Тяжеленная дверь захлопнулась, надежно отгородив от улицы, вой и скулеж раненых собак стали теперь всего лишь неприятными звуками. Глюк включил фонарь, Алексей последовал его примеру, оглядывая узкую лесенку у входа. Снаружи донесся такой удар, что напарники в несколько прыжков взлетели на верхние ступени, спотыкаясь на каких-то тряпках под ногами. И вдруг их ослепил встречный свет фонаря.

ГЛАВА 8

ДВОРЯВЫЕ РАЗБОРКИ

Глюк рефлекторно давил на спусковые крючки, но перезарядить обрез еще не успел. Алексей тоже чуть было не выстрелил, прежде чем понял, что перед ними зеркало. Потускневшее, местами раскрошившееся, оно и отразило свет, почти доведя до паники и без того перепуганных напарников. Тряпки на ступенях оказались остатками ковра, застилавшего их когда-то. По обеим сторонам этого странно декорированного входа расходились коридоры, в темноте внизу лестницы дверь еще дрожала от ударов снаружи, а чуть выше по обе стороны сквозь небольшие грязные окна проникал серый свет луны, озаря какую-то пыльную и высохшую комнатную растительность. Алексею показалось... Или это было реальное воспоминание? Он снова спустился вниз, водя фонарем по остаткам красной дорожки, тяжелой массивной раме зеркала и деревянным панелям большого зала, видневшегося даже отсюда.

– Вадим, отойди!

Тот отскочил, на всякий случай оглядываясь, но опасности не было. Теперь Алексей узнал это зеркало. Только стоять там должен вовсе не Глюк, портивший всю гармонию... Чтобы подтвердить догадку, он прошел в пустой зал, который тоже выглядел каким-то странно знакомым, обнаружив там снова остатки искусственных и настоящих цветов. Луч света скользнул по стене, похожая на старинную фреску картина изображала двоих. В черном и белом. Картинка из смутных воспомина-

ний теперь совместились и с картой города. Алексей так мало знал о Москве, что память сейчас поспешно извлекала из уголков всё, что только могла хранить.

– Лёха, ты чего смотришь? Ты здесь был?

– Нет. Я никогда тут не был, – его действительно и не могло тут быть. Он тогда еще на свет не родился. – Вадим, знаешь, где мы находимся?

– Где? Опять что-нибудь культурное, небось? Ты только по таким делам, смотрю, большой специалист! – недовольно ворчал Глюк, ему не нравилось, что его снова упрекают в каком-то незнании.

– А это, Вадим, как раз такое место... Куда мужика может загнать только стоя разъяренных мутантов.

– Музей, что ли?

– Не угадал. Дворец бракосочетаний. У моих родителей были очень красивые фотографии... Его еще Грибоедовским загсом называют.

Глюк на всякий случай символически поплевал через левое плечо и пошел осматривать пустое, явно бесполезное здание. А для Алексея здесь оживали призраки. Чтобы прогнать их, он вернулся к окнам у входа оценить пути к отступлению. Асфальт был заляпан свежей кровью, несколько псов еще бродили неподалеку, но на дверь больше не бросались. Похоже, решили отказаться от этой слишком труднодоступной добычи. Выглянув из окна с другой стороны, он обнаружил, что здание имело еще и внутренний дворик. Значит, есть второй выход. Но пробираться дворами, рискуя еще больше запутаться, не знающие города сталкеры не хотели. Посоветовавшись, напарники решили выждать хоть полчаса, пока клыкастые мутанты не уберутся из переулка. Показалось, что за домами на фоне темного неба возвышается что-то еще более темное. Алексей подождал, пока не посветлеет. Облако, закрывавшее луну, ушло, и остроконечный, слегка обломанный шпиль высоты теперь оказался хорошо виден. Так же, как и большая крылатая тень, кружащая около него. Красные ворота были совсем близко.

Глюк умел терпеливо сидеть молча, когда того требовали обстоятельства, непоседливым он становился только в окружении большого количества людей. Алексей вернулся в большой зал и обнаружил напарника на полу недалеко от окна, выходящего на перекресток, где они

столкнулись со стаей. Один из псов еще стоял на границе света и тени, наблюдая, поэтому пришлось отойти и присоединиться к выжидавшему Глюку. Собаки не смотрели на окна, и Алексей рискнул еще раз включить фонарь, разглядывая помещение.

– Лёха, а чего твои родители тут делали, если ты не москвич?

– Отец из Жуковского. А мама отсюда... Только не знаю точно, откуда. Это важно?

Уже не важно никому... Картина напротив, и без того стилизованная под старину, сейчас вовсе выглядела покрытой пылью веков. Мужчина в темном костюме едва вырисовывался, тот край располагался ближе к разбитому окну, зато личико под белым венком и фатой было довольно хорошо различимо. Алексею даже показалось, что у счастливой девушки очень знакомый вздернутый носик, губки бантиком и озорной взгляд карих глаз. И он стал приглядываться к подернутой пыльным занавесом фигуре рядом, снова улавливая смутное сходство в узком лице и прямой линии бровей... Стало вдруг отчего-то тоскливо и грустно, хотя Алексей не озвучил бы эту мысль и под пытками. А вот Глюк осмелился:

– На Катюху похожа! Светленькая такая...

Алексей даже встал с пола и подошел поближе, но девушка от этого в блондинку не перекрасилась. Наоборот... Белый венок оказался Ленке очень к лицу, ее счастливые глаза смотрели в пространство поверх его головы. Вовсе не замечая того, кто уже готов глупо протянуть руку и коснуться картины. Одним движением стереть всю пыль и увидеть... Прав он или не прав. Это игра желтоватого света разрядившегося фонаря или воображения двух слишком размечтавшихся сталкеров? «Я мог бы украсить тебя не менее роскошным венком, но вот глаза так и не станут от этого счастливыми. К сожалению...»

Где-то вблизи грохнул выстрел.

Глюк вскочил, завертел головой и направился через большой зал к задним окнам.

– Лёха, это не на улице, где-то во дворах.

Колодец дворовых построек и домов поймал эхо автоматной стрельбы, оно раскатилось по нему и ушло в небо. Вспышки сверкнули неподалеку, отражаясь в уцелевших стеклах, как приближающаяся гроза. Алексей оглядел высокие кирпичные стены с трех сторон и один поваленный металлический гофрированный лист забора.

– Это западня, Вадим. Надо уходить. Выход отсюда как раз сквозь это здание.

– Надо... Давай поглядим только.

– Грифы-падальщики занимают места в партере? Давай, но хотя бы на бельэтаж залезем.

Покинутый ими Малый Харитоньевский переулок был пуст. По крайней мере, пуст настолько, чтобы пробежать до перекрестка метрах в пятидесяти оттуда и свернуть в арку высокого дома, расположенного на отгороженной стороне двора, черный провал которой виднелся в густой тени.

Один из подъездов заблокировало обвалившимся куском бетона, а дверь во второй оказалась распахнута настежь. Будь Алексей один, не рискнул бы туда сунуться, но теперь даже Глюк от любопытства пренебрег опасностью. Присутствие боевого напарника и возможность чем-то поживиться заставили упорно карабкаться по лестнице в поисках удобного пункта наблюдения. Здание строилось как жилое, но внутри оказались офисы, поэтому незапертых дверей было немало. Снаружи уже вовсю гремели выстрелы, когда Алексей осторожно выглянул из-за подоконника. Маленький отряд перекрыл другому, такому же немногочисленному, все выходы со двора, чтобы не выскочили в переулок. Один из сталкеров забрался на крышу единственного уцелевшего гаража, залег там, обстреливая противника сверху. Трудно понять, что не поделили эти люди. Но интересно попытаться угадать...

Алексей переводил ствол автомата с одной позиции бойца на другую. Точка обзора была почти идеальной, поле боя оказалось как на ладони. Группа справа грамотно рассредоточилась и поливала огнем противника, не давая высунуться. Засевший на крыше гаража автоматчик удерживал свой сектор, не позволяя никому отступить ко входу. А их противник почему-то сгрудился в неудобном углу, чересчур тесном для пяти бойцов, Алексей заметил, что ответный огонь открыли только четверо из них. Было в этой тактике что-то знакомое... Догадка подтвердилась, когда один из сталкеров на свой страх и риск высунулся за край бетонной плиты, почти бессмысленно разряжая магазин «калаша» по противоположной стороне двора. Это заставило противника прекратить стрельбу и залечь, только боец на крыше уже прицеливался в смельчака. Пятый сталкер вдруг покинул

укрытие и отделился от остальных. Позади лишь взметнулись фонтанчики пыли, но он уже покинул зону обстрела, нырнув внутрь зеленого здания. Не он. Она. Алексей теперь был в этом абсолютно уверен. Как и был уверен в том, что с крыши гаража еще не прозвучало ни единого выстрела, вот только сейчас короткая очередь нашла цель и опрокинула назад прикрывающего отход загадочной особы женского пола. Где же стрелок, чьи пули ударили вслед незнакомке? Алексей огляделся.

– Мы здесь не одни. Есть еще кто-то.

Глюк, уловивший знакомый звук, не похожий ни на автомат, ни на гладкоствольный карабин, уже вынюхивал засевшего поблизости снайпера. Алексей, стараясь не высовываться наружу, осторожно разглядывал ближайшие окна. Не засек он и огня выстрела, иначе оставшиеся трое сталкеров напротив уже простреливали бы фасад с черными провалами окон, обязательно заметив боковым зрением несколько вспышек. Пламегаситель? Что ж, уже легче искать, чем просто ствол снайперки, теряющийся в густой тени.

– Вот он, – Глюк обшаривал взглядом окна с другой стороны. – Двумя этажами выше и через три окна. Тоже мне, профи... На виду весь.

Напарник преувеличивал: оружие едва выступало наружу, да и то, потому что снайпер засел в эркере. Видел ли он, как два сталкера чуть раньше отстреливались от собак? Или пришел позже? В любом случае, свет их фонарей нельзя было заметить отсюда.

– Оставайся тут, – Алексей, стараясь не шуметь, вернулся к лестнице. Глюк не протестовал, потому что сам не смог бы без лишнего шума обезвредить неизвестного противника. И он взял на прицел окно, в котором снова шевельнулся ствол, утяжеленный пламегасящим приспособлением. Помощь может пригодиться.

Третья сила? Скорее огневая поддержка для бойцов слева, в которых Глюк каким-то образом узнал Ганзу... Но это значит, что позицию выбрали заранее. И группу с дамочкой просто загнали в ловушку. Алексей еще не понял предназначения снайпера, тот легко мог бы снять метким выстрелом бегущую женщину, но дал ей уйти. Зачем тогда вообще стрелял? Неужели промазал? Двое из оставшихся бойцов были в его прямой видимости и до сих пор целы. Почему? Если окон-

чательно отбросить версию с третьей заинтересованной стороной, то выходило лишь одно: отдельное задание. И снайпер не вмешается в бой, его объект – эта незнакомка. Кто же она? Но до нее далеко, а до позиции скрытого стрелка оставалось не больше десятка метров. Можно сходить спросить. Если этот неизвестный сам определился, чего он больше хочет: напугать жертву или убить. Пока только пугал. Очень просто перекрыть ей пути отступления отсюда, если не жалко боеприпаса, и обеспечить, чтобы женщина (девушка?) оставалась на месте, пока за ней не придет кто-то еще... Она скрылась с глаз, но вот снайпер ее явно не потерял.

Каменная лестница скрипеть не могла, Алексей быстро поднялся по ней, мягко ступая по накопившейся за все эти годы пыли. Иногда под ногами хрустели куски кирпича, приходилось замирать, осторожно переноса вес на другую ногу. Чем выше он поднимался, тем становилось светлее благодаря разрушенной крыше, но лучше перешагивать черные полосы теней от стропил: на ступенях стало попадаться больше мусора, а он подошел к снайперу слишком близко, чтобы шуметь. Открытых дверей на этаже было три, почему-то показалось, что открыты они только недавно. И человек вообще мог находиться совсем не здесь, надежно запершись от любого проникновения извне. Но если Алексей не ошибся в расчетах, противник занял окно в предпоследней в ряду квартире.

Похоже, снайпер работает один. И человек, занявший позицию заранее, обязательно предпримет меры безопасности. Насколько опыт подсказывал, здесь должны быть ловушки на подходах, оставалось надеяться, что ни одну из них он еще не привел в действие.

А в квартире оказалось темно, как у волка в жопе! Алексей присел напротив дверного проема – теперь хорошо был виден силуэт неподвижного человека, стоявшего на одном колене у подоконника. Светлый прямоугольник открытого окна пересекала тонкая черная нить. К такой хорошо подвешивать гремучие железные банки... Но темнота не давала оценить расстояния – насколько же далеко в комнате натянута эта «сигнализация», или она вообще расположена поперек двери?

Выстрелы на улице заставили поторопиться, человек у окна не двигался, внимательно наблюдая в прицел за одному ему видимой картиной боя. Алексей сделал шаг в комнату, не встретив сопротивле-

ния веревки, но теперь она могла оказаться на пути в любой момент. Зачем он вообще пришел сюда? Уравнять шансы сторон в перестрелке внизу? Да черт с ними со всеми... Снайперская винтовка – большая ценность, а если чисто и тихо убрать ее хозяина, никто и не хватится первое время. Все же червячок сомнения шевелился внутри: «Ведь ты хотел посмотреть... Кто она, та, на которую объявлена охота? И выяснить, в чем же дело, ведь любопытство не даст покоя еще долго. Не винтовка тебе нужна, а оптика». С не полностью удовлетворенным любопытством придется смириться, потому что допрашивать сейчас будет некого!

Алексей, сделав пару неслышных шагов назад, прыжком преодолел сигнальную нить, приземлившись на пол уже совсем близко к снайперу. К такому внезапному глухому треску паркетных досок тот не был готов, обернулся всем корпусом, прихватив с подоконника и винтовку. Но тяжелое оружие вылетело из рук от меткого пинка, и во тьме сверкнуло широкое лезвие ножа. Серый свет окна ярко отразился в нем, быстро приближаясь к лицу...

Нож накрепко застрял в глазнице трупа, с первого раза не получилось его извлечь. Алексей придержал рукой голову в противогазе, выдергивая оружие, и уложил покойного в сторонку, чтобы под ногами не мешал. Все-таки туповатое лезвие могло и не прорезать плотный комбинезон на шее, а соображать, надет ли на противнике броник, было некогда. Острием надежнее... Следить за состоянием оружия надо тщательнее, чтобы не возникало подобных дилемм. Он все еще осваивался с непривычной ночной оптикой, когда позади раздался металлический лязг.

– Вадим! Ну, ё-моё... Тебя слышно за километр.

К счастью, снова раздавшиеся на улице автоматные очереди заглушили все звуки, производимые неуклюжим напарником.

– Забыл! А ведь сам такое на позиции развешивал... Дай поглядеть!

– Подожди.

Все бойцы оказались на месте (прошло не больше двух минут), но женщины не было видно нигде. Алексей осмотрел все окна и улицу, наконец обнаружил движение за припаркованной машиной. Насквозь проржавевший дырявый кузов даже от взглядов не мог прикрыть эту затаившуюся дуру! Не говоря уж о пулях! Опасность была реальной,

потому что предполагаемые ганзейцы окончательно заперли в углу малую группу сталкеров и подбирались всё ближе. Группа стала еще меньше, уже второй боец висел неподвижно поверх края плиты, а остальные шустро вытаскивали из его карманов боеприпасы. Скоро женщина останется вовсе без защиты. Это если не считать собак, которые вряд ли ушли далеко...

Алексей протянул снайперскую винтовку обмирающему от предвкушения Глюку. Садистски придержал еще на пару секунд.

– Пятьдесят на пятьдесят. Не забыл?

– Договорились!

– Прикроешь меня. Придется вернуться на ту сторону, кое-кому нужна помощь.

Даже сквозь противогаз чувствовалось, как напарник скривился, угадав, кого Алексей выбрал «своей стороной».

– Тьфу, это же «коммуняки»!

– Вадим... Я тебя не заставляю идти за мной. Только прикрывай! – оставалось надеяться на Глюка, такое можно было вообразить разве что в безвыходном положении. – Как только выйду из подъезда – сразу снимешь этого с крыши, он единственный, кто может меня увидеть. До тридцати считай.

– Не учи отца... – новоявленный «отец» управлялся с оружием умело, Алексея это немного успокоило.

Напутственное «ну, Лёха, разберись там внизу» он едва расслышал, быстро спускаясь по лестнице и уже не заботясь о тишине.

Еле слышный стук со стороны гаража дал понять, что уже одним меньше: то ли это пуля вошла в железную крышу, то ли голова мертвеца ударилась об нее. «Коммуняки» не знали, что Алексей решил ослативить их своей помощью, поэтому придется обойти и их. Опасаясь выйти из арки без напарника, он решил не покидать двора и влез в окно, с которого была сбита железная решетка. Что-то шуршало во тьме, луч фонарика отгонял мелкую живность. Казавшаяся поначалу пустой неразрушимая сталинская постройка на поверку-то была битком набита живыми существами, привидениям, и места не осталось. Пробравшись сквозь квартиру первого этажа, Алексей спрыгнул с подоконника уже в переулке, прислушиваясь к еще доносившимся звукам выстрелов. Теперь надо подобраться к той самой машине...

– Вылезай отсюда!

Казавшееся сталкерше надежным убежище таковым явно не являлось: в этой проржавевшей насквозь железке остановить пулю могли бы разве что колесные колпаки, да и то без гарантий. А незнакомец, вдруг появившийся с тыла и плюхнувшийся рядом в пыль, испугал не на шутку.

– Ты б еще тряпкой накрылась! – Алексей для убедительности ударил кулаком по дверце, пробив насквозь хрупкий рассыпающийся металл. – Ну, как тебе?

Он огляделся по сторонам. Заросшая деревьями улица сильно напоминала темный туннель, оттуда снова сверкали зеленые точки глаз голодных тварей. А за окулярами ее противогаза сменяли друг друга страх, разочарование и любопытство, сменяли, к счастью, быстро, но для данных обстоятельств недостаточно скоро. И писк «А ты кто?» остался без ответа, утонув в грохоте перестрелки.

Вопрос был задан повторно, когда Алексей толкнул дамочку в более надежное укрытие. И теперь уже пришлось отвечать, если хотел установить доверительный контакт.

– А тебе не пофиг, кто я?! Я не с ними, уже достаточно. Куда ты шла?

– Кр... Красные ворота.

– Откуда?

– Красносельская.

– Так, красна девица, до метро, похоже, осталось метров триста. Бегом!

Поскольку сталкерша продолжала сидеть на земле, пришлось поднять ее, крепко ухватив под мышками (отметив легкий вес и прискорбное отсутствие узких мест на теле типа талии), и поставить на ноги.

– Считай, что ты по-прежнему под охраной. Вот и иди, куда шла. Там разберемся.

– А они? – женщина вспомнила о своем сопровождении. Она и не забывала о нем... Просто ничего не могла изменить.

– Они – не твоя забота. И не моя.

Теперь «они» – проблема Глюка. И Алексей подумал, что сейчас, вероятно, не останется в живых никого, кроме обладателя снайпер-

ской винтовки. Кто в танке, тот и прав. Напарник – не мальчишка неопытный, поймет, что настала пора разделиться и действовать по обстоятельствам.

Поношенный ОЗК таил в себе нечто-то неопределенное, от пятнадцати до пятидесяти лет включительно. Алексей знал одно: четыре человека охраны – это неспроста. «Посылка» ценная, а уж какова ее цена, еще предстояло узнать. И подход «коммуняк» к делу показался в корне неправильным: большая группа привлекла внимание и не сумела защитить дамочку. Лучше было найти одного телохранителя, но такого, который умеет выполнять подобные задания. Жаль, из самого Алексея охранник никакой, а то бы попробовал себя на новом поприще. На триста метров и ему умения хватит! Если не забывать о черной крылатой тени, гнездившейся на высотке.

– Где вход? – он уже знал, что двери станции не всегда ведут к людям и пути бывают непредсказуемо извилистыми.

Неизвестная поерзала в комбезе, сомневаясь.

– Ты мне не доверяешь?! После того... – добавил бы «что было между нами», но женщина может не понять иронии. И Алексей просто указал рукой назад. Темные руины пугали ее намного больше, чем незванный защитник. И она легонько потянула его за ОЗК к задней двери наземного вестибюля Красных Ворот. Оставалось следовать за ней, осматриваясь, – рано радоваться, теряя бдительность. Респиратор скрыл усмешку: к каждому гермозатвору имеется свой ключ и кому его найти, как не Привратнику?

ГЛАВА 9

СПЕЦСЛУЖБЫ ВСЕГДА НА ПОСТУ

Под прицелом автоматчиков на входе Алексей ощущал себя неуютно, но был готов к недоверию. Оно могло затянуться весьма надолго, судя по информации о красной ветке. Но он уже внутри... Спутница что-то объясняла, так и не сняв противогаза, сквозь мембрану слышно было плохо. На станции не царила тишина, как на поверхности, поэтому ни ее, ни скромно замершего в сторонке Алексея никуда не пропускали. Зато с той стороны, которую так надежно преградили вооруженные люди, подбежал человек, стволы автоматов опустились перед ним. А мужчина ничего не мог сказать, задохнувшись от волнения. Поднял руки, чтобы обнять эту драгоценную для него «посылку», но вовремя вспомнил о грязном ОЗК. Алексей строил предположения: жена или дочь?

– Ульяна!

Она потянулась к противогазу, Алексей остановил:

– Сначала чистка, потом комбез, противогаз в последнюю очередь, – похоже, он поторопился называть дамочку сталкершей. Опытный человек таких ошибок не допустит.

Лицо неизвестной Ульяны до сих пор было скрыто, блики света на окулярах теперь мешали рассмотреть даже ее глаза. Она также пыталась изучать своего спутника, но пока мало что увидела в тени между капюшоном и респиратором.

Без оружия Алексей уже не чувствовал себя так уверенно. Смывая пыль с комбинезона, он прикидывал, насколько высокий пост занима-

ет тот мужчина, который чуть не бросился к своей Ульяне. Видно, авторитет его был немалым, потому что охрана даже не дернулась его остановить. Можно подумать, что радиация будет тут еще чины разбирать... Он ощутил прикосновение к плечу и обернулся.

Похоже, все-таки дочь, везет в последнее время на «наследниц». Девушка после таких приключений была бы очень кстати... Но девушка, а не девчушка! Выглядела она никак не старше четырнадцати–пятнадцати лет. Ситуация была непоправимо романтической, к сожалению, и Алексей отдавал себе отчет, какое впечатление производит на неискушенных девиц. Шрамы тому ничуть не помеха. Учитывая эффектное появление защитника ниоткуда, его крепкую руку, на которую можно опереться... Лучше бы неизвестная оказалась женой этого «красного» начальника, взрослые женщины умеют быть благодарными. Они точно знают, в чем нуждаются мужчины в первую очередь: оружие с боекомплектom или что-то подобное и полезное. И чтобы свидетель ее слабости ушел подальше и поскорее, а не оставался с ней навечно, как мечтают молодые девушки. Предвидя последствия, Алексей обреченно стянул респиратор, опустив взгляд. Ну, хоть ноги у нее вполне симпатичные, в отличие от остального...

Девушка хранила подозрительное молчание, и с тайной надеждой, что блондины возрастом за тридцатник не в ее вкусе, Алексей поднял голову. Надежда не оправдалась. Перед ним будто застыла статуя, сияющая восхищением и радостью: ух, какой ты! Не обойдется тут одним отцовским «спасибо», впечатлительная юная барышня уже балансирует на краю пропасти под названием «большая и чистая любовь»... Он рассчитывал, что хотя бы «холёсенький» в ее мыслях не промелькнуло. Остальное отразилось на лице, простом и довольно приятном, но ничем не примечательном.

Может, высказать сейчас, пока не поздно, нечто пошлое и непристойное, чтобы светлый образ спасителя померк слегка? Но конструктивная мысль была прервана неуклюжими объятиями благодарного отца. Опускаться до пошлости у него на глазах не хотелось, мужик может оказаться очень полезным. Придется помолчать, но очень хотелось спросить: как же он отправил эту сопливую девчонку на поверхность?! Что она там забыла? Вопросов было много, особенно о зага-

дочном снайпере, но об этом нужно спрашивать не у бестолкового папаши. И лучше пока вообще не спрашивать. Поискать ответ самому. Пытаясь сохранить серьезный и суровый вид, который, как представлялось Алексею, должен иметь каждый уважающий себя наемник, он слушал сбивчивые слова благодарности, не оглядываясь на Ульяну. Незачем. Он точно знал, о чем она сейчас думает. Леночка была такой же влюбчивой глупышкой в ее возрасте, этого Алексей еще не успел забыть. И теперь настоящий холод разливался внутри: уж он-то не Пищухин, сумеет удержать девчонку и использовать по назначению. А как использовать – время покажет.

– Значит, вас зовут Ульяна? – раздевающий взгляд ее немного смутил, но его отсутствие навредило бы делу еще больше.

– В честь Владимира Ильича... – улыбнулся ничего не замечавший отец.

Алексей не ждал от Красной линии радужного гостеприимства и, когда приятная часть приветствия закончилась, ничуть не удивился конвою, который повел его куда-то вглубь коридоров служебных помещений. О местной службе безопасности ходили легенды, хоть касались они в основном жутких казематов Лубянки, а не почти провинциальной станции Красные Ворота. Тесные проходы не позволяли разглядеть что-то впереди конвоира, поэтому открывшаяся вдруг дверь показалась ярким прямоугольником на черном фоне.

Когда Алексей зашел внутрь, свет не стал более тусклым, а источник его уменьшился до размеров большой лампы, развернутой от сидящего где-то в глубине за ней человека, вырисовывавшегося темным силуэтом среди других теней. Ослепить шестьюдесятью ваттами привыкшего к дневному освещению подмосковного сталкера было непросто, но пришлось зажмуриться, в наступившей за закрытыми веками красноватой тьме анализируя картинку: человек здесь всего один, крепкого телосложения, высокого роста, если ноги пропорциональной длины. Захлопнулась за спиной дверь, оставив их вдвоем, других людей вокруг не ощущалось.

– Садитесь!

Сухие интонации, приказной тон. Хозяин кабинета ничего не боялся и возражений не принимал. Алексей возражать и не собирался.

– Присаживаюсь, если вы настаиваете, – он открыл глаза, чтобы не сесть мимо стула. Незачем разглядывать тень за этим «прожектором», она сейчас сама выйдет из сумрака, ее любопытство намного сильнее.

После небольшой паузы, во время которой незнакомец разглядывал своего посетителя, тот скомандовал:

– Отойдите к стене.

Обыск снова был профессиональным и очень тщательным, предвидя это, Алексей во избежание проблем сдал все оружие. Представитель спецслужб выглядел разочарованным, он явно ожидал найти что-нибудь компрометирующее. Оставалось лишь уличить в том, что найдено не было.

– Кто ты? У тебя никаких документов нет.

– В Треугольнике и на Китай-городе они без надобности, гражданин начальник, – переход на «ты» показался Алексею удобным для обеих сторон.

– Ты сейчас не в Треугольнике.

– А на поверхности тем более – кому я их там показывать буду? Собак отпугивать или стигматов привлекать красными «корочками»?

Удар в лицо Алексей стерпел, пока в него не было вложено ни сил, ни злости. Но намерения особист обозначил очень четко: хочет слышать не отговорки, а информацию. В этом Алексей ничем помочь не мог.

– Я знаю, кто ты. Гнида фашистская!

– Почему? – недоумение было вполне искренним. – С чего вы взяли?!

– Похож... И даже креста на тебе нет. А их все ганзейские прихвостники носят.

– Вы бы хоть разобрались, что для вас важнее, документы или религиозная атрибутика... – Во второй раз удалось чуть уклониться от удара, но все равно во рту ощущался вкус крови. Пора остановиться. Спецслужбы в лице мужика с крепким кулаком лучше не бесить. – Обещаю в следующий раз для облегчения идентификации прихватить с собой килограммовую свастику и молитвенник. Но ведь удостоверения братка еще не придумали, гражданин начальник...

Словосочетание, позаимствованное у Грицких, Алексею нравилось. Убедительно сойти за коренного обитателя Китай-города или

Треугольника у него никогда не получится. Единственное, что можно сейчас изобразить, – это наемник с темным прошлым.

– Люди иногда теряют документы. Если бы я подсунил вам купленную с рук фальшивку, это убедило бы больше? И вообще-то задерживаться не собирался...

– А зачем ты шел сюда? – особист пока сам не решил, что хочет узнать от скользкого чужака.

– Мог бы распрощаться с девушкой у дверей, но рассчитывал что-то получить за свои услуги. – Левая сторона лица начинала болеть, ухмылка правым уголком губ вышла, наверное, просто издевательской. – Но вот по морде как-то не хотелось... Не цените вы своих женщин!

– А ты у нас, значит, Змей Плискин местного разлива, так?

Имя что-то зацепило в памяти, но не стоило тратить силы и распылять внимание, копаясь в прошлом. Проще игнорировать.

– Не понимаю, о чем вы.

– Да так... Водишь девушек по городу, будто он для таких прогулок предназначен. Отряд профессионалов не вернулся, а Ульяна...

– Отряд, хоть в неполном составе, был жив, оставался неподалеку. Но боюсь, что помощь ему сейчас уже несколько запоздала.

– Тебя не спросили... Люди уже отправлены наверх, мы все проверим и выясним. Расскажи, что ты видел.

Оставалось рассказать о перестрелке, увиденной из окна, это было совсем нетрудно. И позабыть о снайпере, будто его там и не существовало. Эта карта непонятной масти могла еще пригодиться.

Конвой повел Алексея совсем в другую сторону, затхлый воздух коридоров подсказал, что платформа осталась далеко позади. Особист не отдавал приказа поставить к стенке непонятно откуда свалившегося наемника, хоть это не значило, что такой приказ не был им отдан раньше... Риск велик, но возникшие перед глазами решетки успокоили Алексея. Не сейчас. Возможно, позже, но не сейчас. Пока события развивались в нужном направлении. Лязгнула железная дверь тюремной камеры, его заперли. Нужно спокойно подготовиться к следующему этапу плана. Никто не обязан ему верить и ничего не должен. Всё в порядке, так и должно быть. Он улегся на жесткую лавку у стены. Тут хотя бы нет никого, кто помешал бы отдохнуть, не так уж Алексей не-

возмутим, как кажется. Нервная система взвинчена, его могли и убить, как же тогда Лена? Еще есть шанс, понемногу он приближается к своей цели.

Лена... Если оставалось в нем что-то хорошее, теплое, то только благодаря ей. Пришло время отдать этот долг и понять, наконец, что значит быть с той, которую... Ждал так долго. Поэтому можно и еще немного помедлить, прежде чем вознаградить себя за всё. Ее лицо с умиротворенной улыбкой так близко, но зачем смотреть, лучше снова прикоснуться губами, слегка, едва ощутимо. Потому что все другие части тела крепко и надежно прижимают девушку к постели, его мягкую, аппетитную Ленку! Ощущать ее всю собой... Ждать больше нечего, поцелуй становится горячим и глубоким, нежный язычок доверчиво предоставлен в его распоряжение, как и остальное. Переплетенные пальцы, глубокие отпечатки ее ногтей, резкий поворот головы, щеко-чущий лицо кончиками пушистых волос... И уже трудно остановиться, как бы ни хотелось снова слиться с ней всей кожей и замереть, но... так слишком быстро станет слишком хорошо, и все закончится! Он не хотел этого, хотел, чтобы это длилось вечно! Вспомнив, что нужно еще и дышать, уткнувшись взмокшим лбом в разметавшиеся по подушке темные пряди, не веря себе, Алексей повторял какие-то абсурдные слова: «Лена, ты счастье мое, где же я был до тебя?» Лишь опыт подсказывал правильные действия, думать об этом он оказался сейчас не в состоянии. Подобное случалось, наверное, только в первый раз, когда ощущения были такими же новыми, сильными и яркими, когда за краем постели мир обрывался в пропасть и переставал существовать...

Вокруг уже совсем другая темнота. Слабый свет из-за решетки клетчатым квадратом лежал на каменном полу. Разочарование мгновенно и очень болезненно сбросило с небес на землю, Алексей чувствовал себя обманутым. И он все еще никак не мог осознать нереальности видения, руки хранили ощущение ее тела, горячая волна постепенно успокаивалась внутри. Всего лишь рефлекторная реакция организма на навязчивые мысли и мечты... Где же вторая половина сна – такой облом! Обижаться не на кого, упреки можно адресовать только самому себе. Посмотреть бы в зеркало и увидеть там беспрецедентного идиота,

который несколько лет не замечал самую... Свою. Что же разбудило, не позволив досмотреть сон до конца? Какая сука?! Убил бы сейчас...

Алексей сел на лавке, услышав приближавшиеся шаги. Зачем притворяться спящим? Фонарь охранника сквозь окошко выхватил из темноты его напрягшуюся фигуру и взгляд, переполненный холодным бешенством.

– Ну, обиделся, что тебя так плохо приняли? Думал, что прямо сразу своим тут станешь? – голос из-за решетки звучал скорее устало, чем издевательски. Человеку просто не сиделось на посту, и он ходил вдоль ряда камер, присматривая за несколькими заключенными.

Алексей не отвечал. Что с ним разговаривать? Какой прок? А тот продолжал:

– Не понравился ты Виктору Петровичу. Он тобой займется всерьез, если время найдет.

– Всерьез – это как? Иголки под ногти или типа того?

– А это уже от тебя зависит... Кто ты, с чем пришел, зачем? Не завидую.

– Вот и не завидуй! Парашу лучше вынеси.

– Делать мне больше нечего, я тебе не уборщица... – охранник выключил фонарь и ушел.

Что за птица такая этот Виктор Петрович – похоже, особист – и что он может сделать, еще предстояло выяснить. Алексей запомнил информацию, окончательно проснувшийся мозг начал пристраивать ее к нужному месту в мозаике, которую еще предстояло сложить.

Пришлось провести за решеткой больше времени, чем планировалось. Минимальные удобства не вызывали раздражения – он еще жив, это главное. И никто пока не «разбирался всерьез», как было обещано. Алексей сначала ждал с минуты на минуту, что предстоит снова допрос или нечто подобное, но никто им не интересовался, а любопытных быстро отгонял караульный. О нем забыли? Нет, не может быть. Вспомнят, когда камера понадобится. То есть довольно скоро... К концу второго дня он хорошо отдохнул, в том числе и от болтливости Глюка, только доносившиеся до него громкие крики мешали спать днем. Ночью здесь стояла мертвая тишина. А утром пораньше явился сам Виктор Петрович.

– Следуй за мной.

Алексей уже привык к застоявшимся в дальних коридорах неприятным запахам, но тут от вони просто щипало глаза. Зато помещения оказались попросторней, потолок выше. Похоже на заброшенный туннель или какие-то другие подземные коммуникации. Глюк сказал бы наверняка, для чего предназначен такой проход. Но проход никуда не вел, заканчивался тупиком, перегороденным еще и невысоким заборчиком. Доски отчего-то дрожали и ходили ходуном.

– Ты у меня тут зря даже баланду жрать не будешь...

Увлеченный осмотром помещения Алексей уже позабыл о Викторе Петровиче. Оглянувшись, заметил, что их осталось только двое, конвоиры исчезли где-то по пути. Вот теперь он начал слегка опасаться за свою жизнь – особисту не нужны были помощники, чтобы вынести приговор и привести в исполнение. Впрочем, смысл его слов можно толковать неоднозначно, в чем Алексей скоро убедился.

– Останешься здесь, это теперь твое рабочее место. Из туннеля ни шагу – пристрелят, как при попытке к бегству.

– И где же рабочее место? – оглядевшись, он не обнаружил ничего, хоть отдаленно напоминающее о какой-либо полезной деятельности. Каменный пол, стены да непонятный заборчик.

– Свиньи. И если хоть с одной что-нибудь случится... Отвечать будешь собственной головой.

– Боюсь, из моих ушей холодец не выйдет, – Алексей искал взглядом будущих подопечных, теперь уже догадываясь, почему запахи показались слегка знакомыми. – А где свиньи-то?

– Ты что, издеваться надо мной решил?! – сильный толчок в спину заставил пролететь вперед пару метров, врезавшись в загородку. – Вот они!

Алексей в изумлении опустил голову и увидел где-то внизу щетинистые спинки и любопытно поднятые розоватые пяточки. Измельчали они, однако, по сравнению со свиноподами в окрестностях бункера! Теперь понятно, почему на красной линии жрать нечего.

* * *

Подозрительная личность не покидала вольера, как и было приказано. Алексей сидел в углу на табуретке, закинув ногу на колено другой, опираясь на черенок лопаты, и наблюдал за свиньями, толкавши-

мися у корыта с кормом. Нахал не только одежду не запачкал, но и оглядывал свои владения с видом монарха на троне! Виктор Петрович подошел поближе и заглянул внутрь.

– И как тебе дерьмовая работа? – вонь вблизи усиливалась, но пол казался довольно чистым.

– Это у вас дерьмовая работа, гражданин начальник! – раздался из угла голос, перекрывший довольное хрюканье, – а у меня работа с дерьмом. Большая разница, если подумать.

Сказать после этого, что приходится иметь дело вот с таким... продуктом жизнедеятельности, как Алексей, значило согласиться с ним. На это Виктор Петрович однозначно не хотел идти, поэтому предпочел промолчать. Вольер выглядел чище, чем при предшественнике. Может, чтобы наконец-то навести в свинарнике порядок, и нужно было поселить там уборщика? Когда с головой в... в работу окунешься, сразу эффективность повышается.

Особист привычно устремил тяжелый взгляд на Алексея, но темнота на давала возможности оценить результат воздействия. Лицо чу- жака скрывалось в тени. И вряд ли тот дрожал от страха: вернуть Алексея сейчас в чистую тюремную камеру было бы для него слишком большим благодеянием. За хамство пусть посидит еще.

– Вот подумай. Поработай. Труд, говорят, даже из обезьяны человека сделал... Может, и из тебя что полезное получится.

Опять захотелось стереть навсегда со смазливой лица эту улыбку! Но привычка откладывать про запас то, что может еще пригодиться, пересилила раздражительность. Если уж давить эту гниду, так другим способом. Его страх не здесь... Насколько Виктор Петрович понимал в шрамах и ранениях, этот человек уже пережил нестерпимую боль, побывал в когтях самой смерти и все-таки сохранил способность ехидно ухмыляться. Унизить истинно свинской грязью тоже не удалось. И даже он чего-то боится. Обязательно. Иного не бывает.

Алексей менял воду в железном корыте, разгоняя пинками жаждущих свинок, готовых опрокинуть всё на пол. Пустая емкость была неустойчива, нужно наполнить хоть наполовину.

– Да с чего у вас сушняк-то такой? Пошли на... фиг! – последнее слово, напрашивающееся в несколько ином виде, пришлось заменить, потому что за загородкой притаилась какая-то тень. Судя по размерам

и робким повадкам, она точно не являлась представителем станционных спецслужб. Впрочем... Алексей хрюкнул от смеха не хуже поросенка: вдруг особист решил выследить, не вступает ли «шпион» в неформальные отношения с вверенной ему скотиной с целью навредить коммунистическому хозяйству? Пошлятина лезла на ум неспроста – незваный гость оказался Ульяной, а в ее присутствии так и тянуло на какое-нибудь словесное непотребство. Девушка очень мило смущалась...

– Алексей Аркадьевич...

– Ульяна, ты протокол допроса, что ли, читала? Откуда взялось такое официальное обращение?

– Папа читал, я у него спросила.

– Значит, принцесса снизошла до свинопаса? Кстати, насколько я помню, там дело ничем хорошим не закончилось.

– Где там?

– Неважно, Уля...

Черт его дернул! Девчонки любят сказки, ему ли не знать? И как-то не очень прилично разговаривать, демонстрируя девице свой зад, пусть даже и не приходилось за него краснеть. Алексей бросил шланг и подошел к загородке.

– Алексей...

– Лёша, – он облокотился на доску, наклонившись к ее лицу поближе. Ульяна отошла в сторону, но продолжала восхищенно рассматривать. – У тебя какое-то дело?

– Да вот папа просил узнать... Может быть, ты что-то еще умеешь делать? А вдруг для станции...

«Значит, папа просил? Или сама услышала разговор и решила быстренько сбегать и разузнать, пока папа не успел вперед тебя?»

– Любой труд надо уважать, если не ошибаюсь? – казенные фразы смягчились улыбкой и опасным блеском голубых глаз. Алексей настолько устал от вида сопливых пятачков, что хотелось посмотреть на что-то поприятней, задержать девушку здесь хоть ненадолго. – А если серьезно, я в системах жизнеобеспечения неплохо разбираюсь. Но никто меня туда не допустит. Всомогущее НКВД не позволит.

Позади раздался металлический грохот, неполное и слишком легкое корыто все-таки перевернулось под напором желающих напиться.

– Ёпти! – Алексей запрыгнул на загородку, спасаясь от потока грязной воды на полу.

– Лёша...

Ульяна бросилась к нему, стараясь помочь удержаться, но когда пальцы оказались в его руке, чуть не отдернула ее.

– Все нормально. Швабру только подай, она с другой стороны. Вот с... свиньи!

ГЛАВА 10

ИЗ ГЯЗИ В ПРИЛИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Дочь отчего-то весело смеялась, перевесившись наполовину внутрь вольера, то подпрыгивала на месте, то притоптывала ножкой. И не пришлось долго гадать, что там внутри могло ее развеселить.

– Алексей! – тот вынырнул откуда-то снизу со шваброй в руках и в опасной близости от Ульяны. Можно подумать, рядом с дочкой оказалось самое грязное место. – Вы тут мою Ульку на клей прилепили, что ли?

– Вроде нет. Она решила занять место Виктора Петровича и продолжает мой допрос.

– Ну, Лёш!

Похоже, этот визит не был согласован с отцом, но другого выхода Алексей не видел. Другого выхода из этого дерьмового свинарника... Когда еще представится шанс поговорить с первым секретарем напрямую? Не ходят они из любопытства по дальним закоулкам станции.

– Уже «Лёш»... Ульяна! Быстро освоилась! Ты его совсем не знаешь, он может быть опасен. И я тебе запрещал по дальним коридорам ходить.

– Станции красной линии не так безопасны, как мне показалось? И давайте познакомимся по форме, чтобы я уже не представлял собой страшилку для девочек под названием «странный незнакомец», – Алексей протянул руку чуть дальше за загородку, партийный секретарь пожал ее, ничуть не брезгуя грязью.

– Вишневский Павел Семенович. И не удивляйтесь, Алексей, станция-то транзитная, мало ли что. За своих я спокоен, но вот чужакам не доверяю

«Рано! Рано пролезать в ряды «своих»... К тому же туда лучше получать персональное приглашение. А если вести себя правильно, оно не замедлит последовать». Алексей отступил назад, предоставляя девушке возможность подойти ближе, разглядывая его в тени загона, и пусть Вишневский перестанет нервно оглядываться на дочку. Под колени неожиданно врезался свиначий бок, шустрые поросята тоже времени даром не теряли, оставшись без присмотра. Алексей едва преодолел желание мстительно сломать об этот круглый вертлявый бочонок сала ценную подотчетную швабру.

Павел Семенович понимал, почему грязный свинарник вдруг стал таким привлекательным уголком. Наверное, виновато тусклое и безрадостное детство, к тому же возраст у дочки самый взрывоопасный на этот счет, Ульяне не в новинку видеть красивых мужиков, на транзитной станции кого только не бывает. Но ни один из этого племени наемников не уделял девушке столько внимания, не доставался в единоличное пользование только ей, а не всему цветнику-девичнику сразу...

– Покажись, как следует, я же тебя рассмотреть-то не успел.

– А сплясать не надо? Смотря что вы хотите увидеть.

– Руки покажи. Плясунов тут и без тебя, знаешь ли, немало шастает...

Алексей засучил рукава потрепанной толстовки и положил руки на загородку. Не отмывающаяся без мыла грязь уже въелась в кисти, но выше запястья кожа оставалась белой, покрытой светло-русыми волосками. Первый секретарь перевернул его правую руку ладонью вверх, казалось, он ищет следы укусов или что-то вроде характерных опознавательных татуировок, но Павел Семенович чему-то улыбнулся и похлопал Алексея по плечу.

– Вот что бы о тебе наш особист ни говорил, не похож ты на тунейца. Руки у тебя, как у нормального мужика. Что удивляешься? Мне не надо правду из тебя кулаком выбивать, бумажки сра... ненужные смотреть, которые подделать можно. На тебе самом вся твоя трудовая биография нарисована, только прочитать бы правильно...

Алексею оставалось лишь мысленно поблагодарить затерянную на окраине станцию Новокосино за то, что там не позволили сидеть без дела, ведь за короткое время в Совете ладони наконец-то стали более гладкими. Оказывается, есть место, где уважают физический труд. Вот только совковая лопата порядком надоела!

– И что же написано на моих руках?

Павел Семенович задумался, Алексей едва удержался от иронии: руки в крови по локоть. Никаким навозом не замазать.

– Написано, что ты помог моей дочери, ведь только она до станции живой добралась вместе с тобой. Уля ничего не поняла толком, ей ска-зали прятаться, а потом ты ее увел.

– Девушка плохо спряталась, могло шальной пулей зацепить. Когда узнал, что идти-то осталось два шага, отвел ее на станцию. Вот и все дела...

Мужчина был чем-то недоволен, как оказалось, это вовсе не имело отношения к Алексею.

– Мне обещали дать Ульке сопровождение, после того, что на Комсомольской творилось, Ганзу надо десятой дорогой обходить. Я решил, что поверху надежно будет. И ошибся. Понимаешь, она же не просто девчонка... Дочь первого секретаря, етить... Может, они знали? Может, там специально засада была организована?

Алексей неопределенно пожал плечами. Может, и специально. Он уже несколько дней прокручивал в уме эту странную перестрелку, в которой оказались задействованы четыре стороны, включая их с Глюком... Предполагал даже, что Вишневский прав, и это действительно ганзейская засада. А снайпер оказался там так же случайно, как и два сталкера, бредущих без определенной цели. Слишком хитрый узел завязался в том дворе – не распутать.

– И на спецслужбы наши не обижайся – они свою работу выполняют. Виктор Петрович преследует свои цели. Он ждал прибытия своих людей. Но вот Ульяна здесь, а опытные бойцы погибли.

– Откуда вы знаете? – Алексей еще хотел уточнить насчет «опытных бойцов», которые ему таковыми не показались, но сдержался.

– Потому что разведка на местности была произведена в течение часа, обнаружены мертвые тела. Люди убиты в перестрелке, их оружие исчезло. И только ты можешь знать, что там произошло на самом деле.

– Что я могу знать? Я просто решил помочь женщине...

Если бы он знал в тот момент, что это совсем сопливая девчонка, просто унес бы, перекинув через плечо, а не тратил время на уговоры. С ними по-другому нельзя.

Единственный свидетель может нарисовать любую картину происходящего... Но хитрить опасно: Алексей не знал, что в его отсутствие успел там натворить Глюк, насколько хороши оказались ганзейцы, пули какого калибра понаделали дырок в обнаруженных мертвых телах. За двух «красных» покойников он мог поручиться – автоматные 5,45.

– Алексей, расскажите все, что видели, Ельцову, когда он вас вызовет.

– Кому?

– Представителю МГБ, Виктору Петровичу... Он тоже не из пустого любопытства спрашивает.

Похоже, на эти допросы он будет ходить не реже, чем хронически больной к врачу. И с той же целью – излечения от опасной ереси вседозволенности, сребролюбия и собственничества, ну и, конечно, вольнодумства о свободе личности. Терапия ожидалась жесткой и радикальной. Но Алексей ошибся. Особист пока не распускал руки, лишь приглядывался внимательно, не упуская ни малейшей детали. И его больше интересовал не сидящий перед ним неуловимо скользкий сталкер, а обстоятельства обретения этого сокровища на свою голову. «Сокровище» тоже изучало оппонента с тем же намерением: слупить побольше прибыли, ничуть не скрывая этого.

Законы рыночной экономики, лихо отмененные товарищем Москвиным, снова начали действовать в стенах этого кабинета – спрос рождал предложение. Каждый искал свою пользу и не желал ее упустить. Алексей хорошо умел становиться полезным, даже необходимым, но следовало угадать, что именно требуется от него сейчас.

– На волю хочется?

– Хочется, гражданин начальник... Если вам не хватает специалистов по навозу, то это все равно не мой профиль.

– А твой какой? – Виктор Петрович задал риторический вопрос, не ожидая ответа. – Ваш китайгородский контингент сюда пускают под особым контролем, да и то с сопровождением. А ты приперся с девушкой под ручку, как к себе домой.

– И теперь владею ценной информацией о поголовье свиней, а также о расположении тюремных казематов. Никак нельзя меня отпустить, я ж понимаю...

– Молчать! – кулак с грохотом опустился на стол, Алексей умолк, понимая, что в этом направлении путь закрыт. Но к серьезному разговору все еще не был готов, ждал конкретных вопросов.

– Я не имею никакого отношения к перестрелке.

– Знаю... Что смотришь? Твой АКСУ уже давно проверили, отстрелянные пули не совпадают ни с одной в телах убитых. Ты что думал, у нас тут на слово верят? Если бы нарезку ствола идентифицировали как твою, ты бы и ночи в камере не провел.

Алексей не отвечал. Такой серьезный подход к делу казался паранойей, но спас ему жизнь.

– Я не стрелял в ваших людей. Поэтому виноватым себя не чувствую.

– Это не мои люди. Были б мои – ты б сейчас тут шутки не шутил.

– Понял, при любом раскладе мое место в крематории. Извини, начальник, реально не знаю, что рассказать... Ничего не видел. Ни во что не вмешивался. Девушку проводить хотел.

– Похоже, девушек ты сквозь ОЗК видишь...

– Трудно перепутать, тем более такую... Неопытную, – Алексей насмешливо улыбнулся, отыгрывая образ пошляка-наемника. Но сейчас уже стало не до шуток: первый секретарь и особист противоречили друг другу. «Это не мои люди». А Улькин отец сказал иное. Ловить на слове опасно, не ко времени, не к месту. Поэтому он промолчал, отложив информацию про запас, будет над чем подумать в компании свинок, если он вернется к ним, ненаглядным, а не отправится в расход прямо из этого кабинета. Ельцов вытащил из ящика стола лист бумаги и положил перед Алексеем.

– Нарисуй, что там было.

А вот это уже вовсе ни к чему... Как только Виктор Петрович поймет, что точкой обзора Алексею послужило окно дома, недалеко и до снайпера, о присутствии которого докладывать не хотелось. Но пришлось расчертить листок контурами домов и гаражей, не забывая на словах пояснить, кто откуда появился, в кого стрелял и с каким успехом.

– И долго ты смотрел это представление?

– Смотрел и не высовывался. Мимо шел, как такое пропустить? Вот в этом доме из переулка проход сквозной...

– А куда шел?

– В Ганзу.

– Почему поверху?

– Схрон навестить. Вам и про содержимое рассказать? Реквизируете в закрома родины?

– Да не настолько обнищала наша родина, чтобы на твое барахло покушаться. Почему пустой шел? Что тебе в Ганзе без товара делать?

– Я не только товар продаю... Работу искал.

– И попал к нам на казенные харчи, похоже, мы тут халявщика приютили...

– Так и не надо, могу уйти, если мешаю! – Алексей уходить не хотел. Ганза теплого приема тоже не окажет. Какая тогда разница?

Особист пока решил провести беседу мирно и по возможности даже поговорить по душам. Новый метод Алексея вполне устраивал, тем более он не раз замечал тоскливые взгляды Ельцова в правый верхний угол висевшей на стене схемы метрополитена, где располагалась Улица Подбельского. Даже Алексей при всей своей неосведомленности знал, что Берилаг теперь не принадлежит красной линии, иначе не мотался бы он по камерам и допросам, а уж тем более не задерживался на станции.

– Ты свалился вдруг ниоткуда, ни к чему не причастен, на шпиона не похож: слишком грубо сработан способ внедрения, профессионал действовал бы тоньше. И про беспомощную девицу ты мне тут не рассказывай! Такой, как ты, с беспомощной девицей прежде всего другие дела обделает, а уж потом посмотрит, кому ее продать.

– Ну, мне что, через весь город ее тащить?! Или прямо там на земле разложить? К тому же девица могла оказаться второй свежести, под комбинезоном не видно ни фига.

– Вот об этом я и говорю. Такие, как ты, никогда героями не становятся.

– Почему? – Алексей неподдельно удивился, ведь по молодости тоже отличался безрассудством. Виктор Петрович этого, разумеется, не мог знать.

– Потому что у тебя на любую услугу счетчик поставлен. И героем ты можешь стать только тогда, когда интересы общества случайно совпали с твоими собственными.

А вот тут Ельцов был абсолютно прав, осталось только подтвердить, потупив глазки с виноватым видом. Но ведь это не преступление, правда?

«Товар» оказался довольно вертким, и никак не удавалось рассмотреть, бракованный ли он насквозь или в хозяйстве стодится. Виктор Петрович уже понял, что сдать его на Лубянку – это верный способ приобрести себе клеймо политически близорукого, ведь на шпиона Алексей Колмогоров походил в последнюю очередь. И прежде всего потому, что работа разведчика требует самоотдачи, самопожертвования, иными словами, поставить чьи-то интересы выше собственных. А на это упрямый китайгородский сталкер не был способен в принципе. Особист повидал немало разных людей, и Колмогоров не стал для него научным открытием. Типичный холодный прагматик.

– Ты работу искал? Будем считать, что нашел.

– Опять свинарник?! Я сельхозакадемий не кончал и ветеринаром не работал! – Алексей понимал, что к его возражениям «гражданин начальник» останется глух, но промолчать было бы подозрительно.

– А чему обучался? Людей убивать? Вот прямо с детства, да?

– Нет, что вы, как можно-то раньше совершеннолетия? Лицензию бы не выдали... – он понял, что говорит много лишнего, и умолк. Шутить было опасно, от волнения словарный запас уже вышел за пределы допустимого для братка. И чуть более заинтересованный взгляд тут же просигналил об этом. Черт!

– Но ведь чем-то ты занимался? Если у меня будет побольше информации о тебе, то и тебе хорошо, и обществу польза.

– Западло на общество пахать, гражданин начальник, – хоть попытался поправить дело, но было поздно.

– Хватит придуриваться! – особист быстро вывернулся из-за стола, и не успел Алексей даже моргнуть, как крепкая рука Виктора Петровича сдернула его с места и поставила на ноги. – Ты будешь отвечать или нет?

Стены тесной комнатухи оказались намного ближе, чем хотелось бы. Врезавшись скулой в холодный камень, Алексей пожалел, что гражданину начальнику не выделили помещения попросторнее. И даже со свободными руками оказать сопротивление не получится,

только инстинктивно упереться ладонями в ободранную стенку, чтобы морду окончательно не разбить!

– Я все равно узнаю, откуда ты, гнида, взялся... – удар в живот, ожидаемый, оттого лишь менее болезненный, напрочь заклинил дыхание. Даже согнувшись и ловя вдруг потерявший кислород воздух, Алексей еще не утратил способности думать. В драке это ему всегда помогало. Но сейчас его просто избивали, тело реагировало быстрее разума, уклоняясь и закрываясь, насколько возможно. От колена, ударившего снизу, хрустнуло в шее. Было не самой лучшей идеей отвернуть голову, подставив снова уже битую скулу... А остальные варианты еще хуже. Короткие волосы на затылке не позволяли ухватиться за них, пальцы особиста соскользнули и снова железной клешней сомкнулись на шее... Теперь Алексей налетел на дверь, удачно избежав подножки, которая могла опрокинуть его на пол. Там спасения уже не было бы... Дверь вдруг подалась навстречу, опять легонько стукнув по лбу. Одного вскользь брошенного взгляда хватило первому секретарю, чтобы понять: Алексей не выходить отсюда собирался. А допрос в самом разгаре.

– Что же ты... Виктор Петрович... делаешь?

– Работаю, – уже спокойнее ответил хозяин кабинета. – Ты что-то имеешь против?

– Торопишься слишком. Разговаривать не пробовал?

– Пробовал. Ты сам попробуй! – снова начал заводиться особист. – И ты попробуй, Колмогоров. Вот тебе еще один «гражданин начальник», может, с ним разговор лучше получится.

Алексей, припомнив недолгое пребывание на конечной станции Калининской Конфедерации, рассказал о нем, преувеличив и размножив свои трудовые подвиги на несколько наугад названных станций, не враждовавших с «красными». Особист поморщился, подозревая обман, но промолчал. Мутный наемник теперь вел себя смирно, изредка потирая ушибы. Концы с концами сошлись, «браток» из него был, как из дерьма пуля. А уж коммерсант – тем более. Вот мастер, который подрабатывает мелкой халтуркой по станциям, смотрелся намного убедительнее. Осталось выяснить, как он научился так ловко управляться с оружием и свободно передвигаться по поверхности в кишашем мутантами центре города. Вишневский таким вопросом не задавался, поэтому тут же предложил задействовать столь полезного станции пришельца в общественных работах.

– Павел Семенович... Вы иногда как будто с луны свалились! Он вам наплел три короба с гаком, а вы и поверили.

– То, что он сказал, очень легко проверяется. Я уж как-нибудь могу отличить неумеху от специалиста!

– А я могу отличить подозрительную личность, которую на снайперский выстрел нельзя подпускать к стратегическим объектам, жизненно важным для населения!

«Яблоко раздора» тихо стояло в уголке и наливалось красноватым румянцем с подбитого бока. Алексей счел за лучшее помолчать. Эти две стороны обязательно придут к согласию, раз уж много лет работают вместе, еще друг друга не убили и один другого не подси- дел. А конфликт ему только на руку, потому что поддержку одного из них он уже успел заслужить. Если поменьше болтать и больше слу- шать, то и второго можно будет применить в своих целях хотя бы косвенно. Вишневский использовал все доступные ему аргументы, включая цитирование Ленина и приписывая ему авторство погово- рки: кто не работает, тот не ест. Алексей усомнился в этом, хоть и за- помнил на всякий случай. Нахватавшийся в свое время от Нестерова умных мыслей, он крепко выучил одну: нет вечных врагов и вечных друзей, есть только вечные интересы. Ей он и следовал всю свою со- знательную жизнь, не отступая и сейчас. В этой комнате тоже не было ни врагов, ни друзей. А интересы представлял первый секре- тарь станционной партийной ячейки, от которого и зависела даль- нейшая судьба.

– Ладно, Виктор Петрович... Но толковый парень мне бы приго- дился.

– Мне бы тоже. Только вот никак с Дзержинской его не дождусь... Не присылают, вот и приходится самому разбираться с этим декласси- рованным элементом.

– Так и определи ему классовую принадлежность. Вот чувствую, наш парень... – и Павел Семенович с надеждой обернулся к Алексею. Тот не понимал, что от него требуется, будто разговор шел на ино- странном языке. Но, уловив последнее, энергично кивнул: ваш!

Особист уже по опыту знал, что противиться напору Вишневского непросто. Не хотелось вести дискуссию в присутствии подследствен- ного, но вызывать конвоира, чтобы его вывести, было поздно. Впро-

чем, уступка первому секретарю еще не означала слабости собственной позиции, Колмогоров все равно останется под наблюдением. Как и любой человек на этой станции.

– Давай тогда, пока ты к нему не пригляделся, подумаем, где у нас кадровый дефицит.

– Везде. Чего думать-то? – тут Виктор Петрович ничего не смог возразить. Но это еще не повод, чтобы пускать козла в огород. Если Вишневский еще не понял, то стороннему наблюдателю хорошо видно, что «козел» первым делом нацелится на вполне созревшую свеженькую капусту, причем прямо в огороде своего заступника. Мысль вызвала даже благодушную улыбку, которой Алексей ничуть не поверил. Слишком давно пребывал в обществе руководителей различных рангов, чтобы заподозрить их в добрых чувствах.

– Пусть занимается проверкой и учетом груза. Или, думаешь, не справится? – первый секретарь решительно настроился поправить дела станции за счет Алексея, поэтому не отступал.

– К такой информации нужен особый допуск.

– Вот ты его и дашь. И убери, наконец, ту бестолочь, которая мешок с грибами от муки отличить не может! Мне плевать, кто за него попросил. Тут я прошу: дай ему разрешение на работу. И я в долгу не останусь.

Особист даже не взглянул на Алексея, словно его здесь не было и разговор шел вовсе не о нем. Красивые слова о долгах первого секретаря в конце концов сведутся к какой-нибудь незначительной уступке, но и мелочь приятна. А этого мутного stalkера пока нельзя было выпускать из-под контроля. Какая разница, где он будет находиться, лишь бы станции не покидал. Неусыпную бдительность Колмогоров ощутит в коллективе не хуже, а даже лучше.

– Он получит допуск. Завтра. А сейчас пусть отправляется на свое место, рабочий день еще не закончился.

* * *

После прогулки по платформе вонь просто оглушила, конвоир злобно посмеивался, но Алексей заставил себя потерпеть немного, ведь переступить границу этого тупикового ответвления туннеля посчастливится не раньше, чем ему это позволят. До вечера еще можно спо-

койно обдумать изменившиеся обстоятельства. И вымыть этих зловонных тварей, раз уж заняться все равно нечем.

– Стой спокойно, сволочь волосатая! – слов поросята не понимали, к счастью, а интонации в голосе Алексея звучали даже ласково. Почесывание за ухом заставляло свинью терпеть водные процедуры. – Тебе через такой слой жира не холодно ни фи́га, нечего притворяться.

Почему никому до сих пор не пришло в голову почистить самих свиней? Даже если они снова пойдут валяться на полу... Под руками уже ощущалась жесткая шерстка, а не сплошной монолит корки присохшего навоза, размокший и отвалившийся кусками. Решетка слива из-за них засорилась, да и отмытый свин рвался на свободу, чтобы почесаться о забор. Уклонившись от брызг, летящих с закрученного хвостика, Алексей огляделся в поисках следующего. На вид мытые и немытые подопечные не сильно различались, но воняло все-таки чуть меньше.

Он пытался вспомнить всё, что когда-либо слышал и знал о коммунистах, но картинка была слишком рваной и бессистемной. Школьный курс истории позабылся, да и не дал бы ответа на этот вопрос, в шестом классе до Советского Союза еще не добрались, лишь читанные от нечего делать пожелтевшие и слежавшиеся протоколы хрен знает каких съездов, обнаруженные в закоулках бункера, могли бы подсказать правильную «политическую платформу». Неуч чертов! Любовь к точным наукам подвела, ведь историей Алексей интересовался поверхностно.

Может быть, снова выручит интуитивное понимание политики? Но и тут надо было от чего-то оттолкнуться. А точкой отсчета должна стать главенствующая роль коммунистической партии. Если она контролирует всё, значит, нужно держаться к ней поближе. Об этой роли он четко помнил, но не из школьного курса, а из разговоров о Сталине. Умный Иосиф сумел заставить часть управлять целым, и маленький, хоть и важный сектор подчиненной ему партийной идеологии проник во все возможные области и уголки, разросся до невиданных масштабов. Когда Алексей об этом услышал впервые, то не поверил, что идеология может править экономикой, а немного позже столкнулся с этим сам. Воля и сила – единственное, что нужно власти. Специальные знания и информация подчинятся силе вместе с людьми, ими обладающими. Иосиф Виссарионович это хорошо понимал.

Понимает это и Виктор Петрович, тут надо держать нос по ветру и светить нимбом над головой изо всех сил. А трогательное детское чувство Ульянки в этом поможет. Жаль, она не в курсе аппаратных игр своего отца и особиста, конечно, кто же ей расскажет? Части мозаики начали сходить к краям, но слишком медленно. Чтобы узнать больше, придется пожить бок о бок с этими людьми и присмотреться, стать честным тружеником, если здесь так положено. Склонить голову, пока вовсе ее не лишился. Работа – не смертный грех, да и руки не отвалятся, дело привычное.

Особист не считал нужным лично объявить бывшему узнику об относительной свободе, прислал человека для сопровождения. А чтобы можно было находиться в приличном обществе, следовало еще и привести себя в порядок. Непереносимая вонь позволила хоть на время побыть в помывочном пункте единственным посетителем. Алексей не торопясь разделся, конвоир протянул руку за одеждой.

– Такое здесь не носят. Да и за стирку никто не возьмется. Так что и штаны на выброс. Да и зачем они тебе, старые какое-то.

– Знаешь, я, конечно, не барышня, чтобы стесняться, но ходить по станции в чем мать родила не собираюсь! – Алексей был в недоумении, переодеться-то не во что. Неужели тут не только накормят, но и обеспечат минимальный комфорт? Придется его отработать. – Стой! Ботинки верни, я не желаю вашу грязь собирать.

– Ну, смотри... Если тебя из общежития за воньцу выпрут, не говори, что я не предупреждал!

Всё отмывается, кроме репутации. А своей Алексей был пока доволен: достаточно серая, немаркая и лишнего внимания не привлекает. Это только органы госбезопасности разглядывают малейшее пятнышко. Удобные ботинки с высокой шнуровкой оставались его единственной собственной вещью, набивать мозоли в чужой обуви не хотелось. Ушло немало времени и уткло воды, чтобы отполоскать их внутри и снаружи с помощью небольшого кусочка мыла и в результате надеть мокрыми. Алексей соскребал бритвой перед зеркалом отросшие за неделю почти полноценные усы, когда конвоир вернулся со стопкой старенькой, но приличной одежды.

– Твое. И приказано тебя по месту жительства доставить.

Теперь его считают настоящим членом социалистического общества. Требование привести себя в порядок Алексей решил соблюсти частично. Гигиеничный короткий ежик был очень удобен в грязном Треугольнике, но здесь уже хотелось выглядеть по возможности респектабельно. Вылезшие сначала напрочь волосы вокруг ран от когтей начали отрастать, затягивая проплешины, но еще не скрывали полностью неровно стянутой, бугристой и блестящей кожи рубцов. Ничего уж не поделаешь с перепаханным виском, да и хрен с ним... Жаль, что бесформенную толстовку с таким удобным теперь капюшоном, скрывающим лицо, приказано выбросить: порядочному человеку нечего скрывать. Одежда снова с чужого плеча, но чисто выстирана. Алексей подтянул ремнем чуть длинноватые брюки, надел рубашку поверх темной майки. Придется смириться с устоявшимися традициями красной линии и с руководящими указаниями партии, что именно должен носить честный гражданин. А вот подставлять голову под эту машинку для стрижки собак он больше не будет! Остается надеяться, что к боевым шрамам все-таки проявят снисхождение, особенно если парикмахером окажется женщина.

Жилые помещения были поделены на мелкие отдельные ячейки, тонкие перегородки из фанеры и даже картона скрывали от глаз соседей, но не от ушей. Гул голосов отовсюду сливался в единый шумовой фон, в котором иногда различались и отдельные слова. Ничего не скроешь... На то и рассчитано. Узкий коридорчик общежития пустовал, стояла глубокая ночь. Алексей расположился на тонком матрасике, прислушиваясь к шуму из ближних клетушек. По тому, что шум отсутствовал, догадался, что пара-тройка любопытных ушей сейчас прилипла к фанерке с той стороны и тоже прислушивается к новому соседу. Он с усмешкой щелкнул по стенке, вызвав встревоженный шорох, и выключил тусклую лампочку, освещавшую «комнату». Утром осмотрится, а пока можно отдохнуть. Алексей снова улыбнулся, нащупывая бритву в кармане, – застать его врасплох будет не так просто. Странно, что острое лезвие не сочли оружием и не отобрали. Но один конфликт сегодня удачно разрешился, а новых врагов он здесь еще не приобрел. До завтрашнего дня можно спать спокойно.

ЕСЛИ ПРОТИВНИКА НЕТ, ТО ЭТО НЕНАДОЛГО

Разбудил его шум явно механического происхождения, не то от электропилы, не то от двигателя. Соседи тоже шумели, слышались детские голоса и раздраженные женские. Обитатели общежития собирались на работу, а у некоторых, судя по доносившемуся звуку, уже давно наступили трудовые будни. Алексей не получил на этот счет никаких указаний, но спать дальше не смог бы при всем желании. Любопытство уж точно проснулось полностью и требовало осмотреться на местности.

Коридор между рядами дверей маленьких жилых комнатшек вывел к лестнице, по которой он вчера не проходил. Машинный гул здесь стал еще сильнее. Алексей отодвинулся, пропуская несколько спешащих вверх мужчин, и, поразмыслив, последовал за ними. Открывшийся вдруг впереди зал поражал воображение своими размерами – такое громадное помещение никак не могло относиться к метрополитену. Слишком необычно даже для ремонтного депо. Профессиональный взгляд уже подметил следы старой отделки на полу и стенах, а также вентиляционные установки, замененные на менее громоздкие и мощные. Зал проектировался для других целей, но сейчас он был переоборудован в производственный цех. Источник энергии находился в другом месте, силовые кабели тянулись откуда-то по потолку. Звук издавал станок, рабочий крутил в руках металлическую заготовку, потом поднес ее к насадке-фрезе, и шум усилился, перейдя на визг, посыпа-

лись искры. Алексей прошел мимо, отметив, что остальные люди заняты сборкой каких-то запчастей. В конце зала обнаружилась дверь – не охраняемая, лишь один рабочий курил неподалеку. Следующий цех был ничуть не меньше, и Алексей успел разглядеть колесные пары, подъемные лебедки и раму полусобранной дрезины. Тут дверь захлопнули, дальше хода не было, но он уже увидел всё, что нужно.

Алексей думал, что попал на крошечную станцию с тесной платформой и служебными помещениями. Огромные подвалы здания в расчет не входили, значит, стратегическое значение Красных ворот намного больше... Примыкающая к метрополитену высотка и снизу оказалась грандиозным сооружением. Об этом стоило подумать. И особист теперь не казался мелкой сошкой. Не Лубянка, конечно, но должность тоже ответственная.

Видно, в эти цеха и хотел его определить Вишневский... Алексею казалось, что он понял и недоверие Виктора Петровича, ведь чужак способен на любую диверсию или саботаж. И производственные секреты выведать может, к примеру, что у местных дрезин колеса на соплях держатся. С интересом оглядываясь, он заметил Ульяну. Девушка тут же подбежала, непрерывно что-то тараторя, хотя ее было едва слышно из-за шума фрезерного станка. Пришлось отвести ее немного в сторону, чтобы поинтересоваться, искала ли она его или просто так случайно наткнулась. Выпытывать секреты не понадобилось, Уля рассказала всё сама.

– Тут очень большой подвал! Лёш, ты здание наверху видел, представляешь, что под ним?

– Теперь хорошо представляю... – залы были больше похожи на объединенные коридоры, люди приспособили помещения под свои нужды, где это оказалось возможно без угрозы обрушения несущих конструкций. – Значит, твой папа хозяин местного автопрома.

– Чего?

– Того, что занимается производством транспорта, дрезин то есть, – пояснил Алексей, подозревая, что одними дрезинами тут дело не ограничилось. Просто этот цех ближайший и самый доступный. Судя по ощутимой вибрации пола, в глубине подвала велись и другие работы.

– Ну да. Папа рассказывал, что большой дом над нами только этими коридорами и соединялся. Я не разглядела наверху... Там опасно.

А где-то в здании есть выход на поверхность, только про него никто не знает.

Как может никто не знать про выход, если о нем говорит даже девочка, Алексей понять не мог. Но, давно привыкнув к крутым поворотам женской логики, промолчал.

– Лёш, представляешь, там над нами гнездо вичухи! – Ульяна всматривалась в потолок, наверное, ей это действительно казалось интересным. Будь Алексей сам еще пацаном, и он не отказался бы сходить на дракона. Повстречавшись с ним лично уже в зрелом возрасте, мечтал об одном – никогда больше не видеть эту мразь!

– Да... Прелесть-то какая, – сарказм уловила даже Ульяна, особенно после того, как он выразительно потер изуродованный шрамами висок. – Пойдем обратно?

– Тебе нужно быть на платформе, Виктор Петрович уже там.

– Не сомневаюсь. И на первый раз мне понадобится проводник. То он шагу ступить не дает, то оставил посреди этого лабиринта, чтобы сам дорогу нашел.

Ульяна вызвалась проводить, Алексей запоминал расположение коридоров, в воображении достраивая остальное с ее слов. Картина вырисовывалась впечатляющая. А платформа станции, отделанная темно-красным камнем, под стать названию, с нишами где надо и где не надо, показалась сейчас тесной вдвойне. Да и присутствие мрачного особиста ощущения свободы не добавило.

– Ты, Колмогоров, болтун, но не дурак. И, похоже, понимаешь, что попал как раз туда, куда нужно.

– Понимаю... – Алексей видел, что тот слишком быстро согласился на уговоры Вишневого лишь потому, что собирался как следует понаблюдать за подозрительным сталкером. Теперь у него есть такая возможность.

Пока подозрения оставались только в уме, Виктор Петрович вручил Алексею рабочие инструменты: фонарик и щуп, которым нужно аккуратно проводить досмотр содержимого дрезин. Допуск к грузовому транспорту выдавался проверенным людям, но Алексей не останется без присмотра, без этого ни одно дело не обходилось... Заставлять транзитников развязывать мешки и заглядывать внутрь – невелика премудрость. Куда больше внимания Виктор Петрович уделял пасса-

жиропотоку, и эту проверку не мог доверить никакому чужаку. Тот на людей внимания не обращал – это странно – и с большим интересом рассматривал, что везут на дрезинах.

Алексея удивляло многое. Ему уже попались на глаза несколько узлов с практичными, серенькими, теплыми вещами, вот только откуда тогда берутся яркие косынки на женщинах, а у мужчин удобные кроссовки? Видно, эти грузы шли сюда вовсе не по рельсам, а пешком и не прямой дорожкой. Бедность сквозила во всем, но до полной нищеты было пока далеко. О ней напомнил лишь мешок с поломанной, раскрошившейся лапшой, побелевшей от времени, – в бункере ею бы побрезговали, наверное. Здесь приходилось жрать, что дают. Дают в прямом смысле, бесплатно, в общей столовой, увешанной лозунгами, чтобы население не забывало, кого следует благодарить за пропитание. Это было написано крупными буквами и даже иллюстрировалось портретами Ленина, Сталина и почему-то Андропова. Наверное, товарища Москвина и так все обязаны знать в лицо, его портрета не прилагалось. Или он висел лишь в кабинетах доверенных лиц, достойных созерцать сию икону. Ведь этот правитель, до сих пор умудрявшийся накормить всю красную линию таким скудным набором продуктов, должен был уметь творить чудеса не меньшие, чем Иисус с пятью хлебами.

– Показываю еще раз... Дальше будешь сам разбираться. Вроде безмозглостью ты не отличаешься. К сожалению.

Инструктаж уже длился несколько часов, и Алексей понял, что тупить на этой должности не придется. Прежде всего нужно было из транспортного ручейка, вяло текущего в обе стороны, безошибочно выделить дрезины, не подлежащие проверке. Эта задача и оказалась не по силам предшественнику, который тормозил всех подряд, включая начальство с Дзержинской, или наоборот, пропускал всякую шелупонь с громким голосом. Виктор Петрович вскоре убедился, что китайгородский наемник в состоянии отличить людей с ксивами от обычных наглецов, и новый подчиненный заслужил даже подобие одобрительной улыбки. С проверкой самого груза дело обстояло хуже – тут никакое чутье и энтузиазм не спасли Алексея от выговора.

– Ты что, смысл работы не понимаешь?! – тот, похоже, и правда не понимал. – Ты стоишь на посту! Перед тобой самый ответственный объект – Дзержинская.

– Понял... Виктор Петрович, тогда давайте платформу перейдем, потому что путь на Дзержинскую с другой стороны.

Особист давно присовокупил юмор собеседника к числу его недостатков, хоть и начал привыкать понемногу.

– Ты щупом долбанул так, что дно дрезины проломить можно. Твоя задача узнать, что внутри мешка, вот и нащупывай. А если среди груза спрятано что-то опасное? Бомба, оружие нелегальное или патроны?

– А если там макароны?

– Если они в накладной на груз записаны – криминала нет. К провозу не запрещены. А вот это уже наше... Николай!

Паренек, казалось дремавший неподалеку, открыл глаза. Алексей давно пытался понять, почему на самом виду у бдительного особиста расположился бездельник. Оказалось – грузчик. Парень отличался на редкость плотным телосложением и указанный мешок взял легко, как перышко. Алексей уже успел из любопытства ткнуть щупом холстину и решил, что там снова тряпки, еще внутри пружинило что-то мягкое. «Профессионализм нарабатывается», – усмехнулся он, молча провожая взглядом исчезающего за колоннами Николая.

– Что там было?

– А ты с какой целью интересуешься? – устало переспросил Виктор Петрович. – Обувь там. Валенки теплые для населения. Но если думаешь, что я тебе на каждый вопрос буду отвечать, то ошибаешься.

– Да мне просто интересно... Живу теперь здесь, хочу узнать побольше. – Алексей скучал от однообразия, но поговорить было не с кем. Особист надоел еще на допросах, а грузчик, вернувшись на место, снова будто задремал.

– Давай, Колмогоров, работай. Проверь под днищем, нет ли чего...

К концу дня Алексей легко запрыгивал на дрезины еще на ходу, приноровившись к их малой скорости, протер собой весь пол вдоль края платформы, высматривая, не везут ли снизу контрабанду. Научился по звуку приближающегося транспорта определять, остановится ли он или проедет дальше, и можно не дергаться. Теперь уже понимал спокойствие и сонливость Николая. Монотонно... Скучно. Не подлежащая проверке дрезина тоже чуть тормозила, проезжая станцию, а он смотрел ей вслед. Хотелось закрыть глаза и тоже уснуть под громкий стук колес и скрип рычага механического привода.

– Даже не думай об этом.

– Я и не думал! – Алексей даже не стал уточнять, о чем именно. Но такой способ побега о станции самый глупый из всех, что можно предпринять. Да и нужно ли бежать? Красные ворота еще не открылись ему настолько, насколько он хотел. – Мне и здесь неплохо.

Алексей сказал правду. Станция начинала ему нравиться, особенно с тех пор, как получил свободу и мог рассчитывать на статус хотя бы условного гражданина. А уж сделать его фактическим – дело времени и сообразительности.

Проходили дни, и особист перестал отслеживать каждое его движение в сторону туннеля. Алексею от тоски иногда хотелось даже устроить какую-нибудь провокацию, хотя снова иметь дело с гневом Виктора Петровича он опасался. Часто накатывали приступы слабости, а отлежаться не удавалось. Ельцов был недоволен таким медленным досмотром, сделать ничего не мог, пытался разоблачить симулянта с помощью врача, но показания градусника не ввали. Алексей терпел головную боль и высокую температуру, лишь бы кому-нибудь не пришлось в голову снова его обследовать или отправить в карантин с подозрением на чуму.

Сначала удивляло отсутствие Ульяны, которая по вечерам обязательно старалась оказаться где-то поблизости, чтобы хоть парой слов с ним обменяться и хихикнуть над очередной шуткой. Ни разу за весь день девушка не появлялась. Зато когда появилась, сделала вид, будто и вовсе с Алексеем не знакома. Тот принял новые правила, наблюдал, пока не заметил какое-то ехидство в лице особиста. Ничего хорошего это значить не могло.

Но зря Алексей подозревал серьезные неприятности, вечером Уля с извиняющимся видом решила всё объяснить.

– Лёш... Коля мой друг, и если я буду с тобой все время разговаривать, он обидится.

– Друг? – переспросил Алексей, едва сдерживая смех. – А если ты будешь разговаривать с ним, то обидишь меня?

Жертва этой диалектики и раньше не знала, что сказать, а теперь запуталась вовсе. Хотелось помочь ей, но посмотреть на дальнейшие мучения было намного интереснее. Даже обнаружившийся конкурент не пробудил азарта, Ульяна не поднимала голову, не оправдывалась,

видно считая, что нет ей оправдания за интерес к двум мужчинам сразу. Назвать Николая мужчиной язык не поворачивался, пареньку едва исполнилось восемнадцать. Судя по тому, что и юная Улька пропадала весь день на каких-то работах, тут бездельничать никому не приходилось. Долгое молчание Алексея насторожило девушку, она осторожно заглядывала ему в глаза снизу вверх.

– Лёш, мы просто с Колей еще со школы дружим.

– Я понимаю, – пока разговор не перешел на тему прошлых увлечений самого Алексея, об этом девушки любят спрашивать, нужно было срочно принять меры. – Покажи мне подвалы, если можно. Ты же должна знать все лазейки?

Конечно, она знала, и пришлось долго идти за ней вслед по коридорам, чтобы не упустить возможности лучше изучить лабиринт. Дрезины попадали в цех по наклонным ходам с проложенными на полу рельсами, а после ремонта их тем же путем закатывали обратно в метро. Насколько Алексей помнил высоту наверху, ему не показали и половины заново освоенного людьми пространства. Ульяна ничего не говорила о том, что подвалы завалило при взрывах бомб. Значит, недоступны они по другой причине. Только допуска не имеет даже дочь первого секретаря, что уж говорить о ее неблагонадежном спутнике?

Алексей не удивился осуждающему взгляду начальства. Этого он и ждал, когда утром повязывал на голову кусок ткани, старательно подворачивая оборванные края. Надоело ловить на себе жалостливые взгляды, он не привык, что кто-то смотрит на него, как на калеку, а шрамы вызывали именно жалость, и ничего уже сделать нельзя.

– Сними. Сидишь как чучело в этой бабьей косынке!

– Знаете, Виктор Петрович, а в таком аспекте я и не подумал...

– Сними и выбрось, – тон не допускал возражений и негодчиния.

– Что за забота вдруг? – Алексей все же убрал с глаз предмет недовольства. – Мне кажется, вы все время надеетесь, что кто-то из проезжающих здесь людей меня узнает... Кто-то подскажет вам, кто я и что я.

Улыбка, довольная и в то же время издевательская, расплывалась на лице особиста.

– Правильно догадался. Иначе ты никогда не оказался бы здесь, потому что такую тварь лучше прятать. Сделай одолжение, засунь

свой государственный умище подальше и делай то, что требуется. Пока я не потребовал чего-нибудь еще.

На угрожающее «еще» даже у Алексея фантазии не хватило, но перспрашивать он не стал. Тем более, он заметил за широкой колонной громко щебечущую стайку девушек, и интерес сразу переключился на более приятный объект. Даже группу объектов. Среди них разглядел и Ульяну, которая осторожно осмотрелась и, не найдя Николая, решила ненадолго отстать от подруг и подойти поближе.

– Привет!

– Ты почему ногу волочишь? Случилось что?

– Да ерунда, сапог соскакивает, – она наклонилась и потянула сапог с ноги, из голенища вылез хвост размотанной портянки. – Сейчас...

– Давай помогу... – Алексей опустился на одно колено, поставив Улю перед собой, и пытался развернуть замысловато скатанный тряпочный рулон. – Улька, ты ноги мыть не пробовала? Говорят, полезно иногда...

– Лёш, да это просто сапог старый!

Загнув голенище сапога, чтобы не отвлекал, Алексей снял скособочившуюся тряпку. Самому когда-то пришлось несколько лет носить подобный шедевр, потому что детской и подростковой обуви в бункере не было, а вот армейских сапог всех размеров – навалом. Поэтому он, привычно перевернув застиранную портянку, расположил на уголке девчоночью стопу. Заворачивать не спешил... Красивая округлая голень в ладонях была теплой, но прямо на глазах покрывалась гусиной кожей мурашек. Алексей рисковал получить пяткой в лоб за непристойные домогательства и все-таки не мог упустить возможность растянуть подольше этот скромный социалистический стриптиз, приподняв штанину ее рабочего комбинезона еще повыше, поглаживая пальцами ямку под коленом.

Учитывая сплошь высоконравственные и удручающе закрытые женские наряды на этой линии, хорошенькая ножка перед глазами была приятным разнообразием, а уж смущать Ульяну стало доброй традицией. Сама виновата, нечего подсовывать столь соблазнительные предметы мужчине под руки! Вот только боязливые мурашки как ответ на умелую ласку в его обширной практике встретились впервые, и, снова проведя ладонью от пальцев до колена, Алексей поднял голову, чтобы взглянуть на девушку. Хочет ли она продолжить, или хватит

уже на первый раз? А то ведь уже примеривался хулигански чмокнуть особо приглянувшийся участок нежной кожи...

Вместо ожидаемого девичьего стыда на побелевшем лице Ульяны застыл немой ужас, она смотрела поверх его головы, будто за спиной атакующий птер грозно разворачивал кожистые крылья. Алексей за один миг перебрал варианты: отец? Виктор Петрович? Сам товарищ Москвин? Ответ пришел одновременно с ощущением близкой угрозы, что-то рвануло тело вверх, давненько уже Алексей не испытывал такого чувства неуправляемого полета. Как мешок в руках грузчика. Верно догадался.

Сгруппировавшись, он все равно не был готов врезаться в препятствие так быстро, затылок болезненно треснулся обо что-то твердое. В глубине души снова полыхнуло огнем, готовым сжигать все вокруг, но лишь на секунду. Смазавшаяся в движении картина мира наконец обрела устойчивость: Николай, отдувавшийся после такого броска, Ульяна, судорожно натягивавшая сапог на босую ногу, будто это могло исправить положение... И дрезина позади, медленно ползущая вдоль платформы, об которую он спиной и приложился. Оттолкнувшись локтями от шероховатого борта, который уже потащил за собой, Алексей выпрямился, почти готовый к разумным действиям. Чуть раньше – и прямо под колеса. Чуть позже – и переломы с сотрясением мозга там внизу в темной яме путей... Парень не хотел убить, но вполне мог.

Пламя ярости угасло, обошлось. И все же «мешок» слегка обиделся на бешеного ревнивца. Алексей, подцепив ногой стоящее неподалеку ведро, запустил им в голову Николая. Тот в футбол не играл, ответить тем же не мог, зато сжал кулаки и пошел вперед с явным намерением превратить соперника в мокрое пятно на полу. Первый удар был нанесен с большой силой, Алексею удалось нырнуть под руку и впечатать кулак в ребра, оказавшиеся в зоне досягаемости. Но парень едва заметил это, наверное, не стоило щадить его, нацеливаясь выше, а сразу ломать нижние, чтоб наверняка. Ошибки придется учесть.

Уйдя от этого подобия тяжелой кувалды, которая с опасной быстротой опускалась на спину, он отскочил подальше. Парень выигрывал в силе с подавляющим перевесом, но уступал в скорости. Позади была стена, Алексей, уклонившись от прямого удара (жаль, противник

в стенку не попал), пропустил скользящий боковой, легкого поворота головы хватило, чтобы рука лишь задела щеку, но и этого оказалось достаточно для секундной дезориентации. Пришлось, презрев все правила, которые еще соблюдал Николай, ногой заехать по колену. Не ожидавший этого недоученный боксер в излишне жесткой стойке потерял равновесие и дал возможность Алексею снова вывернуться, заняв плацдарм посвободнее. Можно было бы обезвредить его одним ударом, уже совершенно бесчестным, но присутствие зрителей не позволяло. А парень снова шел вперед, чуть прихрамывая, без малейшего признака разума в глазах. Зайти бы с тыла, захват шеи решит проблему быстро, противник силен, но не настолько гибок, чтобы эффективно наносить удары локтем назад, хоть и проблематично пережать шею толщиной с две твоих руки.

Отступая и уклоняясь, Алексей искал возможность заставить соперника снова потерять равновесие. Защиты тот не ставил, лицо было открыто для удара, вот только приблизиться значило неминуемо войти в зону поражения мощного увесистого кулака. Снова некуда отступить... Понадобилось лишь наклонить голову, уходя от прямого правой, сбив самому себе прицел на точный апперкот, и встречным ударом локтя отвести левую, отбрасывая противника назад. Тот наконец-то закрылся в стойке, точнее, рефлекторно попытался это сделать, а еще сохранивший силу и скорость Алексей успел нанести удар сквозь эти бестолково поднятые руки, разбив парню нос. Потеря полноценного дыхания его ослабит, раз уж другого способа победить нет.

Николай только встряхнул головой. Вид у него был растерянный, похоже, еще никто доселе не провел с ним столь продолжительного поединка. Сочувствие и безжалостность к юноше представляли собой странную смесь; пока Алексей лишь защищался, разве что азарт слегка проснулся... Но уж не настолько он и сам молод для нескольких раундов, пора заканчивать эту забаву.

Закончил поединок на пределе правил – сильным ударом ноги в солнечное сплетение, и пусть этот дебил спасибо скажет, что не ниже пояса! Без того Алексей превысил все допустимые нормы благородства из-за зрителей и не добывает сейчас согнувшегося едва дышащего парня, закапавшего весь пол вокруг кровью. А стоило Алексею оглянуться на девушку, он тут же пожалел, что не проиграл: восхищение

зашкаливало, как дозиметр в эпицентре ядерного взрыва. Не там этот поединок состоялся... Не с тем противником. Сегодня опыт против молодости одержал верх безоговорочно, но победа вызвала лишь слабую улыбку, да и то потому, что лицо Ульяны рассмешило. А радость быстро увяла от грозного окрика:

– Что тут происходит?! – Ельцов расталкивал шустро редеющую толпу, приближаясь к месту преступления.

Глава 12

СОБЛАЗН НЕВИННОСТИ

Не укладывалось в голове, что обычная мужская разборка может стать предметом чуть ли не судебного разбирательства. В бункере на такое происшествие даже не чихнули бы, Алексея посетила мысль, что это, возможно, придирки особиста лично к нему. Но по реакции окружающих и Николая стало ясно: драки на красной линии не приветствуются. Не ощущая за собой никакой вины, Алексей спокойно смотрел в пол кабинета. Его ничто не беспокоило, кроме слабой боли в отбитых пальцах правой руки.

– Надеюсь, вы оба понимаете, что такие методы решения конфликта недопустимы.

Хотелось возразить, что инстинкт борьбы за самку заложен самой природой и никакому общественному строю его не отменить, но без толку. А слушать воспитательное бухтение оказалось интересно, пока не начались вопросы. К счастью, Николай и не думал скрывать правду, сознавшись, что именно он начал драку. Ельцов выглядел сильно разочарованным, Алексей решил, что инцидент теперь уже не представляет такого интереса, раз виновником оказался не тот, кому положено.

– А вы почему не приняли меры, Колмогоров? Вы старше и должны были объяснить, что это не метод.

Пропустив напрашивающееся «чё я был должен?!», Алексей не стал возражать.

– Я меры принял... – и выразительно посмотрел на распухший нос бывшего противника. – Кроме обороны, ничего в голову не пришло. Я не виноват, что у него ниже пояса ничто не функционирует!

В ответ на яростный взгляд Николая пришлось уточнить:

– Ну, что он только руками в бою действует, а на ноги исключительно опирается, чтоб не падать.

– Клоуны... Вон отсюда оба! По своим местам, и разбитые морды – это ваши проблемы.

К счастью, легкий ушиб пальцев не мешал Алексею держать фонарик, а Николай, заткнув нос тряпочками, разгружал дрезины, прикладывая в перерывах к переносице холодный компресс. День тянулся долго, но все же подошел к концу. Можно было без опаски поворачиваться спиной, и не потому, что Ельцов наблюдал... Николай не замышлял зла. Парень просто ненавидел, честно и открыто, без всякой задней мысли. Такому врагу даже хотелось пожать руку и похвалить за безукоризненное соблюдение рыцарского кодекса. Только вот он не оценит.

– Колмогоров!

– Виктор Петрович, моя смена закончилась...

– А с тобой будет индивидуальная беседа.

Алексей хотел уже сказать, что не желает быть фаворитом, настолько любимым за ум и красоту, но удержался. Не стоило напрашиваться на недополученные в бою синяки – особист, не ослепленный ревностью, бьет точнее. Поэтому молча шел за начальством по знакомым узким коридорам, снова прокручивая в уме перестрелку на поверхности. Он не боялся запутаться в показаниях, только давно запутался в своих раздумьях по поводу произошедшего.

Редкие в этих краях ганзейские дрезины спокойно проезжали станцию, следуя на Библиотеку имени Ленина, и никто не выказывал открытой вражды, поэтому мозаика не сходилась. Алексей не удивлялся: здесь и наверху действовали разные законы, да и оброненная Вишневым фраза, что его дочь может представлять для кого-то большую ценность, немного прояснила ситуацию. Ульянка в самом деле была самым лучшим приобретением Алексея за последнее время, пусть он еще и не решил, как ею правильно воспользоваться... Но

сейчас придется сосредоточиться не на девушке, а на собственных ответах на привычные вопросы. Вряд ли особист намеревался побеседовать о погоде.

Все же основной «сюрприз» вечера поджидал его в комнате. Алексей не ощутил ничего, кроме раздражения: сейчас хотелось побыть одному, не осталось сил на разговоры с Ульяной. И снова маска на лице, уже другая, не холодная и насмешливая, но носить ее ничуть не легче. Когда же можно будет стать самим собой и не притворяться? Здесь, наверное, никогда.

Девушка почему-то молчала, вид у нее был не менее взвинченный, чем у самого Алексея, будто и она только что вылетела с пристрасного допроса Виктора Петровича. Что же ей сказать? Мысли вязли в беспросветной усталости, оставалось лишь махнуть рукой и предоставить событиям полную свободу. Здесь хоть нет угрозы немедленного расстрела или заключения под стражу, такими полномочиями Ульяну никто пока не наделил. Но когда девушка сделала решительный шаг вперед, как на смотре комсомольского строя... Алексей пожалел, что не задержался еще немного в кабинете особиста. Девчонка с перепугу зажмурилась и споткнулась, оставалось лишь не позволить ей упасть, теперь он даже сквозь одежду чувствовал, что ее бросило в жар от стыда за неуклюжесть и содеянную глупость. Ничего... С каждым может случиться. Цели она достигла, дальше-то что?

День был не банный, но пахло от девушки приятно, если бы еще не видеть, как просвечивает сквозь жидковатые светлые пряди розовая макушка... Умиляет, а не заводит. Никак. Даже под расстрелом. Это не помешало Алексею по-дружески обнять девушку.

– Уля, извини, я помню, что обещал прийти... Но от Виктора Петровича не уйдешь просто так.

Тут хорошо бы спросить, что у нее за срочное дело, которое вот так уж совсем не терпело отлагательств... Но вместо слов, которые, видно, комом застряли у растерянной девчонки в горле, она начала гладить руками его тело. Такого, напоминавшего медосмотр, ощупывания Алексей не припоминал уже много лет. Неопытность – не порок, по правима... Конечно, при обоюдном желании сторон, а вот этого сейчас он в себе не ощущал ни на грамм. Не в первый раз, можно найти выход и из этой неудобной ситуации. Если бы только эти настойчивые иссле-

дования не ставили целью во что бы то ни стало найти различия женской и мужской анатомии!

«Что ты трогаешь там дрожащими пальчиками, обалдев от собственной смелости? Кто-то посоветовал? Не надо, ты не найдешь там комплимента и признания своей сексуальности. Всё, что сейчас может пребывать в напряжении, – это нервная система. Для гарантированного результата щупать придется долго, и, боюсь, не только руками... А настолько «плохому» подружки-комсомолки не научат». Алексей слишком устал. Заставить себя? Зачем? Не надо путать удовольствие с самоудовлетворением. Здесь тот случай, что и не различишь... «Товарищи по несчастью. Ты и я. Добиваемся взаимности от того, кто нам никогда не ответит. И лучшее, что я могу сделать, – это не уступать твоим глупым мечтам. Улька! Я ж не железобетонный, вполне живой, сейчас доиграешься!» Самому себе Алексей врать не мог: будь Ульяна хоть немного соблазнительнее, вопрос о нравственности и не возник бы ни на секунду. Так легко быть чистым и безгрешным в отсутствие достойных искушений.

– Не сегодня. Иди домой.

Упрямое выражение лица, точная копия отцовского, для кокетства – последнее дело. И пришлось крепко придержать излишне шаловливые ладошки, нежно поглаживая запястья, чтобы не навевало ассоциаций с надежным захватом наручников. Теперь хоть можно было увидеть ее глаза – румянец смущения почти исчез, осталось недоумение: почему? Ведь всё сделала правильно: выбрала момент, чтобы остаться наедине, недвусмысленно дала понять, что готова ко всему... И подарок не приняли. Слишком уж настойчиво предлагала!

– Пойдем, я тебя отведу.

Выдерживать церемонную дистанцию уже не получалось: девушка теперь стала чуть ближе, хоть и не настолько, как ей хотелось. И даже удалось сдать ее под родительский надзор с настолько виноватым видом, что отец подозрительно насупился. Ульяна по-детски озорно подмигнула из-за его спины, Алексей не удержался от ответной улыбки. У них появился маленький общий секрет. Жаль, что больше никому до него нет дела.

* * *

Седьмое ноября для Алексея началось вовсе не так празднично, как для остальных: к этому знаменательному дню он остался равноду-

шен, а готовящиеся торжества его никаким образом не касались. Так он думал до тех пор, пока не услышал под утро настойчивый стук в дверь своей жилой ячейки. За тонкой фанеркой явно стоял мужчина, покашливал и что-то бормотал себе под нос. Гадая, кто бы это мог быть, Алексей дотянулся до выключателя и отодвинул хлипкий шпингалет.

– Заходите, – даже встать не пришлось, сидя на койке он вполне доставал до двери. Ничего, гость переживет бесцеремонность, раз уж сам явился в такое неожиданное время. Помятый Алексей и растерявшийся Вишневский некоторое время изучали друг друга. Вот сейчас действительно свет резал глаза после такой желанной темноты и крепкого сна, и буквы на бумаге, которую совал в нос первый секретарь, сливались в непонятные наборы завитушек.

– Алексей, слушай, мне кажется, я вот тут в речи какую-то ерунду написал!

Хотелось сказать, что вся речь ерунда, да и слушать ее никто не будет, потому что все думают о праздничных спецпайках и возможности пораньше удрать с работы, но, видимо, торжественные слова предназначались вовсе не для населения. Павел Семенович не первый день на этой должности, и про безразличие к речам знал побольше самого Алексея. А вот писать их не умел, судя по сложившимся, наконец, воедино словам на сером листочке.

– Что это у вас за «великие завоевания великой Революции»?

– Где? Да нет, Лёша, я про другое спросить хотел!

– А мне вот представился Ленин на легендарном броневике во главе армии... – Алексей уселся поудобнее, отодвигаясь, чтобы и первый секретарь рядом поместился. – И пошла эта армия завоевывать... Что она там завоевала?

– Счастье и свободу, – уверенно сказал Вишневский, казалось, он уже размышлял, как добавить в речь и эту красивую мысль.

– И декреты о мире и земле. Что-нибудь из этого осталось актуальным сейчас, Павел Семенович? Только «Фабрики – рабочим».

– Алексей, ты в политику не лезь! Просто мне кажется, что ты умеешь гладко говорить, не хуже, чем агитатор. Я бы у Инны спросил, но будить было неудобно. Ей и так сегодня хлопот много предстоит.

Школа Бориса Владленовича Нестерова даром не прошла: красиво говорить Алексей учился у него. Привратник обладал врожденным да-

ром привлекать и удерживать внимание людей. Кроме того, он никогда не мямлил, голос его всегда звучал уверенно, даже когда говорил заведомую ложь. То ли Алексей родился с теми же способностями, то ли просто был прилежным учеником...

После недолгих споров они с Павлом Семеновичем пришли к согласию, окончательно отшлифовав фразу «пусть живет и крепнет великое дело вождей, любимых народом», а снова заснуть уже не получилось. Оставалось только лежать еще полчаса до утренней побудки, от души сочувствуя уставшему первому секретарю и представляя дальнейшее укрепление дел вождей. Дальше некуда. Если только открыть на поверхности пункты для агитации и вербовки мутантов в ряды коммунистической партии и цеплять им на хвосты красные звезды. Алексей представил, сколько вражеских сталкеров можно уморить от смеха таким зрелищем, – и сна как не бывало.

Наверное, у кого-то веселье наступило прямо с утра, потому что на станции заранее повесили транспаранты с оптимистичными надписями и бумажные гвоздики. Кое-где цветы были синими и зелеными, но на это внимания не обращали. Только поспешно убрали из арки идеологически неправильный букет, кем-то составленный под российский триколор, и занялись поисками того шутника или диссидента. Сам Алексей торжества пока не ощутил: особист как всегда не упускал его из виду, однако, притерпевшись к чужаку, уже больше молчал, не пытаясь оскорбить или спровоцировать каждую свою свободную минуту. И надень он хоть гирлянду цветов на шею, это не скрасило бы мрачной деловитости его лица.

Рабочие из цехов уже к обеду мелькали на платформе, занимая очереди на пассажирский транспорт, остальные с утра всю пользувались выходным днем. Это прибавило работы Виктору Петровичу, но не Алексею. Он отсиживался в сторонке, стараясь держаться подальше от так же скучающего Николая, и проявил любопытство лишь при появлении из туннеля дрезины повышенной комфортности с хорошо одетыми пассажирами, прибывшей со стороны Лубянки. Алексей подумал, что именно для них и готовил речь Вишневский. Может быть, громкие слова произведут впечатление на незнакомую женщину в составе делегации? Монументальный бюст дамы, подтянутый деловым пиджаком, был украшен красным бантиком. И не беда, что снизу надета старая полинявшая юбка явно не по размеру. Зато туфли

на каблуках. Ельцов как-то незаметно исчез вслед за партийными чиновниками и нелепой дамой. Алексей даже переглянулся с Николаем в недоумении: что делать без начальника? Наверное, угроза Лубянке миновала или неведомые террористы в честь праздника тоже после обеда не работали. Идти было некуда, и Алексей остался на платформе, предоставив фору молодому сопернику, – пусть сначала он попробует пригласить Ульянку на вечерние танцы. Может, она даже согласится.

Он помнил совсем другую музыку, а за пением нестройного и немелого хора скоро и этой не стало слышно. Невелика потеря. Песни о событиях, которых никто не помнил и не знал, нравились этим людям, или, может, просто было весело всем вместе повторять заученные наизусть слова, да погромче.

– Я работаю в хору, все орут – и я ору...

– Что, Лёш? – Ульяна не расслышала его на фоне «Варшавянки», да и к лучшему.

– Ничего. Шутка старая, – упомянутые в песне «вихри враждебные» показались вдруг вполне уместными и подходящими к любому нелегкому времени. Но присоединиться к остальным не захотелось.

Танцы для него тоже давно канули в Лету. Вежливо потоптавшись на месте с зажмурившейся от удовольствия Улей, Алексей вернулся в угол, откуда хорошо было видно платформу, служившую сейчас площадкой народных гуляний. И стало ясно, что с дамой ему катастрофически не повезло; впрочем, он не согласился бы променять Ульку ни на какую другую хорошенькую девушку, с любопытством стреляющую глазками в его сторону. Иногда приходится думать головой, а недолгое воздержание здоровью не повредит. Алексей понимал, что застрял здесь надолго, если что-нибудь и способно сдвинуть дело с мертвой точки, так только помощь первого секретаря. Нравиться хозяину он будет ровно до тех пор, пока довольна его дочурка. Наплясавшаяся с подружками Ульяна уже решительно вертела головой по сторонам в поисках своего партнера, поэтому, с грустью бросив последний взгляд на ближайшую девицу, явно готовую хоть к танцам с ним, хоть к их продолжению, Алексей предпочел затеряться в пустых дальних коридорах. Хоть Николай будет доволен самоустранением конкурента.

Ремонтный цех манил к себе уставшего от однообразия Алексея. На вопрос Ельцова, почему он выбрал такой странный досуг после работы, пришлось признаться в намерениях исправиться и стать передовиком труда. По степени идиотизма этот ответ превзошел все ожидания особиста, и он оставил Алексея в покое. Хорошо организованная система безопасности не позволяла проникнуть в охраняемые помещения, но не могла скрыть уходящих вглубь подвала рельсов. А слухи о строящемся там новом бронепоезде легко обменивались на веселые байки про жизнь на Китай-городе в Треугольнике. Пришлось позаимствовать Глюковы рассказы о бесстрашной братве подземелий, о бандитских шайках, до сих пор обитающих в подвалах Хитровки. Все равно их никто не видел. Бронепоезд интересовал Алексея так же мало, как и хитровские романтики с большой дороги, просто информация никогда не бывает лишней. И можно подсчитать окончательную стоимость Ульяны в единицах измерения власти и влияния. Цена росла до небес, по меньшей мере, до шпиля высоты, кощунственно украшенного гнездом вичухи. Рабочие цеха перестали считать китайгородского сталкера чужаком, но сильно сближаться с ними Алексей не планировал: все равно они не защитят его от возможной опалы у Виктора Петровича. Здесь необходим другой союзник, не ниже рангом, а то и выше. Вишневский.

Скрыться от Ульяны оказалось так же трудно, как от всевидящего ока спецслужб. Разбойничьи рассказы ей тоже нравились, хоть и приходилось в ее присутствии обходиться без дословного цитирования. С ней он говорил совсем о другом... Понимая, что забивает голову девушки пустыми мечтами о Красном море, о дайвинге, для которого и Алексей тогда был слишком мал, о ярком солнце, когда-то безопасном для людей, и горячем песке пляжа. Пожалуй, только в песок она и поверила.

– А самолет большой?

– Как станция, не меньше! – в детстве самолет точно казался ему громадным и необозримым. И такое понятие не объяснить той, для которой пределы обозримого мира еще недавно заканчивались изгибом туннеля. – Только не спрашивай, как он летает.

– Я поняла, на двигателях, наверное?

– Умница, всё понимаешь.

Девушка снова порозовела от комплимента и стала казаться довольно милой, румянец ей шел, когда ограничивался щечками, не распространяясь на уши. Алексей поправил ей волосы, Ульяна недоверчиво подняла взгляд. Глаза были тоже хороши, но разбирать внешность на любимые и нелюбимые запчасти он не привык. И продолжал смотреть на нее, полностью игнорируя намеки на романтический поцелуй. Положение спасли несколько рабочих, проходивших мимо, с любопытством оглянувшихся на парочку в тени.

– Уля, сияй потише, на тебя люди смотрят. Папа не одобрит.

– Папа... Он тебя сегодня пригласил на ужин.

– Не главным блюдом, нет? Хотя это скорее в обычае у Виктора Петровича!

– А ты придешь?

Вот уж в чем можно было не сомневаться – побежит. Вишневский зовет по делу, а не потому, что захотел полюбоваться лишний раз. Заодно и нормальный ужин не помешает, если, конечно, после всех «дел» аппетит не пропадет.

– Уля, разве я могу пропустить лишний повод увидеть тебя? До вечера.

ГЛАВА 13

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Собственно ужин доставил огромное удовольствие, но что сотворила со свининой Инна Макаровна, так и осталось для Алексея загадкой. Конечно, пришлось припомнить навыки обращения с вилок и ножом – торжественная атмосфера обязывала к этому и гостей, и хозяев. Спешить было некуда, первый секретарь и его жена сейчас позволили ему забыть разницу в положении, лишь спецпаек напоминал об этом да чересчур чистый самогон, который Павел Семенович не забывал разливать в стаканы.

– Лёша, в вас сразу видно мальчика из хорошей семьи, – Инна Макаровна могла назвать и мальчиком, хотя едва ли она старше него более, чем на десяток лет. – Ваши родители...

– Их больше нет, – ответил он после секундной паузы. Их нет. Именно так, просто исчезли в один момент, и он старался больше не вспоминать о них. Забыть! Будто их никогда не существовало, так проще жить, не испытывая боли. Стереть из памяти. – У меня был наставник, в какой-то мере заменивший отца, и почти сестра. Младшая.

Алексей покосился на Ульяну... Девочкой «из хорошей семьи» нужно было назвать ее. Потому что он сам и слово «семья» не пересекались ни в каких плоскостях. Не судьба, видно. Но Инна Макаровна имела в виду совсем не это: интеллигентный на вид молодой мужчина составил им хорошую компанию на вечер. А о чем поговорить, как не на общие темы? Проницательная хозяйка дома умолкла, так и не задав

следующего вопроса. Ответ был очевиден, хватило тактичности не спрашивать, куда же пропали наставник и сестра. Она видела перед собой наемника-одиночку, у которого нет ничего, к чему он привязался бы. Алексей был ей за это благодарен – не хотелось портить приятную атмосферу ложью и постоянными опасениями случайно проговориться об истинном положении дел.

А чувствовал он себя вполне комфортно, Вишневский дал понять, что в присутствии женщин серьезного разговора не будет, это просто ужин, чуть более сытный, чем обычно. И чуть побольше народу за семейным столом. Теперь уже Инна Макаровна не сводила взгляда с его руки, державшей стакан: не облапившей надежно толстое стекло во избежание тремора и не отставившей мизинец дурацким манером... Алексей мысленно выругался, впрочем, аппетита это ничуть не испортило. Зато Павел Семенович, изрядно принявший на грудь, бухнул не подумавши, разоблачив все заговоры разом:

– Давно хотели вас получше рассмотреть. Улька-то все уши прожужжала нам про Лёшу.

– Пап!!!

Вилка звякнула по тарелке и упала на пол, девушка вихрем вылетела из-за стола, раскрасневшаяся, как знамя коммунизма. Алексей невозмутимо допил содержимое стакана, решив, что столь мелкое происшествие несоизмеримо с неуважением к тосту за здоровье товарища Москвина. И поднял вилку, аккуратно положив ее на скатерть. Неудобная тишина напомнила Совет Привратников, когда выступал матерщинник Никитин или командир отряда сталкеров начинал чересчур живописно рассказывать о брачном поведении кролов. Они хотели посмотреть? Пусть наблюдают, как гость оценил кулинарные способности хозяйки, продолжая в полном молчании опустошать тарелку. Добавки-то могут и не положить. А что оставалось делать?! Бежать за безутешной девицей? Причем настолько явно девицей, что даже весь интерес пропадал.

– Паша...

– Что «Паша»? Уже в собственном доме и слова сказать нельзя, – первый секретарь слегка смутился, тут он явно первым не был, да и на службе вел себя поосторожнее. – Разве не так?

– Паша... – укоризненный взгляд супруги заставил его смутиться не хуже дочки, и он даже не заметил, как Инна Макаровна тепло улыб-

нулась. – Не обращайтесь внимания, Алексей, конечно, Уля много о вас рассказывала, ведь вы тут человек новый. Она успокоится и вернется.

Хотелось переспросить: точно вернется? Потому что вот теперь эти призывы к спокойствию начали настораживать. Ловушка четко обозначилась под полусъеденной приманкой. И Алексей надеялся, что ошибается. Из всех сил надеялся... И уже сам обреченно взглянул на руку, непроизвольно потянувшуюся к бутылке. Померещился блеск кольца на безымянном пальце. Нет! Не может быть. Насупившийся Павел Семенович как раз тоже собирался налить для храбрости, и такое единодушие мужчин, не поделивших емкость с самогоном, рассмешило Инну Макаровну.

– За хозяйку дома! – провозгласил Павел Семенович, радуясь, что все друг друга поняли. Алексей с удовольствием его поддержал, втайне уже опасаясь следующего тоста «за здоровье молодых». Молодые пока были в некомплекте, «вторая половина» тихонько всхлипывала от обиды где-то за занавеской и назад за стол не торопилась.

После неосмотрительного заявления мужа Инна Макаровна уже не таясь рассматривала Алексея. Он нравился ей, и уж точно не мог не понравиться дочке, которая действительно взахлеб рассказывала о своем неведомом спасителе, появившемся из темноты и сразу внушившем доверие. Скорее всего, произвел впечатление его успокаивающий и обнадеживающий голос, мать не могла не слышать, как он обращался к Уле. И при этом не притворялся... В остальном доверия Алексей не внушал. Совсем.

Уверенный в себе, он не стеснялся за столом, как Коленька, тоже приглашенный пару раз к обеду, умело поддерживал разговор и увиливал от неприятных ему тем. Породистое красивое лицо не могло не привлекать взгляд, но вызывало у матери смутное беспокойство. Никто не знает, откуда он пришел, где жил и чем занимался. Будто не было этих двадцати лет, а хорошо воспитанный довоенный подросток каким-то чудом в один миг преобразился в сильного и обаятельного мужчину.

Это и вызывало подозрения, потому что Алексей выглядел бы намного достовернее в костюме и наглаженной рубашке рядом со спортивной машиной, чем в штанах и майке недавно усопшего соседа на дрезине со щупом в руках. Казалось, ему вовсе не знакомы голод и бедность, а он пришел откуда-то, где всего в достатке, в том числе витами-

нов и свежего воздуха... Полис? Неразведанные окраины? Впрочем, разве это плохо?

– Лёша, а вам часто приходится бывать на поверхности?

– Часто! – слишком быстро ответил Алексей, тут же безошибочно уловивший, что речь идет о генофонде.

Длинные, скромно опущенные ресницы русого цвета надежно прятали мелких бесенят и матёрых чертей в голубых омурах, изменчивые губы сейчас благодушно улыбались. Но глубоко залегшие жесткие складки от крыльев носа и хорошо наметившаяся уже морщинка на лбу выдавали этого белокурого ангела с головой: Алексей точно знает, чего он хочет, и умеет настоять на своем. Инна Макаровна перевела взгляд на мужа. Похоже, его еще ждет большой сюрприз.

– А Павел определенно говорил, что у вас хорошая рабочая специальность... И совсем не обязательно подвергать себя такой опасности.

– Вам же лучше, Инна Макаровна, и вашей дочери тоже, что я оказался на поверхности. Впрочем, вместо меня там мог бы оказаться кто-то другой.

– И вы ей помогли. Как будто угадали! Может, у вас тоже есть дети, Лёша?

– Не думаю... – уверен, что нет. В замкнутом пространстве бункера этого не скроешь. – Разве мужчина может такие вещи утверждать наверняка?

Инна Макаровна покачала головой. Но осудила не слегка безнравственный оттенок шутки, а явную неправду. Алексей уж слишком дружелюбно улыбался девочке, а если сейчас не оглядывается на ее отгороженный занавесками уголок, то лишь по причине страха за себя, ведь перекрестный родительский допрос он давно разгадал. Пора бы и Павлу принять участие, кстати...

– Алексей, а вы в детстве свинкой не болели? – снова со всей мужской прямоотой подал следующую реплику супруг.

– Не знаю... – пожал плечами уже совершенно сбитый с толку Алексей, не понимая, при чем тут еще и это?! – Как-то со свинофермой вашей связано? – он потянул носом, не пахнет ли навозом, но ботинки были отмыты до полной стерильности, да и руки обрели привычный белый цвет.

– Нет, Лёша, нет! – расхохоталась хозяйка, подкладывая на его тарелку еще кусочек добавки. Павел Семенович, отчего-то боязливо по-

глядывавший на жену, подлил самогона в стакан. – Павел, а почему ты не показываешь гостю свою знаменитую семейную реликвию?

– Потому что ты всегда говоришь, что это первый признак: если я за ней полез, значит, нажрался в зюю! – но Вишневский все же встал из-за стола и шарил в шкафчике, радуясь возможности сменить трудную для него тему разговора.

Первый секретарь оказался настоящим коммунистом, правда, не в том смысле слов, которыми обозначали пламенных революционеров прошлого, а в том, что в коммунистической партии он состоял еще задолго до «москвинского призыва». Семейная реликвия – потертый членский партбилет КПРФ с серпом и молотом – произвела на Алексея должное впечатление. Верность традициям не всегда недостаток, и красная книжица сослужила своему владельцу неплохую службу. Похоже, те, кто еще до войны умел пудрить людям мозги... пардон, обрабатывать массы населения должным образом, здесь высоко ценились руководством. Сам Алексей подобными достижениями похвастаться не мог, поскольку его опыт нигде не был зафиксирован документально. И к лучшему, надо сказать, даже если особиста это не устраивает. Биография чище будет. Со всем возможным уважением он вернул документ владельцу. Мужик явно использовал свое преимущество с толком.

Разговор ушел от скользких вопросов, и Алексей обнаружил, что ему нравится сидеть здесь, нравится вкусная еда и уютная атмосфера. Да, интерес этих людей не бескорыстен, зато он неподдельный и искренний. Они действительно хотели бы заботиться не только о дочке, но и о нем тоже. Почти забытое чувство. Сейчас оно упорно пробивалось из глубины воспоминаний, подталкиваемое вниманием и опекой Инны Макаровны, отеческим одобрением Павла Семеновича. Новый уютный дом открыт для него.

Тепло жилья манило к себе, огонек очага мерцал, не давая покоя любопытству. Но хищник, отряхнувшись от наваждения, уже стремился в холодную ночь, где все ему привычно, где он беспспорный хозяин.

Хозяйка больше ни о чем интимном не расспрашивала и мужа тоже не подталкивала – казалось, она уже все для себя уяснила. Но вердикт провозглашен не был, Инна Макаровна просто, пожелав мужчинам

приятного аппетита, убрала лишнюю посуду со стола. Ее неодобрительный взгляд заставил Павла Семеновича тут же утащить на свою тарелку побольше закуски. Но бутылку оставили им в полное распоряжение, из чего Алексей сделал вывод, что разговор не окончен.

Вишне夫斯基 попытался сконцентрировать мысли, но убедился, что выпил многовато, и разочарованно развел руками.

– Ладно, Лексей... Давай пока салом закусим, я тебе в общих чертах объясню.

Алексею показалось, что для понимания таких речей ему не помешало бы сначала дойти до кондиции Павла Семеновича, а уж потом закусывать.

– Может, отложить? Чего тут срочного-то?

– Нет, нельзя, – с хитрецей улыбнулся первый секретарь. – Момент самый подходящий. Я сам боюсь, что решение поменяю, поэтому не тебе, а себе отступить не даю.

– Понимаешь... Ульяне еще семнадцати лет не исполнилось, и Николай сам как дитё, поэтому на них я внимания не обращал. А ты – это уже серьезно.

– В каком смысле серьезно, Павел Семенович? Вы же знаете, что ничего серьезного не было и быть не могло.

– А вот я хотел бы, чтоб было, – взгляд Вишневского начал трезветь, да и до того невменяемым не казался. – Решать дела всегда лучше со своими... Родственниками. И такой зять, как ты, мне очень пригодился бы. Ты не подумай, что я, как феодал, дочку под кого-то подложить готов, – она же сама хочет. Я уж тут... Просто подсуетился. Ты ведь меня поймешь, Алексей?

– Я понял. Ситуация со всех сторон благоприятная, – со всех сторон... И Алексей даже готов был согласиться с доводами хитрого папашки. – А что получу я?

– Всё, что я мог бы дать своему сыну. Нету сына, не получилось у нас с Инной... А Ульянка хоть и девочка умная, но слишком добрая, сожрут ее партийные бонзы, нельзя ей туда влезать, не место ей рядом со мной. Замуж только за хорошего человека. Ты же хороший человек, Лёш?

– Вам нужен хороший деловой партнер. А хорошего человека там сожрут, сами только что сказали.

– Точно... Ты в одном должен быть хорош – с Ульяной. И мне кажется, что у вас нормально все будет. Не обижай ее, она тебя любит. Сам ты ее руки не попросишь – я тебе предложу. Ты подумай, соглашаться или нет.

И он снова готов согласиться. Выгодны ли условия сделки? Семнадцать... Еще только должно исполниться. Девушка созрела для влюбленности да для того, чтобы напоказ подружкам целоваться с завидным женом. А что дальше? Она представляет себе это? Он-то точно представляет: постель, похожая на укрепрайон, осторожно выглядывающий откуда-то из-под подушки глаз и сакраментальный вопрос: а больно будет? Почему они всегда спрашивают об этом у него?! Откуда ему знать?

Вот деловые контакты такого тестя и относительная свобода действий – очень соблазнительно! Все это так ненадолго... И Ульяна, и планируемый непонятный бизнес. Ровно до того момента, как он найдет способ вырваться отсюда. А что найдет, Алексей абсолютно не сомневался.

– Павел Семенович, но Уля несовершеннолетняя. Что же делать?

– Нужно только разрешение нашего исполкома и родителей. Ну, особые обстоятельства тоже. Может, у вас к тому времени уже получится что... Внуков нам с Инной тоже очень хотелось бы завести.

«Внуки вам нужны нормальные, а я уж даже ожидал бы увидеть у своих детей хвостик и перепончатые крылышки! Природа вполне способна на такие шутки с намеком. Детей заводить надо было раньше... Теперь-то куда?! Опора в старости не нужна, до нее и не дожить, а след свой я и так оставил – век не забудут!» Алексей удивлялся бы напору предприимчивого папаши, если бы... Если бы его мечты не были самыми обычными, как у всех других отцов и начальников.

– Но вы же сможете организовать такое разрешение? – Алексей разлил по стаканам остатки. – Папой вас называть не обещаю, отвык, к сожалению.

– Вот это хорошо, Лёша! – обрадовался Вишневский, собирая закуску на одну тарелку и придвигая поближе. – Ну, давай, сынок...

Ободряющие слова относились вовсе не к выпивке, Алексей вышел из-за стола и заглянул в отгороженный занавесками уголок к Ульяне. Она сидела на кровати, поджав ноги, обхватив колени руками, совсем по-детски. Он просто стоял в проеме, опираясь на довольно устойчивый

шкаф, и смотрел на нее. Тонкие перегородки избавили от необходимости повторять предложение руки и сердца. А некоторая удаленность «гостиной» не позволила ей, к счастью, расслышать все детали сделки. Губы девушки дрожали, ведь Алексей молчал. Мучить ее неопределенностью не входило в планы, да и вид у девочки был такой трогательный, что вызывал улыбку сам по себе. Она явно приняла это за добрый знак.

– Это правда? Лёш...

И она даже не умела еще выразить радость по-взрослому, Алексею пришлось остановить эти несерьезные прыжки на кровати, крепко взяв Ульяну за плечи и развернув лицом к себе.

– Это правда. Твой отец согласился на свадьбу. Ты, я так понимаю, возражать не будешь?

– Конечно нет!

«Конечно нет. А следовало бы! Только тебе и следовало, потому что ты сама пока не знаешь, во что ввязываешься. Но так уж вышло. Тебя продали. А меня купили. Поэтому хочешь, не хочешь, а мы с тобой все равно товарищи по несчастью. Муж должен не жалеть тебя, а желать, а мне пока не хочется этого даже на полном безбабье. И не такое оно уж тут полное, оказывается. Не до тебя сейчас, Уля, не до тебя...» Шестнадцать лет и гладкая кожа сделают привлекательной любую девушку, особенно если она не сильно сопротивляется. Сопротивлялся сам Алексей. Потому что сейчас очень хотелось страстных объятий, встречного порыва и воплощения любых желаний, забыться и ничего не помнить. Да разве ж с ней получится?! Забудешься на секунду – тут же папе пожалуется на плохое обращение.

Глядя в эти счастливые глаза, Алексей не разделял восторга. Доверчиво прижавшаяся на миг к его боку девчонка была уж слишком наивной, слишком юной. «Буду тянуть время, Уля. Сколько смогу. Но если не смогу – без обид. Мне уже нравятся твои ножки». Придется на время стать порядочным и примерным семьянином, а будущие тесть и теща компенсируют все недостатки этого нежеланного союза.

Скачущую до сих пор на кровати невесту пришлось все-таки спустить на землю, то есть на пол, где и выяснилось, что тянуться к губам жениха высоко, а сам он слишком задумчив, чтобы наклониться. Алексей сел на чистое и изрядно помятое покрывало, примериваясь к плацдарму. Кровать коротковата, но ведь это не на всю жизнь. Ульяна за-

тихла на его коленях, ведь теперь Лёша находится в ее комнате на вполне законных основаниях.

«Ты мой товарищ, Улька. Только перестань на коленках ерзать мягкими местами, уж слишком они у тебя мягкие для подростка. Так легче будет думать о тебе, как о существе без определенного пола».

– Вот это идиллия... – Инна Макаровна смотрела строго, Ульяна вздрогнула и инстинктивно прижалась к Алексею поближе, как к защитнику. Демарш не остался незамеченным ни матерью, ни довольно улыбнувшимся потенциальным зятем.

– А вы что-то имеете против? – он нежно поцеловал девушку в макушку, стараясь не выйти из образа благонаправного жениха.

– Инн... А пусть остается. Чего ему в общагу идти? – подал голос Вишневский и тут же умолк, потому что не знал, как супруга посмотрит на такое быстрое развитие событий.

– Оставайтесь, Лёша. Хоть утром позавтракаете нормально.

О завтраке пока не думалось после такого плотного ужина. Хотелось спать, пусть даже и на этой кровати, сохраняя полную неподвижность, чтобы родители не услышали ничего предосудительнее храпа. Храпит ли он? Алексей этого не знал, потому что рассказать некому, а спросить своего недавнего соседа по палатке Глюка не догадался. Похоже, Ульянка настроилась на романтическую ночь без сна, но совсем не так, как представлялось маме, папе и порядком уставшему жениху. У нее пока и в мыслях не было, что Лёшу можно применить не только в качестве подушки, чтобы голову на него класть.

– Уля, а ты мутантов боишься?

– Да... – она крепко ухватила за его руку и прижалась щекой к ладони. – Но сюда они не могут прийти, наверное.

– Зачем же ты тогда их боишься? – улыбнулся Алексей.

– Коля всякие страшилки рассказывал, – она умолкла, считая, что упоминание имени друга может быть неправильно понято. Вот уж воистину женщина с темным прошлым! Накрывающаяся с головой одеялом, чтоб мутанты не нашли!

Леночка тоже жуть как боялась волков и «мутатов», едва только слышала про них от сталкеров. Алексей тогда чуть в драку не полез, так хотелось заткнуть дурака-рассказчика, чтобы не пугал маленьких

детей. И еще долго приходилось укладывать девочку спать днем с уговорами, она требовала, чтобы Лёша обязательно сидел рядом и охранял. А то вдруг «мутаты» придут... Действительно, страх-то какой, их же под кроватью просто тьма тьмущая! Ему было все равно, где читать книгу, сидя за столом или лежа, поэтому Алексей укладывал Леночку к стенке, а сам устраивался на краю головой к лампе, девочка быстро засыпала под шелест страниц.

Он вспоминал ту ночь, когда под боком спала уже взрослая Ленка, и пришлось всеми силами удерживать мысли в рамках целомудрия, потому что у него искали утешения и помощи. Лёша снова должен стать непреодолимой стеной на пути всех бед и несчастий, как это было всегда. Ему, измотанному и уставшему, с поцарапанной пулей наемника головой, тоже хотелось отдохнуть, очень желанная девушка поблизости наводила на самые грешные мысли. Цинизм оказался не беспредельным... Усмирив разыгравшуюся фантазию, Алексей просто лежал в полной темноте с открытыми глазами, прислушиваясь, и чувствовал себя отлично. Хотелось, чтобы так было и завтра. И в далекой перспективе... Утром, проснувшись от звука гремучей лестницы, работавшей не хуже будильника, промучившись рядом с Леной еще пару минут, он неслышно соскользнул с кровати. Слабый свет настольной лампы, из осторожности прикрытой тряпкой, позволил рассмотреть ее лицо. Девушка улыбалась во сне, для нее дядя был еще жив, Лёшка не совершил непоправимого, да и Денис пока не стал осязаемой и реальной проблемой, оставался лишь предметом романтических грез. Еще раз убедившись, что всегда будет рад видеть Лену в своей постели, Алексей предпочел испариться, как бес перед заутреней. И давно ему не было так хорошо.

– Дурак твой Коля, и нет здесь никаких «мутатов», – рядом с этой девчушкой тоже неплохо, Уля так и не отпустила его ладонь, кажется, заснула, и тоже со счастливой улыбкой.

Пусть... Она может спать спокойно. Лёша тут рядом и пока не собирается никуда уходить.

ГЛАВА 14

ВРЕМЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Проснулся он оттого, что теплые пальцы слегка тронули щеку и висок. Дальше начинался нечувствительный к прикосновениям рубец, который девушка также осторожно исследовала. Отступать было некуда. Осталось только сдаться и самому поцеловать Ульяну, чтобы она не вздумала снова соблазнять его с беспредельным энтузиазмом. Все-таки знакомиться с девушкой возле загса – плохая примета.

«Что ж ты со своим Колькой-то делала, черт тебя возьми!» Алексей безуспешно пытался приоткрыть целомудренно сжатые губы, пока это не удавалось. «И за что вы, девочки, так любите подонков? Видно, только они и умеют с вами обращаться». Пришлось слегка сдавить грудь в ладони, протестующее «ой» помогло, наконец, достигнуть цели. Если закрыть глаза и не лицезреть этих розовых ушей... Немного приятных ощущений ему не помешает, чтоб вкус не позабыть. Кто же откажется от молодой девчонки? Но сейчас больше всего хотелось вернуться на Китай-город, к двум очень хорошим девушкам. А еще лучше – к двум другим, которых тогда не выбрал. Наверное, и они тоже оправдали бы ожидания.

Алексей подозревал, что Уля прекрасно знает, чего хочет мужчина, но почему-то решила отделить свое большое и светлое чувство от всего остального, ему сопутствующего. Стоило отодвинуться – и забыл, чего только что хотел. Не пробегали по телу электрические искорки, не было ни следа того головокружения, когда мозг сдавал позиции, остав-

ляя дальнейшее опыту и инстинктам. Наоборот, только смутная тревога всплывала откуда-то из глубины. Организм не мог принять однозначного решения: женщина или ребенок. Скоро ответ будет уже определенным, но пока что... Никак не рисовалась в воображении соблазнительная картинка, не просило тело «продолжения банкета», хотя бы потому, что грудь у девчушки нашлась с первой попытки по чистой случайности. Улька уж слишком напоминала бывших одноклассниц, которые могли казаться прекрасными лишь белобрысому нескладному мальчишке. С тех пор прошло двадцать лет, и Алексей уже не мог без улыбки смотреть на свой детский идеал женской красоты. Всё хорошо в своё время.

Инна Макаровна давно проснулась и ходила неподалеку, прислушиваясь к тишине, Алексей ждал, когда ее любопытство возобладает над нежеланием будить младшее поколение. Время шло, и мать все-таки появилась в дверном проеме с тазиком воды в руках.

– Уля... Умывайтесь, молодые люди, и к столу. Завтрак уже почти готов.

Окинув подозрительным взглядом довольную дочку и забившегося в угол кровати Алексея, она облегченно вздохнула. Наверное, всю ночь не спала, пытаясь угадать, как далеко способен зайти этот, в сущности, малознакомый жених.

– Лёш, я первая умываться! – Ульяна выскочила из-под одеяла, осторожно переступая босыми ногами на холодном полу, и начала плескаться в чистой воде, смывая остатки сна.

– Уля, я, конечно, понимаю, что приставал грязно, но неужели настолько, что так хочется сразу умыться?

Она повернулась с испуганным видом, опустив руки в таз, не зная, что и сказать. Алексей мысленно выругался, увлекшись ее сравнением с Леночкой, он забыл, что девчушка не привыкла к таким шуткам, к вечной иронии, с ней не поиграешь в увлекательную словесную игру... Импровизировала она ничуть не лучше папеньки.

– Я пошутил, хотел сказать, что будет как в сказке: жили они долго и счастливо, умываясь в одном тазике, пока...

– Пока что? – Уля уже готова была улыбнуться, опасение, что смеются именно над ней, прошло.

– Пока тазик не прохудился. И пришлось ему пуститься в опасный путь, чтобы найти новый, побольше...

– Ну, Лёша! – она махнула на него рукой, в этом крошечном отгороженном шкафом уголке холодные брызги долетели беспрепятственно.

– Ценю заботу, но не надо подавать воду в постель, я сам встану и подойду. И не плюй туда, ладно?

Девочка была счастлива, смеялась и все равно продолжала брызгаться водой. Алексею эта игра нравилась, только снова показалась уж слишком детской. Утром хотелось совсем другой игры... Но до нее Ульянка еще явно не доросла. Так показалось и матери, которая увела ее, что-то шепнув на ухо, отчего дочь немного притихла. Алексей умылся, мысль разделить один тазик с будущей невестой его ничуть не пугала. Ощупав лицо, он решил, что вряд ли светлая поросль на щеках сильно шокирует общественность. И вышел к столу, откуда опять доносились аппетитные запахи. Пожалуй, он уже готов давать брачные обеты, не скрещая пальцы за спиной. Кроме обета верности, конечно.

Павел Семенович готовил какой-то сюрприз, Алексей ожидал, что этим сюрпризом станет новая работа, на которой не придется полдня играть в гляделки с особистом, но был приятно удивлен, когда его привели в закуток, гордо именуемый паспортным столом. Видно, тут давно не выдавали новых документов, скорее, разместили архив, где хранились бумаги разной степени важности и нужности. Из-под этих завалов сейчас и извлекли фотоаппарат, а работник с трудом вспоминал, как им пользоваться. Наконец, поворчав на нехватку пленки, реактивов и бумаги, он без предупреждения щелкнул камерой, ослепив Алексея вспышкой на пару минут, и скрылся в подсобке, из дверных щелей которой пробивался красный свет. Им с Вишневым пришлось ждать довольно долго, пока неумелый фотограф не вынырнул оттуда, обрезая ножницами еще влажный снимок. Пришлепнув его на клей и придавив печатью, паспортист выложил перед ними на стол готовое изделие.

Слово «Интерстанционал» Алексей до сих пор не мог выговорить без запинки, а теперь прочел его внутри тонкой книжицы, украшенной пятиконечной звездочкой и фотографией. На глянцевом плотном прямоугольнике застыла какая-то непохожая на оригинал перепуганная морда, то ли не освоившаяся еще с мыслью о предстоящей женитьбе,

то ли просто слегка асимметричная с похмелья. Сотрудник паспортного стола уже недовольно поглядывал на посетителя, из-за которого пришлось выполнять срочную работу. Алексей сунул в карман неприличную вещь, пока никто не догадался, что этот документ – первый в его жизни после свидетельства о рождении, и последовал за будущим тестем. Начали появляться идеи, как можно под предлогом подготовки к свадьбе покинуть станцию... И не возвращаться.

Мысль вызвала легкое сожаление, потому что семейство Вишневских Алексею определенно нравилось. Он чувствовал себя почти дома и был бы не против каждое утро вкусно завтракать, каждый вечер сидеть за тем столом, обсуждая немногочисленные новости, или молчать в обществе Ульянки. Если бы только хоть на год отложить эту проклятую свадьбу! Но в его мечтах уже и так скопилось нагромождение несбыточного высотой с Эверест, стоило сосредоточиться на компактной и выполнимой цели: покинуть станцию приписки Красные ворота, чтобы добраться до Бауманского Альянса и уже там штурмовать новые вершины. Совершенно неприступные... А Павел Семенович пока лишь предлагал ознакомиться с делами да поговорить о том, как из службы досмотра перевести Алексея в цех, где он точно проявил бы себя с лучшей стороны.

Кабинет у первого секретаря станции был совсем небольшой, слегка похожий на библиотеку. Наверное, часто приходилось искать в книгах нужные цитаты, ведь насколько Алексей успел узнать Павла Семеновича, тот готовил речи заранее. Портрет товарища Москвина над столом напоминал скорее карикатуру: даже видя перед собой этот рисунок, было бы непросто опознать главного коммуниста при личной встрече. Красные флажки соцсоревнований огромным букетом распустились в вазе на углу длинного стола. Вишневский подошел к старенькому низкому сейфу между книжными шкафами и нестерпимо громко лязгнул ключом в замке.

– Все-таки перебрали мы вчера слегка... У меня тут еще припрятано, примешь граммულку, чтобы голова не болела?

Алексей отказался – и без того уже получил приличный заряд бодрости, когда взял в руки паспорт. И еще рано утром, когда пытался доказать себе, что он не педофил какой-нибудь.

– Да чтоб они провалились!

«Грамулька» была спрятана далеко у задней стенки сейфа, пытаясь добраться до нее, первый секретарь неловким движением обрушил на пол лавину каких-то серых лохматых предметов, сильно напоминающих стоячие носки из анекдотов.

– Павел Семенович, а зачем вы их в сейфе держите? – Алексею все-таки удалось опознать знакомые очертания валенка. – Они же... как это? Подлежат распределению среди населения станции.

– Вот поэтому и держу под рукой, – хозяин теперь уже без помех вытащил небольшую бутылочку. – Чтобы когда начальство с проверкой придет, тут же и распределить. А то хлопот не оберешься. Кто-то вот выдвинул рационализаторское предложение свинячьей щетину в дело использовать, а они даже на домашние тапочки не годятся. Изнутри колются, снаружи скользят, по мрамору и каменному полу в них не походишь.

Он снова запихнул в сейф с десяток этих волосатых чудовищ, поставив одну пару перед Алексеем. Тот решил лишь рассмотреть не внушающую доверия обувь. Кое-где щетинки сцепились намертво, но напоминали колючего ежа, а местами сквозь валенок просвечивала рука.

– Нет уж, спасибо...

Павел Семенович плеснул из бутылки немного на самое донышко стакана, сморщившись, выпил, как лекарство, и собрался уходить.

– Дел сегодня много, Лёша, ты посиди тут пока, а я вернусь через полчаса.

Алексей сел за стол и принялся просматривать стопку бумаг, пытаясь понять, чем занимается Вишневский. И все еще вчитывался в очередную копию приказа Генерального секретаря, когда открылась дверь, а на пороге показался Виктор Петрович.

Чутье сразу подало сигнал тревоги: что-то неуловимо неправильное было в том, как наемник уверенно расположился в этом кабинете, как бегло просматривал бумаги, как, привычно перевернув, отложил их в сторону... И только спустя несколько секунд к недремлющему профессионалу присоединился и обычный человек, способный не только подмечать детали, но и возмущаться:

– Ты что тут делаешь?! Кто тебе позволил распоряжаться, как у себя дома?

Алексей, ничуть не стесняясь, выпрямился в удобном кресле и посмотрел на особиста.

– Павел Семенович скоро вернется.

– Ты... Может, ты мне еще и подождать его предложишь?! Хозяином себя почувствовал... – наглец и в самом деле собирался это предложить, судя по хитрой усмешке.

– Хозяин решил, что будущему зятю было бы неплохо ознакомиться с делами, – и, глядя на медленно краснеющего Ельцова, Алексей не мог не добавить: – Что, мля, не ждал?!

Похоже, не ждал... Тени разных чувств быстро сменяли друг друга на лице собеседника, остановившись, наконец, на крайней степени безразличия.

– Понятно. Решил проблему через постель! И ты думаешь, что это достойно мужика?

– С каких пор вы стали заботиться о моем достоинстве? – Алексей понимал, что и сегодня его положение на станции также непрочное, как вчера, и в будущем ничего не изменится. Даже его терпение заканчивалось. Носить маску постоянно очень тяжело, и он дал волю самому себе настоящему, не прикрываясь больше легендой наемника, все равно Виктор Петрович ему не верит. Ни правде, ни лжи. – Кажется, на моей репутации у вас давно крест поставлен и болт положен, или вас обеспокоило вдруг то, что положение вашей жертвы слегка поменялось?

– Ничего не поменялось. Ничего...

Да. Он прав. Если и поменялось, то лишь в худшую сторону, потому что Алексей теперь окончательно примкнул к врагу в лице слишком мягкого первого секретаря, усилив его позиции. Такой союзник для Вишневого особистом предусмотрен не был. Сущность Алексея он угадал сразу и видел насквозь. Тогда и скрываться нет смысла, все равно в покое не оставит.

– Так ждать будете или нет? Не просто так ведь заходили...

Да, он заходил не просто так... Виктор Петрович не отказывал в выдаче документов Алексею, потому что эта забава уже и ему порядком наскучила. Вот только не мог стерпеть, что тот обошел его самым простым путем. Ни интриги, ни игры, одна только рожа смазливая! Но поскольку делу придан официальный статус, то придется соблю-

дать подобие официальных мер. Хотел поговорить с Вишневым, не надеясь вразумить, чтобы единственной дочкой не разбрасывался. На успех не надеялся – слишком хорошо знал жену первого секретаря, Инна кого попало в семью не примет. А с дочуркой надо было раньше решить вопрос, казалось, что всё подготовлено, как надо, но вмешались непредвиденные обстоятельства. Теперь оставалось любоваться на чужака в кресле начальника, уж слишком он там уверенно устроился... И ведь сядет туда когда-нибудь, гнида! Шелуха беспутности и раздолбайства слетела с него, как ветром сдуло. Профессионал видел всё.

Виктор Петрович даже не сдерживал смехок, вспомнив, как сперва подозревал в Колмогорове какого-то внедренного агента. И оказался прав, когда отбросил эти глупые мысли. Если он и внедрился, то не по чужому заданию... Но ведь вернуться к началу им никто не помешает.

– Чтобы духу твоего здесь не было! А я подожду в кабинете, – и он наблюдал, как Алексей покидает помещение, кивнув напоследок.

Значит, Колмогоров считает, что уже достиг всего? И можно вякать на всех без разбору? Вот тут снова интуиция напомнила о себе: Алексей не так прост, чтобы, посадив на минутку зад в начальственное кресло, вести себя несдержанно. Или он глупее, чем о нем думают... Или есть что-то еще, кроме влюбленной девчонки, которую родители балуют, выполняя капризы. Ельцов вздохнул; мысль о том, что первый секретарь уже затеял что-то вместе с будущим родственником, его не радовала.

– Виктор Петрович, давно сидишь? – Вишневы поинтересовались взглядом Алексея, но поняли, что вряд ли когда-нибудь застанет этих двоих наедине за мирной беседой. Значит, спецслужбы снова навели порядок.

– Сижу... Чтобы у тебя тут на столе никто в бумагах не копался.

– Да что он там найдет-то?

– Может быть, и ничего. Он у тебя в доме кое-что нашел, что ему теперь кабинет твой? – но хозяин не смутился, а только обрадовался. – Или ты думал, что я могу не знать такую новость?

– А я не скрываю, все идет законным путем. Заявления на регистрацию, правда, пока не подавали.

– Да... Похоже, этим двоим Грибоедовский загс мозги перекоремжил, хоть там никаких аномалий раньше не наблюдалось... А ты-то куда смотришь? Он же мерзавец, на нем пробы ставить негде! Тебя-то он чем зацепил?

– Брось... Нормальный парень. Ульянка его любит.

И Виктору Петровичу даже на миг показалось, что ошибается сейчас именно он... Нет, здесь нет никакой ошибки. Только заблуждение папаша, который торопится спихнуть свой не слишком хороший товар, пока совсем не залежался.

– Ты б его еще в партию рекомендовал, – и увидев, как опустил глаза Павел Семенович, не удержался, чтобы не выругаться: – Что, уже?! Не спеши. И не связывайся с ним, тебе же лучше будет. Раз ты так торопишься, то и я могу... Расследование еще не закончено.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Нужно было успокоиться и сосредоточиться. Серьезные дела не терпят суеты. Только один раз всё проверить и выяснить, и в этой истории с мутным наемником будет поставлена последняя точка. Раздавить гниду... Остановить сукина сына на взлете, пока не нагадил на голову.

Алексей терпеливо дожидался будущего тестя, не нарушая его указаний. Если выгнали из кабинета, значит, время еще не пришло. А за грубость спецслужб Вишневский даже извинился и повел в подвалы еще раз демонстрировать свои владения. Бронепоезда пока не показал, хоть отгороженные охраняемые помещения вполне позволяли его разместить.

– Зря ты, Лёша, ругаешься с Ельцовым! Если бы не наша служба безопасности, если бы не войска... Мы бы тут сидели и старые детали к дрезине веревочками привязывали. Все когда-нибудь из строя выходит, все ломается, станки у нас есть, но ведь к ним еще заготовки нужны. Ты лучше нехорошим словом того помяни, кто придумал из Москвы всю промышленность убраться!

– Кто бы ее ни убрал, Павел Семенович, я вижу, что вы обратно вернули...

– Так какой ценой?! Скоро за обычной железной болванкой придется в Тульскую область добираться, а то и еще подальше. На поверхность я тебя, конечно, не отправлю, даже под охраной надеж-

ных людей. Твое место здесь, тут и я работу начинал... И ты продолжишь.

– А где ваш станок, за которым вы начинали, Павел Семенович?

Первый секретарь смутился немного.

– Алексей, я тут не работал. Но зато всё это организовывал, пришлось повоевать даже с самим Москвиным, чтобы такие хорошие производственные помещения под какую-нибудь херню не пустили! Ты думаешь, людям жилье не нужно? Нужно! Но место я не отдам. Если наш Интерстанционал не будет ничего производить, то остальные нас просто задавят. Уж извини, хоть ты и сталкер, но сверху всего не принесешь. А пока мы держим в руках производство и ремонт транспорта, голодными не останемся.

– Вы держите в руках? – уточнил Алексей.

– Ну, я держу. И тебе передам, только разберись сначала, что здесь к чему.

В шумном цехе пришлось говорить очень громко. Алексей усмехнулся при мысли, что, если сейчас вдруг наступит тишина, людям будет преподан непланируемый урок карьерного роста и всплывут кое-какие факты о роли компартии. Вряд ли им нужно это слышать. Но если бы Вишневский был в своих речах на публике хоть вполовину таким искренним и вдохновенным, то оратором бы стал непревзойденным. Теперь можно даже поверить, что он спорил с Москвиным и сумел убедить, потому что сейчас первый секретарь не сыпал чужими цитатами и не спотыкался на каждом незнакомом слове, сказанном не от души.

Никакое будущее Алексея уже не интересовало. И считанные месяцы, еще оставшиеся у него на завершение всех дел, жаль было тратить на подъем этого относительно тяжелого для метро машиностроения. Спокойный приют на время – вот и всё, чего он искал здесь. Но теперь официально существующий Алексей Колмогоров мог двигаться к своей цели, не выбирая средств. Сожалевающий о прошлом Павел Семенович не понимал многого... Прошрое не нужно тащить с собой, надо оставить его на месте и прикопать, чтобы точно не воскресло. Старые законы все равно расплзались на клочки, как бумага, на которой они были записаны, – просто бумага, пролежавшая под дождем и снегом двадцать лет. И пусть древнюю историю изучают редкие в нынешнее

время археологи. Алексей слишком хорошо знал, как происходит передача власти, пробовал и начинать с низов и, слегка замаравшись кровью, сразу оказаться наверху... Правила этой игры не менялись столетиями и сами были неподвластны никаким законам. Оставалось только одно важное дело... И тогда можно снова вернуться на путь, который он так и не прошел до конца в бункере. Для решительного человека нет преград, ведь наступило время неограниченных возможностей.

ГЛАВА 15

СУДНАЯ НОЧЬ

Странное молчание воцарилось вдруг в жилом блоке. Алексей сначала не понял, почему его будто подбросило на кровати, почему чувство опасности вдруг подало голос, да еще так громко в этой оглушающей тишине, которую нарушали лишь тяжелые шаги... От них не содрогались стены, но страх расползся по всем комнатам, не пропустив ни одного уголка. От него бесполезно было запирать двери, нельзя никуда скрыться и некуда бежать. Алексей нащупал в темноте штаны и надел их. Встречать опасность надо все-таки не с голой задницей. Общежитие может спать спокойно и не трястись от ужаса, гадая, в чью дверь сейчас аккуратно постучат. И нельзя не открыть... Сегодня МГБ уже выбрало жертву, и она готова принять этот выбор.

Нет, он не был готов, как бы ни пытался внушить себе, что рано или поздно это все равно случится. Виктор Петрович терпеливо дождался, пока Алексей оденется полностью.

– Пойдем.

Брать с собой было нечего и незачем. Только документы, доставшиеся столь дорогой ценой, Алексей все же сунул в карман, потому что не рассчитывал вернуться. Это дорога в один конец. Особист повел его к выходу на поверхность, потребовал облачиться в комбез. Но в разгрузке, кроме фонаря и стандартной запасной «банки» к противогазу, ничего не было. И «банка» тоже не пригодится, потому что не подходит к респиратору... Просто так положено.

Короткий «кедр» поворачивался вслед каждому движению.

– Иди вперед.

Оружие не сталкерское, да и был ли вообще сталкером Виктор Петрович? Но от сопровождения он категорически отказался. Алексей еще раз убедился, что эти ворота закроются для него навсегда. Снова... Сколько же их всего? Скоро целая анфилада наберется. Он оглянулся, но не на запертый выход, а на особиста. Из темноты смотрели пара непроницаемых стеклянных окуляров и дуло автомата. И вовсе оно не бездонное, просто металлическая трубка в пару дециметров. Не надо романтизировать смерть, она не красавица, чтобы относиться к ней с таким благоговением.

Узкий служебный коридор не позволял больше поворачиваться, Виктор Петрович следовал за ним на расстоянии в несколько шагов. Не отставал и не приближался. Грамотно... Наплечный ремень его автомата был крепко намотан на локоть, удобно придерживая оружие, ствол, нацеленный в спину Алексею, не опускался ни на секунду. Неужели умереть предстоит сегодня ночью? Но особист не собирался расстреливать его у входа, а отправил вперед, тем же путем, каким Алексей добирался сюда с Ульяной. Он хочет что-то узнать и проверить. И пришлось лихорадочно перебирать в уме свои показания. Искать в них лазейку или ловушку. Где же он ошибся? Где?! Вчерашняя выходка лишь разозлила слегка этого человека, но не могла послужить причиной, у МГБ чувств нет. Есть холодный расчет, и нужно попытаться понять его. Ощущение опасности мобилизовало, мысли не скакали, но и к единственно верному решению Алексей пока не пришел.

– Иди быстрее, сейчас тварь какая-нибудь прибежит, а я тебя защищать не собираюсь.

– Может, и убивать не собираетесь?

– Может быть, – ответил Виктор Петрович после небольшой паузы.

Хотелось заорать «птер!» и рвануть в сторону присыпанных снегом развалин. Его сопровождающий на такую старую шутку не купится, даже несмотря на то что птер действительно кружил в небе над высотным зданием. Алексей шел вдоль стены, уже раздумывая, как бы пригласить его для отвлечения внимания. Может, фонарем помахать? Но такие странные условные сигналы будут немедленно пресечены автоматной очередью. А ящер не успеет их разгадать.

Теперь он уже удивлялся отсутствию охраны. Ельцов легко управится с безоружным подследственным и в одиночку, но подкрепления в виде какого-нибудь мутанта он не учел. Если только не рассчитывает бросить на съедение тело, а самому отступить... Рискованно, но идти на риск Виктор Петрович не побоялся. Значит, в деле не должно быть посторонних. Это сужало круг, по которому продолжали носиться неумные мысли. Алексей изо всех сил пытался выбросить из головы одну: он не доживет до утра. Его цель не достигнута, он не успел сделать все, что хотел. Лена... В голове тоже будто дверью хлопнуло – он заставил себя забыть об этом. Их двое: он и особист. На этой улице, в этом городе. Только двое. А должен остаться один. Способа устранить досадную помеху сзади, от «ствола» которой уже чесались лопатки, он еще не нашел. Отбросил и эти мысли тоже.

Куда они сейчас идут? Единственным вариантом оставался дворик, в котором случилась перестрелка. Где почему-то осталась целой и невредимой Уля. Где... Особист хочет восстановить картину, приведя подследственного на место. И когда он получит всю информацию – он ее получит, Алексей в этом не сомневался, – вернется на станцию один со спокойной душой. Он не должен! Не сегодня. Алексей увидит рассвет. А этот обитатель темноты – нет. Недостоин.

Асфальт под ногами был скользким, тонкая корка льда блестела под фонарем. Виктор Петрович в своих резиновых бахилах шагал по нему уверенно. Алексей едва сохранял равновесие, будто его специально вели по самому неудобному маршруту. Когда в очередной раз нога отъехала в сторону с намерзшего у водосточной трубы ледяного горба, пришлось опереться на подоконник. Пальцы сомкнулись во круг небольшого выступа, он едва удержался на ногах, выругавшись, но сочувствия от конвоира не дождался. Неровность подоконника показалась камешком и легко отделилась с негромким хрустом от погнутого металла. Зажав в руке обломок, Алексей ждал, что он вот-вот растает от тепла его тела, если это просто лед, но предмет не становился меньше, только был слишком легким, к сожалению. Похоже на кусок кирпича, хрупкого, непрочного. Таким голову не пробить, да и до головы еще добраться надо. Особист шел метрах в трех позади, любое движение в сторону пресекалось негромким указанием сохранять направление и идти прямо. Стоило большого труда уложить камешек в карман разгрузки, не привлекая внимания. Теперь Алексей

искал оружие потяжелее, но наклониться и подобрать не было удобного случая.

– Прямо иди!

Он даже остановился и обернулся в удивлении:

– Я оттуда пришел, думал, вы хотите тем же путем...

– Пойдем дворами.

Алексей не протестовал в надежде, что на извилистом пути окажется больше возможностей для бегства. Да, это уже не туман в лесу... И конвоир больше не будет стрелять в воздух. Внутри всё будто сжималось от ощущения приближающейся смерти, окончательной и бесповоротной, невидимой, потому что она смотрит в спину. Разум изо всех сил сдерживал порыв тела бежать и не оглядываться. Будет еще возможность повернуться лицом. И тогда противник окажется всего лишь человеком, а не какой-то жуткой тенью. Тогда распрямится спина, напряженная от ожидания пули, глаза оценят обстановку, а ноги перестанут подкашиваться на каждом шагу. Он будет готов. Но не умереть, а убивать.

Лед предотвращал побег лучше всякого конвоя. Учитывал ли это Виктор Петрович? Возможно. Растянуться на земле тут же в зоне обстрела Алексею вовсе не хотелось. Да и осталось не так уж далеко идти. Он попытался выровнять дыхание, снова поймав себя на мысли о смерти. Рано думать о ней. Еще целых двадцать метров рано.

Двадцать пять. Они шли тем же путем, каким попали во двор несчастные Улькины сопровождающие, впереди снова был внутренний дворик дворца бракосочетаний, окруженный высокой оградой. Алексей еле удержался, чтобы не бросить взгляд на окно, откуда в ту ночь его прикрывал Глюк с винтовкой.

– Стой здесь. И повернись.

Куда повернуться, не уточнялось, поэтому Алексей развернулся лицом к особисту. Ствол «кедра», казалось, был продолжением руки, настолько синхронно перемещался вслед за будущей мишенью... На здание позади себя Виктор Петрович указал левой ладонью.

– Ну, покажи теперь, откуда ты наблюдал.

Алексей поднял голову и уперся взглядом в кирпичную стену. На втором этаже не было окон. Ни одного. Он забыл об этом. Да просто не разглядел в темноте! Не подумал... И когда объяснял на допросе, что

видел и откуда, просто ткнул наугад в удобную точку подальше от позиции снайпера.

– А теперь, Колмогоров, давай проверим, на всё у тебя память такая дырявая или только на архитектуру. Покажи еще раз, откуда ты наблюдал.

Как же не хотелось снова поворачиваться спиной! Как будто сейчас, получив требуемую информацию, особист нажмет на спуск. Всю ли? И Алексей тоже махнул рукой в противоположную сторону, не отводя глаз от ствола. Будто это могло помочь... Он даже не увидит движения пальцев под толстой перчаткой и в темноте. Как его учили атаковать когда-то? Вперед, быстро, зигзагом... Так быстро, как сможешь. Вот только сейчас он стоял в ярком луче света фонаря, и стоило отвести назад ногу для упора, ствол угрожающе дрогнул. Да и подошва на льду снова поехала в сторону.

– Оттуда.

Луч ушел вверх, освещая фасад. Камешек удобно лег в ладонь. Им ни убить, ни ранить, зато годится кулак утяжелить, если представится случай нанести хоть один хороший удар. И, прежде чем фонарь особиста вместе с ощутимо раздраженным голосом снова пригвоздил к месту, он успел на полшага приблизиться, нащупав более устойчивую и не такую скользкую позицию.

– Рассказывай дальше.

– Девушка выбралась в переулок, но не уходила. Ждала, что кто-нибудь все-таки доведет ее до станции.

– И это сделал ты.

– А должен был сделать кто-то другой? – Алексей уже не замечал «кедра», привык к нему, принял как обязательное условие. Надоело ощущать себя загнанным в угол. – Только мне кажется, что он не повел бы девушку на станцию. Вы были так недовольны моим визитом, а сейчас мне кажется, что не только моим. Ульяну вы тоже не ждали.

– Это ты подумал потому, что тебя привели сюда? – невозможно было ни увидеть, ни угадать выражения его лица под противогазом. Зато Виктор Петрович хорошо видел в свете фонаря бешеную злость в голубых глазах, и Алексей, подобравшийся, будто для прыжка, напоминал ему сейчас сиамского кота, осторожного, оценивающего противника, – казалось, в сжатых кулаках прячутся когти. Никакие когти и никакие разоблачения ему не помогут. Кот все равно не ста-

нет больше, даже если угрожающе распушит шерсть. – Ты тоже решил что-то выяснить для себя... Колмогоров, злодеи много говорят только в плохих фильмах. Да и ты не герой и никогда им уже не станешь. Покажи, куда СВУ спрятал! Вещь ценная, еще пригодиться может.

Так очевидно! Алексей не мог простить себе, что не догадывался... Если бы особист хоть как-то обозначил свое отношение к Ульяне, если бы выдал себя неприязнью, картинка сложилась бы раньше. Но Виктор Петрович был к ней попросту равнодушен. Хотел использовать как средство манипуляции. Как уязвимое место ее отца.

– Вы мне скажите только: хотели похитить дочь и шантажировать Вишневого или сразу ее убить?

Ствол «кедра» замер, Алексей чувствовал, что предел терпения заканчивается. Виктор Петрович не собирался отвечать на вопросы, хотел только найти винтовку. Но и ею пожертвует, лишь бы вознаградить себя за долготерпение, ведь уже сильно жалеет, что не пристрелил чуяка сразу.

– Да, вряд ли тот наемник так мягко обошелся бы с ней, предложив жениться с честными намерениями. Скорее, что-то другое. И упустил бы свою выгоду, а мог даже обойти меня... Это хорошо, что ты указал на ошибку в расчетах, буду иметь в виду. Но ты здесь, чтобы ответить на мои вопросы. Я буду слушать, а не говорить. Если думаешь, что сможешь меня отвлечь разговором, то сейчас будешь давать показания, лежа на земле с простреленными ногами, – автомат опустился ниже. – Только мне хочется услышать внятную речь, а не вопли, еще твари какие-нибудь сюда придут. Смерть бывает разная, Колмогоров. И лучший вариант для тебя – это один точный выстрел, с которым всё быстро закончится. Ведь можно еще лежать тут и молиться о том, чтобы истечь кровью раньше, чем кто-то придет жрать заживо. На холоде кровь течет медленнее, а мутанты бегают быстрее.

Камешек впивался в ладонь и судорожно сжатые пальцы. Не поддаваться панике! Будто он не бывал в такой ситуации... Бывал, пора уж и привыкнуть. Несколько раз вдохнуть и выдохнуть, снова ощутив сладкий запах сосновой смолы, сырость летнего тумана и его мелкие капли на лице. Да разве же сейчас холодно? Жарко даже.

Какой прок выводить из себя Виктора Петровича? Если Алексею повезет, то покойник унесет информацию с собой в могилу. Если не повезет, то мертвому это безразлично.

– И тебя избавлю от твоего страха... Что-то ты не рвешься под венец, согласился, как на сделку, а сам рад бы сбежать! Наконец-то я увидел, чего ты боишься. Рассказывай, как всё было. Уж слишком хорошо ты находишь слабые места, на будущее пригодится. И тебе о будущем подумать не мешает, хоть на несколько минут вперед. Мучиться не придется.

Пуля в голову освободила бы его от мучений, это точно... Не от тех, которыми пугал Ельцов, а от тех, о которых особист и не подозревал. Они скоро наступят, когда лейкоз заявит о своих правах в полную силу. Когда все тело будет скручивать болью, когда кости начнут ныть так, словно раскалены внутри. Когда метастазы выведут из строя все органы, один за другим. Когда кровь, лишенная эритроцитов, станет просто соленой водой и не будет разносить кислород, откажет мозг...

Именно этого Алексей боялся даже больше, чем смерти и боли. Не ощущать себя собой, не быть тем, кем был всегда. Одна пуля может избавить его от этого страха. Он перевел взгляд на низенькое зеленое здание позади особиста. «Моя жизнь там, у тебя за спиной, ее портрет висит в зале с деревянными панелями на стенах... Но я больше не хочу смотреть на копию, мне нужен оригинал, и для этого буду жить столько, сколько потребуется, терпеть боль столько, сколько придется. И ты мне в этом не помешаешь». Нельзя быть готовым умереть, когда дела не окончены. Алексей сейчас думал о будущем, как раз об этих нескольких минутах...

Но пока автомат направлен прямо на него, при любом маневре, при нападении с любой стороны его зацепит первым выстрелом. Хоть и заигрался в интриги Виктор Петрович, не взяв с собой конвоя, нарушая все правила, он все равно значительно сильнее и, наверное, опытнее в бою. Смогут ли опыт и автомат противостоять бешеной ярости, выплеску адреналина? Алексей еще раз оценил обстановку, не упустив ни крепко намотанного на руку ремня, ни открытых ножен на бедре. Если одним прыжком приблизиться к противнику, можно будет воспользоваться его же оружием, он не в состоянии контролировать всех движений. Перехватив руку с «кедром», полоснуть лезвием по незащищен-

ной шее... Но первая пуля достанется Алексею. И мутанты будут очень рады, обнаружив тут целый пир для себя. Нет, забирая чужую жизнь любой ценой, не продлишь свою. И снова приговоренный к расстрелу Привратник выбрал привычное оружие, словом он владел не хуже, чем ножом.

– Я не выбирал этот двор специально. Хотел спрятаться от перестрелки.

– А я думал, у тебя тут схрон или еще что...

– Нет. Просто этот дом показался хорошим укрытием. Снайпера обнаружил не сразу, и, если бы он не выстрелил в тишине между очередями, не обнаружил бы вообще. Надеюсь, это был не ваш родственник? – пришлось вернуть привычную Ельцову иронию, чтобы он успокоился и перестал нервно водить стволом «кедра» по ногам. – И мне тоже показалось, что СВУ очень ценная вещь, можно попытаться забрать ее себе. Он работал без второго номера, попытка увенчалась успехом. А потом я решил досмотреть эту эпическую битву внизу...

– И что увидел?

– Что для зажатой во двореке группы дело кончится плохо. Мог повлиять на ход событий, но не стал. Никакой выгоды, к тому же теперь знаю, что коммунисты – народ неблагодарный. И еще было интересно, почему один из сталкеров сбежал, но не уходит. И почему у него оружие на плече болтается, как дамская сумочка.

– И тут появилась выгода? – особист не только слушал внимательно, но и внимательно смотрел. Ни одно движение Алексея не ускользнуло от его взгляда.

– Да. Безусловно. Как вы и сказали, женщина – это хороший товар. К тому же не вlepит сразу пулю в лоб своему спасителю. Пока я не дошел до конца истории... Виктор Петрович, а вам точно не пригодится новый снайпер? Я мог бы пользоваться СВУ не хуже, чем любой другой, и не только Вишневский нуждается в сторонниках.

Предложение не было принято. Довериться Алексею особист уже не мог, даже если бы вдруг захотел. Слишком много тот знает...

– Пока покажи, где винтовка. На станцию ты пришел со своим автоматом, Ульяна тоже ничего подобного у тебя в руках не видела.

– Пришлось разок воспользоваться новым оружием, я убрал автоматчика на крыше гаража, он единственный мог увидеть меня на выхо-

де из подъезда. Если осматривали место происшествия, могли заметить там пулевое отверстие, которое «пятерка» не проделает. Труп, наверное, унесли, иначе об этом начали бы расспрашивать еще раньше. Так было дело?

– Именно так...

Последние слова. Последняя возможность. А Алексей все еще не решил, что ему делать. Особист был прав, разговор отвлекал и успокаивал бушующее внутри пламя. Даже холоднее стало.

– Стена высокая, кирпичная, за ней уже меня не было видно. И винтовку пришлось оставить там.

На это отвлекающее «там» возлагались большие надежды, но последовал всего лишь легкий поворот головы, а «кедр» по-прежнему целился в грудь, палец уверенно расположился на спусковом крючке, и недостижимый для удара противник стоял в двух метрах. Алексей чуть ли не физически чувствовал отсчет последних секунд... Они уходили, как вода между пальцев, как сыплющийся песок, как неостановимое, чуть дерганое движение стрелки часов. Сейчас или никогда.

Тело, не рассуждающее, стремящееся выжить, оправдало надежды, остановило время, указывая в темный угол, увлекая за собой свет фонаря и внимание Виктора Петровича. А метко брошенный маленький камешек пробил окуляр противогаза, стекло разлетелось, выстрел заглушил вскрик, но особист нажимал на спуск, уже не целясь. Автомат дрогнул, рука, державшая его, инстинктивно рванулась к лицу, зажать рану, унять боль, закрыться от удара, хотя делать это было уже безнадежно поздно...

В распоряжении Алексея оказались считанные мгновения. Он не стал тратить время, уклоняясь от выстрела, пуля его все равно опередит. Она вошла в мерзлый асфальт немного в стороне, но он уже этого не видел. Пальцы мертвой хваткой сомкнулись на ремне автомата, соскользнувшего с локтя, противник утратил контроль лишь на секунду, но Алексею этого было достаточно. Не отвлекаясь на первоначальные планы с ножом, он просто оттолкнул ногой особиста, и автомат остался в руках. О ноже вспомнил сам Виктор Петрович и успел наполовину вытащить его, подавшись вперед, восстанавливая равновесие. Круг разбитого окуляра больше не скрывал горящий ненавистью взгляд, еще сыплющиеся внутрь на лицо и на ОЗК мелкие осколки стекла не мешали довести дело до конца и убить, пусть и не так, как было задумано.

мано. Его не остановил и ствол автомата, коснувшийся лба. Алексей, понимая, что не обладает достаточной силой, чтобы сдерживать мощное наступление, выстрелил.

– Дерьмовая у тебя все-таки работа, Виктор Петрович...

Глаз смотрел в небо, Алексей быстро снял с трупа разгрузку с запасным магазином и патронами. Несколько капель крови, попавших на нее, затер кирпичной крошкой. Снял и свою собственную, выданную на станции, старую и заношенную, едва держащуюся на веревочках, и, наконец, ощутил ледяной холод ноябрьской ночи. Надев на себя эту еще теплую добротную жилетку, отрегулировав липучки по своему размеру, сильно недотягивавшему до габаритов матерого особиста, он немного согрелся. «Кедр» показался непривычно легким. Алексей не знал, куда идти. Но лучше сейчас оказаться подальше отсюда, как можно дальше. И как можно скорее.

ГЛАВА 16

ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ

Он боялся заблудиться в маленьких переулках, извилистых и темных, построенных в незапамятные времена и проложенных, казалось, так, чтоб враг устал искать среди них главную городскую крепость. Поэтому, выбравшись на широкое Садовое кольцо, Алексей решил уже не сходить с него. Этот проспект обязательно приведет к очередной станции метрополитена. Вспомнились давние советы бомжа с Тургеневской о том, как пройти на Комсомольскую. Но туда теперь путь закрыт, на красную линию нет возврата, Алексей не был уверен, что сможет разобраться, где вход на Кольцевую линию, а где на радиальную. Войны с людьми на сегодня достаточно, он поудобнее перехватил автомат и, забравшись на крышу ржавого внедорожника, рискуя провалиться в салон, оглядел широкую улицу впереди. Зрелище напомнило русло реки в ущелье между скал, мертвое и пересохшее, почти зимний ветер облепил химзу вокруг тела, обжигая кожу прикосновением холодной резины. Алексей спрыгнул на асфальт, теперь его трудно будет заметить сверху среди облезлых кузовов машин.

Чернота ночи поглотила всё вокруг, низкие облака затянули небо, временами скрывая луну. Алексей быстро шел вдоль стен, спотыкаясь о мусор и обходя сползшие на дорогу кучи кирпичей. Привыкшие к темноте глаза различали оттенки черного, угадывая препятствия. Никто не встретился на пути, вечерняя активность хищников смени-

лась сытой сонливостью или голодной усталостью, это уж кому как повезло... А утро еще не наступило, чтобы пробудить дневных монстров и выгнать их из логовищ. Поэтому врагом одинокого сталкера оставался пока раздражающе шуршащий крупчатый снег и холод, подгонявший вперед, не дававший даже пары минут, чтобы отдохнуть. Алексей опасался включать фонарь, не отойдя от станции по меньшей мере на километр, и не раз налетал на невидимый камень. Куски отделки фасадов валялись на пути, заставляя осторожно переступать через них, и Алексей ушел подальше от домов. Ровный бег между проржавевшими кузовами машин ему больше нравился, а проехавшись по ледяной дорожке и не потеряв равновесия, он с улыбкой вспомнил, как когда-то носился по катку. Если бы сейчас у него на ногах снова были лезвия коньков, то на скользкой улице ни одна тварь не смогла бы догнать его.

Город не умер, он просто спит. Разрушенный, восстанавливает и бережет силы, но не свои, а тех, кто придет отстроить его заново. Пока что полный опасностей мир поддерживает жизнь, которая осталась под землей, человечеству не вынесен окончательный приговор. Это просто такое испытание, ведь город знает, что монстры не смогут помочь ему обрести если не бывшее величие, так хоть более пристойный вид. Алексей не верил в полное поражение цивилизации людей, вот только ему уже не придется принимать участие в этой кропотливой реставрации. Ни ему, ни даже будущему поколению. А у остальных не останется другого выхода.

Пустые дома все еще ждут своих обитателей, тех, что помнят, как правильно ими пользоваться. Город во тьме слишком похож на самого себя, чтобы можно было принять спящего за труп. Но, оглядываясь по сторонам, Алексей не забывал: время людей еще не пришло. Мелкие твари разбегались от луча фонаря, и впасть в иллюзию царя природы прямо сейчас слишком опасно. С «кедром» в руках не одолеть крупного хищника – к счастью, ни один еще не попался на пути.

Он часто оглядывался, опасаясь преследования. Теперь нужно двигаться очень быстро, вскоре на станции спохватятся, что особист ушел и пропал. И без того долго разговаривали во дворе, для Ельцова даже слишком долго. А искомая снайперская винтовка теперь находилась далеко, Алексей предполагал, что где-то в районе Треугольни-

ка вместе с ее новым владельцем. Туда и нужно было добраться, Глюк оставался единственным, кому можно если не довериться, то хоть за помощью обратиться. Не зная пути поверху, лучше вернуться в метрополитен, где не сожрут за первым же углом. Алексей не забывал держаться подальше от снежных пятен на асфальте, касаясь подошвами льда, не сохраняющего следов. Неужели город такой большой, сколько же можно бежать? Садовое кольцо тянулось бесконечно. И он надеялся не повторить судьбы Колумба, обогнувшего земной шар в другую сторону, так и не достигнув Индии. Сейчас сойдет и Америка!

Теплые воспоминания не согревали в пути, лишь сожаление, что возможности остались неиспользованными. Впрочем, об одном несбывшемся плане Алексей и не жалел. Пусть для Ульки всё останется только детской обидой, которая со временем забудется, хотя даже обижать таких девчушек просто стыдно. Легкое чувство вины надолго не задержалось, собственная жизнь была намного дороже, сохранить ее важнее, чем чистоту помыслов и намерений. Прежние помыслы уже возвращались из временного забвения, стирая всё остальное. Об одном Алексей еще помнил; снова оглянулся, но никто его не преследовал.

Укрывшись от ветра за обломками стены, он хорошо видел широкую улицу позади, тут снежная крупа больше не скребла по ОЗК и не мешала слушать. Короткая передышка была прервана звуком негромкого удара по жестяному боку машины. Алексей поднял «кедр» и выглянул из-за кирпичей. Луч света белым пятном шарил под днищами автомобилей. А темные фигуры переходили дорогу в нескольких десятках метров от него, шли осторожно и не спеша, они совсем не были похожи на организованную погоню от Красных ворот. Алексей, не высовываясь из укрытия, решил окликнуть их, без проводников трудно отыскать станцию. Возможно, она где-то здесь, неподалеку, но немосквич легко потеряется и пройдет мимо, не заметив.

С такого расстояния и человеческий голос, проходя сквозь респиратор, покажется мутантским рычанием или шумом в глубине разрушенного здания. Алексей включил фонарь, он все еще ярко горел, и сталкеры увидели свет. Ответный луч проделал круговые движения. Алексей повторил сигнал, надеясь, что всё делает правильно. Одна из

фигур в комбесте махнула рукой, остальные опустили оружие. Он выбрался из-за каменной осыпи и подошел к ним.

– Заплутал я, ребята, боюсь, до утра назад не выбраться... Помогите неместному.

Небольшая группа отличалась хорошим снаряжением. У двоих противогазы были с широкими обзорными стеклами, и один из счастливых обладателей таковых приблизился, покосившись на серп и молот на разгрузке, презрительно оглядел заношенную химзащиту и респиратор. Алексей производил жалкое впечатление, но от «красных» сталкеров незнакомец большего и не ждал.

– Сдай оружие. А то черт тебя знает... И далеко не уходи.

Без оружия он далеко не уйдет, это точно. Алексей протянул мужчине автомат и снял нож. Довериться случайным попутчикам было непросто, и выбора не оставалось. Теперь взять у него больше нечего, разве что самого сожрать, но сталкеры не выглядели слишком голодными и даже слишком бедными, судя по хорошей снаряге. Один из них обследовал всё вокруг, особенно то место, где скрывался Алексей, но не нашел ничего подозрительного. Незнакомец передал оружие кому-то и указал вперед. Группа молча последовала за ним, люди только изредка оглядывались на приблудившегося чужака. А он старался идти след в след, не отставая, не понимая, куда идет. Издалека донесся странный звук – как будто ритмичные удары или барабанный бой. Сталкеры еще ближе прижались к домам, скрываясь в их тени.

Алексей начал присматриваться к попутчикам. Тот, кто уверенно шел впереди, казался главным в группе, он не нес на себе мешка, только задавал направление, показывая знаками, где остановиться, а где бежать быстрее, чтобы проскочить переулок и не маячить на видном месте. Проводник? Не похоже, проводнику так не подчиняются. Значит, это хозяин. Алексей отметил, что сталкеры тяжело нагружены чем-то, мешки были не пустые. Группа возвращалась с хорошей добычей, и он тоже скоро окажется в безопасности под сводами какой-нибудь станции. Место убийства осталось далеко позади, как бы шустро ни распространилась весть о пропаже особиста, она не может бежать быстрее, чем человек. Ведь труп сначала надо найти и узнать, что случилось.

Алексей боялся одного: что путь его лежит снова на станцию красной линии, где наверняка отдан приказ о его аресте, – сам факт пропажи высокопоставленного лица из МГБ уже достаточная причина. Спрашивать об этом он не решался, такое катастрофическое незнание города для сталкера подозрительно и странно. Назвавшись неместным, не хотел уточнять, насколько это было правдой, пусть просто считают его случайно потерявшимся, отбившимся от своего отряда. Мысли вернулись к хозяину, который осторожно шел впереди. Скорее всего, он с Кольцевой линии, такому деловитому человеку самое место в Ганзе. Открытой вражды между ними и коммунистами больше не было, поэтому Алексей за свою жизнь не опасался, разве что за свободу... Но решать проблемы следовало по мере их возникновения. Жизнь сейчас важнее.

Звук ударов становился ближе, сталкеры уже подошли к его источнику. Приглушенный стенами, он явно исходил из какого-то здания, но тут отряд свернул налево, обогнув темную массивную постройку, и короткими перебежками, укрываясь за низкими ограждениями подземных переходов и кучами мусора, почти добрался до арки под изрядно попорченной крышей, которая очень походила на вестибюль метро. Алексей не ошибся. Курская-кольцевая. Он все-таки не увидит сегодня рассвета. Ничего, в другой раз.

«Кедр» так и остался в руках сталкера. Алексей решил, что без команды старшего его не отдадут в любом случае, поэтому всеми силами пытался обратить на себя внимание хозяина. А тот, окинув свою находку беглым взглядом, приказал:

– Отдай. У них там за потерянное оружие голову снимут. Лучше тогда вообще не возвращаться.

– Не, я домой... – пришлось показать и документы. Теперь, обретя собственное имя, Алексей мог более свободно передвигаться по метрополитену, хотя на красную ветку ему путь закрыт. «Домой» для него означало совсем другое.

Новый знакомый и в самом деле оказался хозяином товара и отряда наемных сталкеров, караванщик не сидел, сложа руки, и возглавлял рейды лично, не доверяя партнерам.

– Ты как на Садовом оказался, Алексей Колмогоров? – вернув оружие, он не спешил отдавать патроны.

– Отстал... Шли от Комсомольской, муты напали и гнались до са- мой высоты.

– А ты бегаешь так быстро? Или твари хромые попались?

Алексей неопределенно пожал плечами. На скорость он действительно не жаловался, бывало, тритона по лесу гоняли по пол- дня, то выслеживая, то окружая, пока чешуйчатая амфибия не про- рывалась к пруду и не сигала в глубину, поднимая фонтан брызг. По воде расплывались пузыри, будто тритон там облегченно вздыхал, что на этот раз обошлось простым марафоном по кустам. Но дого- нять безобидную зверюшку и убежать от хищника далеко не одно и то же.

– Их отвлек кто-то. Может, те самые веселые мутанты?

– А ты их видел? – с любопытством спросил караванщик.

– Нет... Я уж и не оглядывался, пока до Садового не добежал, – наи- вный вид Алексею никак не удавался... Но усталость была настоящей, будто он действительно проделал бегом весь указанный путь, а не его половину. – А у вас тут что такое было? Откуда шел этот странный звук?

– А это на Винзаводе осенние гулянки. Теперь до зимы не угомо- нятся. Так что весело не только у вас на площади трех вокзалов. Иди, Колмогоров... До Комсомольской доберешься быстро.

– А патроны?! – Алексей уж не упоминал про фонарик, который тоже никто не вернул после чистки ОЗК и разгрузки. Почистили как следует, называется!

– За всё в этой жизни надо платить. Тут тебе не социализм, тут то- варно-денежные отношения. Или тебя вернуть на прежнее место? Так это недолго и устроить...

– Не надо, – бизнесмен был в своем праве, могло бы закончиться еще хуже. – Ну, хоть на проезд-то оставьте. Не пешком же мне до Ком- сомольской добираться.

– Держи, «красный», хоть тебе и одного патрона хватит, как раз за один перегон. Скажи, что остальные отстрелял, – героем будешь. Еще бы, столько мутантов положить!

Поблагодарив за возвращенный полупустой магазин, Алексей по- брел вдоль широких мраморных колонн искать попутную дрезину. Ему требовались два патрона, а не один. До Павелецкой. По пути он

выбросил приметную разгрузку в темноту посреди туннеля. Он был так близко к Бауманской! Разузнав теперь все пути и порядки, Алексей рассчитывал очень скоро туда вернуться.

* * *

Новокузнецкая встретила протянутой рукой, и пришлось вложить в нее почти последние патроны. Несмотря на это, Алексей чувствовал себя намного увереннее, чем в первый раз. Даже если Глюк пал смертью храбрых в неравной борьбе с веселыми мутантами... Но полностью списывать со счетов хитрого проныру еще рано. И «кедр» все же был не лишним, особенно в умелых руках. Алексей улыбнулся прежним наставлениям Глюка.

Кто-то мог еще помнить человека со шрамами, исчезнувшего сразу после убийства Азарова, поэтому пришлось стащить с бельевого веревки первую попавшуюся ситцевую тряпку, все же убедившись, что это не женский платок или семейные трусы. Пестрая повязка скрыла рубцы, а слегка отросшие светлеющие концы волос легко замазать грязью. Опасения оказались напрасными: заглядывая в питейные заведения, он обнаружил бывшего напарника в третьем по счету. И все же Алексей не решился войти внутрь, разыскал неподалеку деловитого пацаненка.

- Ты знаешь вон того человека?
- Знаю, Глюк его погоняло. А чё?

Пропустив пришедшие на ум рифмованные слова – все-таки перед ним ребенок, хоть и не самый благонаправный, – Алексей перешел сразу к сути вопроса.

– Его зовут Вадим. Подойди к нему и скажи: пятьдесят на пятьдесят.

Практичное дитя никак не соглашалось на сделку без прибыли.

- Два патрона.
- Один.

– Тебе чего, жалко?

– А тебе два шага ступить трудно бесплатно, мелкота ленивая?! – пришлось включить обычный для Треугольника порядок общения, иначе его не поймут, как иностранца, уж точно обдерут, как липку.

И ждать, подбрасывая на ладони обещанное вознаграждение, пока мальчишка доплетется до нужного столика, а Глюк соблаговолит оторваться от жратвы.

До Вадима доходило долго. Пока пацан не указал на дверь и Алексея, прислонившегося к ней. Глаза бывшего напарника округлились и выразили отнюдь не радость, будто содержимое его тарелки под носом вдруг протухло в один момент. Даже немного обидно стало глядеть на скривившуюся рожу. Ничего, страх – хорошее лекарство от жадности. Иначе кое-кто узнает несколько интересных подробностей о заказе на Утюга.

– Что ты на меня смотришь, как Александр Невский на монголо-татарскую орду? Все равно придется дань платить.

– Да нет, Лёх, ты меня не так понял! Я рад, что ты живой.

– Врать не надо. Когда это ты радовался, отдавая деньги?

Но финансовые отношения не помешали напарникам мирно выпить за встречу. Глюк теперь спиртным сильно не увлекался – снайпер с дрожащими руками много не заработает. Алексей заметил, что напарник без дела не сидел и ему явно пошли на пользу серьезные дела. Похоже, он еще не растерял старых связей и клиентуры, потому что быстро обрел вполне благополучный и процветающий вид. Хотя размордевший Глюк его сейчас мало интересовал, главное, тому есть, чем поделиться. И не жадничать в расчете на будущие серьезные заработки. Патроны и винтовка находились в надежном хранилище на станции, пришлось сходить туда и забрать нужное количество. И это количество Алексея порадовало. А Глюк заодно взял и винтовку, чтобы еще раз на нее полюбоваться.

– Кстати, Вадим, раз такое дело... Реализуй для меня кое-что, – после первого стакана Алексей снова вспомнил о делах. – Мне бы оружие сменить, с таким по верху далеко не уйдешь.

– По низу тоже... – Глюк покрутил в руках короткоствольный «кедр». – Если только номера спилить и звездочку, а то враз опознают. Мне проблемы не нужны. Ладно, спихну кому-нибудь. Или в Рейх продам, как памятный «ствол», из которого офицера МГБ вальнули...

– Что, уже знаешь? – Алексей лишь удивился скорости, с которой распространилась новость. Счет времени действительно шел на часы.

– Слышал. Тут поступил новый заказ для Тимофея. И знаешь, на кого?

– Я догадался...

– Правильно. Высокий светловолосый сталкер, со шрамами от когтей на правом виске. Живым или мертвым, все равно заплатят.

Алексей поправил вылинявшую самодельную бандану, опустив пониже на лоб. Он догадывался, что МГБ медлить не будет, но такой оперативности в поиске тоже не ожидал. И точно не ожидал получить заказ на себя же самого!

– Откуда?

– С самого верха, похоже... С Лубянки. Лёха, ты можешь вообще сидеть ровно на пятой точке или нет?!

– Не могу, – значит, Вишневский тут вовсе ни при чем, значит, не он объявил этот розыск. И пусть Ульяна больше не ждет... Это казалось единственно важным почему-то. – Видно, судьба такая: оставлять за собой трупы и собирать на свою голову такие вот приговоры «живым или мертвым».

Судьба была не виновата. А Глюку это объяснение показалось достаточным. Он слишком верил в возможности своего напарника. Верил больше, чем даже сам Алексей, который сейчас чувствовал себя совершенно беспомощным. Предстояло снова ступить на единственный путь, в котором не уверен, играть на чужом поле, заставить Леночку хоть выслушать его... Рядом с ней не действовали привычные законы, будто девушка обладала способностью изменять свойства вещей. Ему больше ничем не поможет логика, не поможет сила. И вспомнить, за что Лена хоть чуть-чуть любила своего Лёшку, он теперь уже не мог. Надеялся только, что помнит она.

Глюк оказался слишком хорошо информирован. Единственный, кто знает про Елену... И промолчит он только до той поры, пока не упадет на допрос к профессионалам в своем деле. Следовало убрать его, чисто и незаметно, никто и не хватится. Но пока Алексей не решил, насколько серьезна угроза, ведь с Тимофеем они ошиблись и Вадим Першуков – это просто одна из нитей, один из многих, с кем связались наугад. Глюк, не догадывающийся, какая опасность сейчас нависла над ним, просто радовался, что есть повод посидеть в компании, только бы никто не узнал в неприметном плохо одетом незнакомце второго, по-

сле Томского, человека, который поставил Лубянку на уши! Он опрокинул еще стакан, с умилением глядя на свою – теперь точно свою – винтовку.

– Лёха, ты... Я же мечтал только, чтобы своя снайперка... А ты ваще... В пять минут!

– Если бы ты не смотрел, а действовал, тоже решил бы проблему побыстрее.

– Я про то, что быстро ты в бизнесе освоился... – Глюк намекал, что окончательно хоронить Тимофея пока рано, можно бы и продолжить.

– А я вообще способный... Во всем.

«И на всё. Самому уже страшно». Алексей опустил голову на руки, хотелось уснуть и ни о чем не думать хоть несколько часов.

– Лёха! Если тебе помощь нужна какая... У тебя ведь тоже мечта. Я же помню.

– Какая помощь, Вадим? Девушку за ноги подержать? Чем ты еще помочь можешь?

Но Глюк мог. Алексей сейчас понял, что только Глюк и мог бы.

– Есть возможность рассчитаться... Уведи со станции Пищухина.

«Убери его, Вадим! И тогда вы оба останетесь живы. Я буду слиш-ком занят, чтобы возвращаться за тобой».

– И как же я его уведу? – Глюк задумался, но тут решение пришло довольно быстро. – Могу вот предложить ему устроить встречу с кем-то из нашего отряда, повспоминать, как в Жуковский ходили. Он теперь туда точно ни ногой! Если только командир прикажет, у Дредда не забалуешь...

Алексей надеялся, что до Бауманского Альянса еще не добрались лубянские ищейки. Нет времени выдумывать сложные планы, тем более решение проблем сидело рядом за столом, улыбаясь своим мыслям не то о новой снайперке, не то о давнем походе. Если уж Глюк так тепло вспоминает об этом, сентиментальный Пищухин должен увязнуть намертво, особенно если к делу подключить еще одного-двух бывших однополчан.

– Вадим, думай до завтра. А я должен свои дела привести в порядок.

Лицо Леночки, настоящее и иллюзорное, навеянное беспокойными сновидениями, уже стояло перед глазами и разумным мыслям никак не способствовало. Разум и не привел его к успеху, видимо, нужно

было действовать как-то по-другому, но сердце тоже ничего не подсказало. Этот перекачивающий кровь мотор думать не способен, хотя явно что-то чувствовал, будто оживая в предвкушении. Ведь Лену нужно было не просто «склонить к сожительству», как официально выразился когда-то Нестеров, упрекая воспитанника в чересчур распутном поведении... Алексей хотел, чтобы она сама пришла к нему. Возможно ли это?

ГЛАВА 17

ПОМЕРКШИЙ СВЕТ

Блокпост Бауманского Альянса пропустил без лишних вопросов. Никто не задерживал, не бросился докладывать в МГБ, и Алексей с некоторыми опасениями снял пеструю тряпку с головы. Иначе и Елена не узнает его.

Нетерпение заставило сразу же искать информацию. Расспросив несколько человек, он выяснил, что девушка работает в мастерских, но увидеть ее раньше вечера не получится. Алексей занялся поиском места для ночлега. Глюк обещал не отпускать Пищухина раньше завтрашнего дня, а если повезет, то и придержать в Ганзе подольше. Всё получится. Точно получится только одно – увидеть ее. Остальное непредсказуемо: Лена всегда была взбалмошной девчонкой, за темперамент надо платить изрядным терпением, заранее подготовиться, что легких путей искать не стоит. На Семеновской нашелся уголок, где можно было провести некоторое время. За отдельное место в гостинице цена оказалась высока, и он не мог позволить себе объясняться с девушкой в присутствии соседей. Оплатил сразу два дня, хотя, скорее всего, хватит и нескольких минут. Но выгнать его отсюда никто не вправе. Если захочет – уйдет сам. Скоро вечер, закончится ее сегодняшняя смена, оставалось еще несколько часов.

Долгожданная дрезина с рабочими мастерских, наконец, показалась из туннеля. Лена выглядела уставшей, задумчивой. Похоже, что ей действительно невесело в отсутствии Дениса. Значит, он все-таки

сумел сделать девочку счастливой, и Алексею полагалось бы радоваться этому. Если хорошо ей, и ему должно быть... Но стало еще хуже. Алексей отступил в сторону, пропустив нескольких мужчин на платформу, и подал руку Лене. Она, не глядя, спустилась по ступенькам, слегка коснувшись его пальцев, и подняла голову.

Именно этого он и ожидал. Дежа вю. Много лет назад маленькая Леночка впервые увидела труп, накрытый окровавленной простыней, вскрикнула и закрылась ладошками. Теперь лишь голос изменился, она отступила на несколько шагов, споткнулась и села на пол.

– Лен, открой глаза. Незачем так пугаться...

На этот раз Елена не приняла руки, вскочила и со страхом начала вглядываться в его лицо. Убедившись, что ей не показалось, немного успокоилась.

– Нестерова, помощь нужна? – спросил один из рабочих.

– Нет вроде. Я сама...

Нестерова... Что ж, это уже радует. А на теплую дружескую встречу Алексей и не рассчитывал.

– Ты же умер. Тебя нет!

– Ну, не совсем так. Пощупала уже – не призрак.

– Что ты тут... Почему? Откуда?!

– Откуда и ты, из бункера.

– Лучше бы ты умер! Ты должен был, понимаешь?! За то, что ты сделал, – страх начал плавно переходить в ненависть, Алексей наблюдал за выражением ее лица, а на собственном сейчас, кажется, только расплывалась довольная улыбка... – Зачем ты пришел? И почему ты жив? Ответь мне на эти два вопроса, и больше я не хочу тебя видеть!

Да, Алексей вполне материален! И не только потому, что она с ним разговаривает зачем-то. Он сильно изменился, такого разыгравшееся воображение не нарисует. Внутри сейчас перемешались совершенно противоречивые чувства! Хотелось одновременно ударить его по лицу, спросить про бункер, вдруг он что-нибудь знает, ощупать шрамы, которые чуть приподняли бровь и уголок правого глаза, и снова – по морде! По наглой довольной морде! Да, Лёшка несомненно жив, стоит перед ней во плоти, потому что никто другой не мог бы так нахально явиться к девушке, поубивав хладнокровно ее друзей и родственника и не понеся, по-видимому, никакого наказания! И не на колени падать,

вымаливая прощение, а стоять над ней и смотреть, как она с пола поднимается. Сволочь! Лёшка...

– Лена, отвечу с удовольствием. Пришел я, чтобы посмотреть на тебя и убедиться, что с тобой всё в порядке.

– Посмотрел?

– Да. И даже убедился. А вот почему жив... Лен, я и сам не знаю. Уверяю тебя, что ничего для этого не предпринимал! Ты же должна помнить – я смирился с тем, что нужно ответить за свои действия. Для тебя это сделал. Всё остальное – случайность, к которой не имею никакого отношения. Поверь, ведь тебе я врать не буду, – «Только умолчу о трупке сталкера без химзы и оружия, оставшемся в яме. Иначе как бы я добрался до тебя?» – Что, руки чешутся ударить? Я же вижу... Давай, тебе можно.

– А я разрешения спрашивать не буду!

Сильная рука у Леночки, в ушах звенело от крепкой пощечины, но это не стерло улыбку с лица. Она не уходит, не бежит от него – уже немало. Прием скорее горячий, чем холодный, лучше отрицательные эмоции, чем отсутствие таковых вообще.

Елена смотрела на пятно на щеке Алексея от своей ладони, но спокойствие никак не наступало. Что толку? Кто виноват в такой преступной безнаказанности?! Теперь уж не узнать. И не отменить того факта, что Алексей явился сюда. И Дениса на станции нет... Как не вовремя! Но ей не нужна защита от Лёшки, справится сама.

– Уходи сейчас же!

– Я нахожусь на территории Альянса на законных основаниях. Не нужно докладывать о беглом преступнике – это наши с тобой разборки, никого не интересуют. Здесь уже не действует приговор нашего бункера.

Нашего... Только поэтому она до сих пор еще говорит с ним. Елена ощутила, насколько всё это время скучала по дому. Пусть даже там ничего не осталось, но все-таки... А с Лёшкой вообще связано так много! Время, прошедшее с тех самых событий, немного притупило боль, но успокоить ее окончательно было невозможно. Пусть он уйдет! Потому что она не может сделать ни шагу. Алексей всегда умел читать мысли на ее лице, как в книге.

– Лена... Мир между нами невозможен, просто дай мне пару дней, постараюсь тебе не мешать. Но я столько лет за тобой приглядывал,

что уже не могу без этого: надо было убедиться, что ты добралась благополучно. Что ты нашла здесь свое место. Я это увидел. Денис сделал то, о чем я его просил.

– Ты попросил?

– А он не рассказывал тебе? Я же думал, что через несколько часов меня уже не будет... Он единственный мог о тебе позаботиться вместо меня. Значит, все-таки он справился.

– Да. Как видишь.

– Лена... Почему нельзя, как в математике... Уравновесить плохое и хорошее, что я сделал для тебя, всё зачеркнуть и начать с нуля? В жизни так не получится.

– Вот именно, не получится. Хватит, Лёш, я больше не могу... Не в моих силах выгнать тебя отсюда. Надеюсь, ты не будешь мне надоедать.

Елена повернулась спиной и быстро ушла, чтобы он не видел покрасневшего лица. Лёшка сказал то, что она смутно ощущала сама.

Алексей вел себя тихо и действительно не привлекал лишнего внимания, Елена замечала его на станции только потому, что искала взглядом. Как ищут крысу, которую опасаются и хотят держать под наблюдением на всякий случай. Зачем он здесь?! Ведь никогда уже не станет, как прежде. Времени прошло немало, ненависть к нему чуть угасла, но только потому, что Елена считала Лёшку мертвым и о покойнике вспоминалось порой даже хорошее. Два самых близких человека ушли из ее жизни, не поделив какой-то там Совет! Один не вернется больше никогда. И пусть ему будет лучше там, куда он ушел. Дядя много лет не знал покоя, Елена поняла это, только когда сама стала взрослой. А вот Алексей вдруг снова появился, зачем он здесь? Вот на этот вопрос ответить легче всего. Труднее понять, что теперь с этим делать.

Столько воспоминаний! Тот ледяной ужас от внезапной мысли: ее Лёшка убил Бориса Владленовича. И еще раньше, намного раньше... Темный верхний этаж бункера, вечером люди покидали его, только пост охраны находился в другом конце длинного коридора. Елене было тогда не больше пяти лет. Удалось сбежать от дяди, он снова занят делами, и сидеть с ним слишком скучно. А тут можно бродить в темноте, стучать по стенкам и издавать разные звуки, прислушиваясь к забавному эху... Она так и не поняла, что тогда свалилось на пол,

оглушив раскатистым громом. Теперь эхо уже не было ее игрушкой, оно, казалось, с силой придавило к полу и звучало, звучало... Лена не слышала собственного визга, она зажимала уши, пока не наступила тишина. Идти назад побоялась: если не двигаться и сидеть тихо, может быть, ничего не случится и страх пройдет?

Позже девочка задумалась: где же были охранники гермоворот? Видно, их не испугало эхо, а детский визг мог лишь насмешить. А Лёшка услышал ее с нижнего уровня... И через минуту уже держал на руках, они спускались по лестнице, там было светлее, и Лена, обхватив крепкую шею, привычно прижималась к нему щекой, ощущая недавно появившуюся на Лёшкином лице слегка колючую щетину, вполуха слушала его успокаивающие слова, малопонятные объяснения об отражении звука. Но оттого, что Лёша все знает и ничего не боится, Елена чувствовала себя защищенной, пока он рядом – с ней ничего не случится. Почему всё так переплелось и перепуталось! Он сам виноват во всем! Совершил такое, о чем нормальный человек и помыслить не может. Алексей выбрал место в Совете, власть казалась самым желанным его приобретением. Но никакой пост Привратника не нужен ему без... Без нее. Чего он ждал столько времени? Ведь всего этого могло и не быть, не случиться.

Алексей сказал, что хотел увидеть ее собственными глазами. И Елена поверила, он сказал правду, но причина совсем не в этом. Первое – ему идти некуда. Остальное легко угадывалось... Он вовсе не романтик, его тянет сюда вполне определенное желание, Алексей прекрасно отдает себе отчет в своих действиях, просто не может себя преодолеть. При Лёшкиной силе воли – это должно быть нечто непостижимое и пугающее. А страшно не было. Совсем. Конечно, лучше бы рядом стоял Динька, готовый на всё ради нее! Но сейчас он только помешает... Елена думала об этом с легким оттенком стыда, хоть стесняться было совершенно нечего. Ведь одним из первых ее слов было «Лёса», невозможно бояться и ненавидеть почти часть самой себя.

Снова текли слезы, сдержаться невозможно. Да и нужно ли? Станет легче, ведь он еще долго будет находиться где-то рядом. Слишком долго, чтобы можно было это спокойно выдержать. Завтра будет уже проще, она знает, чего ожидать. Завтра... Откуда он мог знать, что им никто не помешает?!

Алексей стремился сюда поскорее не только по велению сердца, чувство подкреплялось трезвым расчетом: сейчас шанс на небольшое перемирие с Леной выше, чем когда бы то ни было. Она догадается, если уже не поняла этого... Все-таки девушка хорошо изучила стратега Лёшку, который не допускает случайностей. И ее голос, посреди ночи перебудивший всю гостиницу, он услышал сразу.

– Где он?! Этот... Который днем пришел?

Дежурный даже проводил ее к Алексею, чтобы посмотреть, какая срочная надобность привела девушку в комнату заезжего сталкера. Но визит оказался явно не интимным, поэтому он быстро потерял к этой паре интерес.

Елена остановилась на пороге, увидев, с какой надеждой смотрит на нее Алексей. Таким она его не помнила. Чтобы он всем телом подался ей навстречу, и не в шутку, а совершенно серьезно, едва сдерживаясь... Только раз. Но там было совсем темно, и она просто не видела его лица. Наверное, так он и выглядел, когда целовал ее тогда возле запасного выхода. Но все эти мысли промелькнули в один миг и пропали, оставив неприятное ощущение. Елена остановилась. Тот, кто настолько открыто радуется встрече, не может замышлять зла. О ком она думает?! Это же Алексей, он непредсказуем, теперь она ни в чем не уверена!

– Лёш, скажи мне... Я должна знать, ты имеешь какое-то отношение к тому, что Денис вчера ушел со станции? Где он, я тебя спрашиваю?!

И снова увидела знакомую Лёшкину усмешку, ироничную, но не злую, на нее он всегда смотрел с таким теплом...

– Имею отношение. И самое прямое. Я же должен был убрать с дороги соперника, неужели ты думаешь, я настолько непредусмотрителен?

– Что ты с ним сделал?

Алексей был удивлен.

– Лен, не надо делать из меня еще более страшного монстра, чем я есть! Ничего не сделал... Вернется к тебе твоё сокровище. Только слегка помятое и без единого патрона, уж Глюк постарается.

– Глюк?

– Вадим... Неужели Денис тебя с ним не познакомил? И сама не помнишь?

Она помнила. Неприметный парень, с которым Динька о чем-то так оживленно говорил, оказался из того же отряда сталкеров, вот только Лена его почти не разглядывала. Да и не появлялся он на Бауманской раньше, просто вдруг пришел и утащил Дениса с кем-то встречаться на Курскую. Ей казалось, что ничего плохого не случится, если он посидит в баре со своими друзьями. И не случилось... Только вот теперь нужно что-то делать с Алексеем, который уже почувствовал ее смятение и неуверенность. Влетев к нему в комнату, она думала, что сейчас произойдет что-то страшное. А Лёшка просто заранее подготовил Вадима... С каких пор Алексей стал таким безобидным? Он не соврал, но тут что-то не так. А Лёшкины глаза снова сверкали опасными искорками; он наблюдал.

– Лен, а я рад, что ты пришла.

– Кто бы сомневался-то? – двусмысленность визита вызывала неприятные ощущения, и она чувствовала, что Алексею это нравится. Маленькая месть за неоправдавшиеся надежды. – Я не за тем, о чем ты подумал.

– Я не думал... Но чем еще можно заманить тебя к себе в комнату, как не страшными подозрениями в неблагоприятных поступках?

– В этом виноват только ты сам. – Алексей прав. Если бы не желание немедленно выяснить, что происходит, она ни за что не переступила бы этот порог. Но раз уж находится внутри и до сих пор мирно с ним разговаривает, стоило так же мирно распрощаться. Потому что Алексей уже едва сдерживает смех. Да, он явно не причинил вреда Денису! Потому что не хотел, чтобы девочка плакала. Не тронул ее любимца. И это настолько явно написано на его лице, что смотреть невыносимо!

Алексей не был готов ее увидеть именно сейчас. И Елене даже удалось его слегка смутить, ненадолго, на несколько секунд, но удалось. Желание сбылось довольно быстро, она пришла, вот только он сам не знал, что с этим делать, не успел подготовиться. И сейчас проклинал себя, что сразу занял оборонительную позицию, ирония оттолкнула и охладила их обоих. Но всё можно исправить...

– Лена, ты слишком хорошо меня знаешь. Конечно, ведь именно ты сделала из меня мужчину.

– Я?!

– Испорченное ты существо! Всем хочется ассоциировать сие волшебное превращение с чем-то приятным. На самом деле всё намного проще. Я принял ответственность за тебя. И сопливым мальчишкой меня больше не считали. А мне понравилось, я чувствовал себя сильнее рядом с тобой. Ты мне отвечала. Не сразу, но когда начала узнавать, сжимать ухо пальчиками и улыбаться... Ты не можешь этого помнить. А я не могу забыть.

– Лёш... – Елена чувствовала, что готова расплакаться. Не от обиды и не от злости, просто трудно сдерживать слезы. Пора было убегать отсюда, пока не слишком размякла, Алексей на это, наверное, и рассчитывал. – Раз уж так получилось, что ты и не умер, и Дениса не убил... Значит, есть у тебя возможность все-таки стать лучше. Ведь ты можешь, Лёш! Попробуй. Может, поэтому ты и остался в живых?

Алексей не верил в эти сказки про божий промысел и предназначение, потому что точно знал, чей именно «промысел» и политическая воля сохранили ему жизнь, и явно не для добрых дел. Но если девушка так хочет в это верить, не нужно ее разочаровывать.

– Лен, ты помнишь, какой завтра день?

– Вторник. И еще твой день рождения.

– Сделаешь мне подарок?

– Какой? – испуганно вздрогнула Елена.

– Просто посиди вместе со мной немного. Можешь даже помолчать, если нам говорить не о чем.

– Ты рассчитываешь меня напоить и...

Алексей улыбнулся, опасения Лены были понятны.

– Нет, Лен, скорее рассчитываю напиться сам и, наконец-то, перестать себя контролировать. Пошутил... Просто хочу посмотреть на тебя подольше. Очень хочу. Так я могу рассчитывать на подарок?

– Я подумаю.

* * *

Он действительно только смотрел, опираясь подбородком на переплетенные пальцы. От такого взгляда становилось не по себе. Будто всё, о чем он думал сейчас, обретало вполне осязаемое воплощение. Становилось жарко. Но отступить поздно, придется потерпеть еще некоторое время, раз уж все-таки пришла. Елена взяла со стола кружку с непонятным содержимым, сивушный запах был чем-то замаскирован,

но все равно неаппетитно. Отравить ее или напоить специально Лёшка точно не способен, поэтому для храбрости она сделала большой глоток.

– Лена, надо поесть. Я специально для тебя принес...

Да, Алексей ради нее постарался, никаких надоевших грибов на столе не наблюдалось.

– А ты сам?

– Я же сказал, хочу напиться для пушей решительности!

Но он не пил, снова молча смотрел на нее. Елена долго сидела, уставившись в почти пустую кружку, чтобы не поднимать голову. Взгляд Алексея был каким-то мутным, словно он уже пьян вдрызг. Но ведь это не так!

– Что с тобой?

– Ничего.

– А почему ты так смотришь? – она знала ответ, но молчать больше не было сил, слишком тягостным оказалось это молчание.

– Восхищаюсь на расстоянии. Это ведь не запрещено, кажется?

Он взял со стола кусок нарезанной свинины, но проглотил с видимым усилием. Еда вызывала отвращение, сейчас была не нужна. А того, что нужно, не получить! Лена так близко, и все равно это бесполезно.

Пламя от свечек на столе между ними искажало очертания предметов по другую сторону, Алексей неподвижен, но Елене показалось, что чуть пошевелился. И еще казалось, это из-за него воздух раскалился и дрожит. Слишком свежи воспоминания у обоих. Они заперты вместе в комнате, заваленной боеприпасами, звучат страшные слова, будущее неопределенно, и оба готовы умереть... После такого трудно сидеть за одним столом, даже хладнокровному Алексею нелегко. Елена ерзала на табуретке под его взглядом, но не уходила, что-то не отпускало... К тому же торопиться все равно некуда. Даже если вслух проговаривалась не вся правда, между ними никогда не стояла ложь. Боялась ли она услышать снова его признания или рассчитывала на них и расстроена, что не услышала? Но что-то должно сегодня прозвучать или случиться! Елена была в этом уверена. Будто до предела натянутая струна звенит где-то, она или оборвется сейчас, или...

Кто-то должен был поставить точку; если у Елены не хватает смелости или чутья на нужный момент – придется сделать это самому.

Только как унять боль во всем теле? Настоящая наркотическая ломка, не меньше. И нечего списывать на лейкоз – рано еще для этих симптомов. Сам, собственными руками перечеркнул для себя всё! Просто думал, что эти части его жизни никогда не пересекутся, а они вдруг сошлись. Думал, что Лена никогда не узнает... Да и Лена была ему не так уж и нужна в то время.

Неужели такое было когда-то? Где осталось здравомыслие, которым он всегда отличался, куда исчез тот уравновешенный и холодный Алексей? Откуда вдруг взялся этот... Который ежесекундно испытывает страх, что девушка уйдет, и одновременно радость, что она еще не уходит. От этого и боль, тело в постоянном напряжении: не упустить, удержать ее! Потому что когда она уйдет, останется только пустота. Ничего не останется, и его самого не будет. Его уже нет! Но Елене нельзя сказать об этом, хоть информация сыграла бы в его пользу. Даже этого он не может теперь себе позволить... А раньше не задумался бы! Использовал бы все способы. Что он вспомнит потом? Чем можно будет сдержать себя от последнего шага? Хватит мечтать, как тогда, прислонившись к ее запертой двери в бункере... Ему нужно настоящее, не воображаемое. Не отвлекаться! Нет сил сказать хоть слово... Потому что Елена не станет слушать. Она очень хочет уйти и ждет только повода. Но кто-то должен... Почему он?!

Не найдя, что сказать, Алексей только добавил немного из бутылки в ее кружку.

– Мне хватит, Лёш...

– Как хочешь.

И снова взгляд скользил по ее телу и лицу, Елена не поднимала глаз, всё чувствуя и понимая. Он был благодарен за терпение, хотя в этом мало приятного. Впрочем, горячей взаимности он от нее и не видел никогда...

– Лёш...

– Что, Леночка? – всё. Она уходит. И никак не помешать этому!

– Я не сразу поняла, что там случилось в оружейном хранилище... – она помолчала немного, но раз уж начала, нужно было договаривать. – Ты не боялся ни секунды! И мог убить меня в любой момент, но ведь именно ты всегда старался оказаться между мной и любой опасностью,

и сейчас стремишься от чего-то защититься, тут ты совсем не изменился. Вот поэтому я сегодня и пришла. Тебе просто очень плохо, Лёш. Но это ничего не поможет исправить. Если только...

– Если что?

– Ты уйдешь и больше никогда здесь не появишься.

«Кто сказал, что любовь – это прекрасное чувство? Почему же тогда так хреново? Или только у меня так... Лена, не надо! Ты всегда была рядом, ты спасала от одиночества. И теперь не даешь мне даже права тебя видеть! Я знаю, за что... Ничего не забыл. Мне только нужно хоть немного, хоть пару минут быть счастливым. Это же настоящее сажу-мазо: причиняет боль, но все равно очень хочется, по-другому у нас с тобой почему-то не выходит... Как легко было сказать «люблю», когда не любил, и даже близко к этому не стоял! Тебе не нужно слово, Лена, ты все понимаешь. И тоже боишься произнести его, потому что тогда назовешь вещи своими именами... Я хочу только одного – к тебе. Знаю, что невозможно. Черт, ты же не слышишь меня, Лена!»

– Куда мне идти? – спросил, не подумав, совершенно произвольное... Зачем? Потому что хотел, чтобы она напоследок подсказала ему что-то? Или проверить глубину ее безразличия?

– А где ты был раньше, Лёш?

Лучше ей не знать. На Китай-городе до сих пор ищут, кто завалил Утюга... Про несостоявшуюся свадьбу с Улькой упоминать тоже не стоило. Вряд ли Лена отнесется к этому с пониманием.

– Я не мог прийти к тебе сразу, у вас тут все так сложно...

– А ты всегда хочешь во всем разобраться! – она даже улыбнулась. – Знаешь, наверное, это хорошо... Что ты пришел. Я ужасно разозлилась, когда тебя увидела! Но ты почему-то жив. И мне почему-то спокойнее.

«Я не жив, Лена! Это ненадолго... Зато я вижу тебя. И мне тоже спокойнее стало. Почему-то».

Стол, разделявший их, был непреодолимой преградой. Алексей намеренно сел напротив, чтобы не поддаваться соблазну. И сейчас слишком сильно желание отшвырнуть в сторону чертовы доски, оно едва поддается контролю! А может, не нужно делать этого?! И хоть раз воплотить сон в жизни! Силой, уговорами, лаской... Добиться от нее согласия, пусть и раньше не удавалось, сегодня – он чувствовал – всё получится!

Иначе Лены здесь не было бы, иначе не краснела бы она, догадываясь обо всем... Но что будет с ними утром? То же самое болезненное пробуждение – обратно в реальность, где Лена будет стыдиться своей слабости, никогда не простит саму себя. Нет, нельзя разделять с ней это... Как бы ни было тяжело – он должен принять всё сам, только он один.

«Лена, уходи немедленно! Сейчас! Я не могу заставить себя произнести эти слова. Не заставляй меня и ты, не надо. Или ты сама не хочешь этого? Тогда всё не напрасно, и ты согласна хотя бы приблизиться к примирению... Хоть немного. Но рядом с тобой больше никогда не будет привычного состояния покоя, которое я так хотел обрести сейчас. Я всегда хотел, чтобы ты принадлежала мне одному. Только так! Одалживать тебя у твоего жениха, чтобы попользоваться... Это не для нас с тобой».

Старые доски самодельного стола были изучены до последней занозы, но взглянуть сейчас на Лену оказалось очень трудно. Алексей закрыл лицо руками, и от этого голос звучал приглушенно:

– Лен... Больше у меня нет причин, чтобы прийти к тебе. Я теперь знаю, что всё хорошо и беспокоиться мне не о чем.

«И сказать нечего... И оставаться незачем. Волшебство на сегодня закончилось, ангелам пора разлетаться по своим гнездам, пока с ними не случилось ничего плохого тут, на грешной земле, где человек из последних сил сдерживает себя, чтобы не испачкать белые крылышки». Алексей понимал, что повторяется, что застрял в разговоре на одной и той же мысли, но любые другие слова сейчас звучали бы еще глупее.

– Лёш... Я пойду, уже поздно. С днем рождения, Лёш...

– Спасибо, Леночка.

И ни сказать «до свидания», ни махнуть рукой непринужденно, ни поцеловать в щеку... Только смотреть вслед, как она сделает эти несколько шагов и пропадет из виду навсегда. Лена оглянулась. Алексей кивнул ей.

– Пусть и дальше всё будет хорошо!

Ее улыбка в ответ, чуть смущенная, теплая и искренняя – притворяться и играть Леночка так и не научилась.

Алексей остался один, взял со стола бутылку, пил прямо из горлышка, не ощущая ни вкуса, ни крепости, захлебнувшись, отбросил ее, вытер губы и мокрое лицо. Оборванная нить, распрямившаяся пружи-

на... Но если не убило на месте, то есть надежда залечить и эти раны. Только не здесь! Далеко, очень далеко отсюда. Там, откуда пришел и где еще остались вопросы, на которые тоже хотелось бы, наконец, получить ответ.

По ту сторону стола никого не было... Алексей снова долго смотрел на него, потом, поднявшись с места, изо всех сил впечатал подошву армейского ботинка в этот криво сколоченный ящик, свечки разлетелись по углам и погасли, осветив напоследок деревянные обломки на полу. Стоя посреди комнаты в темноте, он еще долго видел их перед собой. Казалось, что видит... Вонь тлеющей тряпки уничтожала остальные запахи, не осталось и следа того, что здесь совсем недавно была Елена. Алексей нащупал позади свой рюкзак. Пора уходить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

ГЛАВА 1

ОЖИДАНИЕ

Подлец удрал, не сказав спасибо, растворился в бескрайнем лесу. Но Главный Привратник ждал... Странное ощущение. Никто не возвращается туда, где приговорен к смертной казни, ничто не связывает Колмогорова с бункером, в котором прожито столько лет. Он и ранее, в отличие от многих, не рвался навестить родной дом в городе, хотя легко мог это сделать. И здесь больше нет Леночки Нестеровой, единственной ценности, которую Алексею не хотелось утратить. И все же Грицких почему-то ждал. Ему не хватало умного и слегка циничного помощника. Потому что новый был слишком молчалив и исполнительен. Нет, дурака Юрий Борисович не выбрал бы, парень умен, но предпочитал больше помалкивать, не развлекая начальника беседой.

Все-таки, что ни говори, в бункере стало скучнее. Еще скучнее, хотя это казалось невозможным. Куда же подался этот негодяй? После странного решения Алексея, принятого им внутри оружейного хранилища, Грицких уже ожидал чего угодно. Он с раздражением вспоминал об этом: предпочел бы потерять Елену, чем перспективного Привратника. А Юрий Борисович рассчитывал на некоторую помощь... Она требовалась до сих пор, поэтому возвращение Колмогорова было все же желательно, пусть это произойдет и не завтра.

Он ведь успел неплохо узнать Алексея, ход его мыслей казался не то чтобы слишком предсказуемым... Но и непостижимым тоже не был:

честолюбив, склонен к риску, не выбирает слишком простых путей, но и не запутывается в нагромождении интриг, потому что предпочитает держать все нити в собственных руках, не полагаясь ни на кого. Если бы Грицких не знал точно, что Колмогоров не родственник старого Главного, мог бы решить, что Борис Владленович скрывал родного сына, настолько велико было порой сходство между их поступками. Не сын, но воспитанник... Не зря Лена все-таки была к нему неравнодушна, несмотря на свой глупый побег с Денисом. Если бы не она, не пришлось бы ждать, доверяясь только эфемерной интуиции. Ждать того, кто всем ему обязан. Кому нечего терять.

* * *

Железная кружка согревала замерзшие пальцы, но пить содержимое Алексей не спешил. Сначала хорошо бы дозиметром проверить! Гостеприимные железнодорожники выглядели немногим лучше коренных обитателей лепрозория. И никакие душевные беседы не заставят убрать с колен заряженный и снятый с предохранителя карабин – не хотелось вдруг оказаться снаружи на морозе без вещей, оружия и куртки. Пусть даже эти люди не замыслили зла, но на всякий случай...

Его приглашали спуститься вниз в маленькое убежище железнодорожного узла, но Алексей предпочел остаться в сарае у костра, тут нет ветра и над огнем подвешен чайник. Уютно и тепло, можно даже снять респиратор, хотя здоровому человеку он такого не посоветовал бы. Невразумительный отвар остывал, и пришлось достать дозиметр, все-таки горячее питье не помешало бы сейчас. Дрожь не проходила, и Алексей опасался, что мороз тут ни при чем...

– Ну как, не надумал про транспорт?

– А что думать, Федя? От размышлений лишних патронов у меня не нарисуетя, – он успел запомнить всех троих по именам, хоть трудно различать одинаково красные обмороженные лица и вылинявшие казенные телогрейки. Если мужики пересядут, легко и перепутать.

– А может, у тебя еще чего есть на обмен? – спросил другой, сидевший напротив, кажется, Виктор...

– Куртка у тебя хороша... – опять встрял Федор, но за карабин хвататься пока не было нужды, тот просто интересовался.

- Куртки такие в метро на Динамо делают.
- Точно, зимой в одной химзе не побегаешь...

Железнодорожники были не против и просто посидеть пару часов в компании приятного собеседника, но попыток развести Алексея на бабки не оставляли. Он вспоминал, что в его рюкзаке могло оказаться лишним, ничего не пришло на ум. Придется идти пешком, оглядываясь на каждом шагу и увязая в сугробах по пояс. Легкая добыча для хищников... Стоил ли этот риск, к примеру, куртки, приглянувшейся Феде? Нет, хрен ему, а не куртка... Дорого обошлась и оправдала свою цену на сто процентов, мастера постарались на совесть. К тому же не хотелось называть незнакомым людям пункт назначения, информация об одиноком путнике с приметной внешностью могла дойти, куда не надо. Пора было покидать теплый сарай и его хозяев.

- А как дальше-то пойдешь? Далеко тебе еще?
- Далеко... Поселение амазонок хочу найти. Слышали про такое? Мужики заржали, Алексей пока не понял, над чем именно.
- Не в ту сторону пошел! Отсюда не близко. Но ты иди... Может, не прогонят.

О полумифических амазонках он услышал на станции Новокозино Калининской Конфедерации, не поверил, но сейчас байка вспомнилась к месту. И подтвердилась! Неужели и правда есть такое поселение? Заманчиво, да не для него. Не теперь... Выслушав пожелания счастливого пути и понимая, что развеселил железнодорожников на три дня вперед, Алексей отправился дальше по глубокому снегу. Лыжи он терпеть не мог даже в раннем детстве, но уже готов был и о них подумать, когда доберется до ближайшего городка.

Сомнений не было, в метро больше ничто не удерживало. Иначе не преодолеть соблазна, можно и не сдержат обещания. Чтобы организм больше не отбирал контроль у мозга, нужно бежать как можно дальше. Подготовка к «последнему крестовому походу» заняла много времени. Легкая самоирония делу не мешала, Алексей хорошо помнил, как бродил летом по незнакомой местности без нормального вооружения, используя в качестве перевязочных материалов обрывки грязной одежды. Такого не должно повториться.

С покупкой оружия проблем не было – только заплати. Старый СКС понравился ему, хоть и предлагали на продажу всякие понты, под

которые патронов общешься. «Семерка» – достаточный калибр для его целей. И оптику найти нетрудно, даже если в лесу она практически бесполезна. Куда можно целиться, когда уже в двух шагах заснеженные кусты закрывают весь обзор? Единственное, что вызывало сомнения, – не самый удобный в обращении магазин. Пришлось осваиваться, много раз заряжать карабин, доводя движения до автоматизма, думать в случае опасности будет некогда. «Симонов», в конце концов, был принят на вооружение.

Неприветливая поверхность заставила в первый момент пожалеть о решении, холодный воздух дошел до кожи даже через противогаз, резина смерзлась. Алексей заменил его респиратором, теперь уже все равно. Вот сейчас действительно и окончательно – все равно. До конца зимы он дотянет, а там... А там будет видно.

Теперь он лучше знал дорогу, шел по знакомым ориентирам, оставляя позади туннели и станции. Опять один. В случае неудачи обвинить некого. И успехом делиться не придется! Никого не надо тащить за собой. И никто не подставит плечо. Обделаешься – и никто не узнает. Преодолеешь все препятствия – и оглянуться не на кого. Нормально, всё как всегда.

Триумвират управлял бункером не хуже, чем раньше пять человек. В своем узком кругу Привратники посмеивались над новым названием Совета, но менять что-то не спешили. Силовик и два хозяйственника не мешали друг другу, изредка только обсуждали, кого хотелось бы подробнее посвятить во внутренние дела, но оставляли окончательное решение на будущее. Грицких был не против. Только бы не возникло конфликта интересов, ведь сейчас атмосфера успокоилась, всё проходило гладко.

Нельзя допускать в Совет командира отряда сталкеров, каким бы хорошим организатором он ни был. И неплохо бы вернуть представителя технических служб, а то задумывают они что-то, и потом решение наталкивается на проблемы при его воплощении. Сразу на заседании и обсудили бы. До нечетного числа дополнить Фроловым. Медик не помешает, да и характер у него не склочный. Но состав Совета – вопрос слишком сложный, слишком... Осторожности он требует, и немалой, поэтому исключить малейшие случайности придется заранее.

К весне нужно будет что-то решать с энергетикой. Договоренность с соседями наконец-то была достигнута, и теперь вопрос стал чисто техническим: надо проложить кабель, когда наступит теплое время года. Задействовать людей и с той, и с другой стороны, понадобится также надежная охрана при таких работах. Не рано ли думать об этом в декабре? Никогда не рано. Задействовать сталкеров? Когда же закончится эта неразбериха с вооруженными людьми в бункере?! Всех нужно собрать под единый контроль. Если до сих пор ничего не случилось, это не значит, что никогда не случится. И в августе никто нападения не ожидал. Зато встряхнулись все и навели порядок! А когда к зиме гермодверь сама примерзла к раме, снова успокоились. Сейчас действительно наступило затишье, будто зимняя спячка на всех навалилась.

Правда, поначалу пришлось объясняться с соседями по поводу пропавшего у них человека. Но всё списали на нападение на бункер, на неизвестных, устроивших перестрелку. Соседи долго подозревали в убийстве даже Пищухина, пока осенние дожди не размыли песок и не было найдено тело без защитного комбинезона, а московскому сталкеру незачем заниматься грабежом. Вот тогда Грицких и задумался о возвращении Алексея. Отсутствие на трупе пулевых ранений выглядело очень странно, но не для Главного Привратника: Колмогоров ушел безоружным и быстро сориентировался по ситуации. Слишком быстро! А на своем ли месте он был в Совете бункера? Похоже, ему сопутствует удача в совершенно иных делах.

* * *

«Как хочется вернуться! Не от холода, неопределенности и страха, его не осталось вовсе – самое желанное остается позади. Лена! Если бы ты снова категорично отвергла, если бы еще больше возненавидела, если бы... Но ты почти простила. Я ни за что не ушел бы от возможности переубедить тебя, люблю борьбу и соревнование, что ж тут поделаешь! А от надежды пришлось бежать без оглядки. Зачем было оставаться? Нет, зачем мне – я прекрасно понимаю... Но зачем тебе?»

Теперь я знаю, что тебе не угрожают ни холод, ни голод, ни люди, ведь в Бауманском Альянсе закон и порядок, ты стала там своей, и ря-

дом будет тот, кто сделает тебя счастливой. И если его вдруг сожрут мутанты – жаль, не увижу, а то поглядел бы, – даже тогда ты не пропадешь, я верю в тебя. Со мной было бы всё это и даже больше, но в твоём воображении всегда сквозь мое лицо проступало бы другое: заострившиеся черты мертвого старика, желтовато-бледного, лежащего в самодельном гробу. По поводу «всегда» я тоже чересчур оптимистичен... Полгода, не больше – и ушел бы, не позволив тебе видеть это... Постепенное или быстрое превращение в разлагающееся подобие человека. Твой Лёшка никогда не был слабым. Мои проблемы, мне и разбираться с ними.

Лена... Надежные своды укроют тебя от опасностей, любимый муж обеспечит всем остальным. А я... А мне нужно быть совсем в другом месте. Я там зачем-то нужен. Именно я, видно, незаменимым оказался все-таки. Очень любопытно!»

Переменчивая зимняя погода, ледяные дожди и суровые морозы уже к декабрю покрыли снег крепкой коркой, идти по нему нужно было очень аккуратно, но для веса Алексея запаса прочности хватило. Провалившись пару раз в сугробы недалеко от деревьев, он научился держаться середины там, где эту самую середину полян и дорог можно было отыскать. Снегоступы себя не оправдали – скользили по отполированному ветром насту. Цены б им не было в мягком снегу, но погода стояла морозная, сухой и чистый до прозрачности воздух обжигал холодом неприкрытые части лица.

Алексей остановился посреди поляны и прислушался. Далекий крик птицы, стук обледеневших ветвей, но поблизости ничего живого. Линза оптики, согревшаяся от тепла его тела, запотевала, пришлось протереть ее не один раз, прежде чем оглядеться. Что же там, на дальних подступах? Ничего. Кроме относительно свежих следов у подножия сосны и темной проталинки, где мутант задрал ногу на дерево. И, похоже, совсем недавно.

Прикинуть его размер по следам через прицел не получалось, и Алексей решил рассмотреть их поближе. Одно можно сказать уже отсюда: собака или волк, пометивший этот ствол, крупнее «оригинала» раза в полтора. Для более точных измерений требовалось пересечь поляну и углубиться в лес. Врага надо знать в лицо, пусть и располагая пока лишь его анализом мочи. Брезгливо поморщив-

шись, Алексей приложил к стволу комок снега – он ведь не дикарь, может, блин, еще и на вкус попробовать?! – но на сосне уже замерла тонкая ледяная корка. Значит, четвероногий хозяин здешней территории успел уйти далеко. Но где гарантия, что не успел вернуться? По ширине отпечатков лап и прочему выходило, что холка зверя должна находиться где-то на уровне пояса. Учитывая рост самого Алексея – не так уж это мало, даже отощавший с осени мутант весит точно не меньше девяноста килограммов. Не стоило выпускать из рук карабин, без огнестрельного оружия нет никаких шансов остаться в живых.

Двенадцать человек вооруженной охраны... Три смены по четверо. Этого было уже достаточно, чтобы контролировать маленький спокойный бункер, но слишком мало для серьезных дел. И, в лучшем случае, можно лишь не опасаться собственных «сторонников», не ждать удара со спины! Разве к этому стремился Главный Привратник? Беззаветной преданности не добиться никаким способом. Одни подчинились авторитету и силе, но легко сменяют своего кумира, стоит только слегка поколебать эту уверенность. Другие просто куплены за материальные блага, за лучшие пайки, за послабления в дисциплине. Разве это можно назвать истинной преданностью? И все же чуть больше, чем ничего.

Еще полтора десятка сталкеров, включая небольшой резерв пенсионеров, годных и в строй в случае крайней необходимости, находились под контролем весьма условно – их надежно отделил собой от Совета командир отряда Серяков. Солдат, выполняющий приказы и не обсуждающий их. И только до той поры, пока приказ не потребовал от него трудного выбора. Грицких хорошо помнил, кто именно настоял на прекращении боевых действий во время недолгой войны с соседями. Кто лучше всех умел обращаться с оружием, но первым сложил его... И впоследствии десять лет вбивал в головы сталкеров свои собственные законы: защищать бункер, сохранить жизнь людям, всем без исключения. Проще говоря, этакий, окаменевший в своих глупых принципах, булыжник мог в любой момент преградить путь при смене политического курса.

А договариваясь ранней осенью с караваном из метрополитена о покупке пулеметов и наступательного вооружения, Главный Приврат-

ник видел впереди далеко не мирное будущее, про сохранение жизни людей придется на время забыть, потому что бескровных войн не бывает. Зато бывают внезапные, молниеносные нападения и ошеломляющие удары, от которых очень трудно оправиться. Если противнику нечем ответить – еще лучше. А оптимальный вариант, когда он даже не знает, кому отвечать... Откуда нанесен этот удар? За что? Кем именно?

Разложившееся за пару месяцев с трудом опознанное тело убитого соседского сталкера давно покоилось в земле, погребенное по всем правилам. Но мысль об этом не оставляла Главного Привратника еще долго. Жертва так и осталась для него безымянной и безликой, и уж тем более – совершенно безразличной. Но не оказалась бесполезной! Те, кто также обо всем догадался, те, кому было поручено не исполнять приговор, вынесенный справедливым решением Совета, молчали до сих пор. Хоть сохранение тайны смогли обеспечить эти ненадежные сторонники, двое из двенадцати. И это уже неплохо.

* * *

Старый дачный умывальник был так крепко прибит к сосне, что не отвалился до сих пор: потемневший алюминиевый цилиндр с палочкой-затычкой снизу сохранился в целости за двадцать лет. Только располагался уже над головой, дерево сильно подросло, и вряд ли кто-то мог теперь воспользоваться рукомыльником в четырех метрах от земли. Алексей вспомнил, как впервые увидел подобную непонятную поначалу штуку у приятеля во дворе и долго изучал принцип ее действия. Так просто и эффективно... Тусклый алюминий не отражал света заходящего солнца, но снег вокруг будто горел оранжевым огнем. Наступающие сумерки дали бы отдых уставшим от блеска глазам, и идти ночью опасно. Короткая передышка не восстановила сил, нужно было искать укрытие на ночь.

Из сугробов выглядывали полуразвалившиеся домики, кое-где возвышались остовы коттеджей посерьезнее, в два и три этажа. Но больше всего Алексею приглянулась деревянная веранда с уцелевшими стеклами, занесенная снегом почти по самый подоконник. Он забрался в дом через дыру в шиферной крыше и убедился, что выбор правильный: внутри сохранились крепкие двери, прошелся по

комнатам, вытащил из шкафа пару упакованных в полиэтилен одеял и подушку. Если не снимать комбеза, можно будет ими воспользоваться.

При одном виде постельных принадлежностей усталость накрыла Алексея с головой, поиск переправы через речку сегодня отнял все силы. Обманчиво узкий ручеек, не замерзая, журчал среди снега – казалось, его можно преодолеть одним прыжком, но тонкий лед по краям проломился бы, а оказаться в ледяной воде, тем более без непроницаемых бахил... Алексею и так хватало своих проблем со здоровьем, воспаление легких в планы не входило. Можно было и вернуться к железнодорожным путям, где находился ближайший уцелевший мост, но до него топать не близко. Решение проблемы пришло в виде поваленной березки, которую на пределе физических возможностей все же удалось подтащить к ручью и перекинуть на другой более низкий берег. Чтобы добраться туда по скользкому стволу, пришлось еще в течение получаса пилить ножом тонкое высокое деревце для опоры, не стоило и пытаться изображать канатоходца.

Мороз на летней террасе уюта не добавлял... Но если кто-то захочет вытащить его из этой застекленной витрины, пусть не считает это легким делом. Задвинув дверь тяжелым холодильником, Алексей сел за стол, глядя сквозь мутные окошки на снег снаружи, и сидел неподвижно до наступления полной темноты. Ничего нового там не появилось, и уже почти примерзший к табуретке Алексей подошел к окнам, сорвал последнюю оставшуюся занавеску.

После недолгих поисков обнаружили и свечи, он поставил одну из них в чашку и зажег, чтобы хоть немного согреть руки. Свет может привлечь хищников, но для чего же тогда на столе заряженный карабин? Светлый круг на пыльной клеенке, треснувшая чашка в синий цветочек... Стеарин капал с наклоненной свечки, Алексей следил, как он расплывается, тут же застывая подрастающей горкой на холодном столе. Ждал, что каждую секунду может услышать треск сухих веток под окном, но не гасил огонь, не отводил от него взгляда. Жаль, нельзя оставить на всю ночь, хоть немного нагрелся бы воздух этой заледевшей пустой террасы.

Он набросил на плечи одеяло, чтобы было теплее, и, натянув на нос капюшон, положил голову на подушку на столе. Спусковой крючок

карабина под правой рукой – лучше уж случайный выстрел во сне, чем опоздать, когда действительно разбудит звон осыпающегося стекла и звериное рычание. Не слишком удобно спать сидя, но совсем обойтись без отдыха нельзя, не останется сил продолжить путь. Он поднял голову, придавил пальцем огонек свечи. Знакомый запах жженого фитиля... Раньше ему даже нравилось это пощипывание в носу и легкий дымок. Теперь ненавидел его. Поплотнее прижав к лицу респиратор, Алексей закрыл глаза.

ГЛАВА 2

ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ

– Спасибо, Евгений, – Юрий Борисович взялся за ручку железного подстаканника, осторожно приподнимая, горячий жидковатый чай может ему не заснуть еще хотя бы час и подумать о делах.

– Вам что-нибудь еще понадобится?

Желание помощника угодить начальству было похвальным, но Грицких предпочел бы увидеть хоть немного самостоятельности. Что за удовольствие постоянно думать за всех и каждого? Принимать за них даже малейшие решения. Хорошо еще и делать за них не приходится! А вот переделывать – частенько. Юрий Борисович хотел подумать вовсе не об этом, поэтому едва дождался, когда помощник исчезнет с глаз. Молодому человеку еще многое предстоит понять, многому научиться. Двадцатилетний Евгений пока еще пытался разобраться, чем занимается Совет, чувствовал в нем средоточие силы и власти, которое влекло юношу к себе, как и любого нормального честолюбца... Но мало толку греться у этого огня, его нужно уметь поддерживать, тем более что неумелым и неосторожным он быстро опалит крылышки.

Оказавшийся за закрытой дверью зала заседаний Евгений отдал бы многое, чтобы когда-нибудь занять там внутри свое место. Разве он чем-то хуже? Конечно да. Но это поправимо, если усердно трудиться, пытаться постигнуть все непонятные законы, которые расставляют

людей по отведенным им местам, то можно будет управлять ими. И законами, и людьми! Так хотелось! Но на это потребуется много времени, а результат очень нужен уже сейчас. Одна девушка, похоже, любит сильных мужчин. Любила... Нет, Евгений понимал, что никогда не заменит Алексея, из-за смерти которого Оксана стала похожа на собственную тень. И еще понимал, что никогда не добьется ее внимания, оставаясь с ней на равных. Она примет помощь только от более сильного, значит, нужно стать таким.

Сколько Евгений помнил себя – он ненавидел Алексея. За обаяние, за эту легкость в общении, за внешность, неприличную мужчине. И за назначение в Совет! Да, сам-то был еще молод для этого, но... Ему же доставалось всё! Всё само шло в руки: девушки, должности, ключ Привратника. Евгений понимал умом, что ничего не происходило просто так, что Алексей приложил немалые усилия, чтобы занять такое положение. Как оказалось, усилия даже большие, чем можно было предположить. Убрать Нестерова с пути, да еще чужими руками, провернув такую комбинацию... И за это ненавидел! За удачу. И полет фантазии. Когда Алексея вывели из бункера под конвоем, Евгений вздохнул спокойно: есть справедливость на свете.

Но почему-то ему не стало легче жить. Он занял место, на которое и не рассчитывал, – помощник Главного! Только помощник... Но ведь и приснопамятный Алексей начинал с того же. Значит, можно достичь высот, начав с этой небольшой должности? Но как бы старательно он ни выполнял свою работу, Грицких недовольно морщился. Даже бурчал, что иногда пофигизм лучше исполнительности, а то слишком скучно. Главный скучал. И постоянно сравнивал его с бывшим Привратником, вслух или мысленно, это сравнение было очень болезненным. Покойник не умер окончательно, призрак его остался здесь и преследовал Евгения повсюду. Будто он действительно занял чужое место, которое не принадлежит ему по праву...

Холодная Оксана... Евгений мог смотреть на нее только издали, а потом вспоминать мелкие знаки внимания и слова, которыми его мимолетно одарили. А ведь они даже дружили когда-то, в одной компании, еще и вместе с Леной. Та всегда была «свой парень» и для него, и для Валерия. Евгений не понимал, как кому-то могла понравиться

сама Леночка, похожая на мальчишку, чего еще ждать от девочки, которую мужики растили? Тут только в сталкеры – белая ворона среди остальных. И когда сам Колмогоров вдруг начал всерьез за ней ухаживать... Изумлению Евгения не было предела! Во-первых, это совершенно неприлично, отдавало каким-то инцестом. Во-вторых, привыкший придирчиво наблюдать за Алексеем (а вдруг что-то полезное получится от него позаимствовать?), он заметил, что теперь тот не просто увлекся очередной неопробованной девушкой. Он даже бросил Оксану! Евгений ощутил боль за нее, и в этом же было счастье. Она свободна. Но не подступиться... Вскоре ненавистный Привратник исчез навсегда! И тут же дорогу коварно перебежал Валерка – друг, называется.

Сквозь морозные узоры еле пробивалось серое зимнее утро. Никто не побеспокоил, живность если и приходила, то вся оставалась снаружи. Алексей смотрел в окно, на стекле застыли мутировавшие во всю мощь природной фантазии невиданные цветы. Любоваться кристаллизованной влагой было некогда, надо отправляться в дорогу, пока окончательно не рассвело. Он достал фляжку с небольшим запасом спиртного и сделал глоток – дрянь жуткая! – тепло сразу разошлось по затекшему от неудобного положения телу. Хорошо бы поесть на дорожку, но с завтраком как-то не заладилось сразу: нож вдруг скользнул по верхней крышке банки с тушенкой и вонзился в стол, слегка задев пальцы левой руки. То ли выпивка натошак сбила координацию, то ли просто начинается очередной неудачный день... Могло бы закончиться намного хуже: изуродованной кистью, сильным кровотечением и почти полной беспомощностью. Из-за такой мелочи, как неподатливая консервная банка! Закусывать все-таки надо, со второй попытки острие с хрустом пробило жестянку. Застывший жир с кусочком свиныны смягчил противный сивушный вкус крепкого самогона.

Алексей выбросил пустую банку в мусорное ведро, с усмешкой вспоминая данную Инной Макаровой характеристику («мальчик из хорошей семьи»), надел респиратор и открыл окно, впустив внутрь холодный воздух. Сон выветрился из головы окончательно. Освобождать проход обратно через весь дом не было желания, и он просто спрыгнул в снег с подоконника, прикрыв за собой створку.

Людей можно использовать и вслепую, но ни один из двенадцати не годился для подобных дел. Требовались именно сталкеры, причем те, кто не побоится сложных условий работы и больших расстояний. Но когда двое молодых людей уже с радостью были готовы выполнить задание Главного Привратника, возникло... нет, не непредвиденное. Вполне ожидаемое препятствие. Командир Серяков требовал согласовывать с ним каждый шаг.

– Игорь Яковлевич, вы считаете своих бойцов некомпетентными? – пришлось перейти в наступление, однако в ответ на подобные высказывания командир отряда, как обычно, даже ухом не повел. – Полагаете, что двое сталкеров не в состоянии дойти до соседнего поселения, передать им информацию и кое-что осмотреть для меня? Для этого нужна половина отряда?

– Во-первых, это вам не бойцы... Во-вторых, если нет ничего срочного – а я хотел бы быть в курсе вопроса полностью, – лучше подождать, пока не возникнет срочной необходимости.

Ждать пришлось бы долго, сейчас нет никаких причин наведываться в город или обходить окрестности в поисках мутантов. В зимнее время у сталкера, к сожалению, больше шансов самому стать кормом, чем пополнить пищевые запасы бункера. Но рано или поздно придется и выйти, тут Главный Привратник с командиром расходились во мнениях лишь по поводу срочности мероприятия.

– Возможно, вы и правы... – Грицких не без удовольствия отметил погрузневшее лицо Валерия Лапина, молодой сталкер рвался в бой, ему не сиделось на месте. Второй юноша принял отмену выхода спокойнее, но ведь он не жаждал собственных подвигов, чтобы затмить отцовскую славу. А положение сына Привратника накладывало определенные обязательства на новобранца в отряде.

– Юрий Борисович... – командир отряда хотя бы символически попытался соблюсти субординацию. – Если дело срочное, тогда нет вопросов, ребята сбегают до соседей. Только не вдвоем, а не меньше четверых отправим. Но вот выведывать оборонительные секреты они не будут. Договор о перемирии не позволяет. У нас же никто в дверях дырки не вертит, чтобы подсматривать!

Хотелось высказать все, что Главный Привратник думал в этот момент о прямоте и простоте, которая хуже воровства, а особенно о принципах и соблюдении всяческих договоров! Но только не на виду у едва подросткового поколения. Такие разговоры ведут с глазу на глаз, впрочем, их состоялось уже немало... Командир Серяков давно находился в прямом подчинении «силовика», отстаивая свое мнение по всем вопросам, просто до сих пор не возникало серьезных противоречий. Тем не менее, указам Главного сталкера не подчинялись... При попустительстве Нестерова неписаное правило возымело силу закона. Да и самому надо было спохватиться раньше. Но кто же знал, что «силовик» вдруг возглавит Совет бункера, а Серяков как был независимым предводителем своей стаи, так и останется?!

– Ничего срочного, Игорь Яковлевич, дело вполне можно отложить до более благоприятной погоды.

Хоть человек не наделен тепловым зрением, сейчас Алексей явственно ощущал рядом чужое присутствие. Ни уши, ни глаза не могли подтвердить этого. Но не могли и опровергнуть – взгляду не пробиться сквозь белое кружево заснеженного кустарника. Звуки вязли там же. Обычный прицел, к сожалению, инфракрасного спектра не давал, зато стоил не в пример дешевле по причине невостребованности. Органы чувств улавливали не тепло – скорее, чей-то страх, голод, агрессивность и неприязнь к чужаку сгустились в воздухе настолько, что стали ощутимыми. А противопоставить им можно не менее сильные инстинкты со своей стороны, пусть даже ОЗК и затруднит «чтение» послания местному зверью! Алексей снова оглянулся, хоть и не был уверен, что опасность приближается со спины, она вполне могла ждать впереди. Пока зверь и человек лишь осторожно приглядывались и принимались друг к другу на расстоянии, соревнуясь в смелости и силе воли. На его стороне огнестрельное оружие, но неизвестный мутант лучше знал свою территорию.

Алексей понимал, что безотчетный страх мог возникнуть просто в его воображении, от одного лишь ожидания нападения, ведь до сих пор всё шло слишком гладко. А опыт сталкера подсказывал, что на километр подмосковных лесов приходится не меньше пары хищников. Ведь мутанту никто консервов на дорожку не припас, отсутствие завтрака ранним утром погонит на его поиски, голод не позволит уснуть,

завернувшись носом в хвост в теплой норе. Теплая нора, кстати, сейчас самому не помешала бы, но до нее еще идти и идти.

Позади что-то хрустнуло едва слышно. Алексей отступил к деревьям и услышал тихий треск ледяной корки уже под собственными ногами. Стараясь сохранить равновесие, он осторожно сбросил с плеча ремень карабина и поднял оружие. Трудно смотреть в прицел, одновременно пытаясь оценить и всю обстановку сразу! Один, без прикрытия с тыла... Придется справиться, хоть при таком... многофокусном обзоре и до косоглазия недалеко! Понимая, что от противника уже не скрыться, он ждал, надеясь, что правильно угадал источник звука.

Куст, казалось, даже не дрогнул, но в воздухе заискрились снежинки, осыпавшиеся с концов веток. Алексей лишь крепче прижал приклад к плечу... Треск под ногами прозвучал в тишине, как выстрел. Неровно смерзшийся лед раскололся окончательно, и в падении он лишь успел увидеть вдруг появившееся за кустом смазанное темное пятно да переложить карабин поперек пролома, пытаясь удержаться, нащупать хоть какую-то опору. Опора нашла его сама, резко и болезненно ударив в подошву правого ботинка, что-то с хрустом переломилось под левой ногой – лишь бы не сама нога! – и Алексей понял, что до дна этого сугроба не долетел, врезавшись в куст и невидимый в глубине пенек. Инстинктивно рванулся наверх из холодного, сковывающего движения снега, но что-то не пускало, зацепив рюкзак, лямки врезались в тело и не позволяли выбраться. Он попытался раскопать где-то внизу нож, чтобы разрезать их, но в этот момент зрение, наконец, настроилось на новый объект на краю небольшой поляны.

При свете дня глаза волка не отливали красным, были просто черными из-за расширенных зрачков. Повернувшийся всем корпусом, разглядывающий добычу зверь казался огромным, особенно снизу, и будто задевал сейчас боком не куст, а чуть ли не ветви деревьев. Темно-серая морда со светлой опушкой тоже обрела на миг озадаченное выражение: а куда подевалась еда?! Но при виде едва шевелящегося человека в снежном плену растерянность сменилась довольной зубастой улыбкой. Клыки длиннее пальца, прижатые уши и вставшая торчком шерсть на загривке никак не выглядели миролюбивым приветствием. Алексей оставил попытки сбросить тянувший вниз рюкзак, только безуспешно нащупывал опору понадежнее упругой ветки под ногой. Зверь двинулся вперед, ствол карабина развернулся ему навстречу.

Выстрел. Гильза щелкнула по льду где-то сбоку. Снова выстрел, но волк лишь слегка дернулся, крадущийся шаг перешел в быстрый бег. Алексей снова нажал на спусковой крючок, на этот раз пуля вошла в тело мутанта где-то в области грудной клетки. Он это видел отчетливо, потому что хищник был совсем близко, уже раскрыл пасть, чтобы вцепиться в человека от голода, от боли и от злости. Еще патрон, еще выстрел. Жизнь погасла в налитых кровью глазах, но туша продолжала двигаться вперед на подломившихся ногах, скользила по снегу. Встречный удар приклада остановил уже безжизненный кусок плоти.

Алексей развернул его за лапы и, опираясь на лохматого мутанта, выполз из ледяной ловушки на более прочный наст. Темное пятно под ними расширялось, снег проседал, кровь все еще была горячей. Рюкзак, зацепившийся за ветви куста внутри сугроба, оказался цел, прочный материал не порвался, но теперь он будто прибавил в весе, увлекая тело вниз, на дно этой ненадежной белой трясины. Еще один подобный капкан – и до бункера можно уже не добраться.

Нечего думать о том, что было или могло бы быть. Фраза истерта от постоянного употребления, но не потеряла своей истинно золотой ценности: история сослагательного наклонения не знает. Зачем открывать для себя эту истину заново, предаваясь ненужным сожалениям? Но, однажды ясно увидев свою идею в полном ее блеске, Главный Привратник уже не знал покоя. Для того, чтобы замысел воплотился, требовался исполнитель. Еще точнее – этот исполнитель сливался в одно целое с планом, ведь еще недавно даже и предположить подобное было нельзя: бункер возглавлял совершенно другой человек, казалось, его власть прочна на многие годы вперед, существующий порядок вещей не изменится. И вдруг произошло то, что в местных масштабах было равносильно подвижке тектонических плит: Нестеров убит, а едва сидящего на его месте вполтину задницы Никитина удалось вскоре вернуть туда, где он был раньше и оказался куда эффективнее, чем во главе Совета. Это оказалось даже слишком просто.

Движение земных пластов остановилось, но они еще не обрели равновесия. А стоило лишь на миг разжать пальцы, утратив контроль, – и наутро, когда дальнейшие планы были окончательно отшлифованы в уме, оказалось, что воплотить их некому.

Любоваться вредно. Даже самим собой. Тем более, когда ты сам – лишь половина дела. Исполнитель слишком молод, чтобы мыслить так глобально, с таким размахом, с такой рассудительностью. Грицких догадался, что не страх за свою жизнь заставил Алексея исчезнуть, бывшему Привратнику потребовалось бы пара минут, чтобы понять, что происходит. Казалось, что просчитано всё! Кроме какого-то идиотского импульса. Если бы молодость знала, если бы старость могла... Еще одна истина, которая не нуждается в подтверждении.

Бункер наполнен умными людьми, отличными бойцами, специалистами во многих областях, но нет единственного – полностью лишенного совести и сомнений. Пригодилось бы всего понемножку, но самым главным качеством обладал лишь Колмогоров. Хоть снова по его примеру за наемником в Москву посылай. Он и об этом успел подумать наперед, сволочь! опередил свое время и возраст, но природу не обмануть... Если к весне, к прибытию каравана с оружием, ситуация с исполнителем планов не разрешится, придется искать другие пути. Жаль, ведь ни один чужак не сможет в точности сделать то, что нужно. Никто не поймет с полуслова. И никто не возьмется за эту работу бесплатно, лишь во имя идеи, из любви к искусству. Только этот, сдвинувший с места казавшееся до сих пор несокрушимым, доведет дело до конца.

* * *

Покрытая инеем наружная дверь шлюза прочно вошла в пазы. Неужели всё?! Путь окончен. Как-то странно и немного страшно это прозвучало в мыслях. Но сейчас в тесноватой полутемной железной коробке Алексей лишь без сил сполз на пол, чувство относительной безопасности вдруг навалилось сверху и придавило, как прессом. Адреналин израсходован полностью, но пришлось встать, цепляясь за стену, и заняться чисткой ОЗК. Ни один выход наружу еще не был столь продолжительным и утомительным, несколько месяцев отсутствия, казалось, прошли незаметно, будто и не уходил. А сейчас откроется внутренняя дверь, и за ней встретят тепло, свет, любопытные охранники и шум множества людей... Лена. Нет, с тем же успехом можно рассчитывать увидеть на пороге высокую и худощавую фигуру Нестерова, гостеприимно открывшего гермозатвор для своего уже не юного подопечного Алёши.

Тщательно очистив обувь, он снял противогаз и, придерживая скользкий комбез, открыл дверь. Внутри оказались лишь ощутимо теплый поток затхлого пыльного воздуха и полная тишина. Странное чувство, будто попал в параллельный мир, копию настоящего! Только в нем нет людей. Алексей огляделся – меньше надо было в детстве увлекаться фантастикой! – эту альтернативную реальность предстоит еще освоить, приспособить к собственным нуждам. Всего лишь пустой бункер, используемый под склад.

После мороза снаружи теперь стало даже жарко, но раздеваться рано. Алексей знал, что пятнадцать градусов тепла скоро покажутся не такими уж теплыми, к тому же одежда нуждается в стирке, а от носков вообще лучше бы находиться подальше. Через этаж, не меньше! И это вовсе не шутка. Для того чтобы работал водопровод, требуется запустить водяной насос, но второй включенный электродвигатель неминуемо будет замечен техниками по чуть ослабевшему свету ламп в бункере и по счетчику, будь он неладен, собственноручно там установленному. Приток воздуха не выключить, можно лишь, приблизительно прикинув мощности, уравнивать расход энергии. Многие служебные помещения оказались заперты, но навесной замочек вентиляционной камеры открывался без особых премудростей, пришлось, отключив автоматику, настроить температурный датчик, обеспечив постоянный, но более слабый подогрев воздуха. Тропиками не покажется, а жить можно. Алексей прошел по этажам, перекрывая воздухопроводы заслонками-шиберами, пусть тепло собирается внизу, нечего греть весь этот необитаемый остров. Зато теперь нет никаких препятствий, чтобы включить теплую воду и смыть накопившуюся грязь.

Еще влажные после душа волосы Алексей прикрыл капюшоном куртки, набросив ее на себя сверху, но никакой холод не может лишить его сейчас уютного ощущения обнаженной кожи под простыней! Не оглядываться по сторонам, закрыть глаза, засыпать спокойно, зная, что никто не поднимет с постели принудительно, никто не потревожит, да просто не нужно надевать на себя всё, чтоб не спёрли... Лежать не слишком мягко, он к этому уже привык, зато тело получило долгожданный отдых и покой. По сравнению с заснеженным лесом эта нора оказалась довольно теплой, хищник нашел себе приют хоть на время. Осталось заявить о себе, но так, чтобы услышал лишь тот, кому требуется.

ГЛАВА 3

ИСПОЛНЯТЬ ПРИКАЗЫ

На краю поляны среди деревьев явно кто-то был, вечерняя смена охранников долго спорила с дневной: кому идти проверять, чья очередь сейчас отвечать за оборону бункера. Споры прекратил Грицких, отправив всех восьмерых посмотреть, не привиделся ли им человек в неверном сумеречном свете. Конечно, никого там уже не нашли, но свежие следы подошв армейских ботинок тут же обнаружились у подножия сосны: неизвестный долго стоял там, опираясь плечом о ствол, будто в ожидании, что его заметят. И ушел к северу, ушел буквально только что, но догонять распоряжения не было, поэтому охранники вернулись в бункер.

– Что обнаружили?

– Там был человек, видно, мужчина. Снег с сосны смахнул плечом на уровне моей головы, – доложил невысокий охранник Фомин. – Среди следов от ботинок отпечаток приклада в двух местах. Он вооружен. И вряд ли он автомат на снег ставил, что-то длинноствольное в руках держал, и вмятина глубокая. Карабин или снайперка, возможно.

– И это всё?

На утоптанном пятачке снега была найдена еще одна вещичка. Ключ, не такой вычурный, как у Привратников, а совсем простой, будто от шкафчика. Был ли он обронен случайно или нарочно подброшен? Фомин протянул его Юрию Борисовичу.

– Вот это там лежало.

Старик сжал ладонь так, что побелели узловатые костяшки пальцев. Из шлюза он видел, как наползают на аэродром тяжелые черные тучи. Сырость ощущалась в воздухе, скоро начнется сильный снегопад. И это тоже часть плана... Метель скроет все следы.

Никто иной не мог подбросить такой предмет под нос охране... Это был просто ключик на шнурке, можно искать и находить сотни толкований этого знака, а позже он оказался бы обычной потерей рассеянного соседского сталкера, у которого теперь не открывается шкаф с любимыми кальсонами. Конечно, настоящий символ власти выглядел совсем не так, и все же число отгадок уменьшилось. Самым вероятным казалось, что Алексей вернулся домой.

Где его столько времени черти носили, нужно будет обязательно спросить впоследствии. Сейчас больше интересовало, куда именно они его принесли. Где здесь можно скрываться? Он не настолько глуп, чтобы сунуться к соседям. И не настолько умен, чтобы отыскать тех, о ком так ничего и не рассказал Пищухин. Алексей знал несколько достаточно безопасных мест в округе для укрытия, но ни одно из них не годилось для зимнего времени. И если бы он искал только безопасную нору – не показывался бы на глаза, не подавал бы знаков, а поселился там, незамеченный, как это умеет любой хороший сталкер. Секретного агента из себя разыгрывает, пижон вшивый! Старику загадки загадывает, и он должен понять...

Где можно жить, когда по ночам мороз до тридцати градусов доходит? Место есть, труднодоступное, но есть. Код на дверях второго бункера не сменен, Алексей мог уже давно пробраться туда и сидеть тихо. Привратник понимал, чего тот хочет... Информации – зачем? Зачем его оставили в живых. Уж точно не поблагодарить пришел – соскучился, наверное.

Дверца на стене прикрывала вовсе не сейф и не встроенный шкаф. Смахнув с нее пыль, Главный Привратник заглянул внутрь. Слегка пахло плесенью, потому что дверцу давно не открывали. Телефонную связь между убежищами отключил Нестеров, выдрав провод собственноручно, чтоб звонками не беспокоили. Ничего нового оттуда не сообщили бы, а рассказывать о том, что у них самих творится, Борису Владленовичу было неприятно. Почти никто не знал о существовании

этого телефона, многие лишь догадывались. Теперь этот вопрос потерял смысл, не с кем было общаться, остальные убежища опустели. После вскрытия второго бункера связь восстановили и сохранили в рабочем состоянии.

Привратник дотронулся до холодной телефонной трубки, потом решительно снял ее с массивного старомодного аппарата без диска и полюбовался на зажегшуюся лампочку. Работает...

Грицких сейчас представил себе, как по пустому и темному этажу второго бункера разносится дребезжащая трель звонка. Еще одна. Привычных гудков в трубке быть не могло, мертвая тишина давила. Ожидание... Вызов должен работать, он лично проверял, хоть и давно. Всё просто – оставшиеся два аппарата из трех, и провод, соединяющий их напрямую. Еще вызов. И щелчок. Трубку сняли. Привратник молчал, не зная с чего начать. Зависело от ответа с той стороны. Старик пытался представить, как выглядит сейчас его собеседник. Не прижимает ли трубку к уху ослабевший от лучевой болезни полуразложившийся труп, бесполезный для исполнения его планов?

– Слушаю вас, Юрий Борисович.

Знакомый голос стал чуть менее звучным, возможно, от холода. Привратник не услышал ни одышки, ни болезненной слабости. А вот у самого сердца стучало возле горла. Возраст... И малейшее волнение уже заставляет пульс подскакивать и сбиваться с ритма.

– Здравствуйте, Алексей. Рад, что снова могу говорить с вами.

* * *

– Тарасова!

Оксана остановилась, как вкопанная, когда к ней обратился сам Главный. Нет, старичок вовсе не был страшным, да и его высокое положение не пугало, но вот именно этот Привратник ее как-то раньше не замечал. Он вообще женщин не замечал, предпочитая вести дела с мужчинами: не верил им, считая всех излишне болтливыми. Наверное, не без оснований, кто знает, какой жизненный опыт у старого сморчка?

– Юрий Борисович? В чем дело?

– Оксана, у меня к вам есть конфиденциальный разговор.

Кабинет Главного Привратника слегка изменился со времен Бориса Владленовича, появилась звукоизоляция, а вот обстановка стала не такой уютной, Грицких был равнодушен к комфорту, но навел здесь идеальный порядок. Ничего лишнего. И ничего личного, узнать что-либо о хозяине кабинета не представлялось возможным. Главный – этим все было сказано. Она села на предложенный мягкий стул и ждала, когда начнется разговор о деле. Скоро предстоял выход наружу, на проверку второго бункера, подошла ее очередь. Оксана терпеть не могла все эти ОЗК, противогазы, от которых чешется лицо. Да и пустой, едва обогреваемый в режиме экономии энергии, бункер – тоже. Немного примиряло с этими дежурствами одно: девчонки брали с собой консервный нож и всей компанией потихоньку съедали на складе пару банок с чем-то вкусеньким. Вынести нельзя, но там, в бункере, никто за это не ругал. Охранники и сами жрали.

– К вам в этот раз будет особое поручение. Надеюсь, не нужно напоминать, что ни одна живая душа не должна больше знать об этом?

– Не нужно.

И Привратник без лишних предисловий приступил к делу:

– Завтра вам придется спуститься и на нижний уровень в помещение медпункта. Он будет заперт, но я дам вам ключи. И вы должны оказаться там без сопровождения. Отделайтесь от остальных, скажите, недовольно заводя глаза к потолку, что старый хрен дал вам скучное поручение, как вы, девчата, это умеете... – Грицких ободряюще улыбнулся. – С собой у вас будет сумка, скажете, что вам нужно вымыть несколько комнат внизу, а в сумке хлорка. Но главное...

Оксана пока не совсем понимала, в чем дело, – неужели Главному Привратнику понадобилось что-то забрать из почти пустого медпункта? Тайно.

– Главное: ничему не удивляйтесь. Не кричите. Никого не посвящайте в тайну. И...

– И что я там увижу?! – Оксана уже слегка испугалась. Что там может находиться, чтобы закричать, едва увидев? Какой-то медицинский эксперимент?

– И вот что вы там увидите – расскажете мне. В мельчайших подробностях. И не бойтесь, Оксаночка, для вас... – он выделил последнее слово. – Для вас это будет совершенно безопасно.

Непростой разговор состоялся позавчера. Алексей все еще пытался понять, что замышлял Главный Привратник. Пока нити логики терялись в тумане, которого напустил старик. По привычке или умышленно? Это тоже нужно обдумать.

«— Вы вернулись не для того, чтобы навестить родные места, я правильно понимаю?

— Правильно. Никогда не отличался сентиментальностью.

— Надеюсь, и сейчас не приобрели этого порока. Потому что у меня будет к вам просьба.

— Не могу отказать. Не имею права, наверное. Надеюсь, это вы не сочтете это пороком честности?

— Никким образом. Правда, это чувство проснулось в вас с некоторым опозданием. Ну да ладно...

— Какого рода просьба?

— Задание, которое вам под силу выполнить. Для начала нужно наблюдение за соседями. Собрать полную информацию. То есть всю, какую возможно, об их системах безопасности.

— А вы посвятите меня в свои планы, Юрий Борисович? Использовать вслепую... С этим справится любой рядовой исполнитель.

— А вы, Алексей, считаете себя нерядовым?

— Смею надеяться... Иначе давно уже управился бы кто-то другой. Но расспрашивать вас сейчас, я полагаю, бесполезно? Хотя никто нас слышать не может.

— Не может. Но мне нужно еще немного подумать, как лучше сформулировать. Вы появились так неожиданно... Но чем раньше начнем, тем лучше. Поэтому пока я ставлю задачу частично.

— Вам нужно знать об обороне периметра?

— Всё нужно, Алексей. И это в том числе. Вам же придется впоследствии, поэтому точность в ваших же интересах. А мое дело — выдать необходимое снаряжение. Не думаю, что у вас есть что-то кроме оружия.

— Вы правы. Для наблюдения, тем более многочасового и в зимних условиях, я никак не приспособлен.

— Бункер в вашем распоряжении. Всё, что там найдете. Мы в молодости делали для походов подстилки-коврики, проложенные фольгой.

Никакого специализированного снаряжения у меня и здесь не имеется. Поэтому или ищите в городе, или сделайте из подручного материала. Могу обеспечить вас только оптикой и оружием с глушителем. О вашем присутствии никто не должен узнать.

– Инструкции?

– Никто. Какие вам еще нужны инструкции?

– Значит, устранять случайных свидетелей... Я понял. А лучше обойтись без подобных казусов.

– Вы поняли правильно, Алексей. Нам понадобятся средства связи. Вы получите рацию. Но работает она... Сами знаете. Не всегда, не отовсюду и не слишком хорошо. К тому же я не могу всегда быть доступен.

– Еще информация есть?

– Пока нет. Располагайтесь, но не сильно наследите там... Через два дня проверка бункера. Я воспользуюсь этим и передам вам необходимое.

– Кто это будет?

– Еще не решил. Но в любом случае, этот человек не должен о вас кому-то рассказать. Советую использовать медпункт. Там и спать можно, и санузел, и свет лучше, чем в других помещениях. Ключи в ящике стола недалеко от вас, если их еще не обнаружили. Продуктовый склад сильно не разоряйте. Постарайтесь, чтобы не было заметно, что им пользовались. Люди могут увидеть это и что-то заподозрить.

– Я понял. Но медпункт далеко от телефона...

– Мы отдельно договоримся о времени связи. А пока просто чувствуйте себя, как дома. Приступить к исполнению вы сможете через несколько дней, когда как следует подготовитесь. Тогда и поговорим о дальнейших планах».

Спускаясь вниз в полумраке, Оксана тряслась от страха. Хотя Юрий Борисович и обещал ей безопасность, но запугал основательно. Может быть, более смелую девчонку такие слова, наоборот, только заинтриговали бы. Лену, например, – вот ей только скажи, что есть интересное приключение, сопряженное с риском! И она тут же неслась сломя голову. Жива ли она? Сейчас лучше подумать о себе... Ключ не попадал в замочную скважину, и не из-за темноты, просто сильно дрожали руки. Потянув на себя дверь, Оксана увидела, что

внутри светло. Показалось даже, что немного теплее. Тут явно кто-то жил, в помещении больше не пахло затхлостью, на видном месте стояло ведро воды, свежей, не мутной или покрывшейся плесенью. Но кто это мог быть? Страх понемногу отпустил. Если тут человек, то всё не так плохо; а вредный старик прекрасно знал, кто он, но почему-то не сказал.

Приемное помещение было пустым, только на стул наброшена кожаная куртка. Оксана ощупала ее. Плохо выделанная кожа странного вида ничем не напоминала те красивые вещи, которые сталкеры приносили из города. И густой мех на ней, похоже, принадлежал какому-то мутанту, явно не довоенный. Неужели Главный наладил контакт с теми варварами, которые устроили летом нападение на бункер?! Очень похоже. Куртка явно мужская, и хозяин снял ее совсем недавно, потому что внутри еще сохранилось тепло человеческого тела. Где же тот, кому она принадлежит? Он не мог не слышать, как отпирают замок снаружи, если не совсем глухой. Но все же почему-то до сих пор не показался на глаза. Хочет, чтобы она нашла его сама? Или просто крепко спит? Дверь изолятора было приоткрыта, возможно, он действительно спал, там удобнее всего. Страх совсем прошел, теперь хотелось посмотреть, о чем ей придется доложить Главному. И для кого предназначена эта тяжелая сумка со свертком?

Вытянув шею, она осторожно заглянула в комнату. Таинственный незнакомец был там, он сидел на стуле, опустив голову. Мужчина в черном свитере и темных штанах армейского покроя. Совсем не страшно. Только на правом виске виднелись три розовых заживших рубца от когтей. Сталкер. Самый обыкновенный. Он повернулся к ней лицом, и уже не было сил даже закричать, ноги стали ватными. Оксана осела на пол.

Сознание она потеряла лишь на несколько секунд. Пришла в себя, когда Алексей укладывал ее на кушетку. Не галлюцинация. Как ей не хватало этого! Прошло столько времени, она и забыла. Слезы выплаканы, ей не было никакого дела до того, что Алексей натворил, в чем он виноват. Она не хотела понимать! За что... За что у нее отобрали любимого человека?! Он вернулся. К ней? Нет, наверное, он вернулся по приказу Главного. Который то приговорил его к расстрелу, то вдруг каким-то образом... Неважно! Пусть они играют в свои игры, сколько

угодно, главное – Лёша здесь, живой, хотелось смотреть бесконечно на его лицо. Хотя бы до тех пор, пока и он так на нее смотрит. Как раньше... Когда никакая Лена не стояла между ними, не было назначения в Совет, из-за которого Алексей всегда спешил, и не зачитывался смертный приговор.

Приглядевшись, Оксана поняла, что он находится здесь не первый день, одет во всё чистое, лицо выбрито. Изолятор приобрел вполне жилой вид – Лёша всегда умел устраиваться.

– Теперь я понимаю, почему Юрий Борисович сказал, что для меня это безопасно...

– Опасно, даже очень! Здесь холодно, а теплого одеяла нет. Ты можешь простудиться, – веселые искорки в его глазах, руки умело снимают с нее одежду...

– С тобой мне это не страшно.

Знакомые глаза на лице незнакомца. Коротко стриженный Алексей ей нравился даже больше, и хоть и больно было видеть шрамы, но они окончательно преобразили его в кого-то совершенно иного... Кто вернулся к ней с того света? Зачем? Их встреча и случайна, и кем-то predetermined. Главным Привратником? Пусть даже так! Больше не заглянуть в глаза: они закрыты, губы плотно сжаты. Как давно Оксана не видела его так близко, не слышала приятных слов сквозь неровное дыхание. Никто не сможет его заменить!

Алексей был здесь и не здесь: конечно, тело тут же отозвалось на знакомое искушение, но вот какая-то часть его будто наблюдала со стороны. Удовольствие уже не то, к Оксане он совершенно остыл, хорошо, но мало. А ведь сравнить даже не с чем – Елена присутствовала только в его снах и никогда наяву. Казалось, что лучше тех снов ничего нет в жизни и не будет... Когда мысли снова обрели ясность, он понял, зачем Привратник прислал сюда Ксюшу. Это не подарок – не ему и уж тем более не ей. Это снова проверка. К тому же, Оксана гарантированно не выдаст тайну, если хочет помочь любимому. Девушка трогала его лицо, разглядывала синяки, которые недавно снова начали появляться на коже. Их еще можно списать на ушибы в пути. Пока они не выдают смертельной болезни, и придется развеять сомнения Грицких окончательно. Каким способом? Самым простым. Тем, который и использован для тестирования, над которым сейчас внутренне посмеивался

Алексей... Ксюша останется довольна. По ее удовлетворенному личику Главный Привратник прочтет все, что ему нужно. Нужно постараться. И чтоб помер от зависти, старая сволочь!

– Главный просил что-то передать мне?

– Да! – она совсем забыла! Забыла обо всем, о времени, о девчонках, которые ждут ее на втором этаже, о сумке, врученной ей Привратником. – Лёша, тут вот для тебя что-то.

Полуодетый Алексей вышел из изолятора за сумкой, которую она оставила в «предбаннике» на столе.

– Фу, Ксюш, что это за дрянь там так воняет?!

– Хлорка!

Встать с кушетки не хотелось, но придется, потому что времени уже не осталось. Завернувшись в расплзающуюся под руками старую простыню, она отправилась посмотреть, что делает Алексей. Любопытно заглянуть внутрь свертка, но он не спешил его открывать. Только стоял рядом молча, опираясь на стол, и о чем-то задумался. Оксана подошла ближе и обняла его за шею. Алексей заметно похудел, но в остальном остался самим собой.

– Лёш, я ведь приду еще? – нет сил уйти отсюда, ведь когда еще они смогут побыть вместе? – Как ты думаешь?

– Думаю, что врать не буду. Даже Главному Привратнику трудно придумать повод, чтобы отправить на поверхность тебя, которая сроду на нее не выходила. А если даже так, то очень нескоро.

Что труднее? Говорить нелюбимой обнадеживающие слова или целовать уже без особого желания, чтоб только помолчала? Сейчас она уйдет, и можно будет посмотреть, на какую хрень хватило фантазии у Грицких. Даже искры прежнего увлечения нет, полное безразличие и пустота. Когда же она уйдет?! Оксана хороша, особенно сейчас, когда немного ожила: щеки розовые, губы яркие, и в простынку соблазнительно завернута. Довольная... Но ненужная. Ни ему, ни Главному – отработанный материал.

ГЛАВА 4

ДРУГАЯ ИГРА

Неужели придется рассказывать обо всем? Но Главный Привратник все же не расспрашивал так подробно, как обещал. На вопрос о снаряжении Оксана ответить не смогла, Грицких и не настаивал. Было интересно, что же находилось в таинственной свертке, но об этом ей никто не скажет. И не надо. На сегодня работа закончена, вот только плохо, что не удалось поесть. Домой Оксана бежала бегом, мама обязательно найдет, чем накормить.

– Ксюш... Ты что там сегодня съела-то в бункере?

– Ничего...

Маме рассказывать нельзя. Даже о мнимом поручении Главного – она догадается, что дело нечисто. Это же мама – видит насквозь и уже что-то заподозрила.

– А похожа на кота, сметаны обожравшегося. Не хочешь говорить – не надо. Ты такая сияющая только от Лёшки своего, похабника, царствие ему небесное, прибежала...

– Ну, мам... – Неужели так заметно?! Наверное, поэтому даже Главный не задавал вопросов – всё ясно по лицу. Да уж, ей было не до того, чтоб его вещи рассматривать.

– А ведь какой мальчик был... Я Лёшу хорошо помню, учила Леночку пеленать, он сначала морщился, а потом привык. Пару месяцев рожи недовольные на нее строил. Зато потом из рук не выпускал.

Я следила... Думала, что Лена совсем без присмотра, мальчишки неусидчивые. А он ей вслух учебники читал. Чтоб спала лучше. Говорить она начала у него рано, и Лёшка все время ей какие-то игры развивающие придумывал. Видно, с ним самим кто-то усиленно занимался в детстве. А ты непоседа была, я ж тебя вместе с Ленкой ему подбрасывала – так тебе тогда с ним скучно казалось.

Хорошо, что мама отвлеклась! Только про Лену вспоминать не хотелось. А об Алексее она могла теперь слушать и слушать... Не плакать. Он жив!

– Мам, я уже не маленькая...

– Да уж, я видела! Хоть до твоих восемнадцати лет вы дотерпели, а то я б его еще тогда убила! Еще раньше, чем он показал, на что способен. О покойнике плохо говорить не хочется. Но не подумала бы, что из него такое вырастет. Ты мне лучше скажи вот что... Чем тебе Лерик не нравится? Сколько он уже за тобой ухаживает? Три месяца? Четыре? А тебя как заморозили. Забыть трудно, но все-таки... Попробуй.

– Он мне не нравится. – Валерий был хорош, даже внешне почти не хуже. Но никакая романтика профессии сталкеров, прельщавшая большинство девушек, не могла заставить Оксану не сравнивать его с Алексеем. Слова не вытянешь, любовник он неумелый, и руки вечно грязные! – Он скучный.

– Где ж он скучный?

– Мам, тебе подробно объяснить?! – мама поймет. И не осудит. Если даже раньше сильно не ругалась.

– Так он младше тебя лет на пять, чего же ты хотела? Сама и научись. А Лёшка твой, судя по всему, с порносайтов не вылезал!

– С чего не вылезал? – любопытство заставило поднять голову от тарелки.

– А не надо считать родителей отсталыми. Они не меньше тебя знают, – хитро улыбнулась мать и придвинула ей второе. – Ешь, а то тебя, похоже, сегодня и правда там обделили.

А ведь мама права... Лерик! Как же она сразу не подумала?! Есть повод вдруг проявить интерес к ОЗК и остальной ерунде, и никто не сочтет это странным и ненормальным. Только вот Валера не будет слишком бескорыстным... Ну, ничего, скучный – не противный! Ради шанса увидеться с Алексеем она готова пойти на что угодно.

– Подумай, Ксюш, Валерик Лапин хороший мальчик. Конечно, сын Привратника – не сам Привратник. Но второго Алексея ты уже себе не найдешь.

Да разве об этом Оксана думала? Теперь Алексей стал никем, вынужден скрываться. Но для нее он – всё.

* * *

В старой коробке обнаружилась куча предметов, обернутых в тряпки. Алексей замучился вынимать их по одному, разворачивать и раскладывать на столе. Бинобль. Еще один, цифровой, снабженный прибором ночного видения. Рация. Аккумуляторы и зарядное устройство к ним. Пистолет с глушителем, солидным запасом патронов, и два ножа. Инструменты еще, хотя точно такой же комплект можно найти и в этом бункере, старый склеротик просто забыл. Как Оксана не надорвалась тащить? Зимнюю маскировку не прислал, гад... Или ему тут ждать до лета? Нет уж, лейкоз не подождет.

Ксюша не помогла утолить голод, наоборот, все мысли сейчас были об одном. Сам себе отравил все удовольствие, глупость какая-то! Но он снова вспоминал Лену, их последнюю встречу. Действительно последнюю. Губы пересохли – кажется, снова подскочила температура. А вот лекарств здесь нет. Алексей не мог согреться даже в куртке, нужно будет поискать что-то теплое, но не сейчас, слишком плохо... Переоценил себя, истратил последний резерв сил. Болела голова, комната плыла перед глазами. Хорошо, не нужно тащиться на верхний уровень дежурить у телефона, до завтра его оставили в покое. Болезненный бред был сейчас более желанным, чем реальная Оксана. Ведь никак иначе встретиться с Леной уже не суждено, он это понимал, поэтому и накрыла глухая тоска. В полусне Алексей чувствовал, будто кто-то прикасается к лицу. Всего лишь сквозняк. Никто не придет.

Невелика доблесть привлечь внимание Валерки, но даже для этого требовалось приложить усилия. Чтобы влюбленный по уши парень сразу понял: для него приготовили сегодня что-то особенное, какой-то сюрприз. А надеть нечего... Она совсем не думала об этом в последнее время, не попросила маму сшить что-то новое. Но Лерик вряд ли обратит на это внимание, знает, что его может ожидать. Главное, чтобы по-

верил – это не шутка, это всерьез, он снова очень ей нужен. Пусть так, сомнения и неуверенность лишь на пользу: если будет знать, что девушка в любой момент передумает, – будет как шелковый, исполнит всё, о чем попросят.

Однажды вдрызг разругавшейся с Алексеем Оксана уже попался под руку этот парень, когда хотелось вызвать ревность, сделать что-то назло! И как стыдно было потом за эту ошибку! Нет, не перед Валеркой, он оказался безыскусным любовником, и от этого неразумного щенка легко отделаться, снова напустив на себя холодность – перед самой собой. Алексей ни о чем не узнал, хоть в этом на Лерика можно рассчитывать, он не болтлив. Но ревность Лёши... Ее не могло быть никогда, это Оксана поняла довольно скоро. Если она нужна Алексею, он вытащит ее и из чужой постели, а если нет – все усилия напрасны. Он сам брал то, что хотел, и выбирал, что хочет. Ревновать он мог только Лену, но та не давала никакого серьезного повода...

– Мам... Как?

– Иди, хорошо выглядишь. Волосы только подбери, успеет еще растрепать.

Слишком решительный вид Оксана все же пришлось смягчить: еще один ее приятель, словно споткнувшись, остановился посреди коридора.

– Ксюша...

– Отстань! Женька, иди, куда шел!

Бритая наголо голова Евгения не украшала, но и хуже он выглядеть не стал. Довольно приятное лицо портило только одно: вечно растерянный и просящий взгляд; впрочем, не вечно, а лишь в ее присутствии. В остальное время личный помощник Главного был деловитым и собранным.

– Ксюша, а зачем тебя вызывал Юрий Борисович?

– Вот сам его и спроси. Ближе, чем он, у тебя никого нет, похоже.

Не было времени воевать еще и с ним! Слишком важное дело предстояло сейчас начать и непременно довести до конца.

* * *

Евгений еще недавно с удовольствием приходил в зал заседаний раньше Главного, готовил рабочее место. Но теперь к этой работе охладил и не торопился никуда. Сегодня пора бы уже и голову побрить, от-

росла щетина. Он рано начал лысеть и теперь решил этот вопрос радикально, отчего стал выглядеть даже мужественнее. К тому же для гигиены удобнее, да и хлопот меньше. Говорят, есть там какой-то тестостерон, который отвечает за способности мужчины, его амбиции и успехи, но в том числе и за лысину. Почему же и тут Алексей стал исключением?! Или у блондинов другие гормоны? А темная щетина выглядит неаккуратно, приходится часто скрести бритвой макушку и лицо. Неопрятный вид на Совете неуместен. Впрочем, Юрий Борисович не будет им доволен в любом случае – казалось, тот совсем не замечает помощника, хоть он вообще пропади с глаз, лишь бы вовремя появлялись под носом нужные вещи. Евгений не понимал, что даже Главный – человек, и ему иногда хочется общения. Слишком узок круг избранных, неизменен. И вовлекая в это замкнутое общество новое лицо, Грицких ждал некоторого развлечения. Новый помощник ожиданий не оправдал, поэтому и в остальном вызывал разочарование. А помощник считал, что добро-совестность и упорство – ключ к успеху. Ключ к ключу Привратника... Но на такой словесный каламбур Евгений оказался не способен, поэтому Главный и глядел на него кислым взглядом.

Но при всех своих недостатках Евгений был довольно наблюдателен, поэтому не мог не заметить, как Главный ненадолго уединился с Оксаной Тарасовой. Ни разу до этого у них не было общих дел. К чему бы это? Нужно хорошо знать Грицких, чтобы сразу отставить подозрения в выборе фаворитки, такого можно ожидать от жизнерадостного Лапина, да и то не серьезнее шлепка дамочке по мягкому месту. Глухая дверь кабинета исключала подслушивание. Как бы ни хотелось.

Оксана... Загадочная, красивая, неприступная, не то что Леночка, у которой любая мысль сразу высказывается впопыхах, которая любит и пошутить, и посмеяться. Оксана только улыбалась снисходительно. Этой улыбки нужно было добиваться, зато и ценилась она очень дорого. А Лена... Палец покажи – уже хохочет. Все же что за дела у нее с Главным? Уж слишком странно Оксана выглядела, выйдя от него во второй раз. Светилась изнутри. Даже предположений не возникло, чем мог принципиальный женоненавистник Юрий Борисович так ее осчастливить.

Алексей был бы рад наконец прервать эту «астральную связь» с убитым Василием Филипповым, но не вышло – пришлось теперь пользоваться его оружием, как раньше именем и репутацией. «ТТ» с

удлиненным под глушитель стволом сразу показался очень знакомым. «Здравствуй, Вася...» – думал Алексей, рассматривая серп и молот, теперь не процарапанные, а выбитые на металле затвора. Подобный узкий пистолет он уже видел на Китай-городе, а запомнил из-за необычной спусковой пластины вместо привычного крючка. Для его длинных пальцев не самое удобное нововведение, и он надеялся, что ловкость рук в конце концов компенсирует этот недостаток. Калибр тоже удивил, Алексей ожидал увидеть пистолетную «семерку», а в обойме оказались привычные девятимиллиметровые цилиндрики. Ну, правильно, вряд ли киллер стал бы обзаводиться оружием под патрон столь редкого стандарта.

Китайгородский владелец ТТ своим «стволом» явно не пользовался, просто носил, как украшение, и демонстрировал любителям экзотики в баре. Там Алексей и узнал много интересного об этом оружии, вот только не ожидал когда-нибудь подержать в руках девятимиллиметровую модификацию. Кем бы ни был этот Василий, но точно не дураком, обвешанным крутыми и бесполезными бирюльками. Судя по иностранным надписям, пистолет изготовлен где-то далеко отсюда, в одной из стран восточной Европы, когда эти «стволы» еще производили. Из-за массового списания ТТ их и начали бросать на месте, превратив в одноразовое оружие. Зря. Алексею нравилось удобное и быстрое снятие предохранителя обхватом рукоятки, вот только неподатливая спусковая пластина сильно уводила прицел в сторону при нажатии. Придется поначалу держать его обеими руками, изображая крутого копа. Жаль, мутанты эстетики не оценят...

Всего семь патронов в коробке магазина тоже оказались существенным недостатком. Но, в отличие от ПМ, эти парабеллумовские пули не просто останавливали противника, а пробивали насквозь. И Главный Привратник отсыпал их немало. Где Василий нашел удлиненный ствол с винтовой нарезкой под глушитель, оставалось загадкой – разве что европейские полицейские настолько заботились о соблюдении тишины и проводили захват преступников бесшумно, не потревожив население.

Алексей защелкнул пустой магазин и прицелился в противоположную стену. Пистолет нравился ему все больше, хоть палец по привычке нащупывал с левой стороны несуществующий предохранитель. От старых привычек придется избавляться. Спусковая пластина ушла

в рукоятку, нужно просто приложить большее усилие и действовать жестче. Тогда ни зверь, ни человек ему не помешают. И правая рука теперь обречена вечно замерзать, потому что это оружие не предназначено для использования в защитных перчатках ОЗК, бывший хозяин явно приберегал пистолет для внутренних работ, выходя на поверхность с автоматом.

Аэродром казался бескрайним белым полем. Но, приглядевшись, Алексей заметил на нем тропки следов – не человеческих, конечно, просто животные проложили по нему свои пути. И если следовать по ним... То намотаешь лишних пять километров, это точно! Зато конспирация будет соблюдена лучше. Для начала он решил не сходить с дороги. Самочувствие было далеко от идеального, слегка покачивало от слабости, и идти по нетронутой целине даже в снегоступах он сейчас просто не в состоянии.

С одним пистолетом и ножом Алексей чувствовал себя неудобно, но выбора не оставалось, карабин нельзя использовать вблизи человеческого жилья, звук выстрела разносится по полю беспрепятственно. Как же обойтись без дальнобойного СКС с оптикой? Алексей не был морально готов к поединку с мутантом. К тому же поединок под вопросом – некоторые хищники охотились стаями, и отбиться от них лишь такой же стае сталкеров под силу.

Никакого противогаза! Одиночке нужен обзор на триста шестьдесят градусов. ОЗК был надет чисто символически, чтобы одежду снегом не промочить, респиратором он тоже пренебрег. Хотя мелькнула мысль об Оксане – не станет ли он сам уже источником излучения? Но показания дозиметра ничем не встревожили, а выживет он теперь на одном любопытстве: что же задумал Грицких? Алексей сбросил капюшон и куртки, и комбинезона. Пришлось выбирать: защита от радиации или от мутантов, не видно ничего и не слышно. Уши тут же замерзли, но зато он смог бы увидеть приближение «снежка», как называли небольшого белого хищного мутанта, лохматого до такой степени, что при первом знакомстве этот новый вид метко обозначили «ни носа, ни сраки». Определение долго не продержалось, повторить его в бункере при начальстве не решился никто, заменив более приличным словом. Оглядывался Алексей почти на каждом шагу, не видно ли движения, другим способом «снежка» не засечешь. Карабин все-таки остался в

бункере, пистолет болтался в набедренной кобуре, не потерять бы и не выронить с непривычки к «глушаку».

Заготовленная термоизолирующая подстилка была завернута в ткань для маскировки. Только в темном бункере ее можно посчитать белой! Теперь на фоне снега выглядела она так, будто на нее гадили всем миром не один год, а постирали разок и то небрежно. Потемнела от времени... А времени-то и нет. Скоро станет совсем светло, и подойти к соседнему поселению в такой, с позволения сказать, псевдобелой тряпке будет очень затруднительно. Но на большом расстоянии сойдет, метров на пятьсот хорошо бы для начала приблизиться для первого осмотра.

Около поселения следы животных исчезали, электростанция до сих пор надежно отпугивала мутантов. Непонятно чем – шумом винтов, вибрацией или постоянным гудением проводов, но почему-то они не приближались. Поэтому соседи, в конце концов, оставили попытки провести ток по ограждению. Слишком часто его замыкало, да и пролезть никто не пытался. Достаточно оказалось просто навешенной на столбы «колючки», отгородившей наземные сооружения. На большую площадь проволоки не хватило, поэтому крупный территориальный захват не состоялся. И этот-то периметр трудно контролировать. Вышки уже показались вдали, значит, и он сам теперь попадает под наблюдение. Алексей натянул светлый капюшон ОЗК и начал выбирать позицию.

Никакой шпионской подготовки у него не было, он даже растерялся слегка, стоя посреди холмистого поля. Вот куда хочешь, туда и бросай коврик... Алексею приглянулся высокий сугроб, наметенный за ползими вокруг чего-то большого и основательного. Стоило попробовать даже закопаться внутрь, там его ссан... сомнительный камуфляж не виден, и не будет так стыдно перед противником за элементарное неуважение к нему. Ошибки нужно учесть.

Хороший бинокль позволял рассмотреть даже колючки на ржавой проволоке, а холод и через пять минут не проник снизу к телу сквозь подстилку. Его и сверху хватало. Сугроб защитил от ветра, но не более. Только не спать! Можно больше не проснуться. Алексей попытался отвлечься от дискомфорта, разглядывал поселение с неподдельным интересом. Он отдавал себе отчет, что ему предстоит провести многие часы в таком положении. Одиночество и молчание никогда не угнетали его, а вот к малоподвижности и холоду придется привыкнуть.

Лерик был счастлив! Оксана сама попросилась с ним на прогулку. И он сможет показать ей зимний лес на рассвете, когда снег чуть розовый, такое бывает перед морозным днем. Нужно только дожидаться подходящего утра и попросить отца открыть гермодвери. Ведь он так редко просит о чем-то, хочет добиться собственных успехов, да и стелкеру снаружи никакой папа не поможет. Но неужели ради свидания с девушкой Привратник ему откажет? Ксюша стала такой теплой и ласковой, что появилось ощущение крыльев за спиной. Желания сбывались одно за другим.

Только бы отец не отказал в просьбе! Потому что нужно же дать понять девушке: он не только в постель с ней лечь хочет, ему и другое тоже интересно. Ухаживать по-настоящему, как это делали раньше, как отец рассказывал. Нет цветов, не сезон. Но в зимнем лесу своя красота, Оксана обязательно ее увидит! И еловые лапы, покрытые пушистым снегом, и красивый вьюн неподалеку, белой змеей опутавший сосну, он все ей покажет. Может быть, тогда она лучше поймет, что тянет его туда... Из душного подземного бункера.

Валерий чувствовал красоту, поэтому ему и нравилась Оксана. Поначалу не было никаких шансов, но теперь... Теперь все стало возможным. И он до сих пор не мог в это поверить.

ГЛАВА 5

БОЕЦ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Алексей еще раз похвалил себя за предусмотрительность по поводу теплой куртки-парки. Хороша неведома зверушка, из меха которой сделана подкладка. Да и штаны меховые не помешали бы, ноги сильно мерзнут, приходится все время двигаться, от этого он уставал не меньше, чем от холода. Но, по крайней мере, ветер не проникал в обустроенную в сугробе дыру, из которой можно было наблюдать за территорией соседей. Алексей сейчас уже не припоминал, на чем именно он обосновался: не то на перевернутой плите, не то на смятом взрывом самолете, но с небольшой возвышенности просматривался почти весь периметр. Сторожевые вышки было видно не хуже, чем часовым с них – окружающий колючую проволоку нетронутый снег. А зачем его трогать, если есть бинокль?

Почему-то охрану не снабдили подобными приборами, во всяком случае, Алексей ни разу не заметил, чтобы они вглядывались вдаль, чаще – вниз на своих же людей у подножия вышек или на плотину, незамерзающую воду у турбин и булькающий поток. Звука, конечно, слышно не было, но легко представить. Действительно, зачем часто смотреть на сверкающую белизну? Для глаз вредно. И так любого врага издалека видно. Или бинокль все же имелся, но цифровой – глючил на морозе страшно.

Ветер заносил снег и в его нору, приходилось часто протирать линзы, охрана на вышках нахохлилась, как куры на насесте, пряталась от

снежного вихря, едва были видны макушки над загородками верхних площадок. Лучшего времени, чтобы пробираться внутрь, и не придумаешь. Почему-то Алексею казалось, что именно в этом и состоит задача. Но конкретнее он пока не мог обрисовать круг интересов Главного Привратника – слишком долго отсутствовал, слишком мало информации. Ничего, потерпит, всё узнает позже.

Внутри ограды из колючей проволоки то и дело появлялись люди, ведь это не бункер, надземные строения использовались как склады и для других нужд. Алексей не раз сопровождал туда старого мастера Петра Борисовича: в мирное время соседи помогали друг другу, не забывая, впрочем, и о собственной выгоде. Учитель умер в начале осени, Алексея известие расстроило, но деду было уже далеко за восемьдесят, и столько-то прожить удивительно. В спокойном и сытом бункере это оказалось возможно, в метро он столь дряхлых людей не видел. Там стресс в могилу загонит, даже если природа железное здоровье подарила.

Темный силуэт возник у подножия вышки, человек, казалось, звал охранника. Да, один боец перегнулся через загородку и смотрел вниз. Сначала Алексей решил, что случилось нечто непредвиденное, но потом внимательно рассмотрел фигурку у деревянной опоры. Ветер обрисовал под химзащитой явно женские формы, и, несмотря на боль в отмороженных пальцах, он продолжал вглядываться, желая только, чтобы ветер не утихал и девушка повернулась другим боком. Стало немного теплее, не так скучно, и настроение улучшилось. Теперь он пытался вспомнить, как выглядит эта девочка, почему-то не сомневался, что она молодая, но вот соседей этого возраста Алексей почти не знал. И лица, конечно, вспомнить не мог, очень давно не был у реки, лет шесть не был, к подросткам не присматривался...

Кое-что изменилось у соседей, но вот электростанция неизменна – турбина вращалась силой воды, повлиять на этот поток не смогло никакое время и никакие человеческие дела. Люди только лед разламывали, чтобы поддерживать механизм в рабочем состоянии. Этот порядок действий Алексей тоже изучил. Весь режим запомнил уже, можно и на девушек полюбоваться. Как хотелось увидеть ее без противогаза! Но это вряд ли возможно, да и зачем ему лицо? Девушка направилась к капониру, ветер не прекратился, и осмотром задних достопримеча-

тельностью Алексей остался доволен. Боец на вышке – тоже. Значит, было на что посмотреть, он ближе, ему виднее.

До конца смены оставалось больше часа, график уже известен с точностью до минут. Алексей убрал надоевший бинокль. Приятное оживление, охватившее его после появления девушки, начало спадать, вернув обратно в мрачноватую действительность, в снежную нору с обледеневшими изнутри стенами. Смотреть больше не на что. Хотя снег теперь не осыпался на голову, замерз, образовав за несколько дней от тепла человеческого тела прочную корку. Можно дать глазам отдохнуть. Потолок над ним, низкий, как крышка гроба, красиво блестел от света, проникавшего снаружи, но смотреть на него уже надоело.

Рация обходилась без базы, модель была не из полицейского снаряжения и не простая туристическая. Как такое устройство оказалось в хозяйстве бункера, Алексей знать не мог. Будто кто-то еще двадцать лет назад позаботился снабдить его хорошей техникой, да к тому же предназначенной для эксплуатации при низких температурах. Лишь он сам для низких температур не предназначен... Ради развлечения можно еще пару минут вслушиваться в треск статических помех, переключая частоты и подтверждая собственную избранность: он выжил, а весь мир, прежде наполненный живыми звуками, опустел, превратившись в неясный шум в коробочке.

Приступ самолюбования нарушил писк вызова и слегка неразборчивый голос «свыше» – Главный Привратник проверял, не отсиживается ли Алексей в тепле вместо обещанного сбора информации. Преодолев искушение буркнуть «здесь и на двоих места хватило бы», тот ответил, что исправно мерзнет на улице, как собака, причем пока с тем же результатом: можно на луну выть, а можно на людей за забором издали брехать! Оставалось ждать полной темноты, чтобы убраться отсюда под прикрытием колючего снега, заносившего звериные тропы. За ночь твари успевали натопать новых, поэтому Алексей перестал со временем беспокоиться о трудностях передвижения по сугробам, главное – не столкнуться с хозяевами аэродрома во время очередной расчистки дорог. Но и к этому он был готов, утомленный однообразием и скукой, очень хотел опробовать новое оружие в действии. Нож, закрепленный на груди, удобно выхватить и левой и правой рукой, носить режущее оружие на поясе и ниже он зарекался после

поединка с особистом Ельцовым, которому не хватило лишь нескольких мгновений для точного удара. Да и недавнее погружение в сугроб тоже кое-чему научило.

* * *

Кричать в микрофон рации, стоя посреди кажущегося безлюдным коридора, было бы неосмотрительно, но Главный Привратник больше слушал, с трудом различая голос Алексея среди помех и шума ветра. Убедившись, что приказ исполняется в точности по указаниям, он выключил устройство. Защищенный от внешней среды бункер блокировал сигнал, и передатчиками всегда пользовались только наверху. Все же убежище не было настолько герметичным, как казалось, шлюзовая камера и вентиляция позволяли связаться и с внешним миром, если возникала нужда. Грицких не был уверен в этом, когда отсылал рацию Алексею, но гипотеза подтвердилась, связь установилась, хоть и не слишком качественная.

Громоздкое устройство не помещалось в кармане, пришлось обернуть его куском ткани – вряд ли кто-то осмелится спросить, что за кулек носит при себе Главный Привратник, если только члены Совета поинтересуются, но сейчас ни одного из них не было рядом. Командир сталкеров мог бы искать, куда подевалась рация, но до весны он вряд ли вообще обнаружит ее отсутствие. Зимой его отряд редко выходил наружу, и бойцы всегда держались плотной группой в зоне прямой видимости. Одиночка Алексей сейчас подвергался большой опасности, но Грицких вынужден был рискнуть и исполнителем, и столь необходимым оборудованием во имя своей цели.

Если бы бывший Привратник так ценил жизнь, не жертвовал бы ею сдуру ради какой-то девушки... Женщины, безусловно, представляли собой немалую ценность, но не настолько, чтобы терять из-за них управленца с огромным потенциалом. Теперь этот талант обречен выполнять неблагодарную работу насколько Грицких знал Алексея – тот даже получит некоторое удовольствие, ведь второй его слабостью после девушек был адреналин, и это Колмогоров теперь имеет в избытке.

Главный не оставлял надежды, что стареющий Совет все же пополнится когда-нибудь молодыми и амбициозными, но замены Алек-

сею пока не нашел. Стоило приглядеться к молодежи, еще есть время самому воспитать достойных, пока их не успел перехватить Серяков в свой отряд, пока они еще не заболели этой романтикой приключений. Власть скучна на первый взгляд, и ее плоды зреют очень медленно, не многие обладают таким долготерпением. Евгений надежд не оправдал... Его интерес к Совету был слишком пассивным, юноша ждал, что его научат чему-то, не желая действовать самостоятельно. И Грицких теперь не без оснований подозревал, что внутри бункера Евгения держит не здравомыслие, а просто трусость. Нет, еще не наступили настолько тяжелые времена, чтобы собирать в Совет подобные отбросы.

Жаль, что возобновление человеческого ресурса не могло полностью контролироваться Советом, но люди и так неплохо справлялись с задачами. А рожденные сразу после ядерной катастрофы ничем не отличались от предыдущего поколения. Так же капризные, так же неразумны... Никаким двухлетним декретным отпуском не заманишь! А зачем им? Молодые засранки, пашут на полторы нормы, паек побольше, чем у некоторых мужиков. И ничего не напишешь, не хотят, а если хотят – только замуж за соседа, свалить отсюда подальше. Смешанных браков становилось больше, и все же чаще пополнялся хорошо обустроенный бункер. Но бывали и исключения, с одной категорически не любящей мужчин особой Грицких бился уже пятый год. Уговаривал. Нахальная кладовщица не обещала даже задуматься, откровенно посылала подальше и заявляла, что не собирается исправлять демографическую ситуацию за счет своей – и хихикает, паразитка! – загубленной молодости. О молодости там уже речи давно не шло, но несгибаемая дама уже начинала нравиться и самому Главному. За силу характера хотя бы – это качество Привратник ценил в людях любой половой принадлежности.

Рука с рацией инстинктивно скрылась за спиной... Юрий Борисович и не ожидал от себя подобных опасений при встрече с Серяковым. Будто чувствует себя в чем-то виноватым! Весь бункер принадлежит ему, вместе со всем оборудованием и людьми. Вот только над прямоотой и откровенностью командира он не властен, не хватало сейчас только споров по поводу своих и чужих полномочий.

– Игорь Яковлевич, пройдемте со мной, мне нужно с вами обсудить один вопрос.

Алексей проснулся и не мог понять, где находится. Дернув головой, он сбросил капюшон, и морозный воздух тут же привел в чувство: все-таки заснул в сугробе, несмотря на холод. Скорее, наоборот, по этой причине. Ноги, кажется, в лед не превратились, он пытался ими пошевелить – удалось, не отморозил, хотя болезненные ощущения были очень неприятны. Придется терпеть. Наступила ночь, возвращаться в бункер нет нужды, раз уж успел отдохнуть и выспаться на «рабочем месте». Из дыры снаружи тянуло сыростью. Потеплело, поэтому и не замерз насмерть, повезло. Но сильный снегопад, сопровождающий резкой оттепели, помешает наблюдать. И пока он не начался, Алексей, не теряя времени, навел на вышку прибор с ПНВ. Увиденное не радовало...

Противогаз караульного на вышке был украшен подобным прибором, теперь они уже не прятались от ветра, осматривали окрестности. Алексей не беспокоился о себе – он покажется им в инфракрасном спектре просто залегшим в снег мутантом, расстояние безопасное. Второй человек смотрел вниз, тепловизор только один, на всех не хватало. И к лучшему... Ближайшая к электростанции вышка даже такого технического оснащения не имела. Новую информацию надо усвоить, понаблюдать, передается ли ПНВ при смене дежурства в другое место или остается тут постоянно. А пока можно расслабиться, ноги все еще покалывало, как иголками, но они успешно оттаивали. Когда с неба начнут падать крупные хлопья, а этого осталось ждать недолго, судя по сырому ветру, можно будет отправляться в обратный путь.

Назад в бункер. Никто не ждет его там. Алексей отгонял мысли о несбыточном, те, что успел себе наметать больше полугода назад, когда только попросил Лену задуматься о семье. Воображаемые обстоятельства тогда успокаивали его самого, брак и для Алексея был новой, неисследованной, и оттого опасной территорией. Нечего и думать об этом, но или холод снаружи тому виной, или холод внутри...

Стоило закрыть глаза, и представлялась не банка консервов на столе с пересохшим доисторическим обезвоженным хлебцем, а что-то более вразумительное и съедобное, приготовленное специально для него. И такое не будешь уминать на ходу с голодухи, выковыривая куски ножом. Это целая церемония, бессмысленная, но приятная почему-то,

он ведь помнит, еда из Ленкиных рук всегда казалась вкуснее. Некому даже разогреть чертову тушенку, а самому лень. И в постели не ждет горячая девчонка, которая уже всю душу вымотала во сне! Никто нигде не ждет. Только один старый хрен сидит в своем кабинете по соседству около телефона. Обнаглеть вконец и попросить его прислать Оксану в качестве бонуса? Хотя что-то приятное... Надо подумать об этом.

Холодно и жрать хочется. Вот и всё. А пока снег не пошел, с места сдвинуться нельзя – сторожа с ПНВ не позволят, не должен неопределенный мутант в сугробе вдруг оказаться, на их удивление, прямоходящим и двуногим. Алексей снова опустил капюшон, зарывшись лицом в теплый мех, пусть даже он и располагал к слишком неуместным и чувственным мыслям.

* * *

– Юрий Борисович, я все равно не понимаю, зачем нам оборудовать блокпост наверху!

Главный Привратник не слишком хорошо разбирался в боевой стратегии, но такой ответ командира сталкеров ввел его в недоумение.

– Вы же военный человек, если мне не изменяет память, пусть даже ваши знания десять лет уже лежат мертвым грузом, как вы можете игнорировать укрепление обороноспособности убежища?!

– Потому что ни хрена оно не укрепит, просто враг тихо снимет этих караульных – они и пикнуть не успеют. Судя по тому, что случилось в августе, враг у нас подготовленный, хоть и малочисленный. Если бы вы в панике внизу всех за штаны не держали, боясь в бой пустить... А вообще, я сам ни в чем не уверен: ну, положили бы мы этих диверсантов, а своих еще больше потеряли бы.

– Крыша – это возвышенность, на ней можно расположить постоянный блокпост.

– И протоптать туда народную тропу, чтобы любой дурак увидел, где этот пост находится... – Серяков скептически поглядывал на Главного, скрестив руки на груди, не приемля возражений. Но спорил сейчас не по инерции, а действительно был не согласен с предложениями. В таких спорах могла родиться истина, поэтому командир настроился на обстоятельный разговор. – И обзор у нас с возвышенности ровно на

просеку. А там лес, сосны такой толщины, что за ними и Илья Муромец спрячется, если живот втянет. Юрий Борисович, если вы хотите сделать, как у соседей, то сначала сведите лес вокруг на полкилометра, потому что у них за «колючкой» ничего выше кустов нет. Ведь этого мы делать не будем?

– Нет, пустыня нам вокруг не нужна... А что вы предлагаете, если уж выступаете против одного стационарного поста?

– Не одного, а двух, во-первых. И нужны мобильные группы патрулирования. Человека по три, не меньше.

– А разве не принято по двое?

– Было принято, когда кошки по лесу не бегали. Теперь этого мало. И, надеюсь, мы говорим не о ближайшей перспективе? У нас зимних тулупов для вашей охраны не предусмотрено. И не думаю, чтобы эти лесные ребята зимой к нам повадились, сейчас проникнуть в бункер потруднее будет.

О том, чьи люди должны охранять территорию, Грицких планировал отдельную беседу. И сейчас согласился с доводами Серякова. Если речь шла о безопасности, лучшего эксперта в бункере не найдется.

– Нет, этим мы займемся не раньше весны...

Сугробы не ходят с места на место даже в самую сильную метель, а сейчас показалось, что белый холмик впереди как-то слишком быстро вырос в размерах. Алексей извлек из кобуры «ТТ», другой рукой пытаясь включить прибор ночного видения, еще несколько секунд ушли на настройку. Почти непроницаемая для человеческих глаз темнота сразу ожила светлыми силуэтами, приближавшимися с трех сторон, наведя резкость изображения, он увидел их очертания во всех подробностях. «Снежки». Крупные. Алексей оглянулся – сзади, распластавшись по тропе и его следам, подползал мутант, полагавший, что человек ничего не замечает. Пистолетный выстрел сбил картинку на приборе горячей вспышкой, но снова прицеливаться с ПНВ Алексею и не пришлось, достаточно было того, что он увидел после: «сугроб» окрасился сбоку темным пятном и перестал шевелиться.

Тихий хлопок насторожил остальных тварей, но они еще не решились атаковать. Установленный порядок охоты стайей заставил ждать, когда же дичь испугается нападения с тыла и побежит прямо на них. Не побежит, не от кого теперь бежать. Алексей выбирал цель – теперь

уже и без помощи техники видел их, ошибка обойдется слишком дорого, и, проигнорировав одного шевельнувшегося и приподнявшегося на лапах «снежка» слева, он двумя выстрелами прикончил ближайшего затаившегося прямо на пути мутанта. И только после этого пуля снесла полголовы второму, бесшумно рванувшемуся в атаку, монстру. И тут что-то ударило справа, сдавив руку, как тисками, пальцы разжались, пистолет улетел в сторону и пропал в глубоком снегу. Не устоявший на ногах Алексей еще пытался отбросить тварь, холодный твердый наст царапнул лицо, проломился, и, когда голова погрузилась в мягкий снег, на миг умолкло это злобное рычание, осталась только боль от сжимавших руку мощных челюстей...

«Снежок» весил не меньше крупной собаки, также не отличался грацией прыжка, инерция и его заставила кувыркнуться в сугроб, прекратившись на другой бок, он продолжал вгрызаться в сопротивляющуюся, неподатливую конечность. Алексею не хватало сил сбросить его, боль в сдавленных костях, которые, казалось, гнутся под напором зубов и вот-вот сломаются, заставила забыть обо всем! Нож оказался в левой руке будто сам собой, до горла твари не дотянуться, первый взмах лезвием обрубил ухо, «снежок» лишь рыкнул громче и злее. Клыки мутанта не зацепили человеческую плоть, увязнув в толстом рукаве куртки, но пилообразные зубы продолжали сжимать локоть, тварь с остервенением жевала его, пытаясь перемолоть то, что оказалось в пасти, ослабить противника, лишить способности сопротивляться. Но, судя по раздававшимся в ответ невнятным, но угрожающим звукам, дичь еще не сдавалась. И она тоже могла причинять боль.

Нарастающая ярость сокрушила все барьеры, позабывший о защите Алексей оставил сознательные попытки извлечь руку из этого капкана: он не разожмется, пока не опрокинешь тварь или подтянешь поближе, чтобы больше не резать ее без толку по кускам! А сильные беспорядочные изматывающие рывки в разные стороны пока не давали возможности нащупать опору и нанести удар. Человеческое сознание отключилось, инстинкт хищника требовал крови в ответ на собственную боль. Мутант получил чувствительный пинок и, отшатнувшись, снова дернул добычу в сторону, но теперь Алексей смог перевернуться и достать ножом белый бок, кисть полностью погрузилась в густой мех, а лезвие с ощутимым скрежетом проехало по ребру. Двумя руками он сломал бы эти кости, но силы одной не хватало, оставалось

только ударить еще раз, чуть повернув нож. На этот раз оружие не встретило сопротивления, вонзившись во что-то мягкое, горячая кровь на морозе ощущалась даже сквозь перчатку, визг твари лишь воодушевил. Острый нож легко пошел вдоль ребра, разрезая шкуру и туловище чуть ли не пополам, пока этот меховой ком не отпрянул, разжав, наконец, свои челюсти.

Боль накатила новой волной, полураздавленная рука оказалась в бою бесполезна, но теперь можно нападать самому! Одно желание владело всем разумом: убить. У твари, в отличие от человека, с конечностями было все в порядке, она попыталась уйти, хоть вытекающая кровь и, как казалось в темноте, вылезшие наружу внутренности мешали поспешному бегству. Алексей поднялся на ноги, придерживая безвольно повисшую руку, пульсирующую болью, сделал несколько шагов. «Снежок» больше не был белым, темные брызги и потеки на его шкуре склеили мех, он попятился, нетвердо ступая и шатаясь от слабости. Нельзя дать ему уйти, это еще не всё... Лезвие воткнулось в другой бок и провернулось внутри, вой разнесся по окрестностям, нож, полоснувший по горлу, быстро прервал его. «Тише, а то услышат остальные, опоздавшие к ужину...» Алексей огляделся в поисках пистолета, рукоятка «ТТ» виднелась неподалеку, тяжелый глушитель утонул в снегу. Очистив лезвие в сугробе, он вытер его о шкуру мутанта и убрал. Правая рука едва сгибалась в локте, но крови на рукаве не было, и пальцы еще могли держать прибор ночного видения. Похоже, кости целы, остальные повреждения можно осмотреть уже в бункере. А пистолет и в левой руке послужит ничуть не хуже.

Глава 6

НЕЛЮБИМАЯ ИГРУШКА

Трудно было снять ОЗК, не говоря уж об очистке, Алексей бросил его в шлюзе. Уже внутри попытался снять и куртку, но не мог стянуть с распухшей руки. Как он добрался до бункера, сам не понимал, теперь в тепле боль стала еще сильнее. Похоже на ушиб, нужно приложить холод, но из холодных предметов здесь только мокрые тряпки. Ледник для хранения был обесточен, в этом бункере держали запасы консервов, которым не требовались особые условия. И без того отопление теперь поддерживается весьма условно. Рукав куртки, прокушенный в нескольких местах, натянулся так, что смотреть страшно, от приступа паники удерживало лишь то, что пальцы шевелились без особых усилий, а любое движение давалось с такой болью, что хотелось лечь и умереть. Вместо этого Алексей снова взялся за рукав с твердым намерением осмотреть поврежденную конечность, принять меры и не мучиться больше неизвестностью! Одно ясно: перелома нет. Боковые жевалки твари только протерли кожаную куртку, попади его локоть «снежку» под клыки и окажись меховая подкладка немного тоньше – рассматривать было бы уже нечего. Да и некому.

Рычание, разнесшееся по бункеру, лишь немного уступало голосу мутанта – от резкого движения боль охватила руку с новой силой, пульсировала внутри, жгла огнем. Надо снимать немедленно, но нельзя разрезать. Без теплой одежды он окажется запертым здесь на милость Главного Привратника, нужно сохранить за собой право на сво-

боду передвижений. И так придется клеить ОЗК... Если гангрена не начнется, конечно. Эта мысль придавала сил, и он все же стащил этот проклятый рукав, который давил на раненый локоть. Постепенно боль чуть утихла. Снять свитер было уже проще, когда Алексей немного отдышался. Сразу над запястьем начинались черные полосы синяков, кожа вокруг них натянулась, приобретая какой-то красный нездоровый цвет. Нужен холод, это успокоит боль.

Тут Алексей не ошибся, от тонкой струйки ледяной воды стало легче, но ведь не будешь же сидеть около поддона бесконечно. Ему предстоит нелегкий день, и видно, не один. Содранная кожа от воды побелела, кроме небольших царапин других ран не нашлось, заражение крови пока не угрожает. Легко отделался... Алексей не припомнил случая, когда сталкеру в одиночку удавалось уйти от четырех «снежков» сразу, но гордость за себя анестезии не заменила. Это только начало. Придется испытать на себе тактику и стратегию охоты всего местного голодного по зимнему времени бестиария, если выполнение задания Главного сильно затянется.

Пустой верхний уровень встретил запахом пыли, приточная вентиляция после визита проверяющих снова была перекрыта, но духоты в огромных пустых помещениях не чувствовалось, ведь некому потреблять кислород. Алексей сидел у стены, опираясь на нее спиной, и слушал тишину в телефонной трубке. Через несколько секунд пришлось положить ее на аппарат и выждать снова. Главный мог отсутствовать в кабинете и не слышать тихий звук звонков.

К ноющей боли он уже притерпелся, а после столь насыщенной событиями прогулки на свежем воздухе снова проснулся аппетит. Стоило сначала поесть, но забыл, конечно... Теперь Алексей уже не хотел отходить от телефона, вдруг все же звяканье было услышано, а Грицких просто занят или находился в кабинете не один? И перезвонит сам с минуты на минуту. Хоть одно дело надо довести до конца. Он разглядывал покрытый пылью старомодный письменный стол, коими были одинаково укомплектованы все убежища, чтоб никому обидно не было. И с недоумением пытался вспомнить, какая фантазия вдруг ударила в голову, что ему захотелось это место занять?! Сидит вот теперь... Прикрыв глаза, он представил себе плотное расписание Нестерова и Грицких, не оставляющее ни одной свободной минуты, вечный поток посетителей и нескончаемое море повседневных вопросов. Алексей

знал, что справился бы и с этим. Как он всегда успевал заниматься всем, что хоть немного вызывало интерес. Был ли счастлив Борис Владленович? Нет.

Нестеров... Одинокий человек, оставшийся наедине с огромной властью и любивший ее сильно и беззаветно, потому что больше любить некого. Алексею казалось, будто Борис Владленович никогда и не был молод. А ему самому теперь старость не угрожает. Горько усмехнувшись, он осознал, что после всех взлетов и падений снова вернулся на свое законное место. Чуть позади кресла президиума, где и сидел сейчас, потому что стоять не было сил, а сходить за стулом – тем более. В тишине послышался звонок, и он поспешно снял трубку.

– Алексей, раньше не мог с вами связаться. Что-то срочное?

– Срочное... Новые обстоятельства. Сегодня повстречался с белыми меховыми приятелями и сильно повредил правую руку. Так что в ближайшие дни наружу не выйду. Они меня просто доедят до конца, и задача останется невыполненной.

– Вам нужна медицинская помощь? – спросил Главный с беспокойством. Но оказать эту помощь смог бы разве что сам лично.

– Нет, не требуется, справлюсь. Нужны боеприпасы. Все, которые есть. Я знаю, что в бункере два «грача» под парабеллумовский патрон, а не так давно сам имел удовольствие увидеть в арсенале, сколько их осталось. Ведь не успели отстрелять?

– Остались. И немало. Хорошо, вы получите их завтра, я снова пришлю Тарасову.

Такой необходимый еще несколько часов назад визит Ксюши теперь оставил совершенно равнодушным. А вот немалое количество патронов к этому уникаму, давно снятому с производства, обрадовало по-настоящему. Юрий Борисович мог бы выдать и другой пистолет, но глушителя в запасах бункера не имелось, только рабочий инструмент киллера мог стрелять бесшумно.

– Весьма благодарен.

– Тогда через три дня будьте снова на связи. Больше времени дать не могу.

Он спустился вниз. Теплый поток из вентиляции больше не согревал, Алексей опять почувствовал озноб, будто он все еще находился снаружи на ледяном ветру. Есть уже расхотелось, только в гор-

ле пересохло. Он, не раздеваясь, рухнул лицом вниз на кровать, а легче не стало. Видно, снова организм дал сбой, и холодно ему от высокой температуры, а не долгого ожидания на верхнем этаже. Неприятные мысли о несбывшихся планах снова полезли в голову, но Алексей решительно отогнал их. Если уж думать, то о приятной... и такой же несбывшейся мечте. Вдруг это последнее? И утро не наступит? Алексей сейчас даже не был уверен, боится он этого или желает всей душой.

«Лена, единственное, что могло мне помешать, – это твое чувство вины. Но если бы никого, кроме нас, не осталось? Если бы никто не смог сказать тебе, что это непристойно любить такого человека? Я мог бы увести тебя подальше ото всех, на чистые земли, ведь они есть, я знаю, где-то остались незараженные места. И не заселенные никем. Где остались бы только мы... Я мог бы! Даже без тебя я почти на все способен, и даже не представляю, чего могу достичь с тобой! И там, очень далеко отсюда, ты простила бы меня? Хотя бы потому, что я не оставил тебе выбора. Могли бы жить с тобой... Нет, не могли. Ведь я же ушел совсем не поэтому – не смогу быть тебе опорой и защитой, как обещал. Забыл... Прости меня, Лена, забыл. Прости...»

Но так хотелось в это поверить! Видение было таким ясным, что ощущались даже запахи нагретой солнцем травы и смолы на свежем спиле бревна деревянного сруба. Леночка с золотистой чуть загорелой кожей глядит на него из-под ладони, закрываясь от слепящего света. И дитёнок, бесстрашно ползающий по лужайке, только что убедившийся в полной несъедобности жуков и теперь задумчиво муслякающий крупный лист подорожника. Только бы не открыть глаза! Удержаться подольше эту картинку. И ему это удалось, сон пришел быстро. Алексей сделал шаг вперед по зеленой траве...

Главный Привратник был раздосадован, если не сказать больше. Но постепенно успокоился, потому что душещипательных просьб о помощи не прозвучало, а отсрочку можно пережить. Исполнитель все-таки оказался уязвимым и смертным, несмотря на все возлагаемые на него надежды, к тому же, он оставался единственным, придется его поберечь. Оксана Тарасова даже не смогла скрыть радости, когда вошла в кабинет.

– Вы правильно догадались, Оксаночка, но я попросил бы вас все-таки быть немного сдержаннее... Я полагаюсь на молчание, а ваше лицо выдает за вас все секреты. Сделайте вид, что пришли по делу, не портите хотя бы мою репутацию.

Для влюбленной девушки просьба была совершенно невыполнимой, поэтому он махнул рукой и перешел к делу.

– Алексею нужны боеприпасы. К сожалению, патроны – тяжелый груз для ваших ручек, но до входа их поможет донести охранник.

– Юрий Борисович, я могла бы и сама... – Оксана так хотела отделаться от лишних глаз! Ведь ей не будет давать покоя мысль, что посланный с ней мужчина обо всем догадается, что будет ухмыляться, разглядывая после выхода из бункера. А то еще и подслушивать начнет! – Там совсем недалеко, я быстро добегу, правда. Только пусть сможет надеть защитный комбинезон.

– Тарасова, вы, кажется, не понимаете, что вам доверен ценный груз. Будем реалистами: сожрав вас, хищный мутант не тронет патронов, в крайнем случае, выплюнет их. И все равно придется отправлять охрану, чтобы доставить посылку по назначению.

Она не знала, улыбаться ей или пугаться слов старого циника: Грицких казался абсолютно серьезным, хотя наверняка пошутил. За спиной вооруженного бойца можно было ничего не бояться, даже не оглядываться по сторонам, поэтому верхний мир, ограниченный небольшим пятачком вырубки, казался таким же безопасным, как коридор бункера. А пример Лены вдохновлял, если она смогла, то почему бы и нет? Оксана теперь понимала, что думать надо было раньше, учиться с детства, играть с мальчишками и Лёшей в войну, а не в иные игры...

Но ведь она не просит невозможного! Просто доверять ей побольше, чем неодушевленному предмету, иначе она сама себе будет казаться такой же коробкой, которую чьи-то сильные властные руки перенесут с места на место. Не в этот раз... Пусть Главный радуется – она вышла из его кабинета, опустив голову, будто ее чем-то оскорбили и унизили. Желаемое снова отодвигалось вдаль; ничего, когда-нибудь можно будет легко переступить это препятствие, не свалившись по пути в яму с дерьмом. Пусть только Валерка поскорее выполнит свое обещание. Оксана вернулась домой и принялась перебирать вещи в шкафу, чтобы успокоиться. Жаль, нельзя надеть длинную и теплую вя-

заную юбку, облегающую ноги при ходьбе, которая так нравилась Лёше. ОЗК не позволял порадовать его нарядной одеждой. Но можно ведь положить в сумку что-то от себя, этого Главный маразматик ей еще не запретил.

Оставив охранника в шлюзе, Оксана бегом спустилась по лестнице, остановившись лишь у медпункта, чтобы отдышаться. Дверь не заперта. Алексей не ждет ее, но должен обрадоваться, хотя бы потому, что она принесла боеприпасы, которые он просил.

– Лёша!

Никто не ответил. На этот раз он действительно спал и не слышал ее шагов, Оксана присела рядом на койку. Алексей резко перевернулся на другой бок, не просыпаясь, что-то неразборчиво сказал.

– Тише, Лёш, это я...

Она прикоснулась к нему и через мгновение уже с беспокойством ощупывала лоб, мокрую подушку и одежду на нем. Несмотря на холод вокруг, его тело было слишком горячим, а расправляя перекрученную и скомканную простыню, Оксана увидела распухшую от локтя до кисти правую руку, исполосованную фиолетовыми синяками и ссадинами.

– Лёша, что это?! – она вскрикнула, и Алексей, наконец, проснулся.

Недоверие, переходящее в недовольство... Замутненные тяжелым сном и лихорадкой глаза смотрели будто сквозь нее. Он не произнес ни слова, только отобрал простыню, прикрывая раненую руку.

Несколько минут прошли в молчании. Оксана беззвучно плакала, сидя на краю койки. Потом Алексей снова открыл глаза и потянулся к столику за водой, но непослушные пальцы не могли удержать ручку и даже обхватить кружку.

– Не надо, я подам тебе...

Хоть чем-то помочь ему! Она никак не ожидала застать любимого в таком состоянии, хорошо, что оказалась здесь именно сейчас, ведь он нуждается в ее помощи. Хоть раз... Алексей выпил воду, все же слегка придерживая снизу кружку.

– Еще... Там под столом ведро, только сверху зачерпни аккуратно, чтоб осадок не попал.

Отстоявшаяся вода была холодной, Оксана и сама хотела пить, но уже забыла об этом. Взгляд Алексея так и не прояснился, было заметно, что даже привстать, опираясь на локоть, ему мучительно трудно, кожа оставалась горячей и сухой. Оксана осторожно уложила его на подушку и коснулась кончиками пальцев подсохших царапин.

– Кто?

– «Снежок», – он отвернулся, будто даже смотреть на кого-то было для Алексея тяжело. Нет, она сейчас нужна ему! Очень нужна. У него больше никого нет.

– Тебе больно?

– Ты прикасаешься, а я даже не чувствую. Кожа натянута, потеряла чувствительность. Внутри сильнее болит.

– И сейчас? – она прижалась губами к этой руке, ощутив жар его тела, снова и снова, целовала запястье, пальцы, ладонь. Тут уж он не мог не чувствовать!

– Ксюша, что за детский сад? От этого легче не станет. Лучше уходи.

– Нет! У нас с тобой еще не меньше часа времени, Юрий Борисович разрешил... Лёша, он знал, что ты заболел?

– Да, знал, – Алексей разглядывал ее уже более осмысленно, жаль, что оживился он только после упоминания Главного Привратника.

– И прислал только патроны, никаких лекарств! – девушка всхлинула от беспомощности.

– Ксюша, не беспокойся. С болью я справлюсь, перевязки мне не нужны, потому что нет открытых ран. А патроны понадобятся уже дня через три.

– Так быстро не заживет. И ты, кажется, простыл, Лёша, – Оксана положила голову ему на грудь, но не услышала ни хрипов, ни свиста, обычных для простуды. Дыхание было чистым, вот только почему же он весь горит? Девушка хотела снова ощупать его лоб, но Алексей удержал ее.

– Просто останься тут со мной. Разве ты не этого хотела?

Не совсем... Но только здесь, в его объятиях, было хорошо, можно коснуться его, ведь он принадлежит ей! Да, ненадолго. Но только ей! Не Главному Привратнику с его секретами и темными делами... Их здесь только двое, и Алексей хочет, чтобы она осталась с ним.

– Лёш, тебя нужно обтереть хотя бы водой, это жар сойдет.

– Не надо. А что, считаешь, меня уже обмывать пора?

– Что ты?! – нет, немного резкий запах пота вовсе не был неприятным, Лёша ведь не неделю здесь валяется, и до покойника ему далеко, судя по той силе, с которой он удерживал девушку, и по привычным шуткам тоже.

– Лёша... Я люблю тебя, – Оксана закрыла глаза, прислушиваясь к ровному ритму сердца. Никакое «люблю» не заставило его биться чаще...

Жаль тратить силы, их оставалось совсем немного. Пусть просто будет рядом, как любимая мягкая игрушка. Которая лет пять уже не надоедала и безотказно радовала, когда хотелось взять ее с собой в постель... Если бы Ксюша все-таки затеяла свои медицинские процедуры с обтираниями, пришлось бы позорно признать, что мало на что способен, лишь поглаживать слегка и смотреть на нее. Одета девушка не доставляла большого удовольствия, но зачем же раздевать, обнажившая?

Похоже, самочувствие улучшилось, раз полезли в голову такие хулиганские мысли. А сейчас в голове прокручивался еще и прерванный сон: нападающие в темноте твари, в кобуре нет оружия, страшное ощущение слабости и обреченности на миг. Как ему вдруг захотелось сдаться, отказаться от борьбы, потому что нет сил, потому что безумно устал. Оксана не в состоянии помочь справиться ни с одной его проблемой, могла бы немного облегчить боль, но... Но Алексей и сам хотел этой боли, она проясняла разум, не следовало усыплять его снова. Пусть Ксюша полежит спокойно и не суетится, так от девушки меньше вреда.

Появилось даже чувство легкой обиды, потому что в помощи Алексей больше не нуждался. Ничего нельзя сделать с раненой рукой, со временем само заживет. Его одежда была в порядке, вещи аккуратно разложены по местам, чистая вода теперь придвинута поближе к кровати. Даже открытая банка консервов прикрыта полиэтиленом, чтобы не засохло. Лёша, похоже, окончательно отвык от людей, или просто Оксана сама чувствует себя не на своем месте рядом с ним. Он снова бессовестно и демонстративно скучал. Почему же тогда так крепко прижимает к себе, не отпуская?

Боясь уснуть рядом с неподвижным Алексеем, Оксана пошевелилась и села на койке.

– Мне нужно уходить. Если бы Юрий Борисович не отправил со мной охранника, я могла бы остаться на весь день. Но этот человек ждет меня.

– Если нужно... – Алексею было уже безразлично, ждет ли охранник, сидит ли рядом Ксюша.

– Лёш, а там вода осталась?

Под левой рукой кружка расположилась намного удобнее, но все же привстать, опираясь на распухший локоть, оказалось теперь непростым делом. Движение вышло неловким, половина воды выплеснулась на ее одежду, Алексей любовался обозначившимися под мокрой тканью вожделенными округлостями. «Ксюш, извини, я не мог удержаться! Хоть эстетическое удовольствие себе доставил, в остальном сейчас полная несостоятельность, несто... Черт, в общем, не уверен – и не пробуй».

– Что же делать? – девушка опустила глаза в растерянности.

– Не успеешь замерзнуть, тут совсем недалеко.

– Нет, Лёш... Там же охранник. Он увидит.

– Пусть смотрит, тебе нечего стыдиться. Только руками трогать не позволяй.

Себе самому Алексей позволил лишь целомудренно поцеловать Ксюшу горячими сухими губами. Даже это оказалось малопривно – тонкая кожа потрескалась от жара. Но сил немного прибавилось. Проводив девушку, он решил все-таки добраться потихоньку до санузла и попытаться смыть с себя эту неприятную слабость, обходясь без посторонней помощи.

* * *

– Юрий Борисович... – Оксана решительно настроилась защитить Алексея в меру сил. – Он очень плохо себя чувствует! Температура, и вся правая рука в синяках. Его кто-то очень сильно покусал. Если Лёша... Алексей выйдет один из бункера в таком состоянии, то это рискованно. Он может погибнуть.

– Тарасова! – но пришлось чуть приглушить тон, наглость девчонки имела под собой основания. Как же надоели все эти страсти-мор-

дасти, хоть кто-нибудь сохранил тут ясный ум или в бункере наступила круглогодичная весна для влюбленных и шизиков?! – Оксаночка, вы плохо знаете своего Алексея. Он мужчина прежде всего. И то, что вы сейчас тут за него просите, прозвучало бы для него как оскорбление.

– Но я сама видела. Он едва держался на ногах.

– Это сегодня. Через пару дней всё будет хорошо.

– Но его рука... – такой отек и болезненные синяки не сойдут быстро, Лёше просто опасно выходить снова, рискуя ввязаться в бой с мутантами.

– Он вооружен, вы сами отнесли ему боеприпасы. Алексей отлично владеет оружием, – вот тут пришлось преувеличить, Колмогоров никогда не числился среди лучших стрелков бункера, но, как известно, экстремальные обстоятельства заставят либо стать лучшим, либо умереть.

– Юрий Борисович, я понимаю, что не имею права спрашивать... Но все-таки, скажите хотя бы, насколько это всё опасно?

– И я не имею права вам ответить. – Привратник был доволен, что Алексей не посвятил девушку в подробности, впрочем, он безмерно удивился бы, поделись вдруг этот скрытный человек своими планами. – Но это действительно опасно. Я ничего не скрывал от Алексея, он согласен на мои условия. Согласитесь с ними и вы, Оксана. Просто поверьте, что он справится, ведь и раньше ему всё удавалось. Ведь вы любите его именно за это?

– Наверное...

– А когда ему потребуется ваша помощь, я обещаю сообщить вам.

Не каждый осмелился бы возразить Главному, вообще выразить какой-либо протест в этом кабинете, но девушка нашла в себе силы. Грицких задумался, не считал ли он Тарасову до сих пор слишком покладистой, слишком глупой? Нет. Красивая женщина, умом не обделенная, прирожденный манипулятор, если бы только ей не встретился именно Алексей... Могла и отступить, понимая, что эту крепость штурмом не возьмешь. Но трудно не влюбиться до потери сознания в этот гибрид Аполлона, Гермеса и Ареса в одном лице! И поэтому Оксана сделает все как надо, а протесты можно и потерпеть. Грицких ожидал чего-то подобного, девичья истерика оказалась даже слабее, чем он предполагал. И какого черта хотел Колмо-

ров от Лены, теряя время?! Чего еще искать, когда такая красотка смотрит, как на бога? Что ж, шанс прожить вместе долго и счастливо они уже упустили. Теперь остается лишь умереть в один день – это Главный Привратник им обоим гарантирует. Свидетелей остаться не должно.

* * *

В уголке сумки с боеприпасами нашелся сверток, Алексей распаковал его, и на стол чуть не высыпалась куча порошка: пищевые добавки, которые выдавались всем в бункере. Оксана положила, наверное, Грицких бы не допёр. Смесь из сушеной хвои, травок и перемолотой яичной скорлупы помогала хоть как-то поддержать организм при однообразном питании. Ему бы сейчас лекарств нормальных, а не витаминны. Ничего, обойдется.

Осторожно перекладывая все это в более удобную банку, Алексей вспомнил Леночку... Когда закончились таблетки, которые еще кое-как принимал капризный ребенок, он едва смог заставить ее съедать хоть немного этого непонятного порошка. Дядюшка с этим дела не имел, его не касалось, что девочку приходится подолгу уговаривать, рассказывая при этом чуть ли не про биохимические процессы человеческого организма... Что из этого понимала малышка, Алексей не знал. Но «умные слова» действовали безотказно!

Лена... Теперь сухая смесь и у него застряла комом в горле, некому было уговорить проглотить. Аргументов не нашлось бы – спасти быстро угасающую жизнь незачем. Но Ксюша-то не знала, не пропадать же добру. В метрополитене Алексею этого не хватало, как здесь не хватает иногда мерзкой выпивки Китай-города. Он чуть было не превратился в такого же бледно-зеленого обитателя вечной темноты, где нет ни витаминов, ни кварцевых ламп, если только для самых-самых... А бункер жил и размножался до сих пор, пару лет так размножался, что пеленки не висели на веревках разве что в «оружейке» и в зале Совета. Алексея не мучила тоска по родным стенам, не хотелось возвращаться ни в какой человеческий муравейник, а путешествий во времени не бывает, к сожалению.

Он пил уже третью кружку воды, и все еще было мало... Наверное, долго провалялся в полубреду на промокшей от пота постели, надо бы

сменить белье – чуть позже, когда появятся силы для этого; пока лишь пульсирующая под посиневшей кожей боль держит в сознании и тонусе. И злость на всю эту мутантскую сволочь.

Он встряхнул старый измятый полиэтиленовый пакет, на одеяло выпала зубная щетка и снова порошок, смешанный для экономии с толченым углем. Алексей смеялся до слез: как мамочка позаботилась, будто он сам мог об этом забыть. А носового платка все же не нашел. Видно, вытирать ему сопли Оксана еще не намеревалась. И на том спасибо.

ГЛАВА 7

ЭХО ВОЙНЫ

Пальцы так и оставались ненормально синюшными, опустившаяся во сне вниз рука распухла. Алексея уже порядком бесило это неработоспособное состояние. Он заставил себя встать, с трудом добрал до стола и решил хотя бы навести порядок в добытой столь высокой ценой информации. Мысли путались и уплывали, пальцы едва держали тонкий карандаш, но он упорно царапал на бумаге линии, сложившиеся в конце концов в контуры полукруглых капониров и хозяйственных построек на наблюдаемой территории.

Вышки не всегда располагались так, как сейчас: когда-то они, похожие на крепостные башни, возвышались по углам периметра. И основание одной из них до сих пор было видно даже под снегом. Только выглядит эта опора не такой обгоревшей. Могли бы и убрать, но уж слишком крепко сидела она в земле. Впрочем, это не мешало вышке рухнуть в один момент во время давнего вооруженного конфликта. Когда-то здесь не царила такая мирная идиллия...

Восемнадцать лет назад обнаружить рядом живых людей было приятно поначалу, тем более когда делить нечего: складов МЧС хватило всем. Запасы Росрезерва благополучно перекочевали в хранилища. Но если бункер вместил в себя и выживших, и всё необходимое, то соседям скоро стало тесно. Самолетные капониры не были предназначены для проживания, их пытались усовершенствовать, сделать при-

годными для большого количества людей, но все равно они казались лачугой бедного родственника по сравнению с просторными помещениями убежища. И казалось так не только Алексею.

Впервые столкнувшись с незнакомцем у склада МЧС, уже тогда в шутку названные сталкерами первопроходцы поверхности не подозревали, чем это может закончиться. Защищать свою собственность люди умели, но теперь-то собственность была чужая, поэтому и не пришлось в голову просто пристрелить покусившегося на те же запасы. Контакт был установлен. Нестеров тогда еще не набрался пафоса и высокомерия, но в роли главы своего маленького общества выглядел вполне достойно. Совет больше походил на парламент, поэтому единоличное правление у соседей всех удивило. Алексей помнил многое из того, что говорилось, хоть и не все еще понимал в свои шестнадцать лет. Борис Владленович объяснил непонятное, именно тогда политика перестала быть просто абстрактным словом, а стала частью жизни.

Конечно, Алёшу на переговоры с загадочным Председателем по имени Александр Сергеевич не взяли. Но информацию о них он получил довольно подробную, усвоив первые уроки лицемерия: за спиной о человеке говорится намного больше и намного интереснее. Потому что не все цветистые фразы Нестеров мог высказать на Совете – даже там играл свою роль. В окружении семьи, каковой он считал Леночку и юного воспитанника, Главный не стеснялся в оценках, его едкие и отточенные формулировки запоминались надолго.

Еще пару лет загадочный Председатель оставался для них мрачной и таинственной фигурой без лица, вызывающей вечное недовольство Совета Привратников. Почти таким он и оказался при личном знакомстве, когда Борис Владленович решил, что пора научить Лёшу искусству дипломатии. Он не боялся, что скрытный и малоразговорчивый воспитанник вдруг с необдуманной непосредственностью выдаст его тайны. Этого не случилось, Алексей держал при себе свое мнение, в том числе и о самом наставнике. Да и с кем ему было делиться? С маленькой Леной? Молчаливая тень Главного еще не обрела ни собственного голоса, ни даже права на него...

Пустующий бункер давно не давал покоя соседям. Но Нестеров непреклонно отказывал им в праве совместного использования. В то время нежилые помещения уже стали теплицами, и убирать этот огород ящиков с рассадой из-за каких-то чужаков никто бы не позволил. На-

сколько тесно живут в капонирах, Алексей даже не догадывался, пока не побывал там сам. Правда, это было позже, когда численность населения заметно сократилась. И он тоже приложил к этому руку.

Учитывая «обострение внешнеполитической обстановки», наблюдение у гермоворот тогда велось непрерывно. Никто из охранников не хотел, чтобы в случае выхода из строя системы наблюдения его пинками выгоняли с черного хода выяснять причину поломки и налаживать оборудование. Но только один человек почувствовал в этих разгуливающих по поляне вооруженных людях какую-то угрозу. Серяков, тогда еще рядовой сталкер, долго вглядывался в передвижения соседей, не подпуская никого к «перископу». И когда не смог ничего доказать и объяснить дежурным у входа, направился к Главному Привратнику. Нестеров отправил наружу вооруженный отряд, но поляна была уже пуста. А второй бункер наотрез отказался открывать двери, громко возражая изнутри чьими-то незнакомыми голосами. Захват территории начался.

Захватчиков просто заперли под землей, не позволяя выйти наружу. Бойцы с оружием засели вокруг заблокированных выходов, но в любой момент могло подойти подкрепление. Поэтому, чтобы этих плененных «паулюсов» никто не освободил, пришлось задействовать все резервы бункера, организовав вокруг собственную оборонительную линию. Алексей, привычно надевая ОЗК, не понимал, отчего у Бориса Владленовича такое белое лицо, не слышал, что он шепчет ему вслед, почти беззвучно шевеля губами.

Алексей едва не заснул, удобно расположившись на траве за обломком бетонной плиты, – на границе леса таких позиций было немало. Оглядываясь по сторонам, он мог видеть таких же прикорнувших в тенечке сталкеров. Прилетевший на загривок камешек, брошенный приятелем Сашкой, заставил пробудиться от сонного состояния – со стороны аэродрома приближались несколько человек. Предупреждающий окрик заставил их залечь на землю, но не надолго. Алексей едва разобрал слова, по смыслу показалось, что командующий обороной запрещал дальнейшее передвижение, иначе будут стрелять. Через некоторое время соседи снова поползли по полю к позициям, иногда поднимая головы, чтобы сориентироваться. Привставшие с земли

сталкеры наблюдали за ними с любопытством и ждали команды к действию, поправляя комбинезоны и перчатки, чтобы не помешали в рукопашной, но вместо команды к бою прозвучал выстрел... На землю теперь упали все, исключая, наверное, самого стрелка. Алексей осторожно выглянул из травы: в сотне метров впереди на поле продолжали шевелиться несколько бойцов, беспорядочно отползая, кто вперед, кто назад. Только один комбез оставался на месте, тонкую резину слегка колебал ветер.

Быстрее опомнились соседи, беспорядочные неприцельные очереди ударили по кустам, пуля врезалась в бетон над головой, засыпало пылью... Поначалу взведенный и готовый к бою автомат казался лишним предметом в руках и мешал вжаться в землю, чтобы выстрелом не достало! Для чего он нужен, Алексей вспомнил потом, когда услышал крик где-то со стороны своих в лесу неподалеку, а мир поделился на две части. Удобная ложбинка камня помогла основательно приладить ствол, прицельная рамка навелась на движущийся объект. Не морда с оскаленными клыками, не шерстяной бок... Человеческое лицо, скрытое противогазом, возможно, более озлобленное, чем любой мутант... Снова пыль в окуляры – напротив засел довольно меткий стрелок, Алексей отпрянул назад, под защиту удачно выбранной позиции.

Страх сковывал по рукам и ногам. Сталкеры хорошо знают, каких дел натворит автоматная пуля при попадании, и сейчас ярко-алый цвет крови в воображении заслонил собой голубое небо и зеленые сосны, уже мерещился хруст кости черепа от пробивающей его пули. Интересно, слышит ли его еще человек или уже не успевает? Чушь собачья! Страх можно убить, спусковой крючок нажимает человеческая рука – это сталкер тоже хорошо знает! Но трудно прицелиться в лежащего напротив, изо всех уязвимых точек разве только задница, а попадание в нее, к сожалению, к летальному исходу не ведет.

Это все сочиняют, что пули жужжат или свистят в воздухе, но Алексей реально ощутил их вокруг себя: расщепившаяся вдруг отчего-то веточка, как бритвой срезанная трава, без ветра взметнувшаяся вверх. Выстрелы слышались отовсюду, патронов никто не жалел, и непонятно было, которые же по его душу? Не нужно было видеть или слышать – Алексей просто знал, что сейчас какая-то сволочь

хреначит очередями по обе стороны камня, за которым он укрылся. По обе стороны? Его словно подбросило вверх. Это уже после он нервно шутил, что как на крыльях вознесло, так легче окажется еще выше отлететь... А тогда противник никак не ждал, что безответный и нерешительный парень, загнанный в угол, вдруг встанет во весь рост, пренебрегая надежным укрытием. И сверху вниз высадит весь магазин по хорошо различимому светлому комбезу в траве. Алексей видел, что не промазал, по тому, как вздрагивало тело, как оно выгнулось от попаданий пуль и боли, и снова нырнул вниз. Он не слышал крика и не знал, попал ли наверняка. Поэтому после недолгих сомнений – а трава по бокам больше не шевелилась – решился выглянуть и убедиться.

Он попал. Не так уж велико расстояние, чтобы не разглядеть шарившую в воздухе окровавленную перчатку, судорожно дергавшиеся ноги и руку на разорванном пулей горле... То ли зажимающую оставшиеся клочья плоти, пытавшуюся остановить льющийся в легкие горячий поток, то ли, наоборот, раздирающую шею, чтобы глотнуть еще хоть немного воздуха. Поэтому крика и не было. Нечем. Не выживет. И больше не выстрелит!

С ощущением радостной эйфории, переполнявшей его, Алексей обернулся направо, запоздало подумав, что, поглощенный собственной войной, забыл об остальных. Возможно, для кого-то перестрелка оказалась не столь удачной. Сашка блевал на землю, отшвырнув противогаз, и вытирал лицо рукавом комбеза. Он на миг взглянул на бьющееся в конвульсиях тело и уткнулся лицом в траву, откуда снова донеслись отвратительные звуки. Преодолев позывы последовать его примеру, Алексей крепко прижал к плечу приклад автомата и искал новую цель.

АК больше не казался чем-то чужеродным, зрение будто слилось с прицельной рамкой, обрело невиданную четкость, обнаружив в нескольких десятках метрах вороненый ствол среди поломанных метелок черныбыльника, безошибочно отличая его от кусков ржавой арматуры... Боец залег там, где его застали выстрелы, автомат высунулся из травы слишком высоко, будто хозяин зажал его под мышкой, обхватив голову руками. Алексей пытался угадать, где уязвимое место, и не мог. Поэтому сосредоточился на самом автомате, мягко нажимая спусковой крючок. И когда какая-то неведомая сила рванула из рук укрыв-

шегося противника оружие, он рефлекторно потянулся за ним, привстав, Алексей этого уже ждал.

Голова сталкера не разлетелась, наверное, лишь потому, что ее плотно облегла резина ГП-7 и капюшон ОЗК. Одиночные выстрелы из засады оказались эффективнее, от очередей слишком сильно гуляет ствол. Алексей снова отполз под прикрытие камня. Хорошая игра. Бонусов никаких, зато экспириенса – хоть жопой ешь! Показалось, что он уже несколько часов лежит здесь, вжавшись в землю, а палец прирос к спусковому крючку. Показалось. Несколько минут прошло. А когда битва шла на прямоугольнике компьютерного монитора, оглушая в наушниках грохотом взрывов, криками врагов и сопроводительной музыкой, пролетевшие незаметно часы, наоборот, казались минутами!

Еще не забыл этого, оказывается, и теперь с усмешкой глядел на приятеля, так и не надевшего противогаз на бледное лицо. Внутри тоже успел наблевать, наверное. Выстрелы еще продолжали греметь где-то неподалеку, но Алексей решил, что свой сектор он уже зачистил. Команд больше никто не отдавал, да и не было в них необходимости – смысл происходящего дошел быстро. Останься в живых. И убей, если сможешь. Так что даже Сашка выполнил половину поставленной задачи, неплохо на первый раз.

Сначала внутрь бункера внесли раненых и одного убитого, потом в шлюз начали запускать и остальных, Алексей переступил порог со странным чувством – хотел вернуться назад... Насколько он недавно всеми фибрами души желал оказаться дома за безопасными стенами, теперь что-то изменилось и тянуло обратно на поле, покрытое пожелтевшей травой и политое местами кровью. Это был хороший день, хотя бы потому, что жизнь на нем не закончилась.

Сашка, стоя у выхода в одних штанах, стыдливо комкал за спиной перепачканную рубашку, Алексей привычно отвел рукой с лица лохмы челки, липнущей ко лбу после душного противогаза, тогда еще довольно густой, а не превратившейся с возрастом в несколько тонких длинных, будто недостриженных, прядей. От мокрых после дезраствора автоматов сильно пахло порохом, Лена всегда улавливала этот тревожный запах, встречая Лёшку после рейда, но волноваться за него постфактум было уже глупо. Девочки не оказалось среди собравшихся –

Алексей искал ее взглядом, старательно избегая глаз обеспокоенного Нестерова. «Почему ты промолчал? Почему НИКТО и НИЧЕГО не сказал?! Ну, хоть бы какие-нибудь идиотские слова, вроде «парни, вы больше не в Канзасе, это боевая операция». Почему? ПОЧЕМУ? Нет ответа. И нет приветствий отличившимся героям... Потому что нет героев, а есть несколько пропахших потом и пороховым дымом мужиков и молодых ребят, выполнивших приказ и не знающих, зачем они сделали это... И кем же теперь считать себя? Они просто нерешительно столпились у двери и ждут, когда им об этом скажут.

Не обнаружив Леночки, Алексей нашел свою девушку, слегка улыбнулся ей уголками губ. Что, ей уже не нужен этот парень, до сих пор сжимающий в подрагивающих руках стреляный АК? Снова время замедлило свой ход, как недавно под автоматным огнем, или просто Главный Привратник впервые не нашел приличествующих случаю слов? Алексей почти набрался решительности посмотреть ему в глаза, выдавая свои не самые правильные и теплые мысли, но тут Нестеров отступил в сторону, пропуская Леночку. «Девочка моя, не сидится тебе на месте... Дядю с дороги отпихнула, а без Лёши никак не обойдешься!» Быстро сунув автомат Сашке, Алексей перехватил маленькую подружку на бегу и поднял повыше.

– Привет! Лен, ты меня от позора спасла, когда слопала половину моего завтрака. Вот Саше так не повезло.

– Лёха, какое же ты трепло, блин!

Подружка постарше может и подождать, если боится подойти или брезгует им, запачкавшим руки кровью... Ревновать к десятилетней девочке было глупо, но она ревновала. Алексей лишь мельком взглянул, ее мысли легко угадывались: никак не оторвать от него эту прилипшую малышку, еще больше расплатится. Да и племянницу Главного трогать небезопасно. Ни черта она не понимает! Вот Лена поняла, поэтому перестала всхлипывать и только сопит в ухо как-то сочувственно. Девочка, кажется, понимает... Как ему сейчас тоже хочется снова иметь такую же возможность плакать от обиды: за что?! Почему мы? Почему они? И кому это всё надо?! На том поле не было ни одного человека – ни одного! – кому не стало бы уже через пять минут срать на этот чертов неделимый бункер! Заинтересованные оставались под защитой убежищ и выжидали. Тяжело-то как было, наверное, мать их!

– Ш-ш... Лёша... – Ленка утешала его так же, как он сам когда-то пытался справляться с ее детским плачем. Она чувствовала, что Алексей, успокоившись было, снова тяжело дышит, пытаясь не то усмирить эмоции, не то, наоборот, вызвать в себе эту давно потерянную способность видеть расплывчатый, туманный и совсем не страшный мир сквозь соленые капли на ресницах, ведь ему сразу же становилось не так больно... Теперь наружу рвутся лишь слова: «За что?! Почему ты послал меня туда? Ты знал... Ты знал и ни словом не обмолвился! Предатель». Мир снова был поделен надвое – отдающие приказы и выполняющие их. Алексей окончательно выбрал свою половину. Только Лена оказалась в самом центре всего этого уже навеки застывшего равновесия – он не мог решить, где ее место. Мог лишь еще раз коснуться небритой щекой нежной детской кожи, улыбнуться через силу и все же посмотреть в глаза ее дядюшке. «Предатель!» И тоже с улыбкой: «Я жив, сука».

«Я жив, сука!» Теперь эти слова также мысленно адресовались уже другому Главному Привратнику. А в лицемерной улыбке уже давно не было необходимости. Снова в крови кипел адреналин, боль немного утихла, потому что Алексей долго сидел без движения. Двигаться хотелось! Взять карабин, выйти наружу и оставить на снегу еще несколько окровавленных тушек! Или...

Девушка все-таки дождалась его, ближе к ночи, когда утихли разговоры о первой серьезной перестрелке, когда мужики и молодые парни крепко выпили для снятия стресса и за помин усопших. Она не произнесла ни слова, понимая, что мужчина хочет тишины, но взаимопонимание на этом закончилось: Алексей еще и зажал ей рот ладонью для надежности, чтобы не кричала, обошелся без прелюдий, употребив девушку в свое удовольствие, добившись нужного результата: полной потери сил и провала в черное беспамятство. Утром пришлось выслушать все не высказанные ночью слова, Алексей лишь удивлялся, что проснулся не в пустой постели. Как ее звали? Верочкой? Или Юлей? Бывшая юная пышечка через пару лет едва проходила в дверь боком, и он уже тогда не всякий раз узнавал ее при встрече. А в то утро после вялых оправданий и «Да ладно... – вот, вспомнил, Люся, точно! – иди ко мне», он схлопотал подушкой по лицу. Можно было

снова помириться, ведь разобиженная насмерть Люся не стала бы терпеливо ждать, когда же «надругавшийся над ней подонок» откроет заспанные глаза. Но Алексей окончательно отказался играть по чужим правилам. Если, конечно, сделка не сулит очень выгодных условий.

Время неподчинения еще не настало, поэтому пришлось поучаствовать и в операции по извлечению чужих сталкеров из бункера. Дверь вскрыли быстро и, ворвавшись внутрь в лучших традициях спецназа, переловили нарушителей границ, обезоружив, положили всех на пол. Там же и отпинали ногами, увидев, что успели натворить шесть человек, сколько рассады попортить и сколько запасов сожрать... Двоих пришлось выносить в бессознательном состоянии и обустраивать в отдельном помещении под присмотром медиков, потому что обозленные бойцы сильно перестарались. Алексей решил, что Нестеров ошибся, посылая на этот захват уже обстрелянных, сейчас сводивших счеты с противником. Но ведь никто заранее не знал, что те сдадутся без сопротивления... Запертые под землей, они ничего не слышали о перестрелке.

Теперь уже бункер, сыграв на опережение, рассредоточил свои вооруженные силы по аэродрому, выдвинув линию фронта далеко вперед к реке. Группы, скрытые рельефом местности, ожидали в засаде. Алексею снова «повезло» нарваться на так же скрытно передвигавшийся вражеский отряд. Столкнувшись почти вплотную, бойцы не растерялись, рукопашный бой был короче и намного жестче.

Надежно прикрытый неведь где раздобытым омовским щитом противник был неуязвим для любого удара и ножа, но и выстрелить тоже не мог. Сильный, как медведь, не поленившийся тащить с собой такую тяжесть, он всю отмахивался помятой железкой. Алексей лишь успел разрядить половину магазина «калаша» этому вражине под ноги, даже не задев, потому что мощный удар краем щита под ребра опрокинул назад, и, едва отдышавшись после спазмов внутри, он вдруг увидел над собой эту железную гильотину, замершую в верхней точке и готовую опуститься ровненько между плечами и подбородком. Вовремя откатившись, Алексей почувствовал лишь легкое скользящее прикосновение, щит глубоко погрузился в грунт, подавшийся вперед противник не успел выпрямиться. Пришлось, не дожидаясь этого, вре-

зять прикладом ему под колено, а после, вскочив на ноги и стремительно разворачивая автомат, примкнутым штыком ударить сверху. Длинное лезвие, не встретив сопротивления, вертикально вошло в ямку ключицы. Никто не учил Алексея такому, впрочем, как и приемам штыковой атаки вообще. Труп еще некоторое время стоял на коленях, поддерживаемый щитом, а убийца пытался осмыслить и запомнить хороший эффективный удар.

Поверженный противник, наконец, рухнул, и Алексей тут же снова выпустил короткую очередь в упор по обтянутой ОЗК спине, полукрывшей собой Сашку, лежащего в траве. Опасаясь попасть в своего, он только сшиб наземь чужака, занесшего нож для удара, и хотел протянуть руку приятелю и помочь подняться. Рука Сашки безжизненно лежала под странным углом, на вторую он пытался опереться, но сильная боль заставляла тут же замереть и не шевелиться. Из раскुरоченного плеча толчками била кровь. Алексей вспомнил было про перевязочный пакет, но приложить бинт... вот к этому... не мог. И, не обращая внимания на хрипящего и кашляющего рядом раненого соседа с пробитым легким, так и стоял бы, наверное, вечность, если бы не оттолкнул Серяков, не сунул в руки горящую зажигалку: держи!

И он держал быстро нагревающийся металлический корпус «зип-по», пока не начали плавиться перчатки, но тут сталкер уже достаточно раскалил в пламени кончик ножа и прижал его к Сашкиной ране, прижигая крупные кровеносные сосуды. Тот заорал, наконец, – до этого только хлопал глазами от боли и ужаса. Алексей осторожно подсунул под тело приятеля тот треклятый, но так пригодившийся сейчас омовский щит. И охотно впрягся в лямку, чтобы волочить его назад несколько километров. Лишь бы не оглядываться... Не видеть этих, все равно до сих пор стоявших перед глазами, порванных мышц и сухожилий, в которых белеют мелкие осколки кости. Смерть уже не казалась ему самым худшим исходом дела.

Удалось обойтись без ампутации руки, избежав и заражения крови, но владеть ею полноценно Сашка больше не мог, впрочем, подвижность кисти полностью сохранилась, если подвесить локоть на перевязь. Алексей потому и вспоминал о бывшем приятеле так подробно, что все прелести положения теперь ощутил на себе, самому подобная конструкция не помешала бы. Вот только мастерить ее ради пары дней казалось нерентабельным.

Нестеров, видно, решил, что его подопечный большой везунчик, если упрямо возвращается целым и невредимым раз за разом, но в штурме периметра Алексей все-таки уже не участвовал... А представлял его по рассказам настолько хорошо, будто видел собственными глазами. Удача одарила чуть раньше: ему посчастливилось в составе ремонтной бригады починить и завести старый бульдозер. И тут же обрести бронь от любых дальнейших армейских призывов, как ценному специалисту.

«Ценные специалисты» по очереди рулили мощной строительной техникой, осваивая рычаги, пока на них не рывкнули с настоящей просьбой не расходовать топливо в развлекательных целях. Мотор теперь был надежно укрыт толстыми стальными листами, поднятый ковш-совок в теории должен заслонить кабину, которую тоже переделали в подобие танковой башни, только без дальнобойной артиллерии. Гусеницы и так казались неуязвимыми для мелкого калибра. Превращенный в боевой таран бульдозер занял свое место в строю. Дальнейшее Алексей знал только с чужих слов. И сразу мог предугадать, что противник, услышав издали звук мощного мотора, успеет не только подготовиться, а даже пообедать, чтобы скрасить время ожидания этой тихойходной техники...

Гусеничный транспорт легко преодолел все препятствия, но скоростью танка действительно не обладал, поэтому его встретили скоординированным автоматным огнем. После чего полуопущенный ковш методично, один за другим, переломал часть столбов ограды, вдавливая в землю скрученную проволоку. Если соседи и жалели, что сменили первоначальный подгнивший частокол забора, то недолго: бульдозеру и он не стал бы помехой. Вышки ему тоже ничуть не помешали: со второго захода, примерившись, водитель переломил нижние опоры, и накренившаяся конструкция раскатилась по его крыше вместе со всем содержимым. А на земле за упавших дозорных взялись уже легковооруженные бойцы, выводя всех из строя.

Многочисленный отряд не помещался под прикрытием бульдозера, поэтому выбрали самых подготовленных и отчаянных. Второй вышке не так повезло, ковш надавил плашмя, и верхняя площадка вместе с людьми улетела вглубь периметра с пятиметровой высоты. Оттуда полыхнуло, пламя тут же разбежалось по сухой траве, у приготовленных бутылок с зажигательной смесью успели поджечь фи-

тили. А третья нанесла ответный удар, жидкий «коктейль Молотова» брызнул во все стороны, потек по кабине бульдозера, беспрепятственно проникнув внутрь огненными ручейками. Вышку снесло, как тростинку, водитель с автоматчиками успели выпрыгнуть из горящей кабины, а уже неуправляемый броневик проехался по полю, оставляя за собой огненный след, и взорвался неподалеку, когда пламя добралось до бака. Оставшаяся без прикрытия группа не успела отойти и попала под обстрел выжидавшего и окопавшегося противника.

Все же горящий бульдозер оказал последнюю помощь, укрыв отступающих бойцов дымовой завесой, однако, их число существенно уменьшилось.

Нешуточные боевые потери ничуть не смутили Совет, готовый отстаивать свою территорию и власть над ней до конца. Но для Серякова, который после гибели более опытных вояк остался последним командиром хоть с какой-то подготовкой, этот конец наступил намного раньше. После того, как он просидел всю ночь около обожженного бойца, которому уже не помогало никакое обезболивание и умершего к утру, потому что сердце не выдержало.

Это было первое серьезное заседание Совета, на котором присутствовал и Алексей. Нестеров еще не знал, куда пристроить своего способного воспитанника, предоставил определиться самому. Нахлебавшийся боевой романтики по самое некуда воспитанник всей душой был согласен с командиром, если бы только кто его спрашивал... Впрочем, Серяков никого не спрашивал, а просто поставил Совет в известность, что выйдет сейчас наружу и прекратит немедленно всю эту убийственную глупость! И вышел, один, без сопровождения, оно ему не требовалось. Вернулся через два дня с известием, что соседи согласны прекратить военные действия, если им вернут захваченных в плен людей. Вот тогда Алексей полностью поверил в искусство политики, разочаровавшись в силе оружия. Хотя эта командирская «политика» едва ли связывала два слова без мата, но почему-то оказалась результативной. Дипломатичный Нестеров закрепил успех, договорившись обо всем окончательно. Те, кто ведет войны, выигрывают их. Но пользуется этим выигрышем тот, кто даже не ступал на поле боя.

Военнопленных, снова слегка побитых, выкинули наружу, один из них протестовал и просился обратно. А дочь Привратника Хлопова, которую мобилизовали для оказания им медицинской помощи, со слезами просила отца разрешить ему остаться. Но Совет непреклонно приказал всем выметаться вон и не приближаться больше к бункеру.

Уже через несколько дней парень снова стоял перед «перископом» и вовсю махал руками, привлекая внимание охраны. Его товарищи расселись по краю поляны, отложив в сторонку оружие в знак мирных намерений. Хлопов надолго заперся с ним в шлюзе, впрочем, их тайные переговоры ничем не закончились. Некоторое время спустя за влюбленную Джульетту взялся уже Главный Привратник... Нестеров пытался донести до нее, что союз с врагом невозможен по многим стратегическим причинам, девушка внимательно слушала, но в самый патетический момент речи вскочила и, прикрывая лицо руками, издавая уже на ходу явно нездоровое бульканье, понеслась в уборную. Борис Владленович быстро понял, что не его персона вызвала такую странную реакцию. А стратегические причины есть теперь не только у него... И плюнул.

Разрешенный в порядке исключения брак вскоре перестал быть исключением. Конечно, никто ничего не забыл, да и трудно забыть потери более чем в пятьдесят человек с обеих сторон, но бывшие враги изо всех сил старались. И спустя несколько лет это даже почти удалось. Представители двух поселений подписали мирный договор и обязались оказать союзническую помощь в случае нападения чужаков. И, убрав с аэродрома сожженный бульдозер, совместными усилиями построили новые сторожевые вышки. Сталкеры снова свободно чистили Жуковский, оглядываясь лишь на четвероногих врагов.

Теперь Грицких все-таки решился обойти договор... Каким образом? Скоро он это узнает. Алексей пошевелил затекшими пальцами и, с трудом удерживая в них карандаш, продолжил рисовать периметр, уже сильно напоминающий картину из жизни заключенных из-за колючей проволоки и вышек, помечая в углу листа время смены караулов и вопросы для себя о перемещении ПНВ.

ГЛАВА 8

ДОГАДКИ

Привратник Лапин уже обо всем догадывался, быстро сопоставив внезапный переход старшей Тарасовой в ночную смену работников столовой и утренний осторожный скрип двери крадущегося домой Валерки. Пусть догадывается. Ей нечего скрывать, наоборот, дружба со сталкером и не должна оставаться тайной. Нет сил терпеть! Но надо. Не дать понять Валерию, что он уже просто выводит из себя полным неумением обращаться с женщиной. Оксана молчала, а внутри бушевал ураган возмущения. Почему нужно сначала мять нижнюю часть тела, потом резко переходить к верхней и трудиться уже там? Хотелось отскочить подальше с воплем: у тебя же две руки, идиот!

Если парень действует руками – молчит, начал шептать комплименты – перестал шевелиться. Ну почему у Алексея получалось это всё одновременно?! Как тут можно чему-то научить? Только если заставить прекратить свои нелепые манипуляции и сделать всё самой, но при виде такого разврата юный Лерик впадет в шоковое состояние. Оправдывала его только искренняя нежность, от которой можно даже получить удовольствие. И руки он все-таки отмыл растворителем, отчего сегодня их окружал непереносимый запах какой-то дряни. Целовать Оксану он поначалу боялся, поэтому хоть здесь удалось установить свои порядки и научить делать это как следует. Скучно! Валерий хоть и был несколько неопытным, но быстро понял, что нравится ей, раздражение постепенно улетучивалось.

А закрыв глаза, можно даже представить на его месте другого, ради которого стоило стерпеть всё. Только так она смогла заставить себя положить голову Валерику на плечо, даже более крепкое, чем у Алексея. И почувствовать, как он осторожно касается пальцами ее волос, которые Лёша не стеснялся на руку намотать. Зачем сравнивать? Когда можно иметь и то и другое. Только нужно подождать немного и забыть легкую обиду. Теперь точно забыть, ведь то, чем Лёша пренебрег, другому кажется очень желанным.

Лерик что-то увлеченно рассказывал о красотах вокруг бункера, а она только с улыбкой спросила:

– Когда ты мне это покажешь?

И он замолчал – зависело от отца, поэтому обещать конкретно ничего не мог. Чтобы поторопить его и добавить решительности, Оксана, снова зажмурившись, будто неосознанно поглаживала шею и грудь Валерия – раньше он и об этом не мечтал! А теперь уже привык к хорошему, и приходится изобретать более сильные средства убеждения. Оксана еще пыталась вообразить другого человека, иначе ладонь не будет так естественно скользить вниз по чужому телу... Совсем чужому, до почти полного равнодушия. Алексей на такое бровью не повел бы, лишь мог заметить с усмешкой, что рукой и сам управится, а вот если бы девушка снизошла – и выразительный взгляд, куда именно нужно снизойти – до более откровенных ласк и полного бесстыдства, тогда и благодарность окажется абсолютно безграничной! Именно так бы Лёша и сказал, Оксана вдруг словно услышала его голос. А Лерик только затаился и не дышал, боясь спугнуть кажущуюся ему застенчивой девушку. Не опробовать ли на нем эту неограниченную, хоть и кратковременную, власть, когда мужчина готов исполнить любые просьбы и требования? И Валерка не сможет ее обмануть: слишком честный, слишком простой. Слишком неискушенный...

– Юрий Борисович, запланирован выход наружу, с Лапиным всё согласовано.

– Отменяется, товарищ командир, – вздохнул Грицких. – Вот вечно у вас так: когда я просил пару бойцов, вы мне отказали. Теперь надо вам, и меня уже это не устраивает. Поморозите ребят, на лечение трагиться придется, а вот это уже совсем ни к чему.

– Да етить! – не отличавшийся дипломатичностью Серяков вложил в одно слово все эмоции. – Не знал, что вы такой злопамятный.

– Ничего личного. Просто действительно лучше подождать, а то там такой мороз, что внешняя дверь того и гляди треснет. Или вы хотели провести учения в особо тяжелых условиях?

– Хотел бы. А что?

Евгений самодовольно разглядывал взбешенного командира. Грицких краем глаза наблюдал и за ним. Не выйдет из помощника толку... Пока он доволен, чувствуя себя сопричастным чужой власти, – не будет стремиться к собственной. Так и просидит, не проявляя инициативы, ибо это воистину страшно: открыть рот и ответить за свой базар.

– Подождите некоторое время. Да и Хлопов мне не жаловался на отсутствие свежего провианта. Ну, во всяком случае, не жаловался слишком усердно.

– Юрий Борисович, мне уже иногда хочется на ваше место...

Грицких очень рассчитывал, что это просто шутка.

– Интересно, почему?

– А хочу знать, о чем вы думаете... Но, честно говоря, желание такое у меня нечасто, потому что думать обо всем, как господь бог, я не приучен. Ладно... Буду считать, что у вас есть свои причины. Иногда даже понимаю, почему вы бумажные носители информации отменили. Народ и устно так языком чешет – заслушаешься. Зато контроль лучше.

– К чему вы это сейчас вспомнили?

– Да к тому, что я и так вам скажу, что думаю.

– Игорь Яковлевич, если у вас нет больше вопросов, то я не задерживаю, сам тороплюсь, – пришлось подняться с места и проводить посетителя к выходу. – Евгений, пойдемте вниз в библиотеку, хорошо, что мне напомнили, я давно не видел новых поступлений.

– А откуда новые возьмутся, если последний раз в город ходили еще по осенней грязи?

– Я там как раз осенью и был последний раз. Когда возглавил Совет, прибавилось обязанностей... А теперь могу я немного отдохнуть?

Прежде чем уйти, Серяков окликнул стоящего неподалеку младшего Лапина, чтобы не бегать за каждым сталкером, парень оповестит остальных не хуже.

– Лерка!

Валерий привычно обернулся и тут же принялся возмущаться:

– Игорь Яковлевич! Я уже не маленький, чтобы меня Леркой называть!

– Да ладно... Недавно еще не обижался. Когда под стол пешком ходил. Для командира отряда это действительно было совсем недавно, а молодому сталкеру казалось, что в незапамятные времена.

– А что нужно-то, Игорь Яковлевич?

Парень надеялся, что получит какое-нибудь важное задание, но пришлось его разочаровать.

– Отменяется выход. Собирались вот жирных мутов поискать, но не получится. Запрет на прогулки снаружи. От самого Главного. Ну и нечего задницу морозить, подождете, на ваш век хватит...

Валерик поначалу слегка расстроился, потом просто замер на месте. Он же обещал Ксюше!

– Игорь Яковлевич! А это надолго?

– Ты не у меня спроси, а у того, кто у нас отвечает за выход, у Привратника. У папы своего или Юрия Борисовича. Может, хоть тебе ответят.

– А как же... – Валерий уже не знал, что и сказать. Ничего страшнее рассерженной Оксаны он не мог себе представить, и даже Главный Привратник показался не таким грозным, как обычно. – Юрий Борисович, а правда, как же тренировки?

Евгений продолжал самодовольно улыбаться из-за спины Грицких, будто всем своим видом показывал: мой начальник круче твоего. Юноша не смутился. Зато Ксюша с ним встречается! Но долго она не задержится, если не выполнять ее просьб.

– Валерий, если вы считаете себя без них недостаточно подготовленным, то вам нечего делать в отряде! – раздраженный Главный не потерпел возражений от рядового сталкера, будь он даже сыном Привратника.

Евгений просто лучился радостью, Лерик растерялся, ситуацию разрядил только громкий хохот Серякова.

– Не пугайте мне молодежь! А то нервные будут, как этот ваш задохлик. Женька, уж извини...

Помощник поспешил к лестнице вперед Юрия Борисовича. Валерий все еще пытался осмыслить услышанное.

– Игорь Яковлевич, а как же...

– Не переживай, Главный пошутил, он в людях хорошо разбирается и знает, на что ты способен. Чего со зла не скажешь? – Серяков и не подозревал, что новобранец обижен вовсе не на презрительные слова и даже не на отмену долгожданного выхода, чтобы поразмяться. – Но и нос задирать не надо. Это отец твой на тебя большие надежды возлагает. А я могу в любой момент... просто положить на тебя с прибором, если будешь дурака валять! Так что угомонись, Лерка, жди команды.

* * *

Самому уж не взяться за дело, и не только от старческой немощи, а оттого, что всегда у всех на виду. Но можно отдать приказ, который будет выполнен. Исполнителя следовало поторопить, и так три дня прошли впустую.

– Алексей, не хочу показаться нетерпеливым, но пора уже прийти к какому-то результату. А вы не доложили пока ничего определенного.

Из динамика доносился только скрежет статических помех... Качество связи из шлюза оставляло желать лучшего, но такой способ подчеркнет срочность выполнения задачи. Алексей его прекрасно слышит, но не отвечает, похоже проговаривая про себя пришедшую на ум ненормативную лексику.

– Я понял, Юрий Борисович.

– Чтобы вам было удобнее, я освобожу плацдарм со своей стороны: в течение недели ни один человек из бункера не выйдет. За соседей отвечать уже не могу, поэтому не забывайте об осторожности.

– Недели будет вполне достаточно.

Отключил устройство, гаденыш... Впрочем, отсюда не видно, возможно, у его рации просто садится батарея. Грицких оглядел еще раз полутемный шлюз, задумавшись, хватит ли недели, не вмешается ли в планы еще какой-нибудь шустрый мутант. И услышал глухие удары по внутренней двери.

Евгений хоть и удивился приказу Главного Привратника закрыть за ним дверь в промерзший шлюз, но решил, что старик просто начал немного чудить. Если принимать его распоряжения, сохраняя на лице спокойствие, то он ничего и не заметит. И иногда уж очень хотелось

покрутить пальцем у виска. А при виде бегущего по коридору, насколько позволяла комплекция, Хлопова спокойствия как не бывало. И он начал стучать в дверь шлюза, забыв, что у пожилого Юрия Борисовича может просто не хватить сил открыть ее изнутри. Помогли охранники, и Главный показался на глаза, очень недовольный.

– Евгений... – спрашивать, что происходит, пришлось уже у другого, у запыхавшегося и покрасневшего Привратника: – Что-то случилось?

– Канализацию прорвало на втором этаже, чтоб ее! – Хлопов отдувался, а в голосе было больше раздражения, чем паники. – Юрий, там народ никак не расходит. Их уже и медик наш Фролов пугал брюшным тифом, дизентерией – все равно стоят, ржут и смотрят, как рабочие лопатами говно по полу гоняют!

– Где наш главный туалетный специалист Никитин? Распорядился? Слесари работают? – Грицких при упоминании о нечистотах присел и начал подворачивать брюки. У Хлопова они были уже безнадежно перепачканы.

– Да с этим без проблем... Перекрыли, заменили секцию трубы. Народ надо разогнать, а то и правда разнесут какую-нибудь холеру по всему бункеру.

– Пойдем, разберемся. Устроили, понимаешь, соревнования по керлингу!

Холодному, тяжелому взгляду Главного трудно было сопротивляться. Евгений понял, что сейчас на втором уровне люди даже не разойдутся – разбегутся. Но за начальником не последовал, удовольствовавшись описанием ситуации от Хлопова. Нечего там смотреть. Охранники были иного мнения, предвкушение забавного зрелища заставило их тоже спуститься вниз. А помощник заглянул в приоткрытую дверь шлюза.

Что-то лежало возле стены, небольшой черный предмет скрывался в тени, едва заметный на темном полу. Евгений наклонился, чтобы рассмотреть его. В последнее время Главный Привратник стал слишком часто наведываться сюда и к вентиляционной камере. Возможно, искал неполадки в вентиляции, возможно, прислушивался, не подбираются ли к бункеру новые диверсанты. Манией преследования Юрий Борисович не отличался, но все-таки... И кажется, пластиковая коро-

бочка с латинской надписью «Motorola» бывала у него в руках, да и у командира Серякова тоже. Евгений знал ее назначение: передающее без проводов устройство, только не помнил точно, как это называется. Которое из них? Телефон? Рация? В любом случае, это устройство связи, но тогда – с кем?

Не решаясь поднять его, он смотрел, как мигает на корпусе маленький огонек. Евгений боялся по незнанию сломать что-то, только слегка коснулся черного пластика. Тайны Главного Привратника должны остаться тайнами. Если у старика возникнут даже подозрения, что в его дела сунули любопытный нос, последствия будут непредсказуемыми. И крайне неприятными. Теперь вблизи из устройства слышался, как показалось, приглушенный свист ветра. Значит, сигнал есть и идет он снаружи? Ведь внизу воздух почти неподвижен. Что здесь делал Юрий Борисович? Неужели слушал, как дует ветер? Вряд ли.

– Бункер! Юрий Борисович, вызывали? Вы меня слышите? Твою мать! Извиняюсь, вашу мать... Вот старый черт, техникой пользоваться не умеет.

Евгений так и застыл у стены, стоя на одном колене, опираясь рукой на пол. Он уже слышал этот голос! Да, сигнал был плохой, но перепутать трудно. Ни одно устройство не принимает голосов мертвых. Лампочка погасла, звуки исчезли. Связь прервалась.

Дела Главного остальным должны быть недоступны, он убедился в этом еще раз! Не веря в потусторонние силы, не страдая галлюцинациями, Евгений решил, что все же слышал голос живого человека. Вот только живым он быть никак не может... Ни по законам бункера, ни по законам человеческой морали! А голос звучал. Оттуда. Снаружи. Оставалась последняя надежда, последнее логичное объяснение: он ошибся и обознался. И это не Алексей Колмогоров, а кто-то из сталкеров. Ведь не пересчитывает их Евгений ежедневно, Главный или командир все же могли отправить добытчиков в город или по другому какому делу.

Стоило ему подумать об этом... И перед глазами возникло лицо Оксаны, светящееся каким-то неведомым счастьем. Девушка выходила от Грицких, что она могла узнать от него, какую новость? Сомнений больше не оставалось. Евгений отпрянул от передатчика, как от ядовитого цепня, и бросился бежать.

Дверь открылась без стука, Привратник Лапин удивился, когда в кабинет, почему-то очень смущаясь, зашел его сын.

– У тебя какое-то дело, Лерик? Или просто так, от нечего делать?

– От нечего делать, пап, взбеситься можно. Полный запрет на выходы! И что Юрию Борисовичу в голову пришло? Погода вроде хорошая, мутантов он из-под земли разглядеть не мог. Самодурство, честное слово!

– Валерий! Просто из уважения к старшим... Заткнись. И не тебе жаловаться на «нечего делать», я же вижу, как ты от Оксаны не отходишь. Кстати, что ты там себе думаешь?

Сын слегка покраснел, смутился еще больше. Неужели пришел просить разрешения жениться на этой стервозине?! Но ничего не скажешь, было на что посмотреть... Чувства Лерика Привратник понимал, кому ж не хочется затащить в койку одну из самых красивых девчонок бункера? Но жениться-то зачем, если у них и так все в порядке? Впрочем, слов о браке еще не прозвучало. Просто отец слишком хорошо знал своего сына – он не признавал ничего «слегка». Если уж сталкер, то один из лучших, если ухаживать, то с серьезными намерениями, а влюбиться – насовсем. Максималист чертов! И то, что отец заседает в Совете, сыграло в этом не последнюю роль. Он баловал мальчишку, но мать своими строгостями подняла планку достижений слишком высоко. Нужно быть достойным... Чего достойным? Вот пусть теперь и получает в невестки первейшую стерву. Зато достоинство семьи никуда не уронили.

Сам Лапин не возражал, но уже посмеивался, воображая вытянувшееся лицо жены. Она вообще не ожидала от сына столь быстрого взросления, даже вооружение сталкера воспринимала, как детские игрушки. Опасные игрушки, но ведь он на поверхность один не ходит, давно уж в убежище не случалось, чтобы сталкер погиб. Последним был Степанцев, и то, как выяснилось, по вине человеческого фактора.

Розовые пятна на щеках сына стали еще гуще, о чем же он хотел спросить и не решался? Деятнадцать лет парню, за девушками бегает. А с отцом поговорить – язык в заднице застрял.

– Что там у тебя с Оксаной?

– Ну...

– Что, уже залетели?!

Судя по непонимающему взгляду Валерика и бледности, вдруг сменившей стыдливый румянец, о возможности появления потомков он вообще до сих пор не задумывался. Ну, хоть сейчас спохватился. Если не поздно.

– Нет... Пап, я тебя хотел попросить... Юрий Борисович запретил, но ты же Привратник. Мне очень нужно выйти из бункера. Ненадолго. Я Оксане покажу... Что там наверху очень интересно. Она и не видела никогда по-настоящему...

– А ей это нужно? Девчонки не любят средства защиты – выглядит некрасиво. Ты свою Оксану в противогазе видал? Не боишься, что разлюбишь сразу?

– Не боюсь. Пап, ну так как? Можно?

– Как говорится, будем посмотреть. Дай время. Все-таки указание Главного...

Лапин не понимал, почему вдруг Юрий Борисович запретил выходы сталкеров наружу. Странное решение, но Главный отличался здравым умом, возможно, затеял что-то с командиром отряда Серяковым. О таких вещах должен знать Валерий, но и он терялся в догадках. Неудивительно для молодого и прямолинейного, который дальше завтрашнего дня и не заглядывает. Но уж сам-то Лапин не первый год в Совете, знает, что просто так ничего не бывает. Хозяйственники не привыкли забивать себе голову посторонними вопросами, и своих дел хватает.

* * *

Ни разу в жизни ему не было так страшно, как сейчас. И никогда еще Валерий не знал такого позора... Дрожащие губы и – ужас – разочарованный взгляд Оксаны заставили опустить голову, он не мог даже снова посмотреть ей в глаза.

– Извини, я пробовал... Но это приказ Главного Привратника, наружу никого не пустят. Я отца попросил! Сделаю, что обещал. Обязательно! Только вот не знаю, когда.

Оксана не стремилась выходить наружу прямо завтра, там действительно было жутко холодно. Правда, именно такие зимние морозные рассветы самые красивые, по словам Валерки. Но не красота ей нужна, она готова и просто потренироваться надевать ОЗК в шлюзе, и даже сделать это занятие приятным для обоих. Его безмерное чувство вины

искупало задержку исполнения планов. Так приятно было сознавать это: он готов сделать что угодно, ведь Лерик и постарался совершить невозможное, уговаривая Грицких отменить решение. Легче попробовать отжать герму собственными руками! И, учитывая силу молодого stalkера, в этом случае была хотя бы небольшая надежда на успех.

– Ничего, мы подождем, правда? – Оксана коснулась его щеки, чтобы Валерий перестал сосредоточенно пялиться в пол и посмотрел на нее. – Но не очень долго.

– Ксюша...

И он снова умолк, будто в ее имени должно было прозвучать всё невысказанное: и про любовь, и про непередаваемую словами нежность, отчего хотелось все время касаться девушки, брать за руку, обнимать покрепче. Не отходить от нее. Иначе приятное окрыляющее чувство ослабевало, а жить без этого было уже невозможно. Ни минуты.

Оксана и не ожидала продолжения, умением красиво говорить Лерик с детства не отличался. Рассказывал всегда что попало, бестолково, сбивчиво. Мальчишка! Но он умел слушать... Алексея никогда не интересовали ее слова. Внимательный к ее просьбам, он оставался глухим ко всему остальному, можно было просить хоть луну и получить почти равноценную замену, но вот запросто поговорить с ним... Болтать по-дружески Лёша мог только с Леной, разговаривать ни о чем, и Оксана никак не могла понять, в чем разница. Зато Лена не знала, как хорошо наконец-то остаться с ним наедине, и им уже было не до разговоров. Лёша... Без любви ищущий хотя бы ласки, но не нашедший счастья. Не там его искал!

Однажды, внутренне сжимаясь от страха, Оксана задала ему вопрос, который давно мучил: ты любишь меня? Алексей не рассердился, не увильнул от ответа, только улыбнулся и притянул поближе. «Такое красивое тело, разве можно его не любить?» Его?! Оксана хотела, чтобы любили ее! Но не стоило рассчитывать на большее, к сожалению. Валерий так не ответит, скорее спросит сам, мучаясь неопределенностью, недоверчиво заглядывая в глаза... Безразлично. Пусть спрашивает. У него тоже сильное, красивое тело, приятное лицо и ямочка на подбородке. Нужно ли любить его за это? Можно ли? В его объятиях не опаляло огнем, но было очень тепло. Оксана запустила руки под его куртку, нащупав пальцами крепкую спину и чуть влажную майку. Хороший мальчик...

Глава 9

ЗИМНИЙ РАССВЕТ

Евгений не мог осознать... Нет, не того прискорбного факта, что жив Колмогоров. А того, что об этом знает Оксана, что она настолько рада его возвращению из мертвых. У них снова что-то было! Он мог закрыть глаза на Валерку – это не конкурент, а просто ее развлечение. Алексей – совсем другое дело. Пропадала всякая надежда.

И еще информация. Главный утаивал что-то посерьезнее, чем чересчур живой труп бывшего Привратника. Иначе об этом знали бы и остальные, но, похоже, Совет не был посвящен в эти дела. Может быть, следовало его посвятить? Какую выгоду это принесло бы самому Евгению? Никакой. Да и думать о выгоде для себя он не в состоянии: мысль об Оксане выжгла все внутри, парализовала обычную рассудительность. А просто тупо пойти и настучать Совету было неприемлемо. Нужно или разузнать что-то еще, или вообще пока не думать об этом. Только вот девушка... Что происходит? Правда ли то, что она виделась с Алексеем? Потому что, если это так... Евгений чувствовал себя больным, даже не находил в себе сил, чтобы встать, одеться и дойти до кабинета Главного. И вместо трезвых идей, как раз и навсегда убрать с пути Колмогорова, появилась лишь бесполезная злость, отнимавшая последнюю волю. Ночь закончилась, а он так ничего и не придумал.

Анатолий Лапин помалкивал в темноте, прислушиваясь к тихим шлепкам босых ног по полу, сын переступал осторожно, как настоящий сталкер в лесу. Дождался шороха одежды, и после того, как Валерий с уже не скрываемым счастливым вздохом рухнул на кровать, Привратник включил свет.

– Лерик, подъем.

– Уже?!

– Шляться надо меньше... И не говори мне, что спишь тут с вечера, может, мать тебе и поверит, а я уже давно дожидаюсь. На часы смотрел?

– А что? – сын жмурился от света, и вид у него был действительно такой, будто за одну секунду успел провалиться в сон. Смолоду такое еще возможно, да и нагулялся, похоже, как следует. – Я же тут недалеко...

– Рассвет скоро. Ты своей Оксане не его разве хотел показать? – только что сброшенные джинсы снова оказались у сына в руках, он быстро натягивал их, поглядывая на дверь. – Беги обратно, Ксюше скажи, чтобы оделась потеплее. И сам не вздумай в одной майке на мороз выскочить! Не выпущу, Привратник я или нет?

– Да, пап!

Спорить с Лапиным охранники побаивались, ведь получать боеприпасы приходилось именно у него, и никому не хотелось унижаться, выпрашивая положенное, или ждать часами под дверью оружейки. Поэтому и отошли в сторонку, когда Привратник взялся за приводной механизм двери.

– Лерик, только ненадолго, – отец взял у него «калашников», проверил патроны, уверенно защелкнув магазин, и покрепче затянул шнурки капюшона ОЗК. Промолчал под умоляющим взглядом Валерия, хоть и очень хотелось напутствовать сына не столь сдержанно и официально. Вместо этого сказал: – Девушку береги, смотри за двоих, ты за нее отвечаешь.

Двери закрылись, оставляя молодых людей в темном шлюзе. Привратник заглянул в оптический прибор: поляну перед входом было хорошо видно, снег сверкал на утреннем солнце. Ксюша едва вытаскивала из снега ноги в тяжелых бахилах. Валерий осматривался из-

под ладони, привыкая к яркому свету. Лапин отвернулся, зная, что сын сейчас все равно пропадет из зоны видимости, отправившись на небольшую экскурсию по окрестностям.

– Где четвертый охранник? – один успел куда-то исчезнуть, остальные недоуменно переглянулись.

– Отошел... Мало ли куда.

Привратник уже забыл об этом, на ходу улыбаясь своим воспоминаниям, – когда-то и он мог с удовольствием рассматривать хоть расцвет, хоть закат, хоть вообще таращить глаза в полную темноту, лишь бы рядом была девушка по имени Елизавета.

Настойчивый стук помешал спокойно умыться, Грицких наспех вытер лицо вместе с мыльной пеной и очень удивился, что его потревожил не помощник, а простой охранник из дежурной смены.

– Юрий Борисович, я решил, что вы должны знать: снаружи находятся двое, сталкер и Ксюша Тарасова.

Какой именно сталкер, Грицких даже уточнять не пришлось... Другому отец дверь не откроет и наружу не выпустит, презирая все запреты.

– Спасибо за информацию, вы свободны.

Рация в комнате на нижнем уровне была просто мертвым куском пластмассы, испробовав ее во всех углах, Главный Привратник вышел в коридор. Его встретила толпа, бункер уже просыпался, шумел, лестница гудела под ногами многочисленных людей, поднимающихся на верхние этажи. Грицких, сухо отвечая на приветствия, направился за ними, обернув рацию полотенцем. В шлюз сейчас не попасть, разве что попробовать снаружи докричаться до глупых юнцов, чтобы возвращались немедленно! В дальнем конце коридора из полотенца начали доноситься потрескивания, рация обеспечила какой-то слабый прием. Но кругом было столько народу, что совершенно невозможно разговаривать. Пришлось выжидать, осознавая, что время бездарно уходит!

* * *

Да, лес был красив... И Валерий говорил ей абсолютную правду. Сюда действительно стоило стремиться, просто посмотреть. Ведь в бункере растения жили только в горшках, слабые и бледные. Но вот

такого пробирающего сквозь все слои одежды холода Оксана не ожидала, хоть Лерик и предупреждал ее. Прогулка оказалась в любом случае удачной идеей – начало положено, теперь нужно только перестать морщиться при виде ОЗК. И пусть он берет ее с собой почаще. Валерий что-то говорил, потом взял Оксану за руку и потащил в сторону. Она недавно ходила по этой дороге, ко второму бункеру, там Алексей... При одном воспоминании стало теплее! А сталкер повел ее дальше, чтобы показать какой-то плющ. Да, белая спираль вокруг сосны была красива, но не вызывала сильного восторга.

– Валера, а что ты еще хотел мне показать? Здесь холодно. Валера!

Он зачем-то разглядывал чистый снег под ногами. Оксана подошла поближе и увидела отпечатки ботинок, не похожие на те, что оставлял Лерик, с другим рисунком. Ему пришла в голову та же мысль.

– Это не местный... Ксюш, я обязательно должен проверить! Здесь уже наша территория, на нее заходить запрещено. И пусть этот нарушитель границ мне объяснит, какого черта он тут забыл!

Можно было бы махнуть рукой и никуда по следам не ходить. Ну, бродил тут кто-то, снег топтал, подумаешь, большое дело. Но для Оксаны хотелось выглядеть настоящим мужчиной, защитником бункера. И ее защитником тоже.

– Валер, не ходи, это опасно!

– Да ладно, у нас же перемирие. Ну, врежу ему пару раз, чтоб неповадно...

Или он врежет. Но этого Валерий не боялся, правда, покрасоваться перед Оксаной тогда уже не получится. И пошел по следам, которые пока вели к реке. Кажется, он был прав в своих подозрениях.

– Валерий! Если ты уйдешь, мы с тобой поссоримся! Я с тобой не пойду. Останусь здесь и меня кто-нибудь съест!

– Ксюша... Ну, я же так не могу. Я должен. Давай, я тебя домой отведу.

– Нет, я с тобой!

И Оксана побежала за ним, проваливаясь в глубокий снег. Она уже не чувствовала холода, только страх: что будет, если он найдет... Сталкер вооружен, и когда поймет, что обнаружил вовсе не заплутавшего соседа, убьет того, кто уже и так полгода числится мертвым! Она не переживет смерти Алексея во второй раз. Нет, только не это!

Как же тут можно ходить, когда сугробы по пояс? Но Лерик быстро шел по четкому следу, оставив Оксану далеко позади, она звала – он оглядывался и продолжал путь, она падала, но никто не помогал подняться на ноги. И только страх за Алексея придавал сил. Вокруг расстиралась белая равнина аэродрома, кое-где на ней виднелись холмики. До самого горизонта, до реки не было ни единого пятнышка.

– Валера! Стой! Ты собираешься идти за ним до самого поселения?! Это тебе так нужно?

Сталкер остановился в нерешительности, но тут же заметил впереди светло-серый движущийся силуэт на белом фоне, совсем недалеко, просто до сих пор его не было видно за небольшой возвышенностью.

– Смотри, Ксюш, вот же он...

– Лерик, не ходи! Не надо!

Оксана плакала от беспомощности, что не может догнать и остановить Валерия, попробовала бежать и опять свалилась в сугроб. Подняв голову, она увидела, как два человека подошли ближе друг к другу, их разделял десяток метров. Один из них поднял руку. Она не услышала выстрела. Но Валерий почему-то упал и не поднялся больше. Оксана выбралась из снега, бежала так быстро, как только могла.

– Валер...

Теперь стало видно, что пистолет в руках второго был снабжен глушителем, он перевел ствол на бегущую к нему девушку, но Оксана сорвала с лица противогаз, и его рука опустилась.

– Лёша, это же я...

Кто, кроме него? Сосед не выстрелил бы, ведь перемирие! Валера лежал на снегу неподвижно, она остановилась, не в силах подойти ближе и проверить, что с ним. Алексей сбросил капюшон своей куртки, на нем даже респиратора не было почему-то, Оксана отстраненно думала лишь об этом. Мысли текли вяло. Она не знала, что сейчас нужно сделать, что сказать и что думать. Ей и не приходило в голову, что погибнуть может Лерик. Вот так мгновенно и внезапно.

Снежинки на меху капюшона, снежинки в его светлых волосах, капельками растаявшие на лице, – она ясно видела сейчас Алексея. Он убрал пистолет, наклонился к неподвижному телу и снял с него противогаз.

– Черт! Пацан, Валерка... Зачем ты привела его?

– Лёша! Я не виновата! Это он привел меня... Он думал, что ты – нарушитель границ из капониров. Не знал, что ты – это ты!

– Дурак он. И ты...

– Лёша... Лёша!

Алексей смотрел в застывшее, удивленное лицо Валерика Лапина. Конечно, мальчишка ведь не мог даже помыслить умереть от руки человека так близко от дома. Он не застал войны, не помнил ее, для него врагами были только мутанты. И вдруг – выстрел без предупреждения. Растерянность так и осталась в его глазах... Сталкер постарше не удивлялся бы, а стрелял первым. Мог и успеть.

– Лёша...

Девушка сделала шаг вперед. Еще одна повергнута в изумление! Да, человек человеку волк, а молодежь-то и не знает! Если бы Оксана не сдернула противогаз... И с ней нужно разобраться, только не так быстро.

– Зачем ты пришла?

– Лёш, я так скучала по тебе!

Дура! Просто дура! Похоже, молодые люди забрели сюда действительно случайно, по следам. Значит, нужно было самому об этом подумать, а не полагаться на Грицких, который обещал ему полную свободу наверху в течение недели. Главный не до конца контролировал ситуацию. Но и Алексея это не оправдывает, мог бы догадаться замести отпечатки ботинок хоть около бункера! Теперь придется убирать и Ксюшку. Не так мучительно, как было с Еленой, но неприятно, очень неприятно...

– Да, ты выбрала время скучать... Кто выпустил вас наружу?

– Привратник. Его отец. Лёш, как же теперь?! Что сказать его отцу? А вот ей уже ничего не придется говорить. Никому.

– Лёша, нужно его спрятать! Закопать в снег. Я ничего не скажу о тебе, я и раньше молчала, Лёш! Никогда я не расскажу про тебя!

Оксана подбежала к нему, обняла, прижавшись разгоряченным лицом к его холодной щеке. Алексей едва ответил на ее ласку, не произнес ни слова. Она продолжала шептать:

– Я люблю тебя! Сделаю, что ты захочешь. Главное – ты жив! Ты, а не он... Я помогу тебе его спрятать.

– Это не поможет, Ксюш... Не поможет.

– Что же тогда делать, Лёш?!

Оксана плакала на его плече от злости на собственное бессилие помочь ему. Ничего нельзя сделать, а виновата только она. Не остановила Лерика, зачем-то вытащила из бункера сюда, на смерть. И теперь Алексей в опасности, и что будет дальше, она не знает. Но Лёша должен что-то придумать, он же всегда умел решать проблемы!

– Ксюша... Ведь никто не должен был видеть меня здесь. Никто. Понимаешь?

– Да! – она так виновата перед ним, так виновата! Он никогда не простит ее...

– Похоже, что не совсем.

Оксана и не успела понять, почему он резко отстранил ее от себя. И почему стало вдруг так холодно где-то в середине груди... Нечем дышать, и больно! Лицо Алексея перед глазами, бледное, красивое, он смотрит на нее, будто тоже чувствует боль, как и она сама.

Алексей осторожно опустил на снег тело Оксаны, придерживая рукоятку ножа. При точном ударе в сердце крови не должно быть много, но лучше подождать. Пусть кровь замерзнет, тогда их обоих можно будет перенести в другое место и спрятать. Об этом он и без подсказок мог подумать! Или перенести их сейчас, пока еще мягкие, ведь перетаскивать окаменевшие неподъемные предметы трудновато... Может и не справиться. Нужно доложить Главному. Общий прокол, ошибка, неприятность.

Алексей сел на снег. Оксана выдала бы его сразу. Не словом – взглядом, поведением, своей растерянностью и путаными невнятными объяснениями. И никакая любовь тут не поможет, он сам едва не сломался на таком допросе. Привратник Лапин, отец, потерявший сына, вытряс бы из нее всё, что только знала. Лицо Ксюши почти сравнялось по цвету со снегом, черные густые волосы волной лежали у его ног. Жаль! И Лерика... Погиб только из-за того, что оказался не в том месте не в то время. Только из-за того, что тут один полутруп никак не упокоится в могиле, а все живет и действует, сам ожидая с нетерпением, когда же, наконец, остановится внутри эта заведенная до упора пружина! Алексей и не заметил, задумавшись, что из кармана куртки давно уже доносится писк рации.

– Я слушаю.

– Алексей, возникли осложнения, снаружи находятся два человека, поэтому вам придется...

Не в силах дослушать до конца запоздалое предупреждение, он преключил прием на вызов и выждал несколько секунд:

– Юрий Борисович, я уже в курсе. Осложнения сейчас лежат передо мной и остывают. Ваши инструкции выполнены.

Рация долго принимала только помехи.

– Алексей, вы меня слышите? Я подумаю и попробую принять меры. Что у вас произошло?

– Огнестрельное ранение только одно. Кстати, мои соболезнования Лапину... Оксана убита ударом ножа. Простите, не подумал.

– Нет-нет, так даже лучше! Мне пришла в голову одна идея... Хорошо, что ваш ТТ девятимиллиметровый. Вы нож вытащили?

– Оставил. Чтобы крови меньше.

– Оставьте и уходите. Только чтобы гильза никому на глаза не попала. Алексей, вам придется покинуть аэродром... Но не дальше пяти километров, в зоне досягаемости рации. Хорошо бы еще и вашу обувь... Отпечатки – вещь очевидная и доказуемая.

– Вы моей смерти хотите, Юрий Борисович?! Ночью можно сдохнуть, сильный мороз. Кто выполнит вашу просьбу?

– Придется потерпеть, Алексей. Вот что... Вернитесь к бункеру, уничтожьте лишние следы у дверей. В поисковой группе будут мои люди, они закроют глаза на многое, но нужна и какая-то достоверность. На случай, если к ним присоединится Лапин. Деталей он не заметит, но уж постарайтесь убрать за собой.

Радость старика при упоминании о ноже сначала насторожила. Не сошел ли с ума Главный от собственной премудрости? Интересно будет самому продумать различные версии и посмотреть, совпадет ли какая-нибудь с тем, что изобретет Грицких. Получится неплохая проверка взаимопонимания, скоро пригодится. Нужно довести дело до конца, переиграть старую сволочь по его же правилам. Цена оказалась выше, чем он предполагал, и сомневаться поздно.

Алексей продолжал сидеть на снегу, замерзающее лицо Оксаны он все еще видел таким, как при жизни. Нужно поскорее вычеркнуть ее из памяти, только вот тело крепко помнит и долго не успокоится. Слишком хороша, чтобы не сожалеть вовсе... И теперь неплохо было бы по-

жалеть самого себя. Алексей не успел дойти до своего наблюдательно-го пункта, его не придется маскировать. Но прибраться около бункера необходимо, осталось мало времени. Куда можно уйти, чтобы не умереть от переохлаждения? Придется снова искать подвал, где можно разжечь костер и никто не увидит огня. А старик большой оптимист в вопросе радиоэлектроники, дальше километра и не отойдешь, слабый сигнал из-под земли рация без базы не примет.

* * *

Если нельзя получить нужные отпечатки следов... Значит, придется изменить показания очевидцев. Тогда в поисковой группе не должно быть никого лишнего, только свои. Те, кто подтвердит даже, что убийца ходил босиком и у него перепонки между пальцами! Два разнополых трупа, при этом девушка убита ударом ножа... Прекрасно! Мотив ревности будет очевидным, теперь нужно найти того, кто хотя бы в принципе мог это сделать. И не ограничивать круг подозреваемых физическими кондициями, вот только метких стрелков среди гражданского населения немного, а сталкер не подойдет. Не потому, что невозможно... Просто командир отряда тогда поднимет бунт, а это ломает все планы.

Искать среди молодых? Круг широк, Тарасова нравилась многим. Но знать никого не хотела, кроме Алексея. И этот ее неуклюжий маневр с Валерием прозрачен для старого интригана, как стеклышко... Доигралась в любовь девушка, нет, не доводят чувства до добра! Хотя Алексей в этот раз не дал слабину, выполнил инструкции, четко и спокойно доложил обстановку. Грицких даже был немного удивлен, боялся повторения старой истории с Еленой. Но нет, обошлось на этот раз.

– Евгений!

Помощник отсутствовал уже давно, впрочем, сейчас лучше сделать дело и без него. Главный Привратник направился к гермодвери. Дневная смена охранников прекратила болтовню и сделала вид, что смотрит в оптические приборы наблюдения. Разгильдяи... Считают, что решетки и амбарный замок на запасном выходе спасут их от любой угрозы.

Он отозвал в сторонку старшего смены – следовало выяснить, в какое время вышли наружу Лапин-младший и Тарасова. Но вопросы за-

давать следовало очень осторожно, не показывая своей осведомленности, для бункера ушедшие на прогулку молодые люди были еще живы, просто задерживались почему-то. Лапин-старший подошел с той же проблемой: не возвращался ли его сын? Хороший момент, чтобы отправить людей на поиски! Только нужно отсортировать своих от чужих. Пока чужих. Скоро тут будет только один лидер. Бесспорный и авторитетный, увенчанный славой боевых заслуг полководца. Ну, стратега... Какой из него полководец в таком возрасте?

Дьявол в мелочах. Пока он продумал планы только в общих чертах, теперь следовало приступить к конкретному: кто ответит за всё? Но для того, чтобы сделать определенный выбор, следовало обладать намного большим объемом информации. Он может сейчас придумать хороший вариант, а потом окажется, что человек сто раз попался всем на глаза в коридорах в течение сегодняшнего дня и у него непробиваемое алиби. Кто же?

Привратнику нужно было подумать. Временем он пока располагал, но поисковый отряд быстро возьмет след, если уж даже увлеченный Оксаной Валерий его заметил, потом еще старшему Лапину понадобится не меньше четверти часа на выражение эмоций... Час? И за это время нужно подобрать несколько вариантов: на кого повесить это убийство. Кто мог выйти наружу и как? Вероятно, на коленях упросив охрану пустить его посмотреть, что там делает любимая девушка с молодым сталкером. Допустимо... Охрана получит дисциплинарные взыскания. Но это только на публику, потому что за молчание Главный Привратник мог отблагодарить, не ставя в известность всю общественность. Кто же занят на таких работах, которые предполагают уединение, кого не видно в коридоре и нельзя точно сказать, где и в какой момент он находился? Привратник, к примеру... Грицких, усмехнувшись, представил себе толстого снабженца Хлопова, который крадется по снегу, чтобы проследить за Тарасовой. Девушка к тому же и не в его вкусе. А вот помощника как раз не видно уже больше двух часов, где он шляется, гаденыш?

– Юрий Борисович! Там...

Он очень хорошо знал, что ждет «там»... Как это раньше именовалось, груз 200. Уже хотелось увидеть все собственными глазами, и Грицких проследовал за охранником к гермозатвору.

Оба тела сильно напоминали два мешка в морге. Может, не стоило и распаковывать? Но нет, придется снова повторить неприятную процедуру вскрытия и определения причины смерти. Будто сразу не видно... У одной нож в груди, у другого пулевое ранение навывлет. Протитвогазов нет.

– Зачем вы сняли протитвогазы? Надеялись, что это все-таки не наши сталкеры?

– Они уже были сняты, валялись рядом с трупами.

– И что еще было рядом с трупами?

– Следы, ведущие от бункера и обратно... – охранник взглянул на Привратника. – Тот, кто их убил, вернулся сюда.

– И растворился в воздухе, не так ли?

Охранник ждал более точных указаний, хоть и не было пока посторонних среди присутствующих, не успела собраться толпа. И Лапин не дежурил у ворот, не ждал, что получит такое трагическое известие. Необходимо что-то предпринять и быстро. Грицких задумался.

– Не отвечать на вопросы до особых указаний. Никому. Без исключения.

* * *

Дым от костра под низким потолком щипал глаза и заставлял кашлять без перерыва. Но приходилось выбирать между ночным морозом и сизым маревом по всему подвалу, которое все же оставило в воздухе достаточно кислорода. Алексей жалел, что не захватил с собой протитвогаз, бросив его с остальными вещами. В голову снова лезли ненужные мысли. Не о мертвой Оксане, а о вполне живой. Ничего, это скоро закончится. Сейчас чувство собственного одиночества нахлынуло с той же силой, как в детстве на мальчика Лёшу... Он уже не мальчик, и прекрасно сознавал, что разрезал последнюю нить тем самым ножом – нить, связывавшую его с людьми бункера. Красноватые блики плясали по стенам, расплываясь от слез, дым оказался слишком едким. Крепко зажмуриться и снова сидеть в неопределенном темном нигде, как это было в начале его путешествия? Нет, лучше видеть свет, пусть даже ценой режущей боли в глазах. Снова терпеть голод и жажду, но на этот раз Алексей точно знал, что это скоро закончится. Он взял в руки рацию, не решаясь пока включить ее и посадить аккумуляла-

тор раньше времени. Еще рано. Да и сигналу не пробиться через крышу и плотно закрытую дверь.

Что-то тело в углу подвала давно привлекло его внимание. В отсутствие других развлечений, Алексей решил изучить неодушевленного соседа повнимательнее. Сквозь пыль на куртке трупа виднелась надпись «охрана», а высохшая мумифицированная рука сжимала ключи от автомобиля... Смех, прерванный кашлем, звучал жутковато, но удержаться он уже не мог, воображение рисовало собственную руку, потемневшую и сморщившуюся от времени и полной невострезбованности у хищных мутантов. Алексей опустился на пол рядом с безымянным охранником. В карманах у того не нашлось ничего полезного – ни кошелек, ни мобильный телефон интереса не представляли. Невелик толк от этой охраны... Вдалеке от огня было холодно, хоть и не так дымно; чтобы не замерзнуть, стоило пройтись и осмотреть все помещение. Кроме труб водопровода, кучи мусора и нескольких банок старой краски, подвал ничем не порадовал. Алексей искал хоть что-нибудь, на чем можно было бы лежать, но, видно, обычные гастарбайтеры здесь никогда не водились. Пришлось просто устроиться у огня на помятом цинковом ведре и ждать, пока запас топлива не прогорит полностью. Тогда он снова выйдет наверх и уже озаботится поиском хоть минимальных удобств. Заодно и рацию включит, лишний раз убедившись в полном одиночестве. Ничего, работодатель еще вспомнит о нем позже, когда уладит вопрос с трупами. Алексей оглянулся на мертвого охранника – похоже, другой компании еще долго не будет. Покойников бояться – в людей не стрелять, такими страхами он никогда не страдал, ведь мертвая материя не ходит, не говорит. А эта, к счастью, даже и не пахнет.

ГЛАВА 10

ПРАВОСУДИЕ НА СОБСТВЕННОЕ УСМОТРЕНИЕ

Белое лицо и безжизненные черты – такой он еще не видел Оксану. Все равно она очень красива! Евгений наклонился к ней, смахнул щеку снег. И понял, что еще долго не сможет подняться с колен. Валерку положили рядом. Даже сейчас он снова был тут, третьим лишним, и будто мешал остаться с девушкой наедине!

Почему-то в этом недвижимом лице виделось сомнение, неверие...

– Кто, Ксюш? Кто?

Бесполезно спрашивать. Будь даже она живой – никогда не произнесла бы этого имени... Не обвинила. Простила бы ему всё, даже то, что простить нельзя! Глупенькая... Оксана любила его и покрывала все грехи. Но вот за что это делал Главный Привратник?! Без его ведома здесь не происходило ничего, ни в бункере, ни в его окрестностях, он знал... Знал, куда отправилась девушка, знал, что ей грозит опасность. Почему?!

Почему? Алексей больше не любил ее? Но зачем же убивать? Почему нельзя было оставить... Оставить для него... Хотя бы мечту, возможность. Евгений непонимающим взглядом смотрел на свои ладони – как в них оказалась ее рука, которую он пытался согреть? Бессмысленно и бесполезно.

Никто не мешал, да, еще немного времени у него есть. И сейчас никто ее не отнимет. А потом надо будет задать лишь один вопрос: почему? Рука не гнулась не потому, что замерзала. И холодной была не от

мороза наверху. Небольшое кровавое пятнышко расплылось и стало бледно-розовым в воде от растаявшего снега. Евгений вытер его с ОЗК. Но прорезь в несколько сантиметров шириной все равно приковывала взгляд. Он положил туда ее ладонь, с трудом расставшись с уже чуть теплыми пальцами. Иллюзия... Как трудно ее терять!

Кто виноват? Основной виновник там – он недостижим! Его не найти и не убить... Но даже он всего лишь орудие в чьих-то руках. Безжалостное, коварное, непобедимое... Но орудие. Кто-то другой отдал приказ, и он находится здесь, в этом бункере. Он слаб и беззащитен. Стар... Власть делает его сильным, но лишь с чужой помощью, без нее он ни на что не способен. Главный Привратник. Все смертны, это Евгений осознал сейчас до конца, иногда происходит такое, чего не может быть... Так почему бы не попытаться и самому сделать что-то? Валерка бы сделал.

– Лерик...

Евгений поднял голову. Анатолий Андреевич будто постарел на двадцать лет сразу. Здесь оставаться больше незачем. Нужно идти. И он точно знал, куда.

– И где вы были все это время, Евгений? – Юрий Борисович задал вопрос без обычной строгости, будто ответ действительно волновал его, но помощник едва заметил это.

Мысли о Совете уже успели улетучиться из головы, все благородные и не очень намерения сейчас показались мелким шантажом, о котором не стоило и упоминать. Зачем он тянул время, сомневаясь?! Нужно было давно рассказать хоть кому-нибудь – и всего этого могло бы не случиться! Евгений чувствовал, что в один миг потерял всё. И Ксюшу, и Валерку. Врага или друга? Разве это важно теперь?

Важно было другое: железная дверь закрылась за спиной, и он оказался лицом к лицу с Главным Привратником. Раньше и не замечал, что у Грицких такой холодный взгляд... Видно, он присущ всем управленцам – глаза Алексея стали такими же холодными, стоило ему только войти в Совет. Неужели Евгений сам когда-то стремился туда?! Сейчас он не верил себе, он не мог хотеть этого... Теперь ему открылась вся правда о верховной власти и ее цена. Наверху может оставаться только один, и он решит судьбы остальных.

– Почему?

– Что вы там шепчете, Евгений? – раздраженно переспросил Привратник. – Я вас не слышу.

И услышал... Не поверив, что тихий и безответный мальчишка может так кричать в этом кабинете, может испытывать такую боль. Только этим и можно объяснить... Раздавленный потерей помощник обвинял его, упоминая даже Алексея. И Грицких на миг поддался панике: если этот юнец догадался, кто еще может знать?! Кому он рассказал?

Но нет, похоже, эти слова звучат впервые, явно обошлось без репетиций, потому что Евгений лепетал что-то бессвязное... Привратник облегченно вздохнул. Парень искал правду? Он нашел ее, только очень ненадолго. И продолжал задумчиво выслушивать обвинения, изредка возражая. Эту версию стоило отработать, объясняться придется еще долго, со многими людьми, а систему аргументов надо продумать уже сейчас.

– Вы... Она умерла. Это вы во всем виноваты!

– На поверхности произошел несчастный случай, и если бы они оба слушались моих указаний, то остались бы живы. Я категорически запретил выходить.

– Я знаю, почему, – блуждающий взгляд Евгения вспыхнул такой ненавистью, что старику стало не по себе. – Потому что у вас какие-то дела с вроде как расстрелянным Колмогоровым. Вы знали, что он жив и где-то здесь. И это не несчастный случай!

Подобного выражения лица Привратник не видел много лет. Кажется, еще с тех пор, когда и Привратником не именовался... Только вначале приходилось умирять подобные приступы бешенства, к счастью, единичные, а не массовые. Тогда причина была одна на всех, а теперь с каждым придется разбираться в индивидуальном порядке. Началось... Нет, вовремя он решил перестроить структуру власти, если люди снова начали позволять себе этакое. Да еще кто – собственный помощник! В расход немедленно. И с пользой для дела. Идеальный обвиняемый: неизвестно, где находился. По бункеру бегал с глазами бешеной селедки. Вот только в Оксану был влюблен как-то тихо, не на показ. Ну, ничего, кто-нибудь да замечал, здесь не сохранишь в тайне сердечных склонностей.

Смелость от сознания собственной правоты и безнаказанности за нее... Нет, в жизни так не бывает, всё имеет свои последствия. И за все поступки приходится отвечать, даже за те, которые совершил из лучших побуждений. Из лучших ли? Просто крышу снесло от чувств и переживаний.

Наивный мальчик! Даже если на его теле обнаружат двадцать ножевых ранений, найдутся люди, которые засвидетельствуют, что он просто случайно бритвой порезался, отчего и умер. Он еще верит, что человек может что-то сделать против Совета и Главного? Всего лишь один человек? Такого не может быть никогда. И уж тем более Евгений не способен на это, раз по глупости решился шантажировать, раскрыв сразу все карты. Женщины – зло, страсть ослепляет. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы эмоции соприкасались с делом. А Евгений еще в том возрасте, когда невозможно отделить личную жизнь от всего остального, и ему не дожить до понимания этого... За ошибки придется заплатить.

Привратник выдвинул ящик стола и вынул оттуда два пистолета. «Макаров» покрутил в руках и бросил Евгению.

– Держи.

Помощник едва поймал тяжелое оружие на лету и уставился на него в недоумении. Холодный пистолет в руках остудил и голову.

– Что это? Зачем?

– С предохранителя сними. Вояка... Или мне это сделать?

Старик уже успел проверить обойму «гюры» и взвести его, пока молодой человек еще пытался сообразить, чего от него ждут.

– Ну? Сам застрелишься или мне придется взять грех на душу?

Евгений никогда не видел Грицких с оружием, Привратники вообще не носили его напоказ. Немыслимо даже представить, что слово Главного нуждается в каком-то еще дополнении... Но о чем Привратник говорит сейчас?! И что сказал он сам? Истерическое состояние прошло, и он не мог вспомнить доподлинно всё, что произнес. Неужели наговорил слишком много? Непоправимое... Но даже если так... Так же нельзя! Нужно по закону, а ему есть, чем оправдаться!

– Сам не будешь... Жить хочется. А как же тогда убиенная Оксана, которую ты так любил? – Привратник даже разочаровался, страсти кипели ровно до того момента, пока речь не зашла о выживании. Тут-

то и вспомнил помощник о собственной шкуре, забыв, зачем пришел. – К глупостям естественный отбор беспощаден, Евгений. Особенно сейчас, в наше время. Ну? Решился на что-нибудь?

Ствол пистолета двигался в сторону Привратника. В глазах помощника был страх, он пугался собственной решительности, но выбрал мишень. И явно не себя самого.

– Тоже неплохо.

Короткая очередь из «гюрзы» отбросила молодого человека к дверям, кровь забрызгала стены и долетела до стола. Грицких опустил пистолет и не двигался с места. Не хватало еще улики затоптать! Нет теперь дактилоскопии, нет заключений экспертов-баллистиков, но по разлету красных капель опытные стрелки тут же определяют и положение тела в момент смерти, и точку, из которой произведен выстрел. Вот и не стоило от нее удаляться. Никакая звукоизоляция не заглушит пистолета-автомата. Сейчас здесь соберутся люди, пусть увидят напуганного старика, который не может двинуться от слабости. Отдача действительно оказалась слишком сильна для ослабевшей руки. Но не до такой степени ослабевшей, чтобы не уложить жертву точным попаданием. Вот только локтевой сустав уже начал ныть, и вряд ли это скоро пройдет. Главный все же привстал, вспомнив одну вещь, и заглянул через стол. Помощник распластался на полу, «макаров» даже не вылетел из его руки. Удостоверившись, что у Евгения все-таки не тридцать восьмой размер ботинок, а более или менее соответствующий отпечаткам следов Алексея, старик сел обратно на стул в ожидании, растирая разболевшийся от отдачи локоть. Ни к чему было тратить бронебойные патроны, но перезаряжать-то некогда.

Первым в кабинет влетел Серяков с пистолетом на боевом взводе, вполне профессионально оглядев помещение, отступил вглубь, проверяя углы. О тело не споткнулся, сразу отметив, что это труп. В таких вещах командир не ошибался. А вот остальных нужно было останавливать, чтобы не наступили на бывшего помощника, не лапали руками в попытках нащупывать пульс. Лишнюю толпу выгнали за дверь, и Грицких остался один на один с командиром.

– Игорь Яковлевич, что же это у нас творится?

– А насколько вы уже в курсе дела? – Серяков осматривал стены и пол, словом, вел себя именно так, как ожидал Главный.

– Полностью. Если бы он вдруг не вытащил пистолет, может, я владел бы информацией получше. Пока только понял, что парень убил девушку и ее партнера из-за приступа ревности. Пришел ко мне облегчить душу и заодно грохнуть после исповеди. Собирался застрелиться и сам, да я его опередил.

– Поздравляю... Не ожидал, честно говоря.

– Не стареют душой ветераны, – усмехнулся Грицких. – Только тело иногда подводит.

– Юрий Борисович, я должен был его остановить. Если б кто другой понесся к вам с таким выражением лица – перехватил бы. Но Женька ваш личный помощник, в голову не пришло... Думал, он за вами побежал, чтобы доложить.

– Я так и понял.

– А пистолет у него откуда взялся? Я бы знал...

– Пистолет он взял у меня, – совершенно правдиво ответил Грицких. – Из ящика этого самого стола. Видно, после завтрака взял, потому что утром еще был на месте. Короче, страху я натерпелся по собственной глупости. И тоже в голову не пришло, что парень в запертый стол полезет. Раньше такого не было.

– У нас много чего раньше не было... – вздохнул командир, снова оглядывая окровавленные стены. Казалось, еще совсем недавно смывали такие же красные потеки в коридоре второго этажа. Он поднял с пола пистолет. – «Макаров», девятимиллиметровый. А нож он где взял?

Грицких развел руками:

– Это уж я не знаю. Холодное оружие у нас не подлежит такому строгому учету. Может, пора ввести?

– Пора сейчас что-то сказать, Юрий Борисович. Люди ждут.

Сухие фразы информационного сообщения для всех легко пришли на ум. О том, что теперь бесполезно просить охрану пропустить кого-то наружу, даже если вдруг захочется на зимнем морозе пошляться. И покаянные слова о собственном недосмотре, из-за которого впечатлительный ревнивый мальчишка оказался вооружен пистолетом. Тяжелее стало, когда Лапин оперся на его плечо, молча стоял, глядя на тело сына. И мать, не дававшая снять с дочери ОЗК и унести, обнимала свою любимицу, сидя на полу. Неужели обошлось?

Свидетельские показания были организованы должным образом, с действительностью они расходились лишь в одном пункте: Евгений не покидал бункера. В остальном помощник действительно никому не попадался на глаза долгое время, объявившись лишь рядом с трупами. В шлюзе нашелся мокрый ОЗК, и следы снаружи не вызывали подозрений, к тому же поисковая группа сильно натоптала возле выхода, а Алексей убрал свои лишние отпечатки. Гильза на месте выстрела тоже оказалась правильная, от ПМ. Хорошо, Серяков не сообразил, что пуля из «макарова», скорее всего, застряла бы в теле, зато «гюрза» и ТТ пробивают его рассчитанным на легкий бронежилет патроном. Но командир вряд ли думал об этом.

* * *

Чтобы удобнее было тащить доски, Алексей связал их куском срезанного провода. Найти хоть несколько деревяшек среди городской застройки оказалось серьезной проблемой, а заходить ночью в дома в поисках мебели он не решился. Огонь слишком быстро пожирал топливо, собранного опять надолго не хватит. Сильно хотелось есть, а еще больше – спать. Можно было задремать сидя на несколько минут, пока не слышался скрежет накренившегося под сползающей задницей ведра. Здесь хоть свежий морозный воздух чуть отогнал сонливость и дал передышку глазам, покрасневшим от дыма. Алексей снова оглядывался в поисках дров, правда, в темноте ничего уже не видел. Включать свет настолько близко от ЛИИ Громова было неосмотрительно – неизвестно, кто сейчас бродит вокруг, не ищут ли его? Грицких мог потерпеть неудачу, скрывая улики, и на поиски убийцы уже отправилась группа сталкеров. Правда, и они без фонаря не ходят, так что приближение людей будет заметно издалека.

Белое свечение за поворотом не было похоже ни на что, если только на лунный свет. Но луна, как ей и положено, находилась в небесах, а не шлялась по городу. Алексей воткнул связку досок в сугроб и присел за ним, не шевелясь, обеими руками удерживая пистолет, прицелился и выжидал, когда этот источник странного света покажется из-за угла полуразвалившегося дома. Холодное сияние равномерно разливалось вокруг, не бегало лучом по сугробам, не меняло высоту, становилось все сильнее и сильнее. Приближалось.

Если бы Алексей не был убежденным материалистом – тут же уверовал бы в привидений и потусторонний мир. Но как опытный сталкер, повидавший немало мутантов и странных вещей, не удивлялся уже ничему. Удивило лишь то, что у пятнистого кошака оказались такие длинные усы... Он мягко ступал по снегу, иногда раздраженно подергивал задней лапой, отряхиваясь, и сиял красивой мозаикой белых пятен на фоне темных руин. Призрачный контур, состоявший из маленьких кругов пестрого окраса, подсвеченной белым полоски хребта, опушки морды, лап и длинных усов, неторопливо двигался в сторону леса, и под этой иллюминацией угадывалось сильное тело матерого хищника. Алексей замер уже не от страха, а от восхищения: хорош, зверюга! Видел ли кто-нибудь из сталкеров хоть раз такого кошака ночью? Если и видел, то уже никому не расскажет.

Доски чуть накренились в сугробе, послышался легкий скрип снега. И хищник будто пропал. На белом фоне теперь виднелся обычный черный силуэт, подобранный для прыжка. Алексей не двигался, только палец чуть сильнее надавил на спусковую пластину. Слабый ветер дул в лицо и донести его запах до кошака никак не мог, а звук не повторялся. Необыкновенная красота ночного зверя померкла вмиг в буквальном смысле, ведь на охоте лишний свет только помеху создает. Страх Алексей не испытывал, только любопытство: зачем он все же так сияет в темноте? А почему бы и нет? Ведь у него нет соперников, никто не в силах противостоять ему. Опаснее кошака никого не нашлось бы в этих местах. Два хищника собрались сейчас здесь и, кажется, могут мирно разойтись...

Сначала из черной тьмы проступила серебристая полоска на спине, невероятно длинная из-за хвоста, его отчетливо было видно, кончик все еще нервно подергивался, потом прорисовались четкие линии усов-вибрисс, любопытно загнутых вперед, что-то темное на миг закрыло их – похоже, кошак облизывался. Холодный голубоватый свет обвел контуры больших круглых глаз, невидимых с такого расстояния. Эту жуткую пугающую маску постепенно окружили пятнышки, только теперь Алексей заметил, что бока зверя заметно округлились: хищник неплохо закусил совсем недавно, сытый и довольный, он и сиял от удовольствия. Охотиться, светясь как новогодняя елка, было бы трудно, но умиротворенный хорошей добычей хозяин территорий просто

предупреждал о своем появлении, распугивая неземным обликом самых впечатлительных.

Силуэт из полосок и кружочков, будто повисших на самой темноте, медленно с достоинством развернулся и направился подальше от города, постепенно исчезая из виду. Алексей опустил пистолет, чувствуя, как на ночном морозе вдруг стало жарко. Если бы кошка решил атаковать, справиться с этим нападающим непредсказуемыми зигзагами монстром было бы намного труднее, чем с любым другим. Просто невозможно... Убраться бы с окраины вглубь разрушенного города! Но сигнал рации привязывал к месту. Остается надеяться, что кошка по-прежнему не любит бродить по улицам и его прогулка здесь не скоро повторится.

* * *

Главный Привратник часто засиживался допоздна, никто этому не удивлялся, но сегодня этот кабинет все обходили стороной. Грицких не страдал лишними сантиментами, наоборот, теперь здесь было на редкость чисто убрано, и сидеть за столом доставляло одно удовольствие. И командир Серяков составил компанию.

– Вы о телохранителе не думали, Юрий Борисович?

– Свою кандидатуру предлагаете? – поинтересовался старик.

– Нет. Своих дел хватает. Да и вы не Нестеров, сами справляетесь. И случаев таких, надеюсь, больше не будет. Просто не люблю суеты, а после убийства Главного иначе не бывает. Видели уже...

– Я так и думал, что заботой здесь не пахнет, Игорь Яковлевич, деловые интересы прежде всего.

– Правильно думали. Я вам не друг и не брат, чтобы заботиться. Но обеспечение порядка – это немного и по моей части.

Грицких был недоволен таким заявлением, особенно второй его половиной. Подобные поползновения нужно прекратить раз и навсегда.

– Внутренняя безопасность – работа охраны. И никакого постороннего вмешательства в эти дела – а эти дела под моим личным контролем – я не позволю.

– Вы, главное, людям не позволяйте повторять подобное. Сталкер – это не охранник, не солдат и не мент. Но если творится такой

бардак, я в стороне не останусь. Если нужна будет помощь, обращайтесь.

– Спасибо за предложение... Буду держать на заметке и ваших ребят тоже. Надеюсь, обойдется. Все-таки это не попытка государственного переворота, а личные разборки среди молодежи. Господи! Раньше морды били, теперь стрелять и резать начали...

– От скуки, Юрий Борисович.

– И над этим подумаю.

И он снова сидел до поздней ночи, размышляя... Люди не будут скучать еще минимум неделю, им достаточно пищи для сплетен и разговоров. И пока бункер гудит, обсуждая страшную новость, действительно можно усилить режим охраны. Но телохранитель не понадобится. Он лишь помешает, да и нет человека, которому Главный доверил бы на сто процентов или хотя бы мог пробыть в его обществе долго. Степанцев был для Нестерова если не другом, то близким приятелем. Теперь нет еще и личного помощника... Вот черт глазастый! Все-таки что-то заметил, что-то вынюхал. Хорошо хоть не успел разболтать по той же молодой глупости.

Привратник долго искал, где допустил утечку информации и не нашел. Просто поставил на заметку никого не посвящать в свои дела, кроме Алексея, – с ним необходимо поговорить очень скоро. Теперь нет связи через посредника, придется самому. Только себе он может доверять.

ГЛАВА II

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ

Морозная ночь, наконец, закончилась, Алексей, едва не ослепший на свету после подвальной темноты, осторожно выглядывал из приоткрытой двери. Конечно, глупо было бы предполагать, что отправленный на его поиски отряд будет толпиться в полном составе прямо напротив... Но и чужих следов он там не нашел. Солнце едва показалось из-за леса, нужно выждать хоть пару часов, чтобы его лучи начали согревать не хуже, чем дымный вонючий костерок из мусора. ОЗК сохранял тепло, если стоять и не шевелиться, изображая термос.

Город при дневном свете уже не пугал темными углами развалин. Алексей шел прямо посреди улицы, где снег был неглубоким, сугробы наметало вдоль домов. Целью на сегодня был магазин спортивных и туристических товаров, хорошо известный местным сталкерам. Много уже оттуда вынесли, осталось только сильно фонящее или не подошедшее по размеру и потребностям. Самый большой спрос был на зеленый камуфляж и ножи, но ничего из этого Алексею сейчас пригодиться не могло, он просто искал замену слишком серому чехлу поверх ОЗК, который был сразу замечен Лериком. Да и другие мелочи, вроде спортивных очков от ветра, не помешали бы.

Сегодняшней бессонной ночью он, чтобы не думать о холоде и разъедающем легкие дыме, уже прикидывал, что потребуется для дальнего пути. Ведь ничто сейчас не мешает ему бросить в сугроб рацию, добраться до железной дороги и уйти из этих мест навсегда. Ни-

что... Кроме интереса: что же нужно Главному? Как он рассчитывает получить еще большую власть? Ведь Юрий Борисович стремился именно к этому, или Алексей совсем не разбирался в людях и не знал своего бывшего начальника. А пройти мимо таких важных событий было просто невозможно. Только поэтому он еще здесь, а не вернулся в бункер за карабином и запасом сухих пайков, сколько сможет унести. Сделать что-то значительное... Ведь на мелочи Грицких размениваться не будет, но быть всего лишь сопричастным этому великому делу не льстило самолюбию Алексея. Не по нутру ему сообщничество, привык сам диктовать правила игры! В положении вне закона выбора нет, если только бежать подальше. Не пора ли остановиться, хоть одно дело довести до конца? Когда его смущала пролитая кровь? И ведь неумолимый обратный отсчет все равно продолжается, даже если тиканье этих часов ненадолго затихло.

Среди спортивных товаров осталось и кое-что дельное. Перчатки были тонкими и теплыми, а главное, не цеплялись за спусковую скобу, палец скользнул на место без помех. Алексей вернул ТТ в кобуру, старые перчатки швырнул в угол. Маска, как у спецназовца, защитила от холода лицо. А вот найти что-нибудь скрывающее ОЗК оказалось намного труднее. Ослепительно белая равнина не грешила ни единым пятнышком, и чем дальше ползать по ней в этой серой имитации грязного городского снега, лучше уж просто нарисовать себе на лбу мишень. Зато пригодился спортивный костюм, рассчитанный на толстяка, которому заниматься спортом было бы просто опасно для жизни. Придется повозиться только с логотипами фирмы, чтоб ей теперь навсегда впасть в забвение за их чересчур яркий и неуместный цвет. В грязном подвале, где придется остаться еще на некоторое время, этим не займешься, чтобы не насажать пятен, да и сам подвал можно обжить получше. Тут сойдет и камуфляжная куртка с утеплителем, и пенка туристическая не помешает.

Возвращаясь назад по улице Амет-хан Султана, Алексей не переставал оглядываться на подступившую вплотную к руинам города лесную чащу: с семизарядным ТТ и коротким ножом он почувствовал себя почти беззащитным. Очки от ветра наконец-то позволили открыть глаза и не щуриться, это он еще успеет, когда снова начнет коптиться около огня. Рация уже находилась в зоне приема, но по-прежнему молчала.

К ночи бункер полностью погрузился в атмосферу траура, а Главный Привратник успокоился. Печаль устраивала его намного больше, чем подозрительность. Утренняя смена охраны, виновная в происшествии, в полном составе сидела в помещении, заменяющем карцер, где им было намного безопаснее, и не спешила оттуда выходить раньше, чем через неделю. Из всего Совета только Хлопов мог полноценно исполнять свои обязанности, он фактически и руководил сегодня бункером, а Юрий Борисович улаживал другие вопросы, лишь сейчас вспомнив о делах. Зал заседаний не был пуст, как он ожидал, – за столом на своем привычном месте сидел Лапин.

– Анатолий Андреевич, вы что здесь делаете?

В два часа ночи Привратнику полагалось бы видеть десятый сон, пусть даже с помощью успокаивающих препаратов или стакана спирта. В любом случае, его место дома рядом с женой, а не здесь.

– Какая разница, где не спать? – с трудом ответил Лапин.

– Ну, наверное, лучше будет побыть подольше с Елизаветой, чем тут впустую заседать. Вы здесь сейчас точно не нужны, а там вас ждут.

– Я могу уйти, если вам мешаю... – он сделал попытку подняться, но снова сел на стул. – Нет дома Елизаветы. Она с Лериком сидит, боится одного оставить.

– Чего она боится?! – Грицких подошел поближе и положил руку на безвольно опустившееся плечо Привратника. Тот вряд ли это заметил, но больше ничем сейчас ободрить коллегу было нельзя. – И кто ее туда пустил? Замерзнет ведь, ледник слишком холодный, чтобы там часами сидеть.

– А она вряд ли это чувствует... И я не чувствовал, внутри такая боль, такой холод, что можно уже хоть в ледник, хоть в печку. На кровать лечь не могу. Вспоминаю сразу, как Лерку маленького Лиза между нами под одеяло укладывала. Он сопит всю ночь... А я уснуть боялся, чтобы не придавить или не разбудить, если храпеть начну. Потом привык, да и он спал спокойно, будто ничего не слышит. Ничего не слышит... Юр, она с ним разговаривает!

Лапин повернулся к Юрию Борисовичу, но взгляд почти ничего не выражал – казалось, он видит сейчас перед собой только спокойно спящего младенца, единственного сына, которого баловал, которым

гордился. О котором так и не успел подумать как о взрослом, пока не пришлось вынимать автомат из окоченевших пальцев и закрывать широко открытые в каком-то недоумении глаза... Валерик сам не поверил в собственную смерть, оттого отцу становилось еще больнее.

Грицких нетрудно было представить почерневшую от горя Елизавету, молча сидевшую сейчас рядом с телом, неподвижным, холодным и таким похожим на ее любимого мальчика... Ребенок все равно оставался для родителей малышом, даже если вымахал ростом под два метра, даже если смущенно отворачивался от материнской ласки. Главный Привратник так и не смог этого понять до конца. Но ничуть не удивился, что жена Лапина сейчас тоже не спит, а бессмысленно сидит возле сына, которого не удалось уберечь. Логика матерей не укладывалась ни в какие разумные рамки – еще днем, осторожно обсуждая вопрос о похоронах, он натолкнулся на яростный протест. Лиза смогла простить даже Евгения, преданного теперь всеобщему проклятию, вынужденного ответить за дело чужих рук, но не могла допустить и мысли, что ее сынок будет лежать в одной могиле с... этой! Грицких развел руками: и без того будет трудно зимой копать яму, ведь тела не положишь просто в снег, чтобы мутанты добрались. Она ничего не хотела слышать. Только бессвязные выкрики в адрес стервы Оксаны, из-за которой всё это случилось, неслись ему вслед, когда Главный устал спорить и ушел.

Теперь и отец решил просидеть всю ночь в зале Совета. Будто от этого кому-то станет легче... Или он сам сейчас винил себя в том, что и так просидел в этом зале слишком долго, теряя драгоценное время, которое мог бы проводить рядом с Валеркой? Такова цена власти, человек не может обладать ею частично. И отдаваться ей должен весь целиком, иначе слабости неизбежно приведут его к поражению. Грицких это хорошо понимал с самого начала. А тот, кто не понял, давно уже сам лежал в мерзлой земле или готов был вскоре положить туда тело своего сына. Алексею все же удалось чему-то научиться на собственных ошибках, но он списан со счетов, пусть только доделает свою работу, которую так хорошо начал. А Главному сейчас предстояло выполнить свою часть замысла.

– Анатолий Андреевич, мне трудно говорить об этом с вами... Но с вашей женой я не смог договориться о похоронах. Остальные не возражают насчет завтрашнего дня.

– Она с ним разговаривает... Я пробовал ей объяснить. Пробовал ее остановить. Но она же ходит туда и ходит!

Внезапный крик слишком громко прозвучал в зале Совета, особенно по сравнению с едва шелестящим безразличным голосом Лапина до этого, Главный Привратник даже вздрогнул от неожиданности.

– Юра... Сделай что-нибудь!

Он умолк, только слезы текли из-под закрывших лицо дрожащих ладоней.

– Анатолий... Предоставьте это мне, я сам разберусь. От вас только нужно распоряжение на склад, мне потребуется доступ к взрывчатке. Зима... Сам понимаешь, – Грицких отодвинул стул и присел рядом. – Иначе не управимся.

– Делай что хочешь, – голос снова стал безразличным, тихим. Лапин достал из кармана ключ от сейфа в оружейном хранилище и положил на стол. – Делай, что хочешь... Только чтобы Лиза больше не сходила с ума. Я не могу еще и ее потерять.

Арсенал снова немного пополнился после успешной сделки с караваном из Москвы, теплый сентябрь благоприятствовал путешествию. Торговцев сопровождала своя собственная охрана, но командир был прежним, трудно обойтись без опытного Доронина, хорошо знающего местность. Представители метрополитена, как и раньше, интересовались средствами защиты, фильтрами и пришедшимися по вкусу хорошо упакованными и сохраненными продовольственными пайками из гуманитарной помощи. Расплатились патронами и гранатомерами-подствольниками, которых в бункере до сих пор не имелось ни одного. Аэродром не был предназначен для переброски войск, да и в условиях молниеносной войны этого не успели сделать. Поэтому приходилось довольствоваться оружием полиции и охраны. Очень не хватало крупнокалиберного тяжелого пулемета, о его покупке Главный договорился особо и теперь ждал прибытия. Цена устраивала. Если отдать большое количество пищевых запасов, все равно мощное оружие приведет к сокращению количества людей, их потребляющих. Все уравнивается и оправдывает себя, считать он умел неплохо. И жадный блеск в глазах караванщиков при виде медикаментов тоже не прошел мимо его внимания, цена в момент взлетела до небес и была уплачена. К прибытию гостей весной торговый пар-

тнер должен остаться единственным, пока никто не обнаружил ошестившееся колючей проволокой маленькое негостеприимное поселение у реки.

Грицких прошел мимо рядов ящиков с боеприпасами к большому сейфу, ключ от которого получил сейчас в полное распоряжение. Внутри находились пластиковые бутылки из-под питьевой воды разного размера, заполненные сыпучим веществом сероватого цвета, и несколько брикетов пластида. Банки с самодельным и заводским порохом тоже могли еще когда-нибудь пригодиться. Привратник достал из кармана большую клетчатую сумку и начал осторожно перегружать в нее емкости с произведенной местными химиками смесью. Специалистов такого класса оставалось от силы двое, стоило подумать о передаче молодым секретов мастерства. Только не слишком молодым... После произошедшего он вряд ли будет иметь дело с кем-то не седым хоть наполовину. Положив сверху небольшой пакетик со взрывчаткой, ради которого и затевалось дело с похоронами, Грицких запер сейф. Проверок он не боялся, потому что без него все равно ни один человек не имеет права сюда заглянуть. А Лапин и не захочет. Теперь осталось только одно дело. Уж посреди ночи ему никто не помешает воспользоваться рацией в любом удобном месте.

* * *

В гаснущем дымящем костерке на полу снова мерещилось пламя пылающего за спиной моста... Неважно. Потому что единственный мостик, по которому когда-нибудь захотелось бы вернуться, был сожжен первым. Из треска и шипения статических помех Алексей выловил лишь явно принадлежащий Грицких голос и слово «назад». Значит, можно вернуться в теплую постельку, а не пристывать бессонной ночью к оцинкованному ведру в этом подвале со сквозняками.

Он выглянул на улицу, тучи низко висели над городом, легкий снежок поросил сверху. Вряд ли Главный Привратник узнавал сводку погоды, но «назад» требовал однозначно. Возможно, следы теперь не так уж важны. После серьезного происшествия наверняка наведен порядок, и накладок больше не случится. Он пролез наружу через едва приоткрытую, подпертую сугробом дверь подвала и закинул на плечо рюкзак. Скоро можно будет выспаться как следует и поесть. Горсть чи-

стого белого снега немного утолила жажду, теперь уже всё безразлично. Небезразлично одно... Алексей отгонял малоприятные мысли о том, что это «назад» сильно напоминало команду «место» или «к ноге», а он сам сует голову в поводок и намордник.

По пути снова пискнула рация. Теперь сигнал был более устойчив, шел он из шлюза, Главный Привратник ждал его там. И как можно скорее.

Трудно было самому открывать тяжелую дверь, ведь его не подпытывало состояние аффекта Нестерова, когда тот закрыл бункер от любого проникновения извне. И страстного желания исполнить свой замысел во что бы то ни стало старик не испытывал. Холодный расчет дисциплинирует, приводит мысли в порядок, но... Не греет. И не придает сил. Вместо собственных придется воспользоваться чужими, исполнитель уже стоит за дверями. Нужно впустить его и поговорить, наконец, без посредничества ненадежной связи и бестолковых девчонок. Личная встреча расставит всё по местам.

Колючий снег ворвался внутрь, ветер донес его даже до приводного колеса. Проема полуметровой ширины оказалось достаточно, чтобы впустить Алексея. Теперь можно было рассмотреть его вживую, не строя догадок о том, справится ли он с ответственностью, которую планирует возложить на него Привратник... Для этого дела понадобились бы десять посредственностей или один одаренный засранец. Первые водились в бункере в нужном количестве, но использовать их Главный опасался. Если уж даже личный помощник решился на шантаж, то и другим это могло прийти в голову. К тому же большое количество вовлеченных людей ослабит контроль над ситуацией. Решение было принято – всю работу сделает один. Если его как следует мотивировать.

Алексей вытер мокрое лицо и взглянул на Привратника. Старик не изменился ничуть – тот же острый взгляд и пигментные пятна на носу. Личная встреча могла означать только одно: информация конфиденциальна. Потому что глядеть друг на друга им незачем, узоров ни на ком не появилось и цветы не выросли, а Грицких хоть и женоненавистник, но не до таких же крайностей, чтобы мужиков рассматривать, просто всегда опасался дамской непредсказуемости. Главный решил обойтись без церемоний, сразу перейдя к делу.

– Теперь я уже могу разъяснить вам суть вашей задачи. Требуется устроить диверсию на территории соседей. Это не так просто.

– Юрий Борисович, у вас в глазах не троеится? Я ведь вам не Таманская дивизия! – пришлось тоже пренебречь вежливостью, конкретные вещи лучше конкретно и обсуждать. Как и положено двум конкретным пацанам.

– Так ведь и там не настоящая военная база и даже не особо охраняемый объект. Такие же люди, как и вы. Такие же непрофессионалы. Так что шансы равны.

– И я вообще-то не агент ноль ноль семь, поэтому не могу ничего обещать. Единственное, что точно мог выполнить, – это наблюдение, сбор информации о противнике. Но вот самому лезть внутрь... У вас специально обученных людей нет?

– Алексей, вы прекрасно знаете, что их нет! И вы справитесь не хуже любого другого, может быть, даже лучше. Я рассчитываю на вас.

Потому что никого другого в этом деле не использовать... А Колмогоров – он и так покойник, какой с него спрос? Если что, уйти в неосознанку: это его собственная инициатива, знать не знаю, почему он еще жив. Алексею не нужно было слышать эти слова, на месте Главного он произнес бы их сам.

– Выглядите вы неплохо, форму не потеряли... – Грицких решил снизить градус беседы, к тому же добавить Алексею уверенности в себе. – Не считая шрамов, вам пошло на пользу сменить обстановку. Насколько я понял, личная жизнь у вас не изменилась, Елена...

– Да, Лена свой выбор сделала. Вероятно, я для нее слишком уж немолод, ровесник оказался привлекательнее.

«И если мои тридцать три – глубокая старость, то тебе, плесень, давно на том свете прогулы ставят!» Алексей готов был высказаться еще резче, не стоило Привратнику напоминать о Лене, едва сдержался. Любое слово о ней причиняло боль, а тут снова соль на рану сыплют. Свежую, между прочим, рану.

– Очень жаль. – Главный помолчал, не зная, что добавить. – И все-таки о деле... Вам нужно отследить, как охранники перемещаются внутри, есть ли система.

– Если бы я знал более предметно, что мне предстоит сделать, то вел бы конкретное наблюдение. Я уже всё соседнее поселение стал узнавать по мордам противозага! Три раза в сутки – обход вдоль заграждения.

И несколько стратегических объектов всегда под контролем: вентиляция, надстройка над артезианской скважиной и, естественно, электростанция. Три вышки, обзор территории не полный, но они следят только за турбинами. В жилом секторе отдельная система безопасности.

– Вы уже нашли слабые места? Где можно попасть внутрь? – многочасовые скучные наблюдения располагают к мыслям не по теме, а уж у Алексея тем более.

– Я не получал такого задания. Но, естественно, нашел.

– Так я и думал.

– И я думал, что именно в этом и состоит задача. Просто почему-то вы не хотели ее до сих пор конкретизировать.

– Теперь всё будет предельно конкретно. Мне нужно, чтобы в жилом секторе произошел взрыв, по возможности разрушительный. И чтобы он произошел в определенное время. Думаю, технически вы не увидите тут ничего невозможного.

– А не технически? – Алексей удивленно поднял брови и даже не мог сразу найти слов. Довести его до такой растерянности было непросто, но Главному Привратнику удалось.

– Вот только про мораль сейчас не надо!

– Продолжайте, Юрий Борисович, нравоучений не будет – не мне их вам читать. Совесть в анабиозе, но мозг ждет информации.

– Начну с самого начала... Совет теряет силу, и этому снова поспособствовали вы, Алексей. Без Нестерова и Никитина осталось всего трое, и Лапин сейчас выведен из строя. С задачами такой триумвират справлялся, но моя новая политика вызвала у некоторых недовольство.

– Я немного отстал от жизни, какая новая политика?

– Пришлось уже не ограничиваться простой повинностью охраны отбывать дежурства на посту и следить за порядком: сделать эту службу регулярной. Теперь охранники бункера, можно сказать, занимаются этим профессионально.

– Внутренние войска? – не сдержался Алексей. Всё давно шло к тому, и Нестеров стоял на пути не только у него. Ищи, кому выгодно... Старик думает, что нашел союзника, по меньшей мере человека, способного понять такие цели. И средства тоже.

– Да, именно, внутренние войска... При этом мы имеем единственную силу, способную им противостоять, – сталкеров во главе с их командиром отряда Серяковым.

– Я еще не понимаю, как взрыв капонира может устранить командира отряда сталкеров.

– Это прекрасно, потому что никто и не должен этого понять. Но думаю, что через пару ходов и вы разберетесь. Итак, взрыв на территории соседнего поселения... В этот момент я должен присутствовать там. И я буду.

– Теперь понятно, каким краем этот взрыв зацепит и наш бункер, – Алексей уже ясно видел классический прием «внешний враг», но не видел самого врага. Старик достал что-то из кармана.

– А вот это должно остаться на месте теракта.

Кованый нож лесного поселенца был Алексею не знаком, но предположить не трудно.

– А это направит обвинения по ложному следу.

– И направите вы...

– Да. Решить проблему я отправлю командира отряда сталкеров. Оттуда он уже не вернется.

– Юрий Борисович... А чрезмерная сложность еще не признак ма-разма? Не тяжела артиллерия против политической оппозиции?

– Теряете хватку, Алексей. Не в командире Серякове дело... Он не мешает мне жить, но может помешать в перспективе.

– И ее вы сейчас создаете?

– Да. Нужно объединить людей.

– Впервые слышу о политике «объединяй и властвуй». Что-то новенькое изобрели, Юрий Борисович, – помирать пора, а все туда же, думает об усилении власти. Видно, других радостей в жизни не осталось. Впрочем, иронизировать над этим Алексею расхотелось, и сам другого интереса в жизни не нашел. Еще точнее – потерял все остальные.

– Сначала надо объединить, а разделить еще успеем. И вот тут для вас начинается самая важная часть.

– Куда ж еще важнее, чем стать камикадзе? Боюсь, что взрывчатка сработает у меня в руках раньше времени... Нет, «боюсь» не то слово – уверен, потому что никогда с ней не работал.

– Ничего сложного, освоитесь... Вы хорошо помните нападение на бункер или всё затмила проблема с Леночкой?

– Не всё, я помню.

– Значит, должны помнить, что особых примет и уникального вооружения у этих людей не было. Придется разыграть столкновение с

противником, но, если командир сталкеров будет убит простой автоматной пулей, никто не удивится. Потом, ближе к лету будем искать, где этот наш противник обитает на самом деле, а для начала придется его выдумать. Мне понадобится и ваша помощь, Алексей, но дальше будут действовать уже другие люди. И вот когда этот враг будет уничтожен...

– Тогда вы найдете нового. Не в моем лице, надеюсь?

– Нет. Тогда вы будете полностью реабилитированы. Я подключу вас к этой операции уже совершенно законно.

– Ближе к лету, говорите? Не долго ли ждать? – Алексей не верил слову «реабилитация». Такого не бывает, хотя бы потому, что у людей возникнут вопросы к воскресшему Привратнику. И слишком много случайностей обретут свое внятное объяснение. Но послушать на ночь сказки старого лиса он был не против. – И что тогда?

– Тогда боевые силы бункера будут объединены в одних руках. И числом превзойдут остальные.

– А умением превзойдут? Серяков не профессиональный инструктор, но мало кто так хорошо подготовит сталкеров, как он.

– Опять не правы, Алексей. Соседи не заключили договор с метрополитеном... У них нет союзника.

Все же старик не в маразме! Может быть, если бы не туманили разум пустые мечты и не плыло сознание при одном упоминании имени Елены, он и сам додумался бы до этого? Нужно еще проверить странный замысел, поискать слабые места. Но пока он был согласен с основными пунктами. Главный не зря потратил чуть не полгода, отшлифовывая в уме новую шахматную партию; интересно, какая роль отведена в этом Алексею? Уж точно не прямолинейной ладьи! И на каком этапе стратег решится отдать ставшую ненужной фигуру? На любом... Начиная с того момента, как осядет пыль от взрыва.

Не прав Привратник. Алексей хватку не терял, просто враг всегда обретался в определенном месте, а тут его еще предстояло отыскать. Можно мило поболтать со стариком, обсуждая, каким образом его самого подключат к поискам лесного поселения, но не хотелось тратить время. А вот узнать планы опытного гроссмейстера было интересно: Грицких ожидал к лету второй торговый караван от Бауманского Альянса. Связи теперь налажены, не зря Пищухина отпустили восво-

яси, мир был прочным. Бункеру не хватало тяжелого вооружения, и скоро этот вопрос будет решен. Тогда уже можно будет собрать людей под командованием одного человека и тоже устроить «день десантника» хоть соседям, хоть любому другому, у кого оружие только оборонительное. Алексею было достаточно лишь намек – он понял всё. Одно оставалось неясным: старик собирается жить вечно? Для кого всё это?

Казалось бы, можно о будущем уже не думать, оно не для него – для других. Не все ли равно, что будет после? И даже обещанного врачом года до конца не протянуть, если участвовать в подобных авантюрах! Поздно отступать.

– Юрий Борисович, давайте обсудим технические детали.

Привратник отошел в угол шлюза и приподнял тряпку, под ней обнаружилось три большие пластиковые емкости, наполненные смесью неопределенного цвета.

– Забирайте с собой. Детонатор изготовите самостоятельно, не мне вас этому учить.

– Ни хрена ж себе! – Алексей приподнял самодельную взрывчатку. Не так уж тяжело для взрослого мужика, но расстояние-то до реки немалое.

– Двенадцать килограммов. А вы думали, что я из пустого любопытства интересовался вашим самочувствием? – мрачно ответил Грицких. – Дело слишком серьезное. Попытка у нас с вами только одна, нужно постараться исключить неожиданности.

Еще раз ощутив колючим взглядом исполнителя, Привратник отошел к приводному колесу гермы.

– Можете возвращаться во второй бункер. А я не могу отсутствовать слишком долго. Остальные вопросы можно обсудить по телефону. Но надеюсь, их не появится.

ГЛАВА 12

ТЕХНИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Вопросы не замедлили появиться, но не те, которые нужно было обсуждать. «Что я с этого поймею?» Это был вопрос номер один. А второй – как сделать подрыв дистанционным? Потому что если не получится, тогда автоматически снимался и первый. Понадобится рация, причем обе, значит, придется еще разок встретиться с Главным Привратником. Но это позже, когда Алексей освоится с самой мыслью: во что он влез на этот раз!?

Холодноватые эмоции так и не вылились в бурю возмущения. Тут следовало бы и самого себя осудить за то же самое. Сколько уже людей положил для собственного блага? Считать замучаешься, начиная с безобидного Мухина. За это он честно пытался принять приговор. Не вышло, не судьба. А остальных не жаль, кроме Оксаны и Валерика, и не свалишь ответственность на приказ Привратника о ненужных свидетелях. Сам виноват. Еще и неопытный в грязных взрослых интригах Евгений попался под горячую руку Главному. Но то, что предложил сейчас Грицких... Не лезло уже ни в какие ворота! Что-то внутри сопротивлялось: «Я не такой! Неправда! Я не хочу...» Но согласился. На словах, конечно, проконтролировать исполнение все равно некому.

Что тут можно придумать, он еще не знал. Алексей все же не был серийным убийцей, а каждый конкретный человек либо мешал ему, либо его смерть должна была помочь осуществлению какой-то цели, пусть даже виноват он был лишь в том, что химзащита подходит по

размеру. Но не столько людей сразу! Разрушить убежище... Старик казался слишком уж самоуверенным – отдать в чужие руки такое количество взрывчатки и при этом спокойно спать. Три больших заряда... Окажись Алексей чуть более мстительным, бункер был бы сейчас приговорен в полном составе. Вентиляция все еще уязвима, нетрудно вывести из строя всю систему. Нескольких килограммов для ее подрыва может оказаться недостаточно, но убежище повредится основательно. Еще одного заряда должно хватить для ворот второго бункера, чтобы людям некуда было уйти, причем, если грамотно заложить в шлюзе, снесет обе двери, третий – распределить по оборудованию для жизнеобеспечения. И дело сделано... Оставшиеся в живых позавидуют лесным поселенцам. Неужели Грицких не подумал об этом? Или точно знал, что есть грань, которую не переступит Алексей, по-своему понимавший заповедь: не убий без достойной причины или если можешь вовсе этого избежать. Откуда же тогда берутся такие поручения?!

Раз уж его сочли способным на всё, то надо оправдать ожидания... Термический подрыв, ничего сложного. Только вот не упростишь задачу до пороховой бочки с фитилем, придется изобретать что-нибудь, чтобы оказаться подальше, когда рванет эта штуковина. Что создаст достаточную температуру? Кипятильник, что ли, внутрь засунуть? Нет, источника энергии не найти для такого нагревательного элемента... Разве что обыкновенная электрическая лампа подойдет, раскаленная спираль достаточно горяча и не потребует слишком мощного аккумулятора. Алексей крутил в руках рацию, прикидывая, как бы на нее замкнуть взрыватель. На прием? Нет, на сигнал вызова, раз уж он имеется в этой модели.

Чтобы отвлечься от размышлений о дозволенном и неприемлемом, он взял отвертку и начал раскручивать корпус передатчика. Сколько же игрушек было переломано в детстве, из чисто исследовательского интереса: как устроено. Интерес поощрялся, учеба давалась Алёше легко, этого не смог изменить никакой глобальный катаклизм. Только игрушки позже стали намного серьезнее, и от точности движений его рук уже зависела не целостность родительского телевизионного пульта, а жизнеобеспечение всего бункера... Прав Грицких, он не разрушит то, что столько лет поддерживал в рабочем состоянии, к чему относился бережно и почти с любовью. Соседское – не своё. Для того, чтобы снять корпус рации, нужны специальные отвертки-шестигранники,

они найдутся в любом сервисе по ремонту мобильных телефонов. Кажется, где-то на улице Чкалова подобная контора была...

Нужен детонатор. Трехвольтовой батарейки недостаточно, требовался аккумулятор помощнее. И кто знает, из чего сделана взрывчатка? Вот с химией у Алексея были проблемы, пришлось оставить это на совести Грицких. Его дело сейчас – собрать электрическую цепь, которая гарантированно произведет взрыв. Хотя бы один. Остальные две емкости сдетонируют чуть позже. Хреновый из него подрывник... Нужно будет еще найти точки конструкции, где разрушения будут наиболее эффективны. Если они окажутся далеко друг от друга – это создаст дополнительные проблемы. Нужно снова наблюдать. И сходить в город, не все составляющие бомбы имеются в бункере...

Неужели, получив в руки большую власть, человек настолько меняется? Алексею казалось, что жертвы неизбежны на этом пути, такой ход событий казался естественным и нормальным. На вершине жертв требуется еще больше, чтобы удержаться. Почему-то Алексей был уверен: пойдя он снова к цели – его ждет успех. Но пропал азарт. Он уже был там, и все равно больше хотел получить Елену. А теперь вообще смешно строить долгосрочные планы! И вспоминался разговор с особистом красной линии: «Такие, как вы, никогда не становятся героями». Почему? Видно, он годится только на роль террориста. Таким его видят окружающие. Таким себя показал, значит.

Мужчина хочет опасности и игры. А с женщинами ему просто фатально не везет в последнее время... Ну, прямо завтра не умирать, этот вопрос еще остается открытым. В опасную игру он уже ввязался, поздно из нее выходить. Иначе получится, что Оксана погибла напрасно, только для того, чтобы Алексей узнал конечную цель старого интригана. Осталось обратить в свою пользу этот несчастный случай: сообщники начнут больше доверять друг другу, Грицких тоже по уши замazan в этом.

Два паука на одной паутине... Мир между ними продлится ровно до того момента, пока цель не будет достигнута, ведь воспользоваться победой сможет только один. Алексей еще немного покрутил в руках полуразобранную рацию, вставил обратно элемент питания и закрыл крышку. Игра без призового фонда. Игра ради самой игры. Он согласен.

Матерей Валерия и Оксаны пришлось, во избежание скандала, подводить к яме по очереди. Елизавета, которую Фролов насильно заставил принять успокоительное, все равно слабо протестовала и обещала выкопать из могилы виновницу смерти сына. К весне, когда оттает грунт, она уже забудет об этом. А если все же соберется что-то выкапывать, то пусть этим занимается Лапин. Грицких окинул взглядом собравшихся, распорядился забросать тела землей и полить водой, чтобы крепче замерзло. Через несколько часов разровняют снег, и не останется даже следа.

Порядком простывший наверху Привратник сам заварил себе чай и сел за стол, задумавшись. С мелкими бытовыми делами он в состоянии справиться и без помощника, этого барства не было еще несколько месяцев назад, не успел привыкнуть. В отряде сталкеров освободилось место. И стоило рекомендовать туда своего человека, он даже знал, кого командир Серяков с радостью возьмет за силу и быструю реакцию. Правда, реакцией этого парня на опасность скорее будет попытка убежать, чем перейти в наступление, но это Грицких не интересовало. Все равно до весны никто не проверит в деле его боевой дух, а там, возможно, и решится вопрос с командиром отряда...

Нужно было приступить ко второй части плана, тройное убийство даже ускорило события и облегчило некоторые задачи. Но теперь стало страшно, неуверенность мучила все сильнее. Алексей совершенно неуправляем. Когда остались позади почти все хлопоты по поводу сокрытия следов преступления, Юрий Борисович полностью осознал, что именно совершил Колмогоров. Одобрение смешалось с сомнениями. Приказ выполнен, исполнитель не оставил свидетелей, в нем нет ни капли жалости, ведь нелегко хладнокровно воткнуть лезвие в тело, к которому был так равнодушен. Ничего святого... Сейчас Главный понял, насколько рассчитывал на эту девушку, насколько она была ему полезна как заложница. Он ошибся. А тот, кто подчиняется не из страха... Того самого следовало опасаться. Нужна немалая осторожность, чтобы призывать демонов, но и они не бессмертны.

Люди любят доказывать свою силу, а, убивая других, доказать это легко. Остается выбрать из числа охранников двух-трех, которые рвутся в бой, хотя уже десяток лет им не предоставляли такой возмож-

ности. Иначе говоря, выбрать сомневающихся... Ведь тот, кто уверен в себе до конца, не нуждается ни в каких доказательствах.

В целом Главный был доволен, ситуация оставалась под контролем. Но на будущее придется принять меры. Выполнив приказ, Алексей способен пойти еще дальше, а Грицких предпочитал спокойно спать по ночам, не думая, что крыша над ним вдруг взлетит на воздух. Демон, принесший с собой частицу ада, должен вернуться обратно. Трех человек с дальнобойным оружием будет вполне достаточно, чтобы опасный союзник никогда больше не смог претендовать на свою долю прибыли. Власть не делится на части, а уж шестой Привратник точно окажется лишним.

* * *

Алексей слышал негромкие хлопки далеких взрывов, не всю смесь Главный пожертвовал на решение стратегических вопросов – кое-что осталось, чтобы вырыть могилу в заледеневшем грунте. Бункер потерял троих, но эта статистика больше не волновала, дело увлекло по-настоящему. Следовало еще опробовать взрывчатое вещество в малом количестве. Список дел оказался довольно длинным, снова предстоит долгий «шоппинг», и заниматься этим на ночном морозе вовсе не хотелось. Но следовало отойти подальше, прежде чем начинать собственные эксперименты. Нарушив запрет, он взял с собой и карабин – уж слишком неуютно одному в пустынном городе, да и людей он начал опасаться намного больше, чем до встречи с Валерием и Ксюшей. Алексей все еще чувствовал неприятный привкус поражения в этой своей победе над обстоятельствами. Воевать с женщинами и детьми он точно не стремился!

Подносить к смеси огонь, не зная мощности взрывчатки, было очень опасно. Что можно использовать в качестве фитиля? Бумажку унесет ветром, если ее свернуть в жгут, она может погаснуть раньше времени. Кроме сигареты ничего не приходило в голову, но такой фитилек коротковат. Зато горит медленно и ровно, только бы мокрым снегом не погасило. Алексей нашел в разгрузке заваливавшуюся там полупустую пачку, которая пригодилась для налаживания контакта с «железнодорожниками». Чиркнув зажигалкой, он кашлянул от резко

пахнущего дыма и придавил камешком импровизированный фитиль. Нужно подождать минуту. Алексей отошел подальше, достал еще одну сигарету: если не обращать внимания на отвратительный вкус, нервы успокаивало.

Он пытался сообразить, где взять работоспособный аккумулятор нужной мощности. Подошел бы свинцово-кислотный от источника бесперебойного питания, самый неприхотливый в условиях хранения. Конечно, есть и другие, но этот проще всего найти. Свинец очень тяжел, там и так двенадцать кило взрывчатки, да еще и не меньше трех – аккумулятор... Он закопал в сугроб окурочку и оглянулся на дощечку, где еще не догорел огонек.

Через пару секунд грохнул взрыв, снег разнесло на несколько метров. Алексей от неожиданности пригнулся, хоть это уже не помогло бы ему, если бы треснувшая доска полетела не в кусты, ломая ветки, а в него самого. Такой мощности от самодельной смеси даже не ожидал, хорошо еще, что больше не насыпал! Эмпирики на сегодня достаточно, пора приступать к поискам запчастей. С проводами нет проблем, да и бесперебойник найдется почти в любом помещении, где стояли компьютеры. Полуразрушенные строения в городе выглядели под снежным покрывалом совершенно одинаковыми, но Алексей еще помнил, где что располагалось, ему не нужно было вглядываться в дома и вывески. Это не Москва, здесь он у себя дома.

Обыскивать офисы оказалось очень скучно, техника была сильно повреждена обрушениями зданий, пылью и водой, беспрепятственно проникающей в разбитые окна и поливающей сверху через почти отсутствующую крышу. Оставив попытки найти уцелевший источник бесперебойного питания, Алексей сосредоточился на рации. Пункт ремонта электроники был расположен в подвале, лесенка вела вниз от яркой вывески к неприметной стальной двери. Запертой, к сожалению... Открывать стальные двери без ключа Алексей не умел, а как киношные сыщики это делали с помощью выстрела, тем более не представлял: разбив личинку замка, повредишь весь механизм, его просто намертво заклинит. Поэтому, поглядев на дверь, он отправился вскрывать багажники ближайших автомобилей в поисках лома или хотя бы монтировки.

Сделать это оказалось намного проще. Замок так и не уступил, петли сдались быстрее. Раскурочив их вместе с дверной рамой, Алексей

смог проникнуть внутрь. Бесперебойник будто ждал его там. Помещение оказалось на редкость сухим, потому что в нем не было окон, а вода из остальной части дома не затекала внутрь. Он смахнул пыль с рабочего стола и радиодеталей. Здесь оказалось всё, что нужно. Подпирать перекосившуюся дверь для безопасности не требовалось, в щель мог бы пролезть только очень худой и слабый мутант, поэтому Алексей неторопливо рассматривал при свете фонаря, что именно ему может пригодиться. Нашлось немало полезного, включая элементы питания к рации, стоило и их проверить. Сейчас больше интересовал свинцово-кислотный аккумулятор, срок годности его давно прошел, придется забирать с собой всё это громоздкое и тяжелое устройство, повыдергивав из него вилки проводов от неработающей техники.

Алексей уложил ИБП на дно прочной сумки. Отвертки тоже быстро нашлись в ящике, но он не торопился уходить, отдыхая после тяжелого труда взломщика, расположился в кресле и оглядывал мастерскую. Где-то неподалеку сейчас проходила печальная церемония, придется ждать до вечера, чтобы уж точно не застать никого снаружи, приблизившись к бункеру.

На поле аэродрома в вечерних сумерках мышковала сова. Алексей долго стоял за деревьями на краю леса, наблюдая. Если уж крылатая тварь так вольготно чувствует себя на белом просторе, значит, людей там нет. Сова пикировала вниз и снова взлетала. Точнее сказать, она не мышковала, а «снежковала». Следующее ее падение было стремительным, а взлет – тяжелым, в когтях билось что-то белое, скулящий визг донесся издалека, но удар крепкого клюва его быстро прекратил. Алексей злорадно усмехнулся, чувствуя себя отомщенным, и начал осторожно пробираться к дверям бункера.

Разложив на столе очищенное от пыли оборудование, он подключил к электросети бесперебойник. Зеленый диод не горел, но при нажатии кнопки раздался писк. Он огляделся вокруг и, не найдя ничего, кроме паяльника, воткнул его в розетку. Подождал, сжимая в руке металлический стержень. Ладонь ощутила тепло, быстро переходящее в обжигающий жар, – прибор работал! Не выключая его, Алексей придвинул поближе провода и начал присоединять к ним выключатели от светильников. Самый удобный способ в нужный момент разомкнуть цепь и быть уверенным, что не взлетишь на воздух.

Как не хватало голоса за спиной: «Лёш, а что ты делаешь?» И тепло прикосновения. Когда-то Лена удобно располагалась на плече, прижавшись вплотную, высматривая, чем бы тут слегка напакостить от скуки. Алексей уже почти слышал этот голос, даже чувствовал, как пахнет ее кожа, казалось, еще чуть-чуть... Привычно коснулся ладонью лба и отдернул руку. Нет больше вечно мешавших работе прядей челки, и Елены нет. И бункер не тот. И он сам... Кто он? Кто этот человек за столом, присоединяющий провода к детонатору? Что бы он ответил на Ленкин вопрос? Ничего. Он сам себе ответить не может.

Отложив в сторону паяльник, Алексей проверил соединение, осталось только включить тумблеры-предохранители, и цепь замкнется. Задача из школьного курса физики, очень просто. Никак не оценить работу без второй рации, пришлось приложить контакт напрямую к выходу сигнала. Лампочка вспыхнула неожиданно ярко, ослепив на миг. Готово. Но чувство удовлетворения успешной сборкой так и не пришло.

Нужно знать, понадобится ли несколько детонаторов или хватит одного, может, двух. Придется отдельно осмотреть крышу капонира, до этого Алексей в такие детали не вдавался, даже он не мог предположить, что задумал Главный Привратник. Приходила в голову диверсия на электростанции. Устранение их лидера-Председателя или кого-то другого, мешавшего планам Совета бункера. Но не такое! Технически оказалось совсем несложно. Вес бомбы большой, но и тут нет никаких затруднений. Он справится. Сложно пробраться на территорию соседей, но не невозможно, он уже нашел несколько секций ограды, которые не видны с вышек. Не всегодились для того, чтобы протаскать внутрь крупногабаритный груз, но пара дыр оставалась. Работы придется проводить ночью с перерывом на обходы территории охраной, потому что днем там слишком много людей. И сюда он больше не вернется...

Алексей рассмотрел сквозь стекло тончайшую нить накаливания лампы – от ее сохранности зависит, произойдет ли взрыв. Нужно зафиксировать, найти какую-то трубку и осторожно досыпать смесь в последний момент. Ну, это уже мелкие проблемы... Которые нужно позже спокойно решить, никто не помешает, ведь он один в пустом бункере, как того желал чуть больше полугода назад. Можно быть

счастливым, желание исполнено. Но не хватает самого важного, о чем он тогда даже не мечтал...

Алексей продолжал сидеть за столом, обдумывая завтрашнюю позицию для наблюдения. Потому что идти сейчас в холодную постель совершенно не хотелось. Даже сугроб у периметра казался не таким насквозь промерзшим, как эта койка, накрытая пожелтевшей тряпкой. А зачем ждать завтрашнего дня? Он проверил, заряжен ли прибор ночного видения, взял куртку и ушел наверх. Лучше свист ветра на поле аэродрома, чем звенящая тишина бункера и напрасное ожидание женского голоса, который зовет по имени.

ГЛАВА 13

СТРАХ КАК СРЕДСТВО

К утру злость не прошла, только стала сильнее. Преодолевать километры по бескрайнему заснеженному полю с каждым разом становилось почему-то легче, давно не мучили приступы лихорадки. Возможно, врач оказался прав – радиотерапия действует. А может, просто на фоне постоянного напряжения организм включил скрытый резерв. Надолго ли его хватит? На подготовку теракта отведено пять дней. Главный Привратник уже договорился с соседями о времени визита к ним, отступить нельзя. А если его накроет приступ в самый неподходящий момент? Ну, когда это случится, тогда и будет думать.

Крыша капонира представляла собой поверхность малой кривизны, чуть повыше, чем бетонный купол бункера, сливающаяся с ландшафтом. Ворота, предназначенные для небольшого самолета-истребителя, были надежно заперты изнутри. Безопорный полукруг на первый взгляд... Алексей пытался понять, где конструкция наименее прочна или где больше провалится при взрыве. Нужно вспоминать, где расположена жилая зона. Пока этот вопрос всего лишь технический.

Свет прожектора помогал ему, проходя как раз по краю строения. Нет, о воротах нужно забыть – неэффективно. Прямо сверху заряд тоже не положишь, взрывная волна рассеется по плоскости. Алексей уже начал находить в этом свой интерес: сможет ли он справиться с

новой задачей, не отвыкли ли мозги от работы? Или эмоции наносят необратимый ущерб интеллекту? Через четверть часа напряженные размышления все же были прерваны, и он не отрывал взгляда от знакомой фигурки в мешковатом комбезе. Знакомой... Никто их друг другу не представил, имени не назвал. Но все-таки среди других неузнанных и безликих девушка чем-то выделялась. Алексей опустил бинокль – не время для развлечений, когда нужно подумать.

Неровные кирпичи крыши не держали снег, он таял от тепла изнутри, здесь не было трехметрового слоя бетона, как в бункере. Осмотр со всех сторон ему не требовался: размеры, толщину стен и вид с реки он и без этого помнил неплохо. Он вглядывался сейчас до боли в глазах в едва различимые трещинки кладки, оценивая, где конструкция наименее прочна.

Изрядно пострадавшая с северной стороны крыша так и не была восстановлена. Слой грунта с нее снесло при бомбежке еще двадцать лет назад, от времени разрушений только прибавилось. И все же капонир оставался неуязвимым для десятка килограммов пусть и мощной взрывчатки. Оставались коммуникации... Новый водопровод, подведенный к освоенному убежищу, находился со стороны ворот, крепко вмурованный в бетонный пандус. К тому же слой снега и льда не дал бы к нему подобраться. Вентиляция при подрыве просто выйдет из строя, по трубам пронесется волна огня, сжигая людей внутри. Эффектно! Но как-то не слишком разрушительно... Нет, одним пшиком тут не обойтись.

«Кто ты мне, Главный? Кто ты, чтобы я шел на смерть ради тебя? Чтобы убивал для тебя. Я не безвольное орудие в твоих руках, не бездушный автомат. И ничего тебе не должен... Потому что не просил о помощи, ты решил за меня сам». Еще не хватало размышлять: нужно ли испытывать чувство благодарности или не нужно! Оно или есть, или нет. Никакими размышлениями его себе не надумаешь и не создашь, как ни старайся. Но такие проценты на долг даже у китайгородской братвы не накручиваются. Совсем Грицких оборзел, не по понятиям это. «Ты, знающий, всегда знающий, как надо жить... Жил ли ты сам хоть когда-нибудь? Или представляешь собой этакий сгусток мыслящей материи? Я жил... Пусть в прошедшем времени, зато я могу с уверенностью сказать об этом!»

С рассвета безымянная девчонка ловко орудовала лопатой, расчищая дорожки в снегу. Алексею даже казалось, что она пританцовывает на месте под неведомую музыку. Он пытался угадать ритм мелодии, но не сумел. Просто снова смотрел на нее в бинокль, забыв об охранниках на вышках и холоде, – и так не пропустит момент, когда они сменяются, без противогаза обзор намного лучше, засечет движение. Может быть, она рыженькая? Но капюшон химзы был плотно надвинут, никак не разглядеть. Зато ее маршрут, постоянный и уже предсказуемый, хорошо изучен, эти знания понадобятся, когда он окажется внутри периметра.

Часть взрывчатки уже покоилась рядом с ним в сугробе. Еще можно выбросить ее, высыпать в реку. Но бомбы делают не для того, чтобы их уничтожать, жаль вложенный труд. Алексей помнил свой страх, когда соединял провода, подсознательно ожидая взрыва каждую секунду. Это не игрушки, хотя изготовление детонатора напоминало ранние опыты с лампочками и батареей, – электрическая цепь так же проста и незамысловата, только слишком уж тяжела для детских рук.

Завтра он принесет остальное. Соединить всё вместе и... Взрослые мальчишки тоже любят ставить опыты с батарейками. Он уже не мальчишка, не Пищухин – снова вспомнился не к месту этот боевой парень, не знающий, как и распорядиться-то своей силой и природным, на халяву доставшимся обаянием, заблудившийся в каком-то незримом для остальных лабиринте условностей, совести и сраной этики! Можно ведь просто не замечать этих стен, не петлять между ними, расходуя силы, а идти напрямую. Алексей, вообразив это зрелище, улыбнулся, но улыбка быстро увяла. Посреди лабиринта хочешь одного: найти выход. А куда направиться тому, для кого и не существует никаких препятствий?

* * *

Главный Привратник чувствовал, как на глазах растет авторитет: его охрана быстро наводила порядок среди недовольных. Испуганные люди теперь подозревали, что кто-нибудь еще вдруг получит доступ к оружию и начнет снова убивать. Грицких успокаивал: всё под контролем. И тут же провел несколько обысков личных вещей, найдя немало интересного. Неподотчетного оружия не оказалось, всего лишь книги,

неведомо откуда взявшийся кокаин и золотая цепочка, излучение которой было небезопасно для здоровья. Наркотик был сдан Фролову, предстояло еще выяснить, какой идиот притащил из города эту гадость, потому что белый порошок, безошибочно опознанный Главным, был найден в тумбочке вовсе не у сталкера. А в карцере прибавилось народу...

Серяков пытался защитить свой отряд, но понимал, что без его ребят это дело никак не могло обойтись.

– Не знаю, Юрий Борисович, кто и где наткнулся на этот кокаин! Видно, давно это было, потому что только летом мы в квартиры заглядываем. Ведь никогда не знаешь, к кому в гости попал, может, и в приют какой... И если до сих пор провалялось, значит, побоялись нюхать! Так что и беспокоиться пока не о чем, кто к этой отраве привык – запасов делать не будет.

– У сталкеров ваших, похоже, рефлекс выработался: всё в дом тащить, авось пригодится. Но не до такой же степени, уж и не знаю, смеяться или плакать! Наверное, думали, что это употребляют внутривенно, а шприц у нас достать не легче, чем сам наркотик. Надо на Совете его Привратникам раздать, говорят, способствует творческому озарению... Заодно срок годности проверим. Шучу, разумеется. Игорь Яковлевич, у меня еще по книгам к вам вопросы будут... Почему не сдаете в библиотеку, как положено?

– Потому что люди... Про книги я знал, их в карман не спрячешь. А у них вечно то лифчик из разгрузки вывалится, то ювелирка. Цепочку просмотрел вот, но там излучение невелико. Хорошо, эта дура ее почти не носила, а сталкеров дозиметром проверяли-то возле шлюза, который сам уже фонит, как реактор. Нормальные мужики, чего же вы хотите? – Серяков искренне не понимал, почему Главный возражает против мелких подарков, которыми сталкеры пытались хоть как-то компенсировать серость жизни в бункере.

– Проблемы женского белья меня не волнуют. А политику Совета по книгам вы не хуже меня знаете, порядок заведен еще при Нестерове, – теперь серые глаза Главного снова начали отливать стальным блеском, раз уж командир допускал подобные вольности, что же говорить обо всем отряде?

– Вы запретили записи, но не можете изменить человеческую память. Поступки недостойные летописей... Но стереть их нельзя.

Можно. Человеческая память – самый непрочный носитель информации. Оказывается, Грицких упустил из виду еще одну важную деталь... Сталкеры – не просто бесконтрольно вооруженные люди, они единственные имеют дело с внешним миром. Это неподвластно даже набирающим силу его «внутренним войскам». Сила эта зрела на дрожжах страха и очень быстро. Но сейчас не стоило разжигать конфликт с командиром, еще не время.

– Игорь Яковлевич, я думаю, что вы сами разберетесь и предъявите мне виновного. Наказание будет строгим, неприятным, чтобы запомнил как следует. Но ведь расстрел на месте ему не грозит, так что не будьте слишком снисходительны. Побережем людей, они нам к весне очень пригодятся. Послезавтра я нанесу визит соседям, мы договоримся, сколько людей и с какой стороны будут копать канаву под электрокабель. На все лето работы хватит, нам понадобится охрана, и ваши ребята мне нужны в целости и сохранности.

Серяков надулся. Ну, чем он сейчас-то недоволен?! Привратник и так применил все свое искусство дипломатии, пытаясь задобрить оппонента.

– Вы так и не поняли, Юрий Борисович... Почему-то считаете, что раз у человека в руках «калаш», то это сразу делает из него солдата? Я давно об этом думал... Мне кажется, сталкер – это вроде охотника. Которому приходится и в засаде посидеть, и вести себя тихо, и следы читать, мозги напрягая. То есть, он никогда не несется в бой с шашкой наголо! На войне нужна агрессивность, сила нужна, это совершенно другие качества, редко когда они в одной и той же личности совмещаются. Даже в первобытном племени воин и охотник не всегда одно и то же.

– Вы уверены, что в племени было столько народу, чтобы поддерживать такую специализацию? – усомнился Грицких. В истории и этнографии, или как там оно называется, он разбирался слабо. Хотя с точки зрения психологии мысль командира показалась любопытной.

– Уверен. Это ведь даже разное оружие. Никто же не ходил на охоту с мечом-двуручником. Одним словом, сталкеру нужно больше терпения и выносливости, чем силы и боевого духа.

– Игорь Яковлевич, вы уже смешали все эпохи! Но я вас понял, – было преждевременным обсуждать оружие первобытных племен, оно должно всплыть послезавтра, не раньше, и оказаться полной неужи-

данностью для всех. – А по нашему конкретному случаю: или ваши ребята стоят с «калашами», или землю копают. Выбирайте, что для вас удобнее, потому что предстоит вырыть траншею протяженностью в несколько километров. Посоветуйтесь с ними и решите. Я вас не тороплю.

* * *

Снег не падал, не шел – он неся навстречу со страшной скоростью из ночи, опустившей непроницаемую белую завесу уже в двух шагах. Маска обледенела, стала ломкой, как пластик, и воздух пропускала не лучше, пришлось снять, подставив лицо ветру. Следы пропали. Впереди показалась ямка, но это оказался просто причудливо наметенный маленький сугроб в форме подковы. Видимость была даже не нулевой, а уходила в минус – колючий снег не давал открыть глаза, ветер обжигал морозом. Капюшон не спасал, его сдувало, пришлось прилагать небольшие усилия, чтобы держаться на ногах. Алексей повернулся спиной к ветру, чтобы хоть что-то увидеть. И ПНВ практически бесполезен при такой погоде, темнота вокруг, ничего живого, и не видно даже далеких лучей прожекторов. Где они должны быть? В этой пурге неумудрено и потеряться, из всех ориентиров, положений и направлений он уверенно назвал бы сейчас лишь верх и низ. Ветер тоже ничего не подсказал, снова сдув капюшон уже в другую сторону. Срочно нужна указующая стрелка, которая покажет путь домой от поселения на юге. Но компаса в кармане не оказалось.

Нет, не потерял... Забыл на столе. Уронил, надевая куртку, положил рядом с собой, там и оставил. И теперь, похоже, обречен на смерть от переохлаждения. Заряд прибора ночного видения уже почти на нуле, хватит не больше чем на несколько сотен метров пути – пути куда?! – и можно ходить кругами, пока силы не закончатся и бессознательное тело не заметет снегом. Легкая смерть, только потерпеть немного этот пронизывающий холод, еще немного потерпеть... Все же есть Бог на свете? Будто кто-то действительно пытается остановить... Уж точно без толку взывать к нему, Алексей повернулся к ветру лицом и крикнул изо всех сил:

– Тебя нет! Нет тебя там! Там вакуум, космос, бесконечная Вселенная, в которой тебя даже не найти! – стало чуть теплее, терять было

уже нечего, сил все равно не оставалось, они тоже близки к нулю в отсутствие источника для их подзарядки. – И здесь тоже нет – человечество осталось без присмотра. Никого нет!

Чего еще бояться? Что настигнет кара господня? Так это уже произошло. Или эта кара сейчас выскочит из снежного вихря белым плотным комом на четырех ногах и вцепится зубами в горло! Тоже вариант. Силы природы глухи, если уж обращаться, то к какому-то подобию человека, а другого адресата для такого послания Алексей не знал. Когда против тебя буквально всё, и проклятие будет также всеобъемлющим!

Закрыв глаза, чувствуя на своем лице, казалось, каждую режущую грань замерзших кристалликов воды, Алексей продолжал отводить душу, ругая и себя за забывчивость, и пустые небеса, и людей, между поселениями которых он застрял в неизвестности, не принадлежащий уже ни к одному из них.

– Я сдаться должен?! Сложить лапки, да еще сам в сугроб закопаться? Потому что кто-то или что-то оказалось сильнее... Сейчас пойду дальше, и еще посмотрим, насколько меня хватит!

Пока вопреки обещаниям не хватало ни на один шаг. Ветер заносил снегом неподвижного, застывшего посреди поля человека, за несколько минут исчезли и следы позади, будто он появился здесь ниоткуда. Полная темнота окутывала со всех сторон, кожу царапали невидимые иглы. Алексей зажмурился, потому что перед ним все равно не было того лица, в которое можно взглянуть без страха или, наоборот, перепугавшись до смерти. Просто холод постепенно отнимет силы, отберет сознание, остановит сердце, и больше ничего не будет. Крепко стоя обеими ногами на земле, веришь лишь в то, что можно увидеть собственными глазами. А не видно ни хрена! Чтобы не остаться в полном одиночестве – не быть единственным идиотом на десять квадратных километров! – стоило хоть на короткое время выдумать себе компанию, да и препятствий на пути оказалось столько, что поневоле поверишь в разумное вмешательство, в чей-то протест. И ответишь на него собственным!

Обледеневшие губы еще шевелились, а отрицание самого существования Бога звучало не менее горячо и искренне, чем молитва верующего в него... Алексей осознавал это, ветер уносил кроме слов еще и смех, но остановиться было уже невозможно – лишь этот поток красноречия согревал, позволял еще держаться и не рухнуть в снег.

– Я верю в теорию Большого взрыва, но никаких высших сил не существует! Есть законы физики, есть сила притяжения, магнитные поля... Черт! Почему я забыл этот сраный прибор, который и работает с этим самым полем?! И я не поверю ни во что другое. Я сам! Сам лажанулся, а не кто-то помог, тот, который следит за соблюдением своих устаревших руководящих указаний из десяти пунктов! Плохо следит, я нарушил их все.

Сам... Ему показалось или кожа лица перестала чувствовать боль? Вероятно, перестала уже чувствовать вообще что-либо! Алексей попытался открыть глаза, но ресницы смерзлись, лед закрыл их тонкой коркой, пришлось протирать рукой. Колючие снежинки больше не носились вокруг, словно жалящие насекомые, только облачко пара от сбившегося дыхания быстро таяло в воздухе, метель закончилась. Он поднял голову. Будто по линейке прочерченная, граница снеговой тучи уходила за лес. И сам лес теперь отчетливо виднелся на ее светлом фоне... Не так уж далеко.

Алексей плюнул, отметив, что, поскольку плевок еще не замерзает на лету, жить можно. И нужно! Над головой было иссиня-черное небо с несчитанной уймой светящихся точек, прозрачное насквозь... словно вся космическая стужа беспрепятственно опускается прямо на него. А чего он ждал от небес? Там ведь пусто, холодно. Отсюда и до самых далеких звезд.

«Проорался? Легче стало? Кажется, да... Всех монстров на километр вокруг распугал, хоть ветер дует с реки, соседи далеко, не услышали. А то бы уже снаряжали в поход дежурного психиатра! Нервы ни к черту».

Едва теплая вода душа показалась горячей после стылого леса наверху, капли громко стучали по эмалированному поддону, вызывая головную боль. Слишком замерз. Слишком устал. Нужно хоть немного согреться и идти спать, долго он в таком режиме не продержится. Глаза закрываются, он уже спит и видит сон – порождение тоски и безысходности... Лена... Здесь? Да, Лена, едва заметно улыбаясь, молча смотрит, будто в ожидании, чем же закончится эта его нерешительность. Длинные волосы, липнущие к плечам, капельки на коже, блестящие пухлые губы... Алексей сделал шаг к ней, забыв обо всем, целовал девушку, уже не замечая воды с примесью ржавчины, чувствуя только мокрое тело в

своих объятиях. Ни одной разумной мысли, лишь отдельные слова: сладкая... сейчас... Неустойчивое равновесие придавало ощущениям остроты, вода лилась сверху, делая их соприкосновения скользящими, ласкающими. Нужное слово, наконец, нашлось, единственное и определенное: моя. Произнес ли он это вслух, чтобы и самому поверить? Похоже на то, причем не один раз, в такт движениям, слишком быстрым, слишком нетерпеливым... Благодарные сладкие поцелуи, горький вкус воды, которая смывает последние следы с их тел, остается только чувство удовлетворения.

Алексей открыл глаза. Вода стала совсем холодной и все так же отдавала ржавчиной старой трубы, уходила в сливное отверстие, унося с собой всё, включая иллюзии. Отвратительное послевкусие... Но он снова будет желать этого. Только не так, не с риском разбить голову об пол, когда заснул прямо под душем. Оглядываясь вокруг, Алексей даже искал какого-то подтверждения, уж слишком близко к обстановке всё привиделось. Но кафель был ледяным, к нему не прижималось только что горячее тело, может, еще и поискать следы коготков на собственной спине? Настоящая шизофрения. Впрочем, нормальными условия жизни и не назовешь: один в пустом бункере. Есть, от чего сойти с ума. Или от кого.

Возможно, ощущение этакой мощи в руках должно пробуждать какие-то чувства, но Алексей видел всего лишь сыпучий порошок, к тому же неудобно упакованный. Части должны быть более мелкими, иначе их просто не подложить под кирпичи и в щели крыши – точнее он рассчитает, когда нарисует на бумаге план. Настоящая сила разрушения заключена не здесь, и не обвалившийся кусками бетон послужит причиной смерти многих. Для детонации – всего этого, всего замысла в целом – потребовались только воля и решительность. Они сильнее любой взрывчатки, неужели Алексей сам уже утратил эти качества?! Нет, еще нет.

Все-таки влип по самое некуда! И выполняет приказ этого старого манипулятора, которому сам расчистил путь. Сам! Собственными руками, убрав с дороги Нестерова, посадил на престол нового Главного. Cui prodest? Кому выгодно? Теперь уже никому. Алексей не находил в планах Грицких изъяна, сам не придумал бы лучше. А свою ошибку видел только в одном: хотел обрести новую цель, а стал средством. Он

слишком поспешил подать знак? Ключ на белом снегу... Мог ли поступить иначе? И сейчас он все-таки падает вниз, окончательно соскальзывая во тьму. Лена могла помочь, но отказала в помощи. Больше ничто не удерживает. Ничто?

И все же именно в его руках сейчас власть и сила... Он сам распоряжается ею, сам, от начала и до конца. Сам начал эту игру и сам должен... Алексей смотрел на собственные ладони, исцарапанные, в двух местах обожженные паяльником, кожа пальцев потрескалась от холода. На правом запястье еще заметны желтоватые синяки от зубов хищной твари. Мутант мог просто отгрызть эту руку, но этого не случилось, обошла стороной и угроза замерзнуть насмерть в том снежном буране, потерявшись на просторах аэродрома. Злость снова закипала: никто не помешает ему и не направит, ни Главный Привратник, ни сам Господь Бог. Власть – слишком приятная вещь, чтобы ее уступить и ею делиться. А попробовав хоть раз, захочется ощутить ее вкус снова и снова.

Замкнуть контакты – и «аллах акбар». Или «харе кришна», да что угодно на выбор, все равно эффекта вакуумной бомбы не появится. И на ваххабита он не станет похож, несмотря на изрядно обросшее лицо, разве что на ваххабита-альбиноса. Ксюши уже нет, никто не проявит недовольства щекочущим прикосновением, а гладкая кожа лишь замерзает быстрее. Придется снова стать практичным, выбросив из головы всё, что не относится к делу. Карандаш в руке привычно намечал на бумаге заново контуры капонира, Алексей не забывал ни трещину в крыше, ни вывалившийся кирпич у основания, ни точное расположение жилого сектора, ближе к которому и предстояло разместить заряд.

Ядерная зима продлилась долго... Дизель-генератор ее пережил, запасов топлива хватало, люди приносили его в капонир, пользуясь тяжелыми просвинцованными защитным костюмами. Ступая по земле, как космонавты, в негнущихся жестких комбезах, они не рисковали умереть немедленно от лучевой, зато все спасенные могли умереть от холода. Маленький дизель давал только свет и энергию для вентиляции помещения. А зима накрыла мир не на один месяц и не на год, все это хорошо понимали. И пришлось пойти на риск, установив дровяную печь для отопления, мощные вентиляторы выгоняли дым, тут уж генератор успешно справлялся. Отдельная вытяжка просуществовала довольно долго, пока не стало теплее, радиационный фон понизился,

добытчики-сталкеры потянулись в город и промзону в поисках более совершенного оборудования.

Алексей помнил, как сразу обратил внимание на цементную за-
глушку в углу под потолком, ему и рассказали эту историю. Старый
дымоход снаружи был закрыт такой же пробкой, а внутри стены оста-
лась довольно широкая стальная труба. Вряд ли старый цемент хоро-
шо держится в металле – рассматривая боковую часть строения, он не
заметил следов ремонта. Если подковырнуть ее как следует, то зало-
жить бомбу окажется проще простого. Часть силы взрыва неизбежно
уйдет наружу, как из дула пушки, но ее хватит, чтобы разворотить весь
угол вместе с крышей. А уж направленная внутрь энергия размажет по
стенам всё, что попадется на пути, и сожжет дотла, как в паровозной
топке. Алексей поставил заряжаться аккумулятор, этот двенадцати-
вольтовый свинцовый кирпич как раз поместится в неширокую трубу,
а за время зарядки нужно подготовить более удобную и подходящую
по форме упаковку для смеси. Остальное он доделает уже на месте,
главное, теперь есть четкий план.

Первые крупные хлопья снега кружились за воротами, метель обе-
щает затянуться надолго, сырой воздух проникал в шлюз сквозь при-
открытую дверь. Пора идти. Всё готово.

ГЛАВА 14

КОНЕЦ ИГРЫ

Ад ледяной. Теперь Алексей был в этом абсолютно уверен. Если есть такое место, где люди страдают в наказание за свои грехи, то оно не может быть ни теплым, ни горячим. Огонь уж слишком навевает мысли о жилье и комфорте. Лед более негостеприимен, да и обжигает холод ничуть не хуже. Скоро пойдет снег, но пока будто с каждым порывом ветра что-то ударяло по лицу. Заслониться нечем, обе руки были заняты. Становилось все труднее отряхивать снегоступы, сырость пропитывала и сугробы под ногами. Алексей уже научился распознавать запах снегопада, оказывается, существует и такой. Хищник теперь точно знал, когда сможет подобраться к человеческому жилью безнаказанно.

Идти напрямую к забору по сугробам, конечно, признак хорошего тона, а лучше уж сразу в ворота постучаться. Алексей, вооружившись укороченной лопатой – блин, опять этот проклятый инструмент! – углубился в высокий сугроб, самый ближний к колючей проволоке, до которого только смог добраться и до которого не доставал свет прожекторов, остановленный невысоким сараем. Придется делать перерывы в работе, прислушиваясь, хоть и трудно заметить белое на белом, даже если это белое довольно шустро копает, отбрасывая в сторонку снег. Когда пробил корку, дело пошло намного легче, специально затемненный фонарик все же позволял разглядеть глубину этой штольни, когда выбирался назад, чтобы отдышаться.

В последний раз он так зарывался в снег только в детстве... Внутри было душно, Алексей сбросил маску-балаклаву, отложил лопату и начал осторожно раскапывать снег руками. По его расчетам, он уже приблизился к ограде. Расчет оказался верным, он в этом убедился, когда острое проволоки с хрустом вошло в ладонь, пронизывая руку до плеча нестерпимой болью. Маска пригодилась для перевязки, испачкать сейчас белый чехол красным в планы не входило. От холода боль быстро пошла на убыль, кисть слегка онемела, но работе не мешала. Отгребая плотный снег при тусклом свете фонарика, он полностью расчистил проволоку, осторожно приподнял ее, чтобы можно было пролезть внутрь. Лопата пригодилась как распорка.

Алексей вернулся за взрывчаткой и детонатором, и теперь они находились внутри периметра, оставалось только влезть туда самому, раскопав сквозную дыру в набросанном и утрамбованном при уборке территории снегу. Нижняя часть столбов скрывалась в нем полностью, подкоп остался незамеченным, верхняя корка не провалилась. Он быстро пересек дорожку с тяжелым грузом на плече и поставил белые свертки у стены какого-то сарая. Затирая ладонью свои следы, он все же заметил пятна крови, пришлось собрать испачканный снег и действовать другой рукой. Нужно уничтожить все признаки проникновения, но только Алексей собрался включить фонарик и осмотреться, как неподалеку сквозь плотный снегопад мелькнул луч света посильнее. Внеплановый обход.

Силы можно черпать в ненависти: к самому себе и всему остальному миру. А как иначе тащить ползком неподъемный груз? Граница периметра пройдена, если можно так назвать движение по-пластунски сквозь снег и «колючку». И кто только находит в этом романтику?! Тот, кто никогда не делал этого... Видимость сократилась до пяти метров, но дорожка была не шире двух. Алексей выдернул распорку из колючей проволоки, металл едва слышно зазвенел, ограда дрогнула. Увидят ли охранники? Звуки глохнут в этой белой мгле – не услышат точно. Надежно укрытые белой тканью и присыпанные снегом заряды взрывчатки остались в стороне от их пути. Алексей постарался замереть неподвижно, слившись с высоким сугробом у забора. Успеет ли снег прикрыть неумелые попытки замести следы? Он опустил голову, спрятав демаскирующее раскрасневшееся лицо. Как холодно! Почти

нет воздуха, снег сырой и плотный, но даже туда проник слабый свет фонаря, шарившего по сторонам. Алексей не закрывал глаза, приготовившись в любой момент пустить в ход оружие, пистолет с глушителем был крепко зажат в правой руке, придется одним движением вскопить на ноги при малейших признаках опасности. Сюда не достает прожектор вышки, но охранник может крикнуть, позвать на помощь. Или он тут не один... Это уже хуже.

Хорошо, что у охраны нет инфракрасных приборов, – это Алексей знал точно, выяснил в процессе наблюдения. Один или двое сейчас проходят в метре от него, может ли человек без помощи технических средств обнаружить готового к нападению диверсанта? Не дышать! Напряженные мышцы расходуют кислород с бешеной скоростью, палец прилип к спусковому крючку. Не растает ли снег поверх комбинезона и маскировки? Не должен, по законам физики не должен: два слоя ткани, между ними термоизолирующий слой воздуха. Но по ощущениям – там под ними будто кипит металл, не просто тепло, улавливаемое ПНВ, а тысячи градусов боевой готовности, инстинкта самосохранения и ненависти!

Алексей больше не мог не дышать, ведь этот огонь без кислорода быстро погаснет... Луч исчез из поля зрения, но нужно было выждать время. Не слышно шагов на мягком снегу. Или сейчас ему в спину направлен ствол автомата и охрана обменивается знаками, как лучше обезвредить чужака, проникшего на территорию? Досчитать до двухсот. Холодно. Теперь снова стало холодно лицу и телу, укрытому снегом. Но за это время люди, проверяющие периметр, уйдут далеко, они никогда не ходят в обратном направлении, до сих пор этого не случилось. И можно будет пересечь дорожку. Продвинуться на два метра вглубь вражеской территории. Враг ли это? Но сейчас не друг, точно!

До утра с места не сойдешь, нужна надежная преграда между ним и вышками, а другого строения поблизости не наблюдалось. Метель шла на убыль, и это Алексею совсем не нравилось. Как и то, что придется больше суток сидеть здесь внутри, прикинувшись неодушевленным предметом! Погода дала возможность остаться незамеченным сейчас, но о будущем не позаботилась. Придется подумать самому, не надеясь на помощь с небес. Охрана прошла уже три круга, не замечая, что кучка снега приобрела какие-то странные очертания. Алексей на протяже-

нии двух часов пытался не слиться с внешней средой уж слишком убедительно – от неподвижности сильно замерз и с трудом преодолевал сонливость. Без отдыха он долго не протянет, к тому же небо начало светлеть, поздний зимний рассвет все же наступил. Охрана на вышках отложит в сторону тепловизор, выключит прожекторы. И на территории появятся люди... Они могут и не заглянуть в дальний угол между сараем и забором, но следовало избежать риска, да и стать таким «подснежником» – весенним сюрпризом для местных жителей не очень-то хотелось. Главный расстроится, наверное, – взрывчатка попадет в чужие руки.

Сарай был закрыт неудачным способом – на перекрученную в скобах толстую проволоку. Алексей долго смотрел на нее, размышляя, как бы восстановить ее прежнее положение изнутри. Вопрос жизни и смерти, но полезным мыслям это условие почему-то не способствовало. Хотелось спать, и не только от холода, – он просто устал.

Концы проволоки были скручены довольно далеко от петель... И если не разматывать ее, а просто разрезать, можно, просунув руку изнутри между створками, повесить на место. И поскорее! Снегопад почти прекратился, а если у дверей останутся его следы, то эта рожденная в панике идея спасения бесполезна. Инструмент нашелся быстро, непослушные заledenевшие пальцы едва справлялись с ним. Внутри не стало теплее, но, забравшись на деревянный ящик с ледяного пола, уютившись на нем, можно было даже попробовать уснуть, не рискуя проснуться в следующей жизни сосулькой.

* * *

Стук привлек внимание, осторожно подойдя к двери, Алексей прислушался, звук повторился. Металлический предмет уже не задел хлипкое строение снаружи. Что бы это могло быть? Под ноги упало несколько крупинок льда. Как же он не догадался раньше? Метель совсем занесла территорию, и дорожки снова надо было чистить. Звук приближался, теперь он сможет разглядеть свою незнакомку как следует...

Алексей не боялся попасться девушке на глаза, лишь бы к сараю не приглядывалась. Стоя далеко от двери, не попадая в луч, проникавший снаружи, он оставался для нее всего лишь частью темноты, в

крайнем случае, каким-то неподвижным предметом. И хорошо было видно чуть порозовевшее от усердия и мороза лицо, несколько прядей русых волос, заслонивших окуляры. Они мешали и ему, и ей, но никак не желали возвращаться на место, как бы девушка ни встряхивала головой. Вдруг она резко обернулась, и Алексей сделал шаг назад, хотя в этом не было необходимости. Наоборот, лучше знать, что происходит. Он вернулся на место: ее движения стали чуть более неторопливыми, исчезла живость. Почему? Она чувствует его взгляд? Какая самонадеянность... Охранник топтался неподалеку, потом подошел ближе. Девушка положила лопату и отвернулась от сарая.

Невольный слушатель стоял рядом в темноте. Милые глупости в их разговоре рассмешили Алексея, но хорошее настроение быстро улетучилось. Девушка заигрывала вовсе не с ним, а просто наблюдать оказалось недостаточно. Грустно, ведь агентов ноль ноль семь без девушки не бывает! Но от одной он сбежал, а вторую оставил на снегу с ножом в груди. Похоже, в личной жизни наступила черная полоса. Да и беспокойство за кое-как присобаченную к двери проволоку только усилилось. Пусть они уходят.

Парочка не догадывалась, что недвижимая черная тень за неплотно прикрытой дверью сарая держит их на прицеле. А этой тени уже порядком наскучило стрелять и прятать трупы. Пора заняться взрывателем. Алексей снял с фонаря затемняющий полупрозрачный пакет и аккуратно разложил на ящике провода и другие составные части. Тонкое стеклышко разбилось удачно, Алексей осторожно поместил лампу с патроном в приготовленную трубку и начал сыпать смесь по краю. Нить накала блеснула в луче фонарика и исчезла из виду. Разрыв! Обматеривший хрупкую конструкцию, вольфрам и Эдисона заодно с ними, неопытный подрывник вытряхнул из патрона мусор и достал вторую лампочку. Готовый к такому исходу дела, он запасся основательно, но запас все же не бесконечный. Надо быть аккуратнее.

Вторая попытка оказалась успешной: трубка со взрывателем утоплена в смеси. Предохранительные тумблеры оставались в выключенном положении. Теперь нужно попробовать связаться с Главным Привратником... И присоединить к электрической цепи последнее звено. Рация лежала перед ним, но Алексей почему-то не мог взять ее в руки, будто она уже могла привести в действие бомбу.

Старик ответил не сразу, Алексей начал опасаться, что ненадежное устройство разрядится раньше времени.

– Юрий Борисович, я выполнил работу. Практически всё собрано и приведено в боевую готовность.

– Нет, Алексей, работа еще не выполнена... Утром я передам вам вторую рацию, вот тогда останется только кнопку нажать.

– Я понимаю. Больше не смогу выйти на связь. Поэтому слушаю ваши последние указания...

– Последние будут завтра. А сегодня постарайтесь, чтобы вас не обнаружили, – присутствие давно покойного Алексея на территории соседей приведет к таким последствиям, что можно и со взрывом бомбы сопоставить. – Установите заряды и уходите. Об остальном мы уже договорились.

– Тогда до скорой встречи, – Алексей выключил передатчик. Последние указания... Воистину последние. Шахматная фигура уже отдана противнику, принесена в жертву, чтобы можно было и дальше успешно вести игру.

Главный Привратник остановился на полпути, и охрана замерла, рассредоточившись вокруг. Он подозвал к себе троих, сделав знак остальным отойти подальше.

– Вы останетесь за оградой. И дождетесь того, с кем я сам переговорю недалеко от периметра, человек после этого пойдет в вашем направлении. Информацию, которую он передаст мне, не должен знать больше никто.

– Устранить?

– Да. Будьте очень осторожны, этот человек вооружен и готов к нападению. Найдите позиции, чтобы просматривать всё поле, – прицельной дальности хватит даже отсюда, с такой оптикой и в безветренную погоду Алексей гарантированно до леса не дойдет. – По выполнении проверить, если надо – добить. От тела не должно остаться ничего, пригодного к опознанию. Убрать его с аэродрома, но аккуратно.

– Как это выполнить?

– Чтобы было впечатление, что к нему подошли еще люди, и они все вместе скрылись в лесу. Место зачистить. Еще раз повторю: труп в снег не прятать и в реку не бросать. Лучше сжечь, чтобы нельзя было узнать ни по каким приметам. Главное – подальше отсюда.

– Кто он? – спросил один из охранников.

Главный Привратник не знал, что ответить. Скоро личность жертвы перестанет быть для них тайной, но зачем давать информацию раньше времени?

– Юрий Борисович, я спрашиваю, чтобы не ошибиться... – охранник чуть смутился.

– Вы не ошибетесь.

Чем ближе к воротам и колючей проволоке, тем больше беспокойства чувствовал Привратник. Вопиющее нарушение плана – и никакой информации, никакой связи! Включение рации приведет к взрыву, устройство должно быть уже приведено в боевую готовность, Алексей об этом предупредил недвусмысленно. Рано действовать.

Оставалось последнее объяснение: недоделанный террорист все еще находится внутри. Привратник остановился, обернулся к аэродрому, пытаясь разглядеть среди ослепительной белизны позиции троих охранников. Видят ли они его? Должны. Хоть и неуютно себя чувствовать в фокусе трех снайперских прицелов... Привратник подумал немного и подал знак: ждать, отмены не будет. Тяжело идти по глубокому снегу, все-таки исполнять замыслы должны молодые и сильные. А ему самому успеть бы хоть воспользоваться плодами своего и чужого труда! Нет преемника, по-прежнему нет достойного. И, похоже, не будет.

* * *

Алексей едва сдерживал смех, наблюдая за выразительной жестикой Грицких в бинокль. Старик явно забыл, что не только его охрана запаслась оптическими приборами, к тому же черные силуэты привлекли внимание сразу, он ждал их появления и дождался. Ни секунды не верил и еще раз убедился – в политике честной игры нет.

Минут через десять они будут здесь, надо подготовиться, подбаться поближе, чтобы получить рацию. Как он устал от этого бесконечного ползания! Ходить разучился уже. Что же дальше? Выхода нет, он перекрыт вооруженными людьми, получившими недвусмысленный приказ. Что остается? Одно Алексей знал точно: он не должен по-

зволить обнаружить себя здесь. Живым, во всяком случае... Разве что, наперекор хитрому замыслу, все-таки остаться рядом с заложенной в здание взрывчаткой, у этого исхода дела куча достоинств: всё произойдет быстро, не придется дожидаться мучительной смерти от лейкоза, не нужно искать пути отступления. И пламя внутри, давно ищущее выхода, наконец освободится.

Ворота периметра были сделаны из решетки, на которой все еще оставалась эмблема МЧС. Делать их из сплошного металла – самим себе обзор закрыть. Вышку у входа так и не поставили, она не понадобилась, мутанты обходили этот наземный «очаг цивилизации» стороной. Створки держались не на петлях, а отодвигались в сторону, подвешенные на направляющих, ролики-катки застревали в нападавшем за предыдущие два дня снегу. Но дорога за воротами была расчищена, Грицких радовался этому: как ни утапывали телохранители путь старику, все равно идти оказалось тяжело. Не хуже ковровой дорожки для встречи высокопоставленного лица... Он поприветствовал охранников, внимательно изучавших лица под противогазами, и огляделся по сторонам. Засланный диверсант на глаза не показывался... Алексей быстро обучился новому искусству скрытности, но сейчас Привратник предпочитал, чтобы тот не был столь адаптивным, ведь не оставишь же рацию на видном месте!

– Александр Сергеевич задерживается, – обратился к гостю охранник, – пройдите внутрь, если замерзли.

– Нет, спасибо. Прогулки полезны, но в моем возрасте такие состояния уже смерти подобны. Отдышусь немного здесь.

– Юрий Борисович... – тихонько окликнул Привратника охранник Фомин. – Это не тот, кого вы ждали?

Он указал в сторону большой решетчатой надстройки вентиляционной шахты. Старик ничего не увидел, пока часть снеговой кучи слегка не шевельнулась. Вот где этот нерадивый исполнитель! Да, в таком виде можно долго оставаться на территории поселения незамеченным, особенно если успел ознакомиться с маршрутами охранников. Собак нет, никто чужого человека не обнаружит.

– Что вы до сих пор делаете внутри, Алексей? – Привратник был сильно встревожен изменением планов. – Почему вы еще здесь?

– А что, уже разнервничались, Юрий Борисович? Не смог выйти раньше. Но сейчас ваш визит поможет мне тихо смыться, они займутся делом. Осторожно, за нами наблюдают...

И Главный Привратник чуть не нырнул в сугроб оттого, что Алексей, дернув его за плечо, убрал с линии обзора любопытной охраны.

– Извините, не рассчитал...

Отряхиваясь, Грицких решил, что личный контроль дела будет даже полезен.

– Алексей, вы нож не потеряли?

– Вот он, у меня. Ничего не забыл. Отдайте мне рацию, и всё будет в порядке.

– Очень на это надеюсь, – не привыкший к сталкерской разгрузке старик с трудом вытащил из кармана рацию. – Найдите место для... улики и уходите немедленно!

– Сам задерживаться не хочу. Удачи на переговорах, Юрий Борисович, – Алексей улыбался, а Привратник хмуро смотрел на него, довольный не то иронией, не то неточностью выполнения приказа. И ответом не удостоил.

Пусть сколько угодно глазами сверкает, старый черт, но выходить под пули Алексей не планировал. Осторожно держа в руках отключенную рацию, он ждал, когда Привратник доберется до своих и перестанет раздражать охрану на вышках непонятными перемещениями. Подгонять главу бункера не слишком вежливо, вот и терпели все его прогулочный шаг. Старик редко выбирается на свежий воздух, почему бы не дать ему пройтись немного в безопасном периметре? Толпа удалась на достаточное расстояние, чтобы можно было и самому начать осторожное продвижение к цели. Заминированное строение располагалось недалеко, но ползти к нему по сугробам, проверяя постоянно, не потерял ли маскировку, было задачей не из легких, а выбирать не приходилось. Принял решение – выполняй. Всё готово, не хватает только... улики, которую требовал Главный.

Грицких приближался к засыпанной снегом крыше подземных капониров, уже видел перед собой стальные двери. Снаружи не было запирающих устройств – сняты в целях безопасности. Только внутри, насколько он помнил, располагались мощные засовы, которые не

вскрыть никаким способом. Что замыслил этот негодяй?! Чтобы его накрыло обломками при взрыве? Слишком близко...

Грохот раздался неожиданно, старик упал, закрывшись руками, что-то слегка ударило его по ноге, вокруг сыпался снег вперемешку с осколками намерзшего льда. Но он не чувствовал впереди огня, до него не доносилось тепла от пожара. Перед глазами по-прежнему сверкала белизна, не озаряемая красными отсветами. Грицких поднял голову: стальные ворота остались нетронутыми, капонир уцелел. Ему не было нанесено ни малейшего вреда. Почему?! И что тогда взорвалось? Неужели Алексей целью ошибся? Нет, Колмогоров таких ошибок не совершает, не клинический идиот. А сам Главный оказался не прав: лучше десять посредственностей, чем один мыслящий и одаренный... сукин сын. Масштаб последствий несоизмерим.

Значит, так и задумано... Игра сменила хозяина, он больше не управлял ею, не диктовал правил! Этот взрыв неизвестно где выбил почву из-под ног и буквально и фигурально. Оставалось только подняться – пусть охранники поднимут, нет сил – и быть готовым ко всему.

– Юрий Борисович! Вы в порядке? – крепкий Председатель уже стоял на ногах и смотрел куда-то в сторону. – В этом сарае ни топлива не было, ни ГСМ... Чему взрываться-то? Не иначе, диверсия! Как у вас летом.

Он отдал приказ охране усилить защиту периметра, а сам пошел к месту происшествия.

– Александр Сергеевич, подождите и меня, – пришлось опереться на охранника. Старик не ушибся при падении, но слабость в ногах не проходила. И сердце билось с перебоями. Лучше уж посмотреть опасности в лицо, а не ждать удара со спины. Одного на сегодня хватит. Ведь ждал, что этот говнюк сделает какой-нибудь финт ушами! Самодеятельность всегда была излишне свойственна Алексею. Но думал, что это случится не сейчас.

– Жертв нет, никто не пострадал. А сарай восстановлению не подлежит. В клочья разнесло, будто десять килограммов взрывчатки туда засунули!

«Двенадцать, ошибся немного...» – думал Грицких, еще не понимая, какую партию разыгрывает Алексей. И против кого? Это его личный ответ массовому убийству? Или что-то другое...

– Вот это нашли недалеко от сарая, – боец протянул что-то Председателю. Грицких пытался рассмотреть предмет. Неужели нож все-таки подброшен и план выполнен хотя бы наполовину? Просто у Колмогорова вдруг случился неожиданный приступ сопереживания и милосердия – людей пожалел! Но это был не нож с трупа лесного охотника... Рука непроизвольно потянулась к шее, нащупывая шнурок с ключом Привратника. Напрасно – ключ лежал на ладони Председателя.

– Как вы это объясните? – голос не обещал ничего хорошего.

– Никак. Наверное, кто-то подбросил его туда.

– Ваша охрана была все время на виду! В отличие от вас, – Председатель сжал кулаки, но пока сдерживался.

– Значит, кто-то другой сделал это.

– Хотите обвинить моих людей?!

– Ни в коем случае, просто тут мог быть и чужой. Не наш и не ваш.

– Не мог! Утром охрана проверила всё, проволока не тронута, следов нет. Никто не приходил извне. Мы готовились к вашему визиту, должны были исключить подобные случайности! Кто ж знал, что вы притащите их с собой?!

Следов быть не могло, Алексей, если и в этом не соврал, находился внутри уже почти двое суток. Вот он к чему был, оказывается, тот рывок в сугроб, а потом еще заботливая поддержка старика и фальшивые извинения! Сюрприз подготовлен нешуточный, неблагодарная тварь притворялась белой и пушистой слишком долго, усыпив бдительность, прежде чем показала истинную сущность. Отношения с соседями испорчены надолго. Конечно, можно выкрутиться, ключ еще ничего не доказывает. Злость Председателя пройдет со временем, он остынет, и всё пойдет как раньше. Пусть и без исполнения собственных замыслов... Жаль. Но сейчас не до жиру – уйти бы отсюда спокойно!

– Юрий Борисович, попрошу без претензий. Я отвечаю за безопасность людей. Общайте, как положено!

Привратник поднял руки, пока бойцы обшаривали его. Один из них что-то извлек из бокового кармана разгрузки и подал Александру Сергеевичу.

Не может быть! Он же сам передал рацию Алексею. Передал в руки, и никакой другой тут не могло оказаться! Вторая была прикреплена к взрывчатке и теперь уничтожена. Муляж, наверное... Мистика. Бред

какой-то. Председатель включил прибор, светодиод мигнул и погас. Батарея разрядилась. Грицких только равнодушно смотрел, как охранники убежища и бункера стоят друг напротив друга со взведенными автоматами. Игра окончена. Вместо усиления влияния, которого он ожидал, будет потеря авторитета и долгое расследование происшествия. Теперь Привратник даже радовался, что нет пострадавших. Кроме одного... Оставалась надежда, что его люди на позициях сделают свое дело, как им приказано.

– Успокойтесь, давайте соблюдать установленный порядок. Я уважаю законы, – Грицких сейчас жалел, что оружие охраны укомплектовано глушителями. Услышать выстрел, оборвавший жизнь этого сукина сына, было бы истинным удовольствием!

* * *

Покинуть периметр удалось! Совсем близко к электростанции, когда взрыв отвлек на себя внимание охраны на вышках, Алексей выбросил наружу рюкзак и оружие, с трудом продрался сквозь колючую проволоку и скатился к реке. Порошивший с неба снежок скоро сравняет слегка примятый сугроб. И теперь он шел вдоль берега по колено в ледяной воде, почти не чувствуя ног. Нельзя оставлять следов, иначе кто поверит в виновность Главного Привратника? Поэтому нужно уйти как можно дальше, насколько хватит сил. Подкоп сквозь «колючку» в снегу разметало взрывом вместе с забором, в этом он не сомневался, раз уж даже перевернувшаяся в воздухе железная крыша сарая долетела до ворот, расплющив их.

С ключом было просто... А сработала ли подстава с рацией? Алексей даже улыбнулся своим мыслям (замерзшее лицо тут же отозвалось болью на такое издевательство). Неужели старик думал, что во всем городе нет ни одного подобного устройства? Да, электромагнитный импульс вывел из строя электронику на поверхности, но действующий экземпляр ему и не требовался. Кто проверит? Ведь второй рации все равно больше нет, она замкнула взрыватель. А собрать имитацию, поместив в узнаваемый корпус внутреннюю начинку аналогичной модели, было совсем нетрудно. При подключенном питании сляпанная на коленке фальшивка даже иногда ловила помехи и мигала светодиодом, а полноценно работать, конечно, не могла.

Холод сковывал движения, от сырого ветра с реки не укрыться, а выйти из воды нельзя, не оставив следов на берегу. Сколько он уже прошел? Этого достаточно? Поваленное дерево впереди проломило лед, Алексей забрался на него, расшнуровал обувь, вылил воду, но легче не стало. Привратник обещал что-то... Обещать – не жениться, и вместо полной реабилитации получил бы он ту самую пулю, которая предназначалась ему еще летом. Тогда хоть не пришлось бы замерзать тут, сидя на упавшей иве, разминая пальцами ступни ног, которые сами уже не шевелятся! Погибать из-за собственной наивности Алексею совсем не хотелось. Кажется, уже удалось не умереть глупо, но и в том, чтобы навечно примерзнуть мокрой задницей к древесному стволу, тоже пока не находилось великого смысла. К людям не вернуться... А зачем? Один человек – тоже человек. Алексей полез наверх, цепляясь за ветки, и выбрался на берег.

Эпилог

Неровный свет фитилей в заполненных жиром плосках на столе был живым, пламя не стояло на месте, покачивалось из стороны в сторону. Темнота прочно обосновалась по углам, маленькие светильники не в силах ее разогнать. Но лица людей были хорошо видны. Старая женщина поглядывала на Алексея с улыбкой, наверное, уже предвкушая традиционный вечерний диспут, ироничный, с каверзными ловушками для собеседников. «Вождь»... Так именовал он про себя Станислава, владеющего словом не хуже Привратника, но предпочитавшего помалкивать.

– Я знаю тебя.

– А я тебя – нет.

– Ты один из них. Из бункера.

– Теперь нет. Но я могу стать одним из вас.

– Ты никогда не станешь одним из нас... Но ты можешь остаться с нами.

Такой вот разговор состоялся в заснеженном лесу уже давно, но врезалось в память каждое слово. Может, потому, что это были первые слова за долгое время, которыми он обменялся с живым человеком, а не с воображаемым собеседником? С собеседницей... Ни с кем больше не хотелось говорить даже мысленно.

Его выдал не выстрел – глушитель помогал не обнаруживать себя – дым костра. Ветки промерзших деревьев горели плохо, но есть сырое

мясо казалось недостойным цивилизованного человека, все-таки, при своем довольно варварском внешнем облике, Алексей до подобного еще не опустился. Он затылком почувствовал угрозу, обернулся и увидел наконец стрелы прямо перед собой. Как Станислав узнал его тогда в грязном и заросшем оборванце, до сих пор осталось загадкой. Видно, «вождь» обладал прекрасной зрительной памятью. Скорее всего, так оно и есть, иначе в лесу не сориентироваться. Сам Алексей заблудился в нем мгновенно, но не беспокоился, потому что ему было все равно, куда идти.

Он сразу догадался, кого встретил, только не знал и не помнил ни лица, ни имени. Подстреленного крола доедали уже вдвоем, не торопясь, после чего Станислав подтвердил свое приглашение.

«Нужен свет. Иначе и другого конца стола не разглядеть! Но не потеряется ли тогда этот домашний уют?» Натолкнувшись, как на стенку, на взгляд Калинина, Алексей отвлекся от мыслей об уюте. Не один Стас хорошо запомнил его лицо. И Семен не забыл, кто убил его друга, хоть и не проявлял теперь вражды открыто. Прав вождь, «одним из» Алексею здесь не стать никогда. Ни здесь, ни где-либо еще. Он и не стремился к этому.

Синева глаз, более ярких, чем его собственные, не отпускала – Настя! Но сколько ни зови ее безмолвно или даже ласковым словом, не ответит. Чужая женщина. Жаль...

– Дядя Лёша!

– Что, Ивушка?

– Ты же заячьи ребрышки не любишь?

Он переложил часть своей порции на Ивушкину тарелку и поправил коротко обрезанные темно-рыжие прядки на ее макушке – волосы ей стригли лишь чуть длиннее, чем Ване. Никаких косичек, слишком трудно с ними возиться. Девочка независимо встряхнула головой, восстановив привычный хаос прически.

– Ива, не облизывай пальцы за едой, это некрасиво.

Устыдить этого детеныша было трудно, но «дяде Лёше» она согласилась уступать в мелочах. Даже маленькие девочки любят комплименты, уж это Алексей знал хорошо и завоевал расположение Ивушки довольно быстро. Если бы с матерью было так легко! Но Анастасия оказалась непрístupнее индейской скво, чтоб ее...

Не один Алексей чувствовал опасность, она будто незримо сгушалась над головой людей, он знал об этом, видел отражение собственных мыслей в глазах Стаса и Старейшины. Они тоже понимали. Что бункер остался без диктатора ненадолго... Что Главный когда-нибудь вернется. И что он не оставит так просто своих планов. Как защитить новый дом? Пусть он чужой и своим никогда не станет.

Снова рука потянулась к рыжей макушке. Оградить от опасности хоть ее.

«Ивушка, всё будет хорошо. Я прослежу за этим. А пока нам с тобой нужен свет, и я знаю, как сделать для тебя это маленькое чудо. Да и остальным генератор тоже не помешал бы. Начнем с этого, а дальше время покажет».



Здравствуйте! Я, Ольга Швецова, снова попробую удивить читателей серии «Вселенная Метро 2033» чем-то, еще в серии невиданным. Если в прошлый раз это была история о любви, то теперь эксперимент не менее смелый и рискованный.

Написать роман, в котором главный герой – далеко не герой, а совсем даже наоборот, было снова очень интересно. Поставить себя на место Алексея Колмогорова, решающего проблемы физическим устранением помех на своем пути, для женщины-автора нелегко. Обычно я стараюсь на личном опыте проверить те ситуации, в которые загоняю своих персонажей, но на этот раз пришлось ограничиться творческой фантазией, так что при написании романа ни одна скоти... никто не пострадал. Все же пора выйти из этой роли, сохранив ее положительные стороны! Ведь мой главный герой на все способен – и на плохое, и на хорошее, зависит только от того, что ему на тот момент удобнее сделать.

А мне сейчас снова очень удобно, пользуясь случаем, поблагодарить тех, кто мне помогал! Редактора Вячеслава Бакулина за возможность написать этот роман. Андрея Гребенщикова, опять преодолевшего мое сопротивление и желание засунуть эту историю подальше в стол. Игоря Осипова и Виктора Лебедева, которые помогали работе над текстом с матчастью и стилистикой. И всех, кто морально поддерживал и ждал, когда же я все-таки допишу: Анну Калинкину, Ирину Баранову, Раису «Киру» Полицеймако, Станислава Богомолова, Константина Бенева, Павла Крутченко... То есть, снова «ветеранов» портала Метро 2033! И конечно, кота, который теперь уже имеет возможность посидеть на моей первой напечатанной книге.

Для двух героев романа «Стоящий у двери» история закончилась в финале, но остался третий, который силой своего обаяния завоевал себе поклонников, хоть это никак автором не планировалось. Антагонист сам выбрался на пьедестал, изначально для него не предназначенный, ну а если он такой самостоятельный... то пусть теперь действует в одиночку. Он это отлично умеет, полностью соответствуя названию книги «Ничей». У меня такое впечатление, что и не мой, настолько эта сильная личность иногда независима даже от своего создателя. Но уж поскольку это плод моего воображения, я его и проведу по непростому пути, который он выбрал.

Мир не черно-белый, нет людей абсолютно плохих и абсолютно хороших, это мне и хотелось снова доказать во второй книге, теперь есть возможность не выбирать средств, не рисовать яркие и чистые тона романтики акварелью, а добавить темного, и красного побольше. Так будет реалистичнее для мира постапокалипсиса. В нем водятся монстры.

Что побуждает человека отступать от человеческих законов, что позволяет ему думать: эти законы писаны не для него? Я решила попробовать в этом разобраться. Мой герой – не абсолютное зло, у него тоже есть свои мысли, эмоции, цели и желания. Он любит девушек и адреналин, причем сам даже не определился, в каком порядке расставить приоритеты. И все-таки это отрицательный персонаж... Как построить сюжет без противовесов добра и зла? Сможет ли читатель сопереживать такому герою на протяжении всего романа, когда тот все делает, чтобы его не любили? Кстати о любви – она снова есть на страницах, но уже не играет главенствующей роли в повествовании. Ведь

любовь не позволила бы герою (гаду?) совершать те поступки, которые он совершил. Мешает она ему или охраняет его незримо?

Книга снова о людях, читатель узнает о героях все, даже если не хочет этого знать, но и не будет обижен на отсутствие динамичных сцен, старые и новые мутанты гуляют по страницам, периодически попадаясь на пути герою. А как он решает свои проблемы – об этом я уже выше написала. Не раздумывая, без мук совести убивает и людей, чего уж о мутантах говорить? Герой уже не юноша и достаточно опытен, чтобы не теряться в любой ситуации. Испугать его можно разве что обручальным кольцом, но эту маленькую фобию читатель ему простит. Правда, не знаю, как к этому отнесутся читательницы...

Вторая книга – это не первая. Я сейчас о себе, а не о читателе, которого явно удивит разница первой светлой романтической истории и второй – темной и мрачной книги об антигерое-одиночке. Не могу сказать, какая из них стоила мне большего труда. А вот читать вторую книгу без первой будет нелегко, если только попробовать по ходу дела разобраться, что за странные порядки в бункере, как на одном аэродроме появились два поселения людей и зачем этому крутому мужику нужна какая-то девчонка... Зато постоянный читатель серии сразу узнает знакомую атмосферу туннелей, сравнит беспредел бандитских станций с идеологически выдержанной Красной линией. Уже который по счету автор описывает Интерстанционал, и каждый раз он выглядит по-новому. А это для того, чтобы читать было не скучно!

Если кто-то открывает авторское послесловие до прочтения книги, то ему еще предстоит познакомиться с новой разновидностью сталкера «Вселенной Метро», а если книга уже прочитана, то стало понятно, почему такой красавчик – ничей. Сам он к этому привык и ничуть не смущается собственной независимости. А я как автор надеюсь, что читателю понравится эта история, в которой на сей раз злу не противостоит добро, в которой хищники делят территории и власть, не обращая внимания на пролитую ради этого кровь. И читатель может растеряться, кому отдать предпочтение, потому что ни один не заслуживает симпатий, разве что тот, кто сам принимал участие в битвах, не прятался и не прикрывался живым щитом. Может ли антигерой стать героем? Может. А если кто-то не поверит, то пусть оправданием мне станет непостижимая женская логика!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ВЫЖИВАНИЕ

Глава	1. ЦЕНА СВОБОДЫ	13
Глава	2. ОЖИДАЕМАЯ ВСТРЕЧА.....	22
Глава	3. ДОБРЫЕ ВЕСТИ	32
Глава	4. СМЕРТЬ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ	41
Глава	5. ТРУДНЫЙ ВЫБОР	52
Глава	6. СИЛА ОГНЯ	62
Глава	7. ШИЛОКЛЮВ И ДРУГИЕ.....	73
Глава	8. ДВОРОВЫЕ РАЗБОРКИ.....	83
Глава	9. СПЕЦСЛУЖБЫ ВСЕГДА НА ПОСТУ.....	93
Глава	10. ИЗ ГРЯЗИ В ПРИЛИЧНОЕ ОБЩЕСТВО.....	104
Глава	11. ЕСЛИ ПРОТИВНИКА НЕТ, ТО ЭТО НЕНАДОЛГО	117
Глава	12. СОБЛАЗН НЕВИННОСТИ	128
Глава	13. СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО	137
Глава	14. ВРЕМЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.....	147
Глава	15. СУДНАЯ НОЧЬ	157
Глава	16. ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ	167
Глава	17. ПОМЕРКШИЙ СВЕТ.....	178

Часть вторая. НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

Глава	1. ОЖИДАНИЕ	193
Глава	2. ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ.....	203
Глава	3. ИСПОЛНЯТЬ ПРИКАЗЫ.....	212

Глава 4. ДРУГАЯ ИГРА.....	221
Глава 5. БОЕЦ НЕВИДИМОГО ФРОНТА	230
Глава 6. НЕЛЮБИМАЯ ИГРУШКА.....	240
Глава 7. ЭХО ВОЙНЫ	252
Глава 8. ДОГАДКИ.....	265
Глава 9. ЗИМНИЙ РАССВЕТ.....	275
Глава 10. ПРАВОСУДИЕ НА СОБСТВЕННОЕ УСМОТРЕНИЕ	287
Глава 11. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ.....	297
Глава 12. ТЕХНИЧЕСКИЙ ВОПРОС.....	309
Глава 13. СТРАХ КАК СРЕДСТВО	318
Глава 14. КОНЕЦ ИГРЫ.....	329
Эпилог.....	342
<i>От автора</i>	345

Литературно-художественное издание

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

Швецова Ольга Сергеевна

МЕТРО 2033: НИЧЕЙ

Фантастический роман



Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. группой *М. Сергеева*
Руководитель проекта *В. Бакулин*
Технический редактор *Г. Этманова*
Компьютерная верстка *Е. Илюшиной*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.11.2014. Формат 70х90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,67.

Тираж 9 000 экз. Заказ 8222.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-087917-5



ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН. ГЛОТОК ВОЗДУХА.
ЛУЧ НАДЕЖДЫ.



**Готовься
к клановым
сражениям
в социальной
игре ВКОНТАКТЕ!**



5,5 миллионов бойцов!
www.vk.com/metro2033



Играй также в других соцсетях:
www.odnoklassniki.ru/game/metro2033
www.my.mail.ru/apps/689836

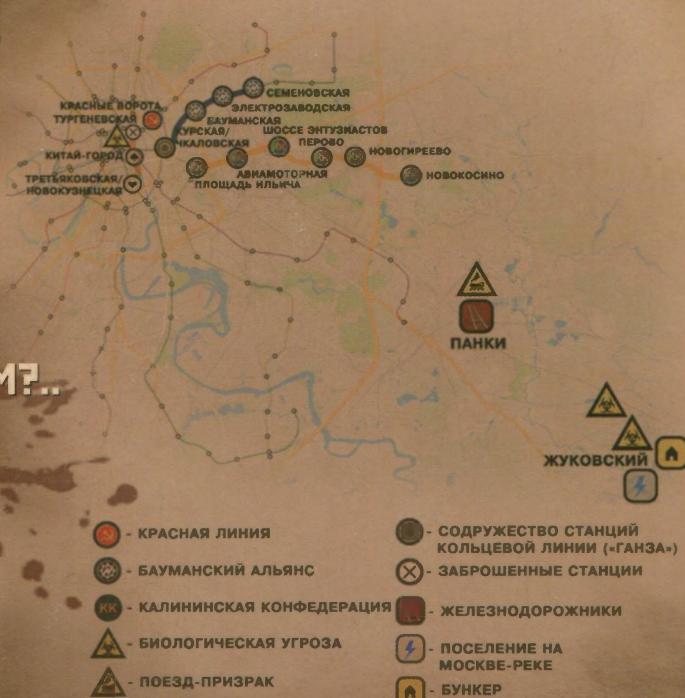
KRAM!
BAM!
BOO!

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая громкая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра. Этот роман вдохновил целую плеяду новых писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитой саги. Приключения героев на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, выходят за пределы Московского метро. Теперь сражения за будущее человечества будут вестись повсюду!

«В НАШЕМ ПРОЕКТЕ НЕТ ДВУХ ПОХОЖИХ КНИГ. Но новый роман Ольги Швецовой выделяется даже на общем фоне. Давно уже во «Вселенной» не появлялся такой неоднозначный и при этом удивительно харизматичный герой. Действительно ничей — настоящий одинокий волк постъядерного мира. Аyyyyyy! >>

Дмитрий Глуховский

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ЗА МКАДОМ?..



FUTURE CORP.



LIVEJOURNAL

ISBN 978-5-17-087917-5



9 785170 879175

www.ast.ru

